This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

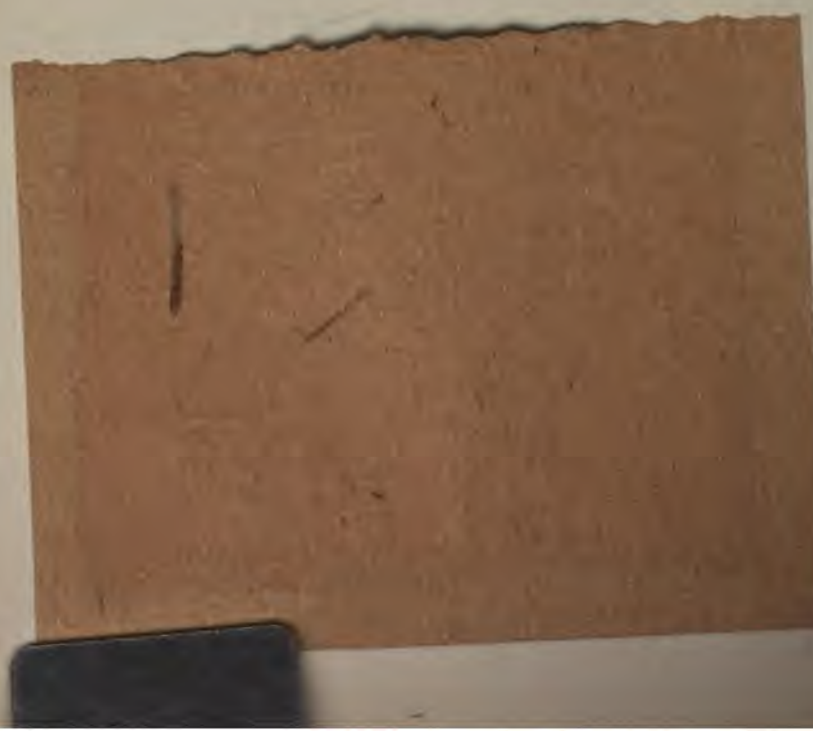
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

23

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES



Ocherki Privislan'ya
"
№ 25470

ОЧЕРКИ

ПРИВИСЛЯНЬЯ.

В. Р.

ПР.-48

Du musst herrschen und gewinnen
Oder dienen und verlieren
Leiden oder triumpheren
Amboss oder Hammer sein.
Goethe.

Aliquid mali esse propter
vicinum malum.
Plautus.

Типографія В. В. Чичерина,
прот. Марьиной слободки, за Камерц.-Коллежск. вал., соб. д., 2 ст. Моск. уѣзда
1897.

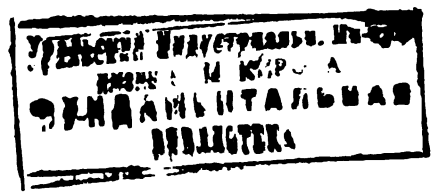
Просерено 19[illegible]6 г.

9(4Л1)

DB499
O3

Уральский Индустриальн. Ин-т
имени С. М. Кирова
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Ин. 1949



ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
ГЛАВА	I. Колебанія русской политики въ польскомъ вопросѣ.	5
»	II. Шляхта	18
»	III. Магнатерія	32
»	IV. Римско-католическое духовенство	42
»	V. Крестьяне	74
»	VI. Фабричный рабочій	93
»	VII. Евреи	109
»	VIII. Нѣмцы	125
»	IX. Политическое состояніе Галиціи	140
»	X. Польскія эмиграціонныя общества	164
»	XI. Экономическое состояніе Галиціи	175
»	XII. Польскія учрежденія въ краѣ	193
»	XIII. Повременная печать. Театръ	215
»	XIV. Уніатскій вопросъ	246
»	XV. Сельскія школы	270
»	XVI. Начальныя городскія училища	285
»	XVII. Среднія учебныя заведенія	295
»	XVIII. Русскіе люди въ краѣ	332
»	XIX. Главная власть въ краѣ	358

Исполинское развитіе экономической и умственной жизни нашего отечества возбуждаетъ безчисленное множество новыхъ соціально-культурныхъ вопросовъ, касающихся внутренняго быта страны, и обсужденіе ихъ естественно отвлекаетъ вниманіе культурныхъ слоевъ русскаго общества отъ старыхъ, давно наскучившихъ, и какъ большинству кажется, вполнѣ выясненныхъ вопросовъ мѣстныхъ—западно-окраинныхъ; тому же несомнѣнно способствуетъ расширеніе участія Россіи въ вопросахъ международныхъ, особенно усилившееся по возникновеніи обширнѣйшихъ задачъ, намѣченныхъ въ послѣднее время нашею политикой на крайнемъ Востокѣ.

Съ начала работъ по проведенію Сибирской желѣзной дороги, въ особенности же со времени Японо-Китайскаго вооруженнаго столкновенія, нѣкоторая часть нашего мыслящаго общества обратила свое вниманіе почти исключительно на тѣ задачи Россіи, которыя будто-бы исторически ей намѣчены на берегахъ Тихаго океана, столь же мало однако намъ извѣстныхъ, сколь далеко отстоящихъ отъ нашего исконнаго центра. Самая неопредѣленность этихъ задачъ, въ связи съ полною неизвѣданостью тѣхъ странъ, которыя представляютъ, по мнѣнію многихъ, будущую арену исторической жизни Россіи, способствуетъ обрисовкѣ ихъ въ столь же заманчивыхъ, сколь грандіозныхъ очертаніяхъ. Явились даже отдѣльные люди, которые печатно заявляютъ, что Россіи нѣтъ дѣла до ея западныхъ окраинъ, исконныхъ однако селитьбищъ многочисленныхъ сыновъ ея; ни что же сумняся, призываютъ они Россію бросить всѣ тѣ ея историческія задачи, частич-

ное, но все же постепенно подвигавшееся исполненіе коихъ заняло всю ея историческую жизнь, начиная съ XIV вѣка вплоть до настоящаго времени, стоило ей безконечныхъ жертвъ матеріальныхъ и цѣлыхъ потоковъ крови лучшихъ сыновъ ея.

Такимъ образомъ Россіи говорятъ, что вся ея многовѣковая борьба съ Польшей была лишь одной сплошною ошибкой, что она не поняла своего назначенія, что ея мѣсто не среди культурныхъ народовъ Европы, а среди дикихъ кочевниковъ Монголіи, что суровый климатъ нашего Сѣвера недостаточно еще препятствуетъ развитію ея соціальнаго благосостоянія, что ей необходимо погрузиться въ дикія тундры Сибири, въ сыпучіе пески средней Азіи, и тамъ сызнова начать насажденіе того, что она съ потратой столькихъ усилій едва успѣла упрочить въ своихъ исконныхъ владѣніяхъ. Поборники этой столь же смѣлой, сколь необдуманной идеи полагаютъ, вѣроятно, что Россія недостаточно до сихъ поръ сдѣлала для своихъ просвѣщенныхъ западныхъ сосѣдей, грудью отстоявъ нашествіе на нихъ дикихъ полчищъ Татарскихъ, что къ этой жертвѣ, вызвавшей ея отсталость на цѣлые вѣка отъ культурнаго роста народовъ, съ которыми она къ XII вѣку находилась почти на равной степени развитія, необходимо прибавить еще новую и неизмѣримо большую—безмолвно отступиться отъ тѣхъ областей, которыя она принуждена была нѣкогда уступить благодаря тому же ею выдержанному нашествію и позднѣе съ такимъ трудомъ возвратить себѣ. Оказывается, что въ этихъ областяхъ она возродила Славянскій духъ, насадила пошатнувшееся, или даже совершенно исчезнувшее благосостояніе, воздвигла твердыни, обезпечивающія ея цѣлость и независимость отъ Тевтонскихъ народовъ, лишь для того, чтобы затѣмъ вновь уступить ихъ тѣмъ племенамъ, которыя не съумѣли сами исполнить того, чего она достигла въ столь короткій сравнительно періодъ своего тамъ владычества; уступить для того, чтобы расчищать дорогу черезчуръ стѣснившимся народамъ Запада на новыя не населенныя равнины. Иначе говоря, Россіи предлагаютъ не только потерять плоды всей

своей многовѣковой борьбы съ Польшей и Турціей, но еще и впредь обречь себя на роль чернорабочаго Европы, съ ломомъ и киркой прокладывающаго ей путь на Востокъ для свободнаго разселенія ея расплодившихся народовъ.

Многіе на это скажутъ, что наши задачи на Западѣ уже окончены, что тамъ мы дошли до крайнихъ предѣловъ нашего возможнаго владычества, а равно настолько окрѣпли на нашихъ передовыхъ окраинахъ, что въ дальнѣйшей работѣ окончательнаго закрѣпленія ихъ не нуждаемся, а посему можемъ всецѣло обратиться на Востокъ, гдѣ Россія несомнѣнно имѣетъ немаловажные интересы, значенія коихъ отвергать немыслимо. Вотъ этимъ-то многимъ и хотѣли мы въ бѣгломъ очеркѣ современнаго состоянія русскаго дѣла въ Привисляньѣ, этой врѣзавшейся въ предѣлы нашихъ нѣмецкихъ сосѣдей русской области, по мѣрѣ силъ выяснить, что наша работа тамъ отнюдь не закончена, что полное сліяніе этого края съ центромъ Имперіи требуетъ постоянной и стойкой поддержки лучшихъ умственныхъ силъ Россіи, что остановка въ этой работѣ равносильна отступленію, ибо не дремлютъ многочисленные враги наши, ожидая лишь ослабленія бдительнаго надзора за ихъ происками, и остановки въ поступательномъ ростѣ русскаго здѣсь духа, для возобновленія активнаго противодѣйствія нашему владычеству. Одновременно стремились мы доказать, что окончательное утвержденіе русской національно-государственной идеи въ этихъ Западныхъ областяхъ, большинство коихъ намъ принадлежитъ столь же по праву первенства населенія ихъ, сколь по праву побѣды надъ ихъ позднѣйшими обладателями, мыслимо окончательно завершить лишь съ включеніемъ въ наши предѣлы тѣхъ оторванныхъ къ Австріи исконно русскихъ земель, въ коихъ нынѣ основался центръ всѣхъ направленныхъ противъ этого утвержденія интригъ и происковъ.

А земли эти называются Галицкою Русью; онѣ составляли до Татарскаго нашествія владѣніе Рюриковичей, и народъ тамъ, не смотря на 500-лѣтній гнетъ польской шляхты и усиленную пропаганду католичества, полагаетъ и доселѣ

всѣ свои надежды на Русскаго Царя, въ Немъ одномъ видитъ свое спасеніе.

Да не забудутъ русскіе люди, что тамъ, обращая свои взоры къ полнощному орлу,

„ ... ждутъ окованные братья,
Когда же зовъ услышать твой,
Когда ты крылья, какъ объятія,
Прострешь надъ слабой ихъ главой.“

ГЛАВА I.

КОЛЕБАНІЯ РУССКОЙ ПОЛИТИКИ ВЪ ПОЛЬСКОМЪ ВОПРОСѢ.

Не смотря на цѣлое столѣтіе, исполнившееся со времени присоединенія къ Россіи большей части земель бывшей Рѣчи Посполитой, въ общественномъ сознаніи нашемъ еще не вполнѣ выяснились тѣ основанія, на которыхъ можетъ произойти тѣснѣйшее сближеніе этихъ земель съ центромъ Имперіи.

Бѣглый взглядъ на наши отношенія къ этому вопросу со времени перваго раздѣла Польши указываетъ, что благодушное русское общество не переставало съ 1772 г. относиться къ Польской народности съ живѣйшею симпатіей, несмотря на оказываемое ею открытое сопротивленіе русской власти и постоянныя агитаціи, нерѣдко переносимыя далеко за предѣлы ея распавшагося государства. Еще наканунѣ Польскаго возстанія 1863 года готово оно было не только равнодушно смотрѣть на сохраненіе за бывшимъ герцогствомъ Варшавскимъ всѣхъ его особыхъ мѣстныхъ учрежденій, совершенно выдѣлявшихъ этотъ край изъ общаго государственнаго механизма, но даже съ восторгомъ привѣтствовать тѣ новыя автономныя права, которыми, согласно программѣ маркиза Вельепольскаго, правительство готовилось наградить его. Нужны были для окончательнаго прозрѣнія русской интел-

лигенціей польской непримиримости всѣ ужасы этого возстанія, всѣ дикія злодѣйства жандармовъ-вѣшателей; лишь пробужденная могучимъ голосомъ Каткова, этого безсмертнаго русскаго трибуна, постигла она наконецъ, что одновременное мало-мальски самостоятельное существованіе шляхетской Польши съ Самодержавною Россіей немыслимо, что Польскій вопросъ отнюдь не мѣстный, что онъ сводится къ тому, что столь мастерски сказалъ про него Пушкинъ: „Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ, — оно-ль изсякнетъ.“ Тогда-то Россія, какъ во всѣ выдающіеся моменты своей исторической жизни, нашла въ своей средѣ достойныхъ дѣятелей для выполненія задачи окончательнаго сліянія царства Польскаго съ Русскою Имперіей.

Подъ руководствомъ такихъ истинно русскихъ людей, какъ Милютинъ, князь Черкасскій, Соловьевъ, приступилъ образованный на мѣстѣ Учредительный Комитетъ къ кипучей дѣятельности. За семь лѣтъ своего существованія онъ съ успѣхомъ провелъ въ краѣ такія сложныя и коренныя реформы, какъ устройство земельнаго быта крестьянъ царства,—упраздненіе вотчинныхъ отношеній городовъ къ ихъ бывшимъ владѣльцамъ,—устройство быта Римско-Католическаго духовенства въ связи съ закрытіемъ многихъ латинскихъ монастырей, служившихъ очагами мятежа,—введеніе Положенія о губернскихъ и уѣздныхъ управленіяхъ, давшее краю почти одинаковое съ Имперіей административное устройство,—упраздненіе всѣхъ центральныхъ въ царствѣ управленій, съ подчиненіемъ дѣятельности мѣстныхъ органовъ главному завѣдыванію Министерствъ по принадлежности,—устройство учебнаго дѣла въ краѣ, причемъ впервые въ Польшѣ было положено основаніе низшему народному образованію,—введеніе русскаго языка въ дѣлопроизводство большинства правительственныхъ учрежденій и преподаваніе на немъ же всѣхъ изучаемыхъ въ школахъ предметовъ.

Естественно, что послѣ такой усиленной правительственной работы, вызванной чрезвычайными, предшествовавшими ей, обстоятельствами, наступило, по упраздненіи Учредитель-

наго Комитета, нѣкоторое затишье въ дальнѣйшемъ развитіи той системы, которая съ 1864 года была положена въ основаніе всѣхъ мѣстныхъ роформъ. Тѣмъ не менѣе русская власть въ краѣ, хотя и менѣе энергично, но все же продолжала начатое дѣло полнаго объединенія Польши съ Россіей. Такимъ образомъ въ теченіе начала семидесятыхъ годовъ была произведена въ краѣ судебная реформа, положено основаніе окончательному возсоединенію греко-уніатовъ съ Православною Церковью, упразднены или замѣнены общеимперскими почти всѣ остававшіяся къ этому времени учрежденія мѣстнаго характера. Этотъ второй періодъ дѣятельности въ краѣ завершился закрытіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по дѣламъ Царства Польскаго, образованной въ 1866 году изъ бывшаго до того времени статсъ-секретаріата Царства. Къ этому времени гражданское вѣдомство въ краѣ было приведено къ общимъ условіямъ устройства управленія другихъ частей Имперіи и наступилъ конецъ самобытной жизни Царства, превратившагося, даже на офиціальномъ языкѣ, въ Привислянскій край. Возбужденное настроеніе польской шляхты, изъ которой всецѣло состояла интеллигенція края, понемногу ослабѣвало. Наиболѣе трезвые изъ ея представителей начинали постигать, что въ ихъ собственныхъ интересахъ—примириться съ русскимъ владычествомъ, прекратить безполезную вражду съ покорившимъ край народомъ и въ совмѣстной дружной работѣ на пользу общаго преуспѣянія искать забвенія прошлаго.

Къ несчастію въ этотъ столь важный моментъ постепеннаго сближенія окраины съ центромъ Россія принуждена была обратить все свое вниманіе, всѣ свои силы на другіе встревожившіе ея вопросы.

Въ началѣ второй половины семидесятыхъ годовъ правительство и общество были всецѣло поглощены событіями, происходившими на Балканскомъ полуостровѣ, и возгорѣвшейся вслѣдствіе ихъ послѣднею Восточною войной, а немедленно по окончаніи этой войны злодѣйскія покушенія нигилистической шайки отвлекли правительство отъ всѣхъ

остальныхъ текущихъ вопросовъ. Нигилисты, проявившіе свою преступную дѣятельность съ начала семидесятыхъ годовъ, причемъ они въ то время ограничивались пропагандой своего ученія, такъ-называемымъ „хожденіемъ въ народъ," пріобрѣли особое значеніе въ обществѣ, начиная съ 1878 года. Черпали они свою силу въ томъ самобичеваніи и самооплеваніи, которому предалась въ это время русская интеллигенція, какъ-бы утратившая всякую національную гордость. Основаній этого явленія нужно искать отчасти въ фактахъ, непосредственно слѣдовавшихъ за кампаніей. Русская побѣдоносная армія, цѣной безчисленныхъ лишеній и жертвъ достигшая стѣнъ Константинополя, была лишена исполненія ея завѣтной мечты, раздѣляемой съ нею всей Россіей—войти въ Царьградъ и поднять православный крестъ на святой Софіи. Россія имѣла право на это удовлетвореніе ея законной гордости: принесенныя ею человѣческія жертвы громко этого требовали. Въ замѣнъ этого она принуждена была вынести тягчайшее изъ униженій когда-либо ею испытанныхъ—судъ соединенной надъ нею въ Берлинѣ Европы, не только отнявшій у нея плоды побѣдъ, но даже обратившій ихъ въ пораженіе путемъ усиленія и возвышенія Австріи въ славянскихъ земляхъ. Война, начатая во имя панславизма имѣла результатомъ, несмотря на блестящій исходъ, ослабленіе значенія Россіи въ Славянствѣ, вслѣдствіе включенія въ имперію Габсбурговъ Босніи и Герцеговины. Итакъ, ободренные критикой всего русскаго строя, раздававшейся со всѣхъ сторонъ послѣ Берлинскаго конгресса, нигилисты рѣшили приступить къ дѣйствіямъ активнымъ. Террористическая программа, получившая, еще ранѣе принятія ея главарями шайки на Липецкомъ ихъ съѣздѣ въ 1879 г., свое первое выполненіе въ посягательствѣ на жизнь генерала Трепова, проявилась цѣлымъ рядомъ покушеній на должностныхъ лицъ.

Намъ не зачѣмъ останавливаться на этой скорбной страницѣ русской жизни. Достаточно для нашихъ цѣлей сказать, что власть, относившаяся сначала болѣе чѣмъ благодушно, ко всѣмъ революціоннымъ дѣйствіямъ нигилистовъ рѣшилась,

учредивъ въ 1879 году временныя генералъ-губернаторства, примѣнить суровыя мѣры для подавленія дѣятельности разбойничьей шайки. Но эти мѣры, не будучи приняты своевременно, уже не могли остановить движенія, онѣ лишь обозлили крамолу, находившуюся въ ту пору въ періодѣ своего расцвѣта, а высказываемое многими органами прессы убѣжденіе о необходимости реформъ въ либеральномъ духѣ несомнѣнно давало ей нравственную поддержку, вербовало въ ея ряды новыхъ приверженцевъ. Разсужденія о нигилистахъ и ихъ ученіи въ той или иной формѣ не сходили со столбцовъ повременной печати,—они несомнѣнно были героями дня. Все это кружило молодыя головы. Гласный судъ и публичныя казни лишь поддерживали опасную и фальшивую сантиментальность: въ казненномъ видѣли мученика за идею, и были люди, которые искренно увѣровали въ благородство провозглашаемаго ученія. Несомнѣнно, что при вѣсти о покушеніи Соловьева вздрогнуло русское общество, даже увлекавшееся либеральными, какъ тогда принято было ихъ называть, вѣяніями; но все же полнаго отрезвленія не произошло.

Послѣдующія покушенія дали возможность либеральной партіи, къ коей принадлежали и многія вліятельныя лица, утверждать, что путемъ однихъ искоренительныхъ мѣръ невозможно остановить преступнаго движенія. „Необходимо, говорили они, привлечь на правительственную сторону всѣ тѣ элементы общества, коихъ желанія сводятся лишь къ болѣе, по ихъ мнѣнію, соотвѣтствующему духу времени способу правленія, то-есть, ослабленію административной власти, предоставленію большей свободы печати, болѣе широкому привлеченію къ дѣламъ государственнымъ и общественнымъ выборныхъ представителей земствъ и городовъ. Преслѣдуя, съ величайшею энергіей, злоумышленную партію, продолжали они, нужно прежде всего озаботиться уменьшеніемъ недовольныхъ въ государствѣ, создать въ самомъ обществѣ многочисленную правительственную партію, смѣло взявши въ свои руки необходимыя въ государственномъ строѣ реформы. Такимъ образомъ тѣ лица, которыя при реакціонномъ направленіи

правительства хотя и не являются единомышленниками нигилистовъ по отношенію къ избранному ими способу борьбы, но несомнѣнно сочувствуютъ многимъ сторонамъ ихъ ученія, вмѣсто того, чтобы при дальнѣйшей реакціи все болѣе озлобляться и наконецъ переходить даже въ число активныхъ участниковъ движенія, составятъ де наиболѣе надежный оплотъ спокойнаго государственнаго развитія."

Здѣсь не мѣсто говорить объ исторически доказанной ложности такого взгляда, тѣмъ болѣе, что она совершенно очевидна: исторія указываетъ, что всякія уступки со стороны правительства, вызванныя подобными соображеніями, неизбѣжно влекли къ новымъ и новымъ требованіямъ, со стороны тѣхъ, по желанію коихъ они производились, а заключительнымъ актомъ ихъ являлась революція, такъ какъ конечныя требованія недовольныхъ постоянно сводились къ уничтоженію той формы правленія, къ сверженію того правительства, которое не было достаточно сильнымъ, чтобы не подчинятьсятребованіямъ, поддержаннымъ угрозами.

Но въ то смутное время уроки исторіи были большинствомъ позабыты. Даже въ правящихъ сферахъ становилось все ничтожнѣе число людей говорившихъ: „нужно прекратить сначала неслыханныя злодѣянія горсти преступниковъ, а затѣмъ ужь приступить къ спокойной работѣ по отношенію къ дальнѣйшему развитію общественно-политической жизни Россіи, такъ какъ работа эта немыслима при существующемъ положеніи; она неизбѣжно будетъ необдуманною и носить отпечатокъ страха." Громадное большинство говорило: „нигилисты — преступники, ихъ ученіе безсмысленно; но причина ихъ возникновенія кроется въ существующихъ порядкахъ; исправьте ихъ — и нигилизмъ потеряетъ всякую почву въ обществѣ, станетъ явленіемъ для него ненавистнымъ." Одно лишь забывалось, что основой всякаго народнаго движенія служитъ домогательство не призрачныхъ правъ политическихъ, а благъ матеріальныхъ, чего никакими политическими правами ни замѣнить, ни предоставить не во власти никакого правительства. Въ высшей степени была понята эта истина Им-

ператоромъ Александромъ III, направившимъ Россію на путь развитія матеріальнаго ея благосостоянія. Экономическіе вопросы въ его царствованіе заглушили политическіе и успокоили общество.

Но, повторяю, въ то время этой мысли почти никому въ голову не приходило. Были двѣ партіи: одна—ярыхъ консерваторовъ, крѣпостниковъ, которая всѣ бѣды относила къ отмѣнѣ крѣпостнаго права и требовала самыхъ рѣшительныхъ реакціонныхъ мѣръ, другая—либеральная, утверждавшая, что Россія доросла до самостоятельнаго общественно-политическаго управленія и что ранѣе привлеченія народныхъ представителей къ дѣламъ государственнымъ успокоенія умовъ ожидать нельзя. Парламентскій способъ правленія, столь дискредитированный за послѣднее десятилѣтіе, былъ тогда идеаломъ многихъ. Всего любопытнѣе, что домогались его во имя интересовъ низшихъ слоевъ общества, во имя началъ демократическихъ. Но кто же не сознаетъ, что монархическій образъ правленія—самый, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, демократическій, такъ какъ „передъ Царемъ, что передъ Богомъ — всѣ равны," какъ говоритъ народная пословица, въ мудрости своей перегнавшая разсужденія интеллигенціи. При всякомъ другомъ правленіи у кормила власти становятся представители преимущественно одного какого-либо сословія, и, по природѣ человѣческой, эти люди естественно поддерживаютъ свои узкіе кастовые интересы во вредъ другимъ сословіямъ; достигаютъ же власти, будь она выборная, представители сословія наиболѣе имущественнаго, ибо такова сила денегъ, что она все порабощаетъ себѣ и съ ней можетъ успѣшно бороться лишь лицо, стоящее выше всякихъ матеріальныхъ соображеній, всякихъ сословныхъ интересовъ. Стоитъ только взглянуть на развитіе капитализма въ республиканскихъ странахъ Новаго Свѣта, а равно во Франціи и Англіи (тоже несомнѣнно республики, но олигархическаго характера), на всевластіе денегъ, все себѣ подчинившихъ въ этихъ странахъ, до общественнаго мнѣнія включительно, и на полное экономическое рабство низшихъ сословій при ихъ кажущемся полити-

ческомъ всевластіи, дабы убѣдиться, что при отсутствіи наслѣдственнаго единодержавія, коему одинаково дороги интересы всѣхъ подданныхъ, на мѣсто попеченій о пользахъ и нуждахъ всего народа, въ его совокупности, выдвигаются лишь интересы денежныхъ сословій, ревниво оберегаемые новѣйшимъ царемъ міра—биржей съ ея акколитами.

То, чего не понимала интеллигенція, вполнѣ сознавалось народомъ, который неизмѣнно передавалъ властямъ подстрекавшихъ его бунтарей и лишь тогда проявлялъ къ нимъ довѣріе, когда агитаторы дѣйствовали отъ имени Царя, обнародывая фальшивые царскіе манифесты.

Какъ бы то ни было, но въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ либеральная партія одержала верхъ, причемъ выборъ для осуществленія новаго направленія, столь мѣтко названнаго Катковымъ „диктатурой сердца," палъ на гр. Лориса-Меликова. Къ чему оно привело—всѣмъ извѣстно. Еще разъ была доказана та непреложная истина, что усмирять мятежъ, будь онъ тайный или явный, либеральнымъ образомъ нельзя; это равносильно тушенію огня масломъ. Мятежники и недовольные неизмѣнно принимаютъ малѣйшія уступки за слабость, что лишь придаетъ имъ бо́льшую энергію, бо́льшую увѣренность въ успѣхѣ, — а кому же неизвѣстно, какую роль играетъ у человѣка эта увѣренность при достиженіи намѣченной имъ цѣли? Точно такъ же, какъ съ воцареніемъ Императора Александра III, твердо выразившаго въ памятномъ манифестѣ 29 апрѣля 1881 года, что никакихъ измѣненій въ коренныхъ основахъ государственнаго строя страны онъ не допуститъ, утвердилась увѣренность въ безполезности всякихъ къ тому дѣйствій, каковыя и не замедлили прекратиться, — такъ и увѣренность, пробудившаяся у большинства, что съ правленіемъ гр. Лориса-Меликова наступитъ либеральная эра, не только не успокоила общественнаго броженія, а, наоборотъ, окрылила самыя несбыточныя надежды.

Послѣдовавшее вскорѣ послѣ назначенія Лориса увольненіе отъ должностей министра Народнаго Просвѣщенія и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода гр. Дм. А. Толстого, твердо

консервативное направленіе котораго было всѣмъ хорошо извѣстно, еще болѣе усилило ликованіе всѣхъ враговъ того государственнаго порядка, которому Россія обязана своимъ величіемъ и силой. И вотъ изъ всѣхъ щелей выползли различныя враждебныя Россіи національности, предлагая въ лицѣ своихъ глашатаевъ такія мѣры, которыя, подъ видомъ освобожденія страны отъ мутящей ея спокойную жизнь злодѣйской шайки, заключали въ себѣ предоставленіе особыхъ правъ и льготъ именно этимъ національностямъ.

Поспѣшили русскіе Евреи заявить, что все зло происходитъ отъ того, что они лишены возможности высасывать народные достатки по всему лицу земли Русской. *) Не замедлили и Поляки явиться со своими проектами возвращенія Россіи къ мирному развитію своихъ умственныхъ и экономическихъ силъ, сущность которыхъ сводилась къ децентрализаціи окраинныхъ областей, при дарованіи имъ правъ автономныхъ. Появилась, однимъ словомъ, на сцену программа маркиза Вельепольскаго, одно оповѣщеніе о которой, въ моментъ ея первоначальнаго нарожденія, привело къ возстанію 1863 года. Вновь заволновались легкомысленныя польскія головы. Съ злорадствомъ слѣдя за преступными дѣяніями нигилистовъ, — участія въ коихъ Поляки однако лично не принимали, — они со свойственнымъ имъ легковѣріемъ ждали ежеминутнаго крушенія всего политическаго строя Россіи и на немъ основывали скорое возстановленіе отчизны **).

*) Главнымъ глашатаемъ евреевъ явился не безъизвѣстный С. С. Поляковъ, требовавшій, въ особой запискѣ поданной имъ Гр. Лорисъ Меликову, кромѣ предоставленія евреямъ права повсемѣстнаго жительства въ Россіи, еще и отмѣну всѣхъ особыхъ установленныхъ съ нихъ сборовъ.

**) Впрочемъ, не одни Поляки придавали такое преувеличенное значеніе кучкѣ безумцевъ, составившейся изъ накипи всѣхъ подонковъ русскаго общества; вспомнимъ хотя-бы, что еще въ началѣ 1882 года англійскіе министры посѣщали укрывавшагося въ Лондонѣ нигилиста Гартмана (инициатора подкопа на Московско-Курской желѣзной дорогѣ) и предлагали свои услуги террористамъ, когда ихъ дѣло представляло уже разрушенный домъ, въ разбитыя окна котораго, по чьему-то мѣткому выраженію, вползали Евреи.

Какъ разъ во время этого оживленія польскихъ надеждъ произошла перемѣна центральной власти въ Привисляньи, въ лицѣ генералъ-губернатора.

Въ 1880 году назначенъ былъ въ Варшаву генералъ-адъютантъ Альбединскій, явившійся представителемъ той партіи русскаго общества, которая до сихъ поръ мечтаетъ о примиреніи съ Поляками на основаніяхъ уравненія ихъ правъ съ коренными Русскими. Его программа вполнѣ гармонировала съ вожделѣніями либераловъ, мечтой коихъ было постепенное распространеніе съ западныхъ областей Имперіи народнаго представительства и прямаго общественнаго участія въ дѣлахъ государственнаго управленія страной.

Поворотъ нашей государственной политики съ воцареніемъ въ Бозѣ почившаго Государя не далъ возможности приступить къ прямому осуществленію этой программы. При Альбединскомъ вслѣдствіе этого не было отмѣнено ни одной важной мѣры правительства, направленной къ обрусѣнію края, но за то ясно высказалось административное послабленіе въ примѣненіи всѣхъ изданныхъ для этой цѣли распоряженій и узаконеній. Вновь вернулись въ краѣ къ благосклонному попустительству всѣмъ проявленіямъ польской вражды къ Россіи, вновь сталъ русскій дѣятель чувствовать себя въ немъ не въ положеніи властелина, а въ положеніи подсудимаго. Польскій языкъ, понемногу съ 1864 года удаляемый изъ всѣхъ дѣловыхъ сношеній страны, сталъ вновь вторгаться въ область оффиціальную.

Знаніе польской рѣчи становилось обязательнымъ для русскихъ чиновниковъ въ краѣ, принуждаемыхъ объясняться съ Поляками на этомъ языкѣ. Отвращеніе къ русскому языку пошло столь далеко, что депутація отъ города Варшавы, магистратъ коего ведетъ однако по-русски все свое дѣлопроизводство, сочла возможнымъ поднести покойному Государю по случаю его коронаціи хлѣбъ-соль на подносѣ, лишенномъ всякой надписи; замѣнялъ же ее изображенный на немъ видъ города. Характерно и поднесеніе хлѣба-соли не на блюдѣ, согласно древне-русскому обычаю, а на снабженномъ ручками подносѣ.

Среди многихъ представителей мѣстной администраціи стало высказываться замѣтное полонофильство. Дѣло, которому реформаторы 1864 года положили столь прочное основаніе, грозило не только остаться незавершеннымъ, но даже совершенно распасться. Важнѣйшія заботы объ укрѣпленіи расшатаннаго правительственнаго механизма Имперіи всецѣло поглощали Верховную власть въ первые годы прошлаго царствованія и естественно отодвигали всѣ мѣстные вопросы на второй планъ. Но помѣрѣ упроченія внутренняго порядка все яснѣе стали обрисовываться стройныя очертанія общей политики Императора Александра III, все глубже и шире стала она охватывать всѣ многосложныя развѣтвленія русскихъ національно-государственныхъ задачъ.

Въ маѣ 1883 года ген. Альбединскій умеръ. Верховная власть не замедлила, выбравъ ему въ преемники ген. Гурко ясно указать, что эпоха попустительствъ польскимъ интригамъ миновала, что власть окрѣпшая въ центрѣ, отнынѣ будетъ столь же крѣпка и на окраинахъ Имперіи.

Съ пріѣздомъ новаго Генералъ-Губернатора въ край положеніе дѣйствительно сразу измѣняется. Съ первыхъ словъ его, обращенныхъ къ представлявшимся ему чинамъ различныхъ вѣдомствъ, стало ясно, какъ для польскихъ политикановъ, такъ и для русскихъ дѣятелей въ краѣ, что правительство вновь всецѣло вернулось къ программѣ, начертанной Милютинымъ и кн. Черкасскимъ, къ непреклонному и стойкому проведенію русскихъ началъ въ Привисляньѣ. Начиная съ этого времени въ краѣ вновь стали прилагаться всѣ мѣры къ привлеченію на сторону Россіи низшихъ классовъ польскаго населенія, въ особенности же земельнаго и батрачнаго крестьянства, искони угнетаемаго въ Польшѣ шляхтой и посему никогда ей не симпатизировавшаго; при стойкомъ требованіи исполненія законныхъ распоряженій администраціи неослабно укрощались всякія попытки къ возбужденію народныхъ массъ, къ проявленію со стороны шляхты неуваженія къ власти, неуваженія къ Россіи. Содѣйствуя экономическому росту края, власть не допускала расширенія

его политическихъ автономныхъ правъ. Отнюдь не стѣсняя свободы совѣсти и безпрепятственнаго исполненія ритуаловъ католической церкви, она всемѣрно препятствовала латинскому духовенству вторгаться въ политическую жизнь края, созидать изъ церковной каѳедры трибуну для пропаганды идей революціонно-польскихъ. Въ дѣлѣ проведенія этой программы несомнѣнно оказывалъ дѣятельную поддержку министръ Внутреннихъ Дѣлъ гр. Толстой, вновь призванный съ 1882 года къ дѣламъ. Авторъ *„Римскаго католицизма въ Россіи“*, выдающійся государственный мужъ, гр. Толстой, принадлежа къ числу лучшихъ знатоковъ латинства, самаго дѣятельнаго разжигателя національно-польскихъ страстей, яснѣе кого-либо понималъ правильность подобнаго образа дѣйствій.

То, что сдѣлано въ минувшее царствованіе въ Привисляньи слишкомъ хорошо русскимъ людямъ извѣстно, чтобы стоило на этомъ подробно останавливаться, мы къ тому же будемъ имѣть случай не разъ упомянуть объ отдѣльныхъ принятыхъ въ краѣ мѣрахъ, при изложеніи тѣхъ вопросовъ, которые и понынѣ являются главнымъ тормазомъ полнаго слія-нія Польши съ Россіей. Скажемъ лишь, что управленіе этой областью отличалось неуклонною послѣдовательностью и стойкостью при полномъ отсутствіи всякой страстности и рѣзкости.

Край, видимо, успокоился, русскій человѣкъ почувствовалъ себя не отщепенцемъ, едва въ немъ терпимымъ, а полноправнымъ гражданиномъ; свои нужды и потребности онъ получилъ возможность удовлетворять тамъ столь же свободно и полномѣрно, какъ въ центрѣ Россіи. Безусловный порядокъ царилъ въ краѣ за все это время; для поддержанія же его принимались исключительно мѣры, хотя и стойкія, но спокойныя. Закономѣрность была лучшимъ факторомъ во всей дѣятельности администраціи. Однимъ словомъ, съ 1883 года русская политика въ польскомъ вопросѣ вступила въ послѣдній,—но самый трудный періодъ ея окончательнаго разрѣшенія: путемъ безстрастнаго, но постояннаго воздѣйствія на польскій народъ въ смыслѣ искорененія въ немъ тѣхъ его особенностей, которыя отдѣляютъ его отъ Россіи, постепенно

ввести его въ русскую семью, — вотъ къ чему она сводилась.

Задача эта оттого въ особенности тяжела, что требуетъ громадной выдержки, необыкновеннаго хладнокровія отъ руководителей ея, которые должны одинаково отрѣшиться какъ отъ страстности и злобы, такъ и отъ фальшивой чувствительности и неумѣстной уступчивости. Работа эта долгая, ибо перевоспитать народъ, характеръ коего сложился вѣками, въ короткій срокъ немыслимо; она требуетъ отъ Россіи ея лучшихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, людей, одаренныхъ сильною волей и исполненныхъ горячей любви къ родинѣ. Предстоящій намъ путь несомнѣнно длиненъ, а потому работать на немъ нужно безъ устали, а главное безъ колебаній.

Уральский Индустриальн. Ин-тут
имени С М КИРОВА
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ГЛАВА II.

ШЛЯХТА.

Польское населеніе Привислянья дѣлится понынѣ на двѣ рѣзко различающіяся по своему характеру части—шляхту и крестьянство; третьяго сословія съ опредѣленнымъ самостоятельнымъ кругомъ умственныхъ идей и политическихъ вожделѣній Поляки до послѣдняго времени не выработали; связующимъ же звеномъ между двумя этими сословіями являются элементы пришлые—Евреи и Нѣмцы. Лишь съ начала девяностыхъ годовъ замѣчается нѣкоторое выдѣленіе въ особый кругъ пробивающихся изъ своей среды путемъ школы отдѣльныхъ личностей, принадлежащихъ по рожденію къ низшему городскому сословію. Происходитъ это странное явленіе отъ того безвыходно-угнетеннаго положенія, въ которомъ искони находилось въ Польшѣ крестьянство вырабатывающее изъ своей среды, по мѣрѣ возвышенія отдѣльныхъ его членовъ, сословія промежуточныя, главнымъ же образомъ вслѣдствіе сосредоточенія съ давнихъ поръ всей торговли страны въ рукахъ Евреевъ.

Многочисленная польская шляхта, отчасти искусственно созданная ради усиленія ратной силы Польши во время ея войнъ съ Швеціей, съумѣла сохранить сословныя особенности во всѣхъ своихъ многочисленныхъ современныхъ пред-

ставителяхъ, какъ-бы ни измѣнилось въ другихъ отношеніяхъ ихъ соціальное положеніе, какія бы они не претерпѣли превратности судьбы.—Тогда какъ представители дворянства въ другихъ государствахъ вмѣстѣ съ потерей своей матеріальной независимости постепенно примыкаютъ къ другимъ сословіямъ, причемъ замѣняютъ свои прежніе кастовые интересы новыми, соотвѣтствующими тому положенію, тѣмъ сословіямъ, въ ряды коихъ они стали, польскій шляхтичъ, какъ бы онъ ни обѣднѣлъ, къ какимъ бы онъ ни обратился профессіямъ для добыванія себѣ средствъ существованія, все же не забываетъ своего происхожденія, при каждомъ удобномъ случаѣ кичится имъ, продолжаетъ лелѣять тѣ же мечты, носить въ душѣ тѣ же идеалы, быть всецѣло проникнутымъ тѣми же интересами, которые, если и объяснимы въ его предкахъ, то по отношенію къ нему являются страннымъ анахронизмомъ.

Эту связь съ шляхетствомъ сохраняютъ даже такіе захудалые его представители, какъ загоновые шляхтичи (однодворцы). Проѣзжая по крестьянскимъ полямъ Привислянья, нерѣдко можно замѣтить на краю крестьянской полосы пахатнаго поля, которая въ это время обрабатывается простымъ по виду хлопомъ, воткнутую палку; увидя это, можно быть увѣреннымъ, что пахарь—однодворецъ. Дѣло въ томъ, что эти обнищавшіе потомки шляхты до сихъ поръ твердо держатся за свою порванную фактически связь съ дворянствомъ страны, видимою же эмблемой этой принадлежности является неразлучная съ ними трость, долженствующая въ ихъ рукахъ изображать саблю, право ношенія коей составляло въ былыя времена привиллегію одного дворянства. Съ этою тростью загоновый шляхтичъ никогда не разстается, приступая же къ полевымъ работамъ, гордо втыкаетъ ее на границѣ своихъ владѣній, желая тѣмъ указать, что онъ временно отрекся отъ своихъ исконныхъ привиллегій для производства такихъ работъ, которыя ему хотя безусловно необходимы, но однако не соотвѣтствуютъ его званію. Разумѣется, въ этихъ наиболѣе захудалыхъ представителяхъ шляхты уже изгладилось

большинство тѣхъ качествъ, которыя отличаютъ это сословіе. Онъ въ общемъ почти совершенно отождествился съ обыкновеннымъ крестьяниномъ, съ которымъ находится на одинаковой степени развитія, но все же проблески кичливаго шляхетскаго гонора и въ немъ еще сохранились. По скольку же ближе по всѣмъ своимъ индивидуальностямъ подходятъ къ шляхтѣ тѣ отпавшіе отъ нея члены, которые, утративъ имущественную связь съ ней, сохранили однако ея культурное развитіе!

Соблюдя такимъ образомъ во всѣхъ своихъ безчисленныхъ потомкахъ стремленіе домогаться исконныхъ своихъ политическихъ вожделѣній, древне-польская шляхта одновременно сохранила въ нихъ и всѣ тѣ умственныя и нравственныя качества, которыя такъ рѣзко отдѣляютъ польскаго интеллигента отъ культурныхъ слоевъ всѣхъ народовъ Европы.

Качества эти столь общеизвѣстны, что едва-ли представляется надобность повторять ихъ здѣсь. Главная особенность его характера—преобладаніе въ немъ тѣхъ качествъ, которыя присущи у остальныхъ народовъ преимущественно женщинамъ—сохранилась въ немъ и по сіе время въ полной мѣрѣ. Тщеславіе, легкомысліе, неустойчивость, склонность къ обману и лжи, доходящая до того, что онъ обманываетъ не только другихъ, но даже самого себя,—вотъ главные абрисы нравственнаго облика польскаго шляхтича. Женская чуткость, и даже нѣжность, легко однако переходящія въ несоотвѣтствующую ни преслѣдуемымъ пѣлямъ, ни причинамъ, ее вызвавшимъ, ярость и жестокость, принадлежатъ также къ его особенностямъ. Къ наименѣе симпатичнымъ чертамъ польскаго характера слѣдуетъ отнести надменность съ низшими и подобострастіе къ высшимъ. Будучи ловкимъ, находчивымъ, а въ особенности изворотливымъ—Полякъ отличается однако лишь остроуміемъ, а не умомъ, который у него поверхностный, односторонній, неспособный всецѣло обнять изслѣдуемый предметъ, неспособный углубиться до серіознаго, а главное, спокойнаго, безпристрастнаго анализа. Чувства и страсти всегда одерживаютъ въ немъ верхъ надъ разсудкомъ,

который въ виду этого и нельзя признать сильнымъ. Готовые броситься въ самое безумное предпріятіе, подъ вліяніемъ самоопьяненія громкими фразами, Поляки *въ огромномъ большинствѣ случаевъ* совершенно неспособны на какое-либо длительное напряженіе своихъ силъ, физическихъ и нравственныхъ; самолюбіе заставляетъ ихъ иногда отважиться на самое рискованное дѣло, о легкости коего, а равно полной готовности вступить въ него, они предварительно, подъ вліяніемъ чванства и бахвальства, самоувѣренно разглагольствовали, но упорно и спокойно стремиться къ намѣченной цѣли они неспособны.

Гораздо устойчивѣе въ своихъ дѣйствіяхъ женщины-шляхтянки, ибо, по странной игрѣ природы, нравственныя качества, присущія двумъ половинамъ рода человѣческаго, въ польской шляхтѣ какъ-бы перестановились. Шляхтянки рѣдко обладаютъ семейными добродѣтелями: онѣ плохія жены, отнюдь не примѣрныя матери; всѣ ихъ заботы о дѣтяхъ сводятся къ развитію въ нихъ крайняго патріотизма, и въ этомъ отношеніи вліяніе ихъ громадно. Хозяйственныя заботы онѣ считаютъ ниже себя и польскіе дома отличаются неряшливостью и грязью. Чистоплотность у нихъ вовсе не развита, даже въ высшихъ классахъ, что не безъизвѣстно и самимъ Полякамъ: la femme polonaise ne se lave, que lorsqu'elle se noie—откровенно признавался одинъ изъ польскихъ магнатовъ, при поступленіи къ нему въ домъ французской гувернантки.

Страсть къ нарядамъ и ко всему показному у Полекъ сильно развита; но при этомъ не рѣдкость встрѣтить разряженную донельзя Польку, въ новомодной шляпѣ и элегантной накидкѣ, на которой однако, какъ вы увидите, если она приподыметъ, переходя черезъ улицу, платье, нѣтъ чулокъ. Характеренъ отвѣтъ, данный однажды Полькой, пришедшей къ одному русскому чиновнику просить денежнаго вспомоществованія. На его замѣчаніе, что ея нарядъ отнюдь не свидѣтельствуетъ о бѣдности, она сказала, что это ничего не значитъ; — для опредѣленія ея состоятельности нужно де спросить, сколько у нея рубашекъ, уличный же нарядъ ей не-

обходимъ, ибо иначе Варшава не была бы маленькимъ Парижемъ. Это послѣднее мнѣніе о Варшавѣ крайне распространено между Поляками, несмотря на свою очевидную нелѣпость, и для поддержанія его варшавяне прилагаютъ всевозможныя усилія;—дѣйствительно, варшавская толпа несомнѣнно элегантнѣе нѣмецкой или русской, чему не мало способствуетъ врожденный эстетическій вкусъ у Полекъ, благодаря которому онѣ прекрасныя цвѣточницы (искусственные цвѣты—одна изъ спеціальностей Варшавы и отличаются изяществомъ), модистки, вышивальщицы.

При всемъ томъ, какъ я уже сказалъ, польскія женщины гораздо устойчивѣе, обладаютъ большею силой характера, нежели мужчины, чѣмъ и объясняется та видная роль, которую онѣ играли въ исторіи страны, какъ до ея распаденія, такъ и послѣ, до настоящаго времени включительно. Всякая интрига, а въ особенности политическая, имъ въ высшей степени привлекательна; въ ней онѣ чувствуютъ себя въ своей сферѣ. Этою страстью къ комплоту отчасти объясняется ихъ упорство въ нежеланіи примириться съ владычествомъ Россіи: вѣдь тогда игра въ политику была бы уже немыслима.

Завлеченная однако въ заговоръ, благодаря этой страсти, польская женщина умѣетъ проявить въ немъ и дѣятельность, и неподдѣльную храбрость; она даже готова на самопожертвованіе, лишь бы оно сопровождалось извѣстностью. Возстаніе 1863 года представило многочисленные тому примѣры.

Впрочемъ игра въ политику и страсть къ заговорамъ исконно составляли природную черту этого народа; она лишала всякое правительство возможности окрѣпнуть въ странѣ и была одною изъ причинъ распаденія Польши. Неспособные къ согласному дѣйствію, коль скоро дѣло идетъ объ упроченіи власти, о созданіи чего-либо положительнаго, Поляки легко сплачиваются для разрушенія или низложенія власти, чему доказательствомъ служитъ вся исторія страны, съ ея вѣчными раздорами. Путемъ долгой практики они даже выработали себѣ довольно искусную организацію партій, дружно дѣйствующихъ по указаніямъ ихъ главарей. Поскольку спра-

ведливо, что недовольство русскимъ правительствомъ въ сильной степени кроется именно въ этой страсти Поляковъ къ тайнымъ организаціямъ, соединеннымъ съ особенно любезными имъ совѣщаніями (зачастую сопровождающимися обильными возліяніями Бахусу—въ веселой компаніи Полякъ, какъ извѣстно, отнюдь не прочь выпить) свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что и самый патріотизмъ польскій возникъ лишь съ распаденіемъ страны. Вспомнимъ время, предшествовавшее раздѣлу Польши: ея многочисленныя партіи поочередно обращались за помощью къ иноземнымъ государствамъ, при чемъ готовы были пожертвовать существенными интересами страны, лишь бы тѣмъ обезпечивался успѣхъ ихъ партіи.

Патріотизмъ польскій нынѣ служитъ для многихъ лишь предлогомъ для конспирированія; однимъ словомъ, они интригуютъ и конспирируютъ ради самой интриги, въ которой находятъ особую прелесть. Вотъ, между прочимъ, одна изъ причинъ, почему никакія уступки русскаго правительства не приведутъ къ успокоенію Поляковъ.

Что касается до политическихъ идеаловъ шляхты, то они остались неизмѣнны. Польскій шляхтичъ нынѣ, какъ и двѣсти лѣтъ тому назадъ, стремится лишь къ собственному единоличному процвѣтанію, къ необузданному своеволію; онъ одинаково ненавидитъ всякую власть, исходящую свыше, удерживающую его въ рамкахъ законности, какъ и всякую равноправность съ слоями низшими; онъ отчаянно борется противъ возвышенія до него народныхъ массъ. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что соціальныя ученія не встрѣчаютъ благопріятной почвы для своего развитія въ Привисляньѣ, почти не находятъ приверженцевъ среди интеллигентныхъ уроженцевъ края.

Народившійся въ Варшавѣ въ 1882 году соціально-революціонный кружокъ, подъ названіемъ „Пролетаріатъ“, возникъ первоначально не въ краѣ, а въ Петербургѣ, гдѣ онъ назывался польскою гминой. Цѣлью своею тайное сообщество это поставило: „полное экономическое и политическое освобожденіе массъ отъ давящаго ихъ гнета“, а способы дѣй-

ствія, имъ принятые, сводились: въ экономической борьбѣ — къ возбужденію рабочихъ въ крупныхъ мануфактурныхъ центрахъ края, организаціи между ними стачекъ, образованію рабочихъ союзовъ и терроризаціи капиталистовъ; въ политической борьбѣ — къ побужденію народа не платить податей, дискредитированію власти путемъ распространенія всякихъ способствующихъ тому слуховъ. Какъ видно, эта программа была вполнѣ сходна съ „народовольческой“,—что и не удивительно, ибо вдохновителями „Пролетаріата“ были представители русскихъ соціалъ-революціонеровъ.

Въ дѣйствительности, члены „Пролетаріата“ проявили свою дѣятельность лишь по отношенію къ осуществленію первой части своей программы. Они вели устную пропаганду среди рабочихъ крупныхъ фабрикъ, убѣждая ихъ сплотиться между собой, образовать кружки, дѣйствовать насиліемъ при требованіи увеличенія заработной платы, терроризировать работодателей, не довѣряться властямъ, будто-бы солидарнымъ съ фабрикантами, не довѣрять тѣмъ рабочимъ, которые не единомысленны съ ними, насильно препятствовать не участвующимъ въ стачкѣ продолжать работу. Для усиленія пропаганды они печатали прокламаціи, распространяли брошюры соціалъ-революціоннаго характера, наконецъ, основали газету *Пролетаріатъ*, коей вышло въ 1883 году четыре нумера.

Содержаніе всѣхъ этихъ изданій направлялось къ тому, чтобы поселять въ рабочихъ сознаніе крайней неудовлетворительности ихъ положенія, проистекающей де отъ угнетенія ихъ правительствомъ и эксплоатаціи ихъ капиталистами. Къ этимъ дѣйствіямъ характера идейнаго они не замедлили присоединить и насильственныя мѣры противъ тѣхъ, которые недостаточно убѣждались путемъ прокламацій и пропаганды; таковыхъ они прилагали всѣ старанія удалить съ фабрики, лишить заработка. Еще рѣшительнѣе поступали они съ тѣми, которые, разъ вступивши въ ихъ кружокъ, затѣмъ отступались отъ него. Въ теченіе 1883 и 1884 года ими было произведено 4 покушенія (изъ коихъ три со смертельнымъ исхо-

домъ) на жизнь рабочихъ, заподозрѣнныхъ ими въ сношеніяхъ съ полиціей, въ раскрытіи ей организаціи „Пролетаріата."

Изъ кого же состояли главари этой партіи, гдѣ черпала она свои денежныя средства, проявилась-ли къ ней маломальски замѣтная симпатія со стороны польской интеллигенціи? Отнюдь нѣтъ. Участіе, принятое въ ней лицами польской интеллигенціи, было самое незначительное. Главнымъ ея вдохновителемъ,, основателемъ боевой дружины, предназначенной для исполненія приговоровъ надъ отступившимися членами кружка, былъ хотя и Полякъ по рожденію, но потерявшій всякую связь съ своею родиной, даже плохо знакомый съ ея языкомъ. Это былъ уроженецъ Тифлиса, получившій тамъ же первоначальное образованіе, а затѣмъ поступившій въ одно изъ петербургскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, откуда былъ уволенъ до окончанія курса. Очевидно, всѣ свои соціалъ-революціонныя идеи онъ воспріялъ исключительно на русской почвѣ. То же самое можно сказать и про остальныхъ главарей „Пролетаріата" польскаго происхожденія. Всѣ они получили образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ съ чисто-русскимъ элементомъ учащихся, отъ которыхъ и заимствовали свои крайніе взгляды; всѣ они являются продуктомъ того броженія и шатанія русской мысли, которое съ такою силой проявилось въ семидесятыхъ годахъ. Лишь по распаденіи партіи въ русскихъ центрахъ, они перенесли свою дѣятельность въ польскія мѣстности. Изъ выросшихъ и воспитанныхъ въ краѣ уроженцевъ его—къ партіи примкнули исключительно сбитые съ толку громкими обѣщаніями быстраго обогащенія за счетъ фабрикантовъ ремесленники и фабричные рабочіе, зачастую неграмотные. Что же касается до денежной поддержки, то она приходила исключительно изъ русскихъ источниковъ. „Пролетаріату" посылались средства изъ Россіи отъ уцѣлѣвшихъ тамъ членовъ партіи „Народной воли"; помогали и завербованные ею Русскіе, проживающіе въ краѣ.

Изъ дѣятельности этого кружка, а въ особенности изъ

сто состава, видно, до какой степени шляхетски-католическая Польша чужда всякихъ соціальныхъ идей. Какъ бы ни была преступна дѣятельность соціалъ-революціонной партіи, все же цѣли, ею намѣченныя, нельзя признать исключительно эгоистичными. Несомнѣнно, между ея послѣдователями были люди одушевленные лучшими желаніями, искренно преслѣдовавшіе улучшеніе быта массы, ея нравственное и матеріальное возрожденіе. Эти идеи сами по себѣ, независимо отъ тѣхъ способовъ, къ которымъ прибѣгали для ихъ осуществленія, нельзя не признать возвышенными. Но онѣ искони были чужды польской крупной и мелкой шляхтѣ, а потому среди ея представителей не находили ни приверженцевъ, ни сочувствія. Интеллигентъ Полякъ—самый ярый противникъ всякихъ мѣръ, клонящихся къ подъему умственнаго развитія и матеріальнаго благосостоянія народныхъ массъ. Интеллигентная молодежь всѣхъ странъ, въ громадномъ большинствѣ, лишена эгоизма; она горячо борется за идеи отвлеченныя, за благо общее, а не личное. Этого горячаго увлеченія, этой любви къ ближнему совершенно недостаетъ польскому шляхтичу, съ дѣтства преслѣдующему лишь національныя, преимущественно, узко-сословныя цѣли. Но наши либералы, среди коихъ насчитывается всего болѣе приверженцевъ дарованія Польшѣ самой широкой автономіи, до сихъ поръ уразумѣть этого не могутъ. Въ понятіяхъ этой группы русскихъ людей всякое противодѣйствіе правительственной власти является синонимомъ либерализма; дарованіе политической свободы польской интеллигенціи они отождествляютъ съ расширеніемъ народныхъ правъ вообще. Между тѣмъ, казалось бы, именно тѣ люди, которые стремятся къ уравненію сословныхъ различій и имущественнаго состоянія рода человѣческаго, должны были бы прежде всего отстаивать русскую Милютинскую политику въ Привисляньи. Спрашивается: отчего же происходитъ обратное—отъ незнанія-ли ими основныхъ качествъ культурныхъ слоевъ Польши, или отъ того, что и ихъ желанія сводятся собственно лишь къ предоставленію возможности путемъ широковѣщательныхъ разглагольствованій о народной

угнетенности достигнуть кормила власти? Послѣднее гораздо вѣроятнѣе, ибо незнаніе того духа, который искони одушевлялъ польскую шляхту, недопустимо. Онъ красною нитью проходитъ черезъ всю исторію Польши, онъ слишкомъ ярко проявляется и въ современныхъ намъ дѣйствіяхъ ея, для чего достаточно указать на безпримѣрно угнетенное положеніе крестьянъ въ Галиціи, гдѣ вся власть сосредоточена въ рукахъ шляхты. Гдѣ же находятъ гг. русскіе либералы болѣе справедливости и гуманности — въ предоставленіи-ли узкосословной кастѣ возможности попирать всѣ человѣческія права большинства народонаселенія, или же въ отстаиваніи интересовъ массы польскаго народа, что̀ немыслимо безъ полнаго обузданія шляхетской силы, безъ лишенія ея возможности потрясать правительственные устои? Какъ во имя народа русскіе нигилисты стремились свергнуть самодержавіе, то самодержавіе, которое даровало этому народу всѣ права человѣческія и является лучшею гарантіей его процвѣтанія, точно также во имя Польши, какъ цѣлаго, русскіе либералы усиленно ратуютъ объ освобожденіи ея отъ того правительственнаго начала, которое является лучшимъ охранителемъ духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ громаднаго большинства ея народонаселенія.

Не менѣе серіозною причиной отвращенія Поляковъ отъ соціализма является его интернаціональность. Польша между молотомъ и наковальней иностранной зависимости несомнѣнно усилила въ себѣ патріотизмъ. Добиваясь осуществленія національно-сословныхъ задачъ, она очевидно не можетъ примкнуть къ ученію, которое провозглашаетъ, что народность есть буржуазная, никому ненужная выдумка. Громадное большинство польской шляхты относится столь же несочувственно къ соціализму, какъ къ Россіи, и порой даже отождествляетъ ихъ; Милютинская программа ей столь же ненавистна по своему демократическому направленію, какъ потому, что она стремится къ обрусѣнію Польши.

Ясно, что Польская шляхта примириться съ Россіей, не утративъ своихъ особенностей, не въ состояніи. Исторически

воспитанная въ склонности къ тайнымъ организаціямъ и подпольнымъ заговорамъ, лишенная способности трезво смотрѣть на всѣ жизненныя явленія, о которыхъ судитъ не иначе, какъ пропустивъ ихъ черезъ призму своего воображенія, неизмѣнно рисующаго ихъ въ благопріятномъ имъ свѣтѣ, пропитанная ненавистью ко всякой власти, стоящей выше ея, она въ громадномъ большинствѣ своемъ очевидно не способна ни опредѣленно представить себѣ свое настоящее положеніе, ни придти къ правильному выводу изъ него. Помѣстное сословіе не можетъ простить русской власти ни освобожденія крестьянъ отъ полной отъ нихъ зависимости, ни вообще отношенія правительства къ низшимъ классамъ населенія. Всѣ работники мысли—литераторы, публицисты, даже художники—поневолѣ развиваютъ въ себѣ тотъ же духъ ненависти къ Россіи, тѣ же узко-національныя шляхетскія тенденціи, ибо ихъ произведенія цѣнятся въ краѣ соотвѣтственно той доли польскаго патріотизма и ненависти къ Москалю, которую они въ нихъ вкладываютъ, и такимъ образомъ ихъ интересы связаны съ сохраненіемъ будирующаго положенія. Образуется какой-то заколдованный кругъ, всѣ части котораго находятся въ тѣсномъ взаимодѣйствіи, другъ-друга воспаляютъ и обольщаютъ. Нѣтъ тѣхъ уступокъ, которыя бы удовлетворили Польскую шляхту, до такой степени ея чаянія и желанія несовмѣстимы не только съ русскимъ главенствомъ въ краѣ, но даже съ современнымъ общественнымъ строемъ; идеалъ ея—феодализмъ. Очевидно, при такомъ положеніи дѣла единственно правильное отношеніе къ шляхтѣ это непреклонное требованіе отъ ея представителей исполненія всѣхъ распоряженій правительства, неослабное укрощеніе всякаго проявленія ненависти къ Россіи, безусловное лишеніе ихъ возможности обратить свои враждебныя чувства къ существующему порядку во враждебныя противъ него дѣйствія. Малѣйшая поблажка, малѣйшее послабленіе можетъ быть лишь пагубнымъ не только для русскаго дѣла въ краѣ, но даже и для нихъ самихъ, такъ какъ, при легкой воспламеняемости польскихъ головъ и способности ихъ вѣрить въ осуществленіе самыхъ несбыточ-

ныхъ надеждъ, такія поблажки неизбѣжно приведутъ на тотъ путь, въ концѣ котораго ихъ собственная погибель.

Главная причина неуспѣха русской политики въ краѣ кроется въ ея непостоянствѣ. Если бы мы хотя съ 63 года дѣйствовали въ Привисляньи все съ тою же послѣдовательностью и стремились все къ той же цѣли, тѣми же путями, то разрѣшеніе польскаго вопроса нынѣ не заставило бы себя долго ждать. Но мы постоянно мѣняли свое отношеніе къ Полякамъ; положивши въ 1863 г. въ основаніе нашей системы взглядъ Милютина и Черкасскаго, мы по прошествіи всего лишь 15 лѣтъ вновь вернулись къ политикѣ уступокъ и заигрываній, а такая перемѣна въ коренной системѣ правленія, какъ бы кратковременна она ни была, сразу отодвигала успѣшное завершеніе дѣла на цѣлые годы, возвращала его къ исходному пункту.

Двѣнадцатилѣтнее стойкое управленіе краемъ согласно державнымъ начертаніямъ покойнаго Государя неотразимо доказало правильность этого взгляда. Къ концу этого срока польская интеллигенція замѣтно измѣнила свое отношеніе къ Россіи. Безпрекословно, неукоснительно исполнялись всѣ распоряженія русской власти, и сами Поляки стремились на словахъ, по крайней мѣрѣ, доказать свою преданность престолу, убѣдившись, что лишь такимъ способомъ могутъ достигнуть равноправности съ Русскими. Казалось, близокъ былъ тотъ моментъ, когда многіе изъ нихъ открыто перейдутъ въ русскій лагерь; но достаточно было перемѣны личной власти въ краѣ, вызванной, какъ полякамъ померещилось, нѣкоторымъ колебаніемъ русской политики, чтобы вновь окрылить всѣ польскія надежды, вновь воскресить ихъ сопротивленіе мѣрамъ правительственнымъ. И тутъ, какъ всегда, во главѣ движенія стало духовенство, а за нимъ послѣдовала и шляхта.

Постоянное противодѣйствіе всѣмъ польскимъ выходкамъ противъ Россіи,—такъ какъ они неизмѣнно служатъ прелюдіей болѣе серіозныхъ и болѣе активныхъ съ ихъ стороны начинаній и дѣйствій, какъ бы невинны на первый взглядъ

ни казались, — вотъ единственный способъ къ окончательному успокоенію края и примиренію его населенія съ потерянною самостоятельностью; какъ бы тяжелъ этотъ способъ для администратора ни былъ,—ибо постоянно карать—тяжелая обязанность,—онъ единственно справедливый. Необходимо поставить вопросъ ребромъ: можетъ-ли Россія допустить возстановленіе Польши, или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ нужно это сдѣлать немедленно, не теряя напрасно силъ въ борьбѣ одинаково тягостной для обѣихъ сторонъ. Но, какъ это нынѣ уже сознано всѣмъ русскимъ обществомъ, Польскій вопросъ отнюдь не мѣстный: Польша и Россія одновременно и самостоятельно существовать не могутъ; черезчуръ переплелись эти два племени этнографически. Тогда какъ Россія считаетъ Польшей лишь Привислянскій край, Поляки распространяютъ ее до Смоленска и Пскова съ одной стороны, до Кіева и Одессы съ другой; ясно что при такомъ положеніи обоимъ этимъ государствамъ существовать отдѣльною жизнью нельзя: Россія не можетъ вернуться къ своимъ предѣламъ XVI вѣка, Польша не можетъ удовлетвориться Привисляньемъ. Спросите любаго Поляка, и онъ несомнѣнно договорится до Польши отъ моря и до моря. Если же Россія возстановить Польши не можетъ, то другаго образа дѣйствій, кромѣ изложеннаго, не существуетъ, всѣ остальные неизбѣжно поведутъ лишь къ осложненію и обостренію взаимныхъ отношеній, а равно отсрочкѣ окончательнаго улаженія этого до сихъ поръ столь жгучаго вопроса.

Существуетъ, правда, еще третій способъ — усердно рекомендуемый озлобившимися въ постоянной борьбѣ съ Поляками Русскими чиновниками въ краѣ, но серіозно о немъ говорить нельзя,—это дать Полякамъ свободу и возможность доиграться до новаго возстанія и затѣмъ сразу покончить со всѣми неспокойными элементами, самыми крутыми мѣрами, въ обыкновенное время непримѣнимыми; заставить обнаружиться, снять маску всѣхъ наиболѣе ретивыхъ и, немилосердно истребивъ ихъ, властною рукой, стереть всѣ сохранившіяся по-днесь національныя особенности края. Способъ

несомнѣнно осуществимый —Россія достаточно сильна, чтобы не бояться никакихъ возстаній, Поляки достаточно легкомысленны, чтобы затѣять его. Но спрашивается: достойно-ли такой великой державы, какъ Россія, опуститься до роли подстрекателя, можетъ-ли она допустить напрасную гибель столькихъ подданныхъ своихъ, которые, будучи поставлены въ другія условія, обратятся въ полезныхъ сыновъ ея? Неужели Россія можетъ отступиться отъ, правда, тяжелой, упорной работы мирнаго насажденія русской гражданственности въ завоеванномъ краѣ, неужели въ ней нѣтъ достаточно духовной мощи, устойчивости во взглядахъ и направленіи способныхъ замѣнить съ успѣхомъ физическое насиліе?

Центральная власть въ краѣ, когда она находилась въ истинно русскихъ рукахъ, никогда этого не признавала: она постоянно бдительно слѣдила за искрами всякаго нарождающагося движенія, дабы не давать имъ разгорѣться въ пожаръ, неизбѣжно охватившій бы многихъ спокойныхъ гражданъ страны и несомнѣнно отразившійся бы на благоденствіи всего края. Какъ безъусловно лучше во-время легкимъ наказаніемъ остановить отъ дальнѣйшихъ проказъ провинившагося школьника, нежели дать имъ развиться при безнаказанности въ серіозные проступки, — такъ несомнѣнно во сто кратъ благоразумнѣе и сердобольнѣе уничтожать въ зародышѣ всякія поползновенія Польской шляхты къ пренебрежительному отношенію къ Россіи, нежели дать имъ свободу перейдти въ открытое сопротивленіе, ибо Польскій народъ до сихъ поръ ребенокъ: онъ краю не знаетъ. Да врядъ-ли когда-нибудь выростетъ этотъ народъ, какъ политическое цѣлое, до трезваго взгляда на жизнь.

ГЛАВА III.

МАГНАТЕРІЯ.

Однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ и обидныхъ тормазовъ успѣшнаго управленія Привислинскимъ краемъ нерѣдко являлась для мѣстной власти та интрига, которая дѣятельно ведется польскими вліятельными лицами въ Петербургѣ съ цѣлью противодѣйствовать исходящимъ изъ Варшавы начинаніямъ ея, хотя бы они направлены къ обрусѣнію края. Тутъ дѣйствующимъ лицомъ является польская аристократія, умѣло пользующаяся своими связями съ высшей русской знатью для достиженія своихъ цѣлей.

Относясь къ Россіи столь же недружелюбно, какъ и шляхта, высшее польское дворянство прикидывается, однако, примирившимся съ потерей политической самостоятельности страны, утверждаетъ, что всѣ его желанія сводятся къ уравненію правъ польскихъ подданныхъ Имперіи съ правами остальныхъ народностей. Въ разговорахъ съ русскими вліятельными лицами польскіе магнаты прилагаютъ всѣ старанія, чтобы убѣдить ихъ, что они сами понимаютъ невозможность возстановленія Польши, [illegible] доказательствомъ является вся польская исторія, а что при наличности этой невозможности они, конечно, [illegible] подъ владычествомъ Россіи, [illegible] въ пора-

бощеніи у Нѣмцевъ. Поляки, говорятъ они, отрезвились отъ пагубныхъ заблужденій, приведшихъ ихъ къ возстаніямъ 1830 и 1863 гг. и искренне примирились съ подданствомъ Русскому Императору которому они всею душой преданы. Эта преданность Царствующему Дому ими высказывается постоянно въ русскихъ кругахъ; на нее они опираются при домогательствѣ желательныхъ имъ уступокъ. Третье слово у нихъ — это ихъ лойяльность, чѣмъ они хотятъ сказать, что вполнѣ придерживаются законовъ и отнюдь не участвуютъ въ какихъ-либо замыслахъ противъ Россіи. Довольно ловко отдѣляютъ они при этомъ свою преданность престолу и покорность исходящимъ отъ него велѣніямъ отъ любви къ Россіи и ея задачамъ. Не смѣя прямо высказывать, что ихъ желанія состоятъ въ приведеніи Польши къ положенію федеративной державы, связанной съ Россіей лишь личною уніей въ Особѣ Царя,—дальше чего дѣйствительно многіе изъ нихъ не идутъ въ своихъ помыслахъ, — они, однако, довольно ясно на это намекаютъ, забывая лишь дополнить, что подъ Польшей они понимаютъ и весь Сѣверо и Юго-Западный край. Прикрываясь личиною преданности Царю, доходя даже до того, что, пріѣхавши въ Петербургъ, они вдругъ научаются говорить порусски,—знаніе ими тотчасъ утрачиваемое по возвращеніи въ Варшаву,—они въ столицѣ поютъ безконечныя іереміады о стѣсненномъ положеніи края, при чемъ не задумываются „къ былямъ небылицъ безъ счета прилагать.“ Вліяніе этой партіи въ Петербургѣ въ семидесятыхъ годахъ было отнюдь не эфемерное; ей часто удавалось останавливать и измѣнять многія начинанія мѣстной власти въ смыслѣ ей желательномъ. Дисциплина партіи полная: непокорныхъ она умѣетъ подчинить, дѣйствуя иногда даже насиліемъ.

Во главѣ варшавской аристократіи, въ теченіе долгихъ лѣтъ стояла, согласно характеру націи, женщина—графиня Александра Потоцкая. Проведя всю свою молодость въ Петербургѣ, гдѣ она вращалась въ кругу русской аристократіи, со многими представителями коей сохранила близкія отношенія, владѣя громаднымъ состояніемъ, въ нѣсколько сотъ

Уральский Индустриальн. Ин-тут
имени С. М. Кирова
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Варшавскаго Комитета Земскаго Кредитнаго Общества, гдѣ игралъ весьма видную роль. Умный, образованный, онъ пользуется своимъ положеніемъ въ обществѣ, дабы постоянно являться передъ высшею властью выразителемъ его желаній, ходатаемъ по дѣламъ общественнымъ и благотворительнымъ. При представленіи какихъ-либо депутацій отъ общества, во главѣ ихъ неизмѣнно находится этотъ ультрамонтанъ, которому принадлежитъ и главное руководство весьма распространеннаго журнала *Slowo*. Направленіе этого изданія столь же клерикальное, какъ и той партіи, органомъ коей оно служитъ.

Затѣмъ слѣдуетъ партія непримиримыхъ и даже — качество рѣдкое — открытыхъ враговъ Русскаго владычества. Представители ея, въ противоположность остальнымъ польскимъ магнатамъ, не добиваются внѣшнихъ даваемыхъ правительствомъ отличій, что, впрочемъ, составляетъ предметъ особой ихъ гордости. Они не стѣсняясь заявляютъ, что настоящее положеніе края для Поляковъ нестерпимо, — при чемъ особенно настаиваютъ на безчеловѣчности устраненія Поляковъ отъ участія въ управленіи имъ, на беззаконности ограниченія ихъ числа извѣстною нормой въ войскахъ и судебныхъ учрежденіяхъ.

Къ этой партіи принадлежалъ между прочимъ недавно умершій въ Варшавѣ извѣстный богачъ гр. Людвигъ Красинскій, стремившійся играть роль мецената современнаго польскаго искусства, что̀ при его колоссальномъ состояніи было бы ему вполнѣ доступно, если бы тому не препятствовала его сказочная скупость. Въ сущности, въ виду занятаго ею положенія открытой оппозиціи, фракція эта менѣе вредна Россіи, нежели многія другія.

Къ совершенно другой категоріи принадлежатъ сторонники извѣстной программы примиренія съ Россіей маркиза Вельепольскаго. Имѣя обширныя связи въ петербургскихъ высшихъ кругахъ — они, разумѣется, стараются ими пользоваться для возбужденія въ правительственныхъ сферахъ симпатій къ нынѣшнему положенію Польши. Отъ общественныхъ польскихъ дѣлъ они всецѣло устраняются, стараясь свое отдѣльное по-

ложеніе выставить, какъ неоспоримое доказательство преданности Россіи. Многіе изъ нихъ свободно и охотно говорятъ по-русски, даже въ присутствіи своихъ сородичей (въ отдѣльности, съ глазу на глазъ съ Русскимъ всѣ Поляки, владѣющіе русскимъ языкомъ, охотно говорятъ на немъ, думая, такимъ образомъ, скорѣе достигнуть цѣли, ибо Полякъ рѣдко говоритъ съ Русскимъ безъ опредѣленной цѣли, при чемъ охотно высказываютъ свой взглядъ на польско-русскія отношенія, конечно, совпадающій съ пресловутою программой, осуществленія коей они добиваются.

Каждая изъ этихъ кружкій имѣетъ своихъ главарей, вокругъ которыхъ и группируются остальные члены аристократіи.

Наибольшею ненавистью къ Россіи отличаются въ этомъ обществѣ женщины, изъ которыхъ ни одна не рѣшится произнести русскаго слова, а тѣмъ паче переступить порога православной церкви; тогда какъ мужчины относятся къ Русскимъ въ сношеніяхъ съ ними со льстивою вѣжливостью, женщины стремятся открыто высказать свою ненависть, при чемъ многія не стѣсняются ради этого даже правилами свѣтской вѣжливости.

Немаловажное мѣсто занимаютъ въ варшавской знати и еврейскія богатыя семьи, разумѣется изъ банкировъ, на дочеряхъ коихъ обѣднѣвшіе польскіе магнаты не брезгаютъ жениться ради позолоты своихъ потускнѣвшихъ гербовъ. Всѣ они, разумѣется, выдаютъ себя за истыхъ польскихъ патріотовъ, при чемъ нерѣдко заходятъ гораздо дальше въ своихъ притязаніяхъ, нежели дѣлаютъ это сами Поляки, что не мѣшаетъ имъ однако искать русскихъ чиновъ и прибыльно наживать состоянія на русскихъ предпріятіяхъ.

Нечего говорить, что вся польская аристократія—ультраконсервативнаго направленія и милитантную партію почитаетъ за революціонную. Поддерживая связь какъ съ польскими эмигрантскими обществами Парижа, такъ въ послѣдности съ австрійско-польскою партіей въ Галиціи, варшавская знать въ разговорахъ съ Русскими, однако, упорно отрекается отъ всякихъ сношеній съ этою послѣдней, указывая, между прочимъ,

на тяжелое экономическое положеніе Поляковъ, состоящихъ въ австрійскомъ подданствѣ, не могущее де кого-либо прельстить перейти, даже при условіи предоставленія самыхъ широкихъ политическихъ правъ, въ подданство этой державы. Послѣднее несомнѣнно справедливо,—налоги въ Австріи столь велики, что поглощаютъ больше половины дохода съ недвижимыхъ имуществъ,—но это все же не мѣшаетъ варшавской аристократіи имѣть дѣятельныя сношенія съ партіей Станчиковъ и по временамъ ѣздить въ Краковъ, дабы почерпнуть тамъ у источника запасъ свѣжихъ силъ въ борьбѣ съ Россіей.

Основанная на заигрываніяхъ съ шляхтой политика Ген. Альбединскаго пришлась какъ нельзя болѣе по вкусу польскимъ магнатамъ, не безъ основанія разсчитывавшимъ возстановить съ ея помощью свое былое значеніе въ краѣ; воскресшая въ 1883 году программа Милютина была ей тѣмъ менѣе симпатична, чѣмъ сильнѣе они надѣялись, что правительство окончательно съ ней распростилось. Слѣдуя, однако, своей исконной политикѣ, твердо памятуя qu'on prend plus de mouches avec du miel, qu'avec du vinaigre, это общество отнюдь не стремилось стать къ высшей власти въ краѣ въ непріязненныя отношенія, а лишь удвоило старанія обойти ее съ помощью самой тонкой лести, самой почтительной вѣжливости. Одинъ передъ другимъ старались представители этого общества убѣдить администрацію края въ глубокой ихъ преданности престолу, въ горячей ихъ любви къ царствующему Императору, въ высокомъ почитаніи выдающихся талантовъ его правителей.

Дѣйствуя, однако, такимъ образомъ, въ Варшавѣ, они не преминули пустить въ ходъ всѣ свои петербургскія связи для видоизмѣненія политики новаго генералъ-губернатора путемъ давленія свыше. Полная неудача, постигшая всѣ эти попытки, убѣдила ихъ, что времена измѣнчивы, что всякіе обходные пути, всякіе закулисные происки не ведутъ болѣе ни къ какому результату, и уже съ тѣхъ поръ, и въ теченіи всего минувшаго царствованія, возложили они всѣ свои надежды на прямое личное воздѣйствіе на мѣстную власть, при

чемъ въ концѣ-концовъ пришли повидимому къ убѣжденію, что при всей непреклонности проводимой ею политики она имѣетъ одно несомнѣнное достоинство—это ясность требованій и безусловную правдивость во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Отказъ въ исполненіи ихъ желаній облекался въ безукоризненно-вѣжливую форму. Не расточала центральная власть края обѣщаній, не тѣшила Поляковъ иллюзіями, но разъ обѣщанное неизмѣнно исполнялось. Этихъ качествъ не могли не замѣтить польскіе аристократы, и въ разговорахъ съ Русскими не пропускали случая, дабы указать на нихъ съ величайшею похвалой. Нѣтъ сомнѣнія, что Варшавская знать предпочитала бы видѣть на должности варшавскаго генералъ-губернатора другое лицо, съ иными политическими взглядами на Польскій вопросъ, но убѣдившись, что при существующемъ направленіи русская политика въ краѣ отнюдь не зависитъ отъ личнаго состава администраціи, она кончила тѣмъ, что, какъ многое указывало, перестала желать всякой перемѣны въ этомъ составѣ, въ особенности подъ конецъ, когда она уже привыкла къ новому режиму; это, разумѣется, не помѣшало польскимъ магнатамъ, при малѣйшей блеснувшей надеждѣ увидѣть перемѣну этой политики, сразу измѣнить свое отношеніе къ мѣстной власти, со дня на день забыть всѣ тѣ похвалы и лесть, которыя они въ теченіи столькихъ лѣтъ расточали передъ нею, и вновь прибѣгнуть къ тѣмъ средствамъ, которыя въ былыя времена не разъ оказывались дѣйствительными. Но этого въ вину имъ ставить нельзя. Они дѣлаютъ свое національное дѣло. Россія же должна преслѣдовать свои задачи.

Вліяніе аристократіи на остальные классы населенія въ Привисляньѣ незначительное; съ крестьянствомъ она находится въ столь же дурныхъ отношеніяхъ, какъ и все помѣстное сословіе, вслѣдствіе укоренившагося убѣжденія, что—хлопъ не человѣкъ. Характерно, между прочимъ, какъ относится она къ дѣлу народнаго образованія. Низшія школы въ краѣ дѣлятся на сельскія и гминныя (волостныя); первыя содержатся исключительно на крестьянскія средства, вторыя—

на средства всѣхъ сословій, владѣющихъ земельною собственностью въ предѣлахъ гмины, которая въ Привисляньѣ всесословна, при чемъ гминными сходами устанавливается раскладка необходимой для содержанія училища суммы, по количеству находящейся во владѣніи каждаго земли — это такъ-называемая школьная складка. При учрежденіи такой-то школы въ гминѣ, включающей часть громадныхъ помѣстій ордината (маіоратиста) гр. Замойскаго, самаго богатаго землевладѣльца не только края, но, пожалуй, и всей Имперіи, этотъ магнатъ на-отрѣзъ отказался уплатить приходящіеся на его долю нѣсколько рублей этой складки; гминное управленіе принуждено было описать часть его имущества, кажется стогъ сѣна, и продать его съ публичныхъ торговъ для полученія необходимой для содержанія школы суммы.

Этотъ единичный фактъ самъ по себѣ, разумѣется, ничего бы не доказывалъ, еслибы не тотъ восторгъ, съ которымъ онъ былъ принятъ всѣмъ дворянствомъ края: объ немъ до-сихъ поръ говорятъ, какъ о фактѣ не только достойномъ подражанія, но свидѣтельствующемъ о рѣдкой гражданской доблести.

Въ глазахъ же патріотически настроенной шляхты, мелкихъ чиновниковъ и журналистовъ, значеніе аристократіи сводится къ тому предполагаемому ими вліянію, которымъ она будто бы пользуется въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. По отношенію къ этимъ сословіямъ она пользуется значеніемъ лишь до тѣхъ поръ, пока является хранителемъ польскихъ традицій. Возбудить въ нихъ польскій шовинизмъ она несомнѣнно въ состояніи, но совершенно не въ силахъ остановить или направить въ иную сторону работу мысли этихъ классовъ. Въ тотъ день, когда польская аристократія открыто заявитъ, что она переходитъ въ правительственный лагерь, прекратится и всякая политическая роль ея въ краѣ, и это даже является главною причиной стойкости многихъ ея членовъ.

Польская знать, ничѣмъ не занятая, предающаяся исключительно разнымъ видамъ спорта, видитъ въ политическо

роли свое raison d'être; эта роль тѣшитъ ея самолюбіе. Ея положеніе вполнѣ сходно съ тѣмъ, которое заняла по отношенію къ третьей республикѣ французская аристократія, съ которой она вообще имѣетъ много сходныхъ чертъ; тотъ же внѣшній лоскъ, та же страсть къ показной роскоши, къ кинегетическимъ удовольствіямъ, то же стремленіе постоянно быть dans le train. Серіозныхъ задачъ, несмотря на весьма значительныя богатства, сосредоточенныя въ ея рукахъ—она какъ сословіе не преслѣдуетъ, патріотизмъ ея сводится главнымъ образомъ къ сохраненію во внутреннихъ покояхъ своихъ дворцовъ польскихъ орловъ, осѣняющихъ нерѣдко ихъ брачныя ложа, усердному чтенію закордонныхъ польскихъ газетъ, свободно поносящихъ Россію, да пѣнію іереміадъ о стѣсненномъ положеніи края. Даже въ домашнемъ строѣ польскіе магнаты лишь самымъ поверхностнымъ образомъ сохраняютъ старо-польскіе свычаи и обычаи. Ни къ какимъ активнымъ дѣйствіямъ аристократы, разумѣется, не прибѣгнутъ; этому черезчуръ мѣшаетъ ихъ привольная жизнь, измѣнить спокойное теченіе которой имъ нѣтъ никакого разсчета.

Единственная область, въ которой участіе польской аристократіи болѣе значительно—это религіозная. На духовенство края, при посредствѣ епископовъ, съ коими поддерживаетъ близкія сношенія, она несомнѣнно имѣетъ вліяніе, но все же и тутъ не въ ея силахъ измѣнить общее направленіе польско-католическаго духовенства: и въ этой сферѣ ея вліяніе прекратилось бы со дня открытаго признанія ею правильности русской политики въ краѣ.

Существуетъ еще одна область, въ которой аристократія проявляетъ свою дѣятельность—это благотворительность, но и здѣсь, къ сожалѣнію, эта дѣятельность не лишена политической окраски. Въ многочисленныхъ дѣтскихъ пріютахъ, содержимыхъ варшавскими благотворительными обществами, всецѣло находящимися въ вѣдѣніи аристократіи, принимаются католики и... евреи, но отнюдь не православные; устраиваемымъ этимъ обществомъ благотворительнымъ гуляніямъ, ба-

зарамъ и т. п. увеселеніямъ старательно придается національно-польскій характеръ. Послѣднее, впрочемъ, объясняется и тѣмъ, что этотъ характеръ обезпечиваетъ наибольшій матеріальный успѣхъ празднествъ, такъ какъ неизмѣнно служитъ лучшею приманкой варшавянъ; въ виду плохаго, неумѣлаго устройства всѣхъ этихъ увеселеній, такъ какъ Поляки плохіе организаторы и администраторы, они несомнѣнно сопровождались бы полною неудачей при отсутствіи этой приманки. Подъ видомъ же благотворительности стремятся высшіе классы общества забрать въ свои руки народное образованіе; съ этой цѣлью содержатъ они множество дѣтскихъ пріютовъ, гдѣ призрѣваемые, не только воспитываются, но даже и обучаются (разумѣется тайно) въ строго польско-католическомъ духѣ. При произведенной въ Варшавѣ въ началѣ 1892 года учебнымъ начальствомъ внезапной ревизіи пяти изъ этихъ пріютовъ оказалось, что всѣ они правильно организованныя польскія училища, съ преподаваніемъ на польскомъ языкѣ и, разумѣется, съ полнымъ исключеніемъ языка русскаго. Между „призрѣваемыми“ воспитанниками оказались 15-лѣтніе мальчики!

ГЛАВА IV.

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЕ ДУХОВЕНСТВО.

Интеллигентные слои Польскаго населенія Привислянья представляютъ, какъ мы видѣли, элементы безпокойные, очевидно не помирившіеся съ мыслью объ окончательной потерѣ Польшей своей политической независимости, но эти классы погружены въ свои житейскія дѣла и заботы, а посему хотя и оказываютъ сопротивленіе правительственнымъ мѣропріятіямъ, но характера въ большинствѣ случаевъ разрозненнаго и почти исключительно пассивнаго; положительнаго въ ихъ анти-русскихъ вожделѣніяхъ и дѣйствіяхъ очень мало, а поступательнаго хода совсѣмъ нѣтъ; наоборотъ, замѣчается нѣкоторая регрессія; такъ ихъ желанія, въ зависимости отъ стойкой политики, проводимой въ краѣ въ минувшее царствованіе, становились все у́же, все благоразумнѣй.

Совершенно обратное явленіе приходится, къ сожалѣнію, отмѣтить въ той кастѣ, которая играетъ наиболѣе видную роль въ духовной жизни кореннаго населенія этой области. Католическое духовенство Привислянья не только не отступилось отъ того образа мыслей, который постоянно выдвигалъ его членовъ въ каждомъ народномъ движеніи края, не только не отказалось отъ активной роли въ дѣлѣ поддержанія спеціально анти-русскихъ вожделѣній въ паствѣ, но на-

оборотъ усилило въ своихъ членахъ чувства ненависти къ Россіи, расширило, а главное систематизировало свою активную дѣятельность противъ органическаго сліянія Западныхъ окраинъ съ центромъ. На этой дѣятельности слѣдуетъ особенно подробно остановиться, ибо она-то является нынѣ не только главнымъ тормазомъ этого сліянія, но нерѣдко содѣйствуетъ даже усиленію существующей розни.

Римско-католическое духовенство такая сила, съ которою приходится не только бороться, но еще и ладить,—а это дилемма, которая почти неразрѣшима. Благодаря своему привиллегированному положенію, оно искони являлось въ роли хранителя скиніи завѣта національно-польскихъ традицій; очагъ всѣхъ Польскихъ революцій, возстаній и смутъ неизмѣнно находился въ его рукахъ. Оно было зачинщикомъ, явнымъ или тайнымъ коноводомъ всякаго возмущенія въ краѣ. Прикрываясь сѣнью храма, неприкосновенность котораго отъ мірской власти обезпечена святостью символа, который высится на его куполѣ, оно спокойно, ненарушимо продолжаетъ свое преступное дѣло разжиганія народныхъ страстей, обращаетъ самый храмъ этотъ изъ мѣста проповѣди Слова Божьяго, научающаго любить ближняго, въ мѣсто пропаганды ученія, разжигающаго ненависть въ своихъ послѣдователяхъ. Всякое свое дѣйствіе оно основываетъ на канонахъ церкви, всякую же мѣру правительственную, стремящуюся обуздать его политическую пропаганду, истолковываетъ какъ посягательство на свободу совѣсти, какъ нарушеніе религіозной терпимости. Въ своей неограниченной дерзости доходитъ оно до обвиненія русской власти въ атеизмѣ, до навязыванія ей стремленій, которыми Латинство проникнуто всецѣло, но кои Россіи и Православію—совершенно чужды: не брезгуя само никакими средствами для увеличенія числа своихъ прозелитовъ, оно приписываетъ тѣ же намѣренія и Россіи, громко вопіетъ, что русская держава стремится не только обратить Поляковъ въ Русскихъ, но и католиковъ въ Православныхъ.

Такъ-ли это въ дѣйствительности? Стремится-ли Россія обратить Поляковъ въ православіе? Безусловно-ли необходи-

мо для нея, чтобы всѣ ея подданные принадлежали къ главенствующей въ государствѣ церкви? Очевидно, нѣтъ. Въ составъ Русской имперіи входятъ многочисленныя племена, исповѣдующія самыя различныя религіи, и Россія, какъ государство, отнюдь не стремится къ обращенію ихъ въ православіе; она не только не вмѣшивается въ дѣла вѣры многочисленныхъ своихъ инославныхъ подданныхъ христіанскаго исповѣданія, но даже не касается религіознаго быта народовъ, къ христіанству не принадлежащихъ.

Очевидно, если Россіи приходится постоянно вѣдаться съ вопросами католической вѣры, то причина этого кроется не въ вожделѣніяхъ ея присоединить католиковъ къ лону православной церкви, а въ дѣятельности самого католическаго духовенства, въ его стремленіяхъ распространить свою сферу вліянія не только на вопросы прямо соприкасающіеся съ вѣрой, но и на относящіеся исключительно къ области соціально-политической. Католичество, издавна признано за церковь воинствующую, въ которой элементы духовные столь тѣсно переплелись съ элементами политическими, что отдѣлить ихъ другъ отъ друга невозможно для самаго тонкаго богослова. Сообразно съ этимъ католичество всегда преслѣдовало не качественное возвышеніе своей паствы, а количественное ея увеличеніе. Прозелитизмъ, безразлично какими путями онъ достигается—вотъ единственная задача, которую преслѣдовало папство.

Ради же воздѣйствія на мірскую власть папство организовало свое духовенство въ отдѣльную замкнутую касту, безбрачіемъ оторвавъ его отъ всѣхъ остальныхъ сословій, но отнюдь не отнимая у него національныхъ особенностей, не подавляя въ немъ стремленій не только къ возвышенію своей родины, но и къ личному къ тому содѣйствію путемъ захвата въ свои руки мірской власти, руки, работу коихъ Ватиканъ стремится всецѣло направлять лично. Римъ, въ лицѣ папъ, постоянно домогался всесвѣтнаго владычества посредствомъ своей духовной арміи. Благодаря его вліянію получилось то польское духовенство, которое, обладая всѣми ка-

чествами дисциплинированной, тѣсно сплоченной касты и сохранивъ всѣ народныя тенденціи, внесло лишь большую систематичность, большую послѣдовательность въ преслѣдованіи тѣхъ задачъ, которыя намѣтила себѣ Польская шляхта, но для достиженія коихъ послѣдней недостаетъ ни выдержки, ни стойкости, ни системы. Въ безумную, несогласованную борьбу этой шляхты съ Россіей, оно въ мѣрѣ своего въ ней участія, внесло опредѣленность цѣлей, организованную систему, рѣдкое самообладаніе, постоянство и неуклонность,— качества совершенно несвойственныя польской народности. Поэтому-то является это духовенство единственнымъ опаснымъ врагомъ Россіи. Всѣ остальные элементы Польши, недовольные своимъ подчиненіемъ Россіи, ничего серіознаго добиться не могутъ, хотя бы вслѣдствіе того, что они до сихъ поръ сами не рѣшили, чего имъ собственно слѣдуетъ добиваться, а главнымъ образомъ вслѣдствіе полнаго отсутствія дисциплины, такъ какъ каждый шляхтичъ стремится быть начальникомъ, и ни одинъ не желаетъ быть подчиненнымъ. Это— выдающееся свойство Польской шляхты, отъ котораго она можетъ отрѣшиться, лишь пройдя черезъ суровую, все себѣ подчиняющую католическую семинарію; изъ нея она наравнѣ со всѣми представителями другихъ народностей и классовъ общества выходитъ перерожденною, въ ней она воспринимаетъ способность всецѣло подчиняться велѣніямъ своихъ начальниковъ, а равно умѣніе властвовать надъ своею паствой. Старая истина, гласящая, что тотъ, кто желаетъ повелѣвать, прежде долженъ научиться повиноваться, прекрасно понята Латинствомъ. На ней оно построило всю систему своего воспитанія, и результаты въ желаемомъ имъ смыслѣ получились блестящіе: оно дѣйствительно создало такимъ путемъ цѣлую армію, въ которой низшіе чины, при полной подчиненности высшимъ, столь же прекрасно умѣютъ властвовать, какъ высшіе, при привычкѣ безгранично повелѣвать, не утратили способности подчиняться.

Но могутъ возразить, что католически-польское духовенство нерѣдко однако шло противъ велѣній папскихъ, которыя

де неоднократно запрещали революціонныя тайныя общества, указывали на необходимость безусловнаго повиновенія существующей власти, не разсуждая о законности или незаконности ея, что наконецъ папы посланіями, обращенными спеціально къ польскимъ епископамъ, осуждали именно польскія возстанія; такъ поступилъ Григорій XVI, 9 іюня 1832 г. по отношенію къ возстанію 1830 г., а Пій IX 30 іюня 1864 г. словами—reprobamus ac damnamus—даже проклялъ возстаніе 63 года. Да, несомнѣнно, все это было, но что же это доказываетъ кромѣ двуличія папства и олицетворяемаго имъ Латинства, кромѣ того, что католическая религія всегда имѣетъ въ запасѣ такое множество догматовъ и ученій, которые даютъ ей свободную возможность принять въ каждомъ дѣлѣ ту сторону, которую въ данное время ей принять выгоднѣе. Въ лабиринтѣ папскихъ декретовъ, декреталій и буллъ всякое дѣйствіе можетъ найти себѣ оправданіе. Достаточно противопоставить велерѣчивымъ посланіямъ папскимъ, заключавшимъ осужденіе польскихъ возстаній, но не ранѣе однако полнаго подавленія ихъ, ту несомнѣнную поддержку, которую Римская курія имъ оказывала въ моментъ ихъ нарожденія и разгара. Вспомнимъ знаменитую аллокуцію о Польшѣ, сказанную Піемъ IX въ 1863 году, послѣдствіемъ которой былъ перерывъ нашихъ офиціальныхъ сношеній съ Ватиканомъ. Вспомнимъ поддержку, оказываемую и по-днесь намѣстниками св. Петра всѣмъ тайнымъ и явнымъ польско-католическимъ монашескимъ орденамъ и мірскимъ братствамъ, цѣль которыхъ состоитъ въ противодѣйствіи русской власти, въ воспитаніи подрастающаго поколѣнія Польши въ духѣ ненависти къ Россіи и православію.

Нельзя не упомянуть про цѣлую литературу, принадлежащую перу католически-польскаго духовенства, предназначенную для поддержки того взгляда, что костелъ никогда не можетъ признать своею основой государственнаго закона, что противъ каждаго закона, не соотвѣтствующаго его понятіямъ, истинный католикъ не только имѣетъ право, но обязанъ возставать. На такой почвѣ возстаніе, говорятъ эти духовные

учителя народа, всегда нормально, причемъ приводятъ слова папы (Иннокентія III), признающаго за церковью право осуждать всѣ безъ изъятія дѣйствія правителей. Присягу даже признаютъ они недѣйствительною, если она дана такимъ Монархамъ, которые не повинуются всецѣло велѣніямъ папскимъ. Къ этого рода сочиненіямъ принадлежатъ проповѣди, рѣчи, воззванія и книги духовнаго содержанія, авторами коихъ являются ксендзы, какъ-то, Пельчеръ, Сѣдлецкій, Осмольскій, Антоневичъ, Янишевскій и многіе друг.

Укажемъ напримѣръ, на сочиненіе ксендза Булинскаго „Исторія Польскаго костела“ — врядъ-ли среди свѣтской литературы найдется произведеніе, преисполненное большею ненавистью къ Россіи и православію, или на проповѣди Консевича, прямо призывающія польское духовенство къ борьбѣ всѣми способами противъ русскаго правительства. Наконецъ, вспомнимъ про обнародованную въ 1865 г. обществомъ эмигрировавшихъ послѣ возстанія польскихъ ксендзовъ (societas sacerdotum polonorum in emigratione) прокламацію, къ коей прямо заявлялось, что все польское духовенство дѣйствуетъ за одно съ революціей, что въ Польшѣ возбудить народъ можно лишь посредствомъ религіи и, наконецъ, что католическая вѣра—могущественное средство для возстанія.

Чѣмъ же отвѣчали на всѣ эти призывы польскаго духовенства къ явной и тайной борьбѣ противъ установленной власти Римскія конгрегаціи? Отлучалъ-ли Ватиканъ авторовъ ихъ отъ церкви, указывалъ-ли на несогласіе ихъ взглядовъ съ основными правилами католицизма, помѣщалъ-ли ихъ сочиненія въ списокъ книгъ церковью для чтенія вѣрными запрещенныхъ?—Не только не дѣлалъ онъ всего этого, но наоборотъ поддерживалъ этотъ духъ въ служителяхъ польскихъ алтарей, на коихъ не столько превозносится имя Божіе, какъ слава распавшейся Польши. Эта поддержка не прекращается и до настоящаго времени; такъ папа Левъ XIII повелѣлъ составить спеціальную молитву для Поляковъ, въ коей они именуются изгнанниками и обращаются къ Богу съ мольбой о

защитѣ народа отъ несправедливостей и козней, которымъ онъ подвергается. Чтеніе этой молитвы должно происходить особенно торжественно, при колѣно-преклоненномъ народѣ и духовенствѣ.

Еще ярче выражается эта поддержка папы преступному образу дѣйствій, присягнувшихъ на вѣрность престолу польскихъ ксендзовъ, въ учрежденіи и распространеніи разныхъ тайныхъ братствъ, дѣятельно распространяющихъ среди народа тѣ именно взгляды на отношенія Польши къ Россіи, которые высказываются въ упомянутыхъ сочиненіяхъ польскаго духовенства, прямое распространеніе коихъ затруднительно вслѣдствіе запрещенія ихъ ввоза въ предѣлы Россіи. Къ таковымъ принадлежатъ *Братство Сердца Іисусова*, состоящее подъ непосредственнымъ руководствомъ ордена Іезуитовъ и, возникнувшее въ началѣ 90-хъ годовъ, *Братство Пресвятой Дѣвы Маріи — королевы короны польской* (единственной по польскимъ понятіямъ достойной носить ее). Центръ этихъ братствъ находится въ Римѣ, гдѣ непосредственно прикрывается могучимъ крыломъ Ватикана; организація ихъ отличается всѣми особенностями, характеризующими всякія подпольныя сообщества; уставъ ихъ хранится въ глубочайшей тайнѣ и не только братчикамъ, но и предсѣдателямъ отдѣловъ братства въ полномъ объемѣ незнакомъ; въ краткомъ же руководствѣ, предназначенномъ братчикамъ, указывается, что цѣль ихъ состоитъ не въ твореніи молитвъ (отъ этого они даже вовсе избавляются), а въ образованіи изъ соревнователей послушныхъ и дѣятельныхъ орудій, готовыхъ приступить къ исполненію всякихъ повелѣній, исходящихъ свыше, при первомъ данномъ къ тому знакѣ. Очевидно, что эти братства предназначены играть видную роль во всѣхъ политическихъ событіяхъ края, коль скоро будетъ нарушено его спокойствіе. Они не что иное какъ тайная, но дисциплинированная армія, которую Римъ стремится создать въ нашихъ предѣлахъ. Покрывши ихъ членами всѣ мѣстности, населенныя Поляками, онъ ищетъ связать ихъ этими братствами въ сплоченное цѣлое, преслѣдующее ту же цѣль, къ

которой стремится костелъ — низверженіе русской власти— для чего ожидаются лишь благопріятныя обстоятельства. Съ этою же цѣлью поддерживаются они Австріей, видящей въ нихъ надежныхъ союзниковъ въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ Россіей. Такимъ же несомнѣнно политическимъ характеромъ отличаются и прочія братства, дѣятельно вербующія членовъ среди всѣхъ слоевъ населенія Привисляньа. Къ нимъ принадлежатъ братства *св. Обличія*, *св. Франциска*, *Непорочнаго сердца Маріи* и другія, менѣе распространенныя.

Кромѣ основныхъ свойствъ папскаго института, побуждающихъ его во всѣхъ странахъ, въ которыхъ первенствующая церковь не католическая, всячески подстрекать свою паству къ низверженію правящей въ нихъ схимзатической, по его понятіямъ, власти, существуютъ и особенныя причины, вслѣдствіе которыхъ римская курія не можетъ свыкнуться съ мыслью объ окончательной утратѣ Польшей своей исторической жизни, и стремится къ ея возстановленію. Причина эта заключается въ томъ, что Польша въ эпоху ея самобытности являлась самымъ дѣятельнымъ врагомъ православія, усердно совращая въ католицизмъ всѣхъ тѣхъ своихъ подданныхъ, которые къ нему не принадлежали. Съ ея помощью удалось Ватикану вовлечь въ унію исконно православное населеніе Кіевской Руси и Литвы; по мѣрѣ поступательнаго хода Польши на Востокъ мечталъ онъ распространить ее на всю Россію и тѣмъ совершенно поглотить православіе. Понятіе о Польшѣ „отъ моря и до моря“ столь же присуще римскимъ конгрегаціямъ, какъ польской шляхтѣ. Римъ идетъ даже дальше въ своихъ притязаніяхъ, нежели, надо полагать, самый ярый польскій патріотъ; онъ не ограничиваетъ сферу своего вліянія никакою опредѣленной географической чертой. Единственное же орудіе для достиженія своей цѣли на Востокѣ онъ видитъ въ возстановленіи Польскаго государства, а потому-то всемѣрно поддерживаетъ въ польскомъ духовенствѣ духъ ненависти къ Россіи, побуждаетъ его къ агитаторской дѣятельности въ народныхъ массахъ. Ватиканъ ско-

рѣе примирится съ подчиненіемъ Польши лютеранской Германіи, нежели православной Россіи, такъ какъ ясно сознаетъ, что обратить лютеранъ въ католичество немыслимо; но еще до сихъ поръ не проникся убѣжденіемъ, что это нынѣ столь же недостижимо по отношенію къ православію, которое онъ было вовлекъ въ свои сѣти посредствомъ Флорентійской уніи, послѣдователи коей постепенно все болѣе отторгались отъ православія. Папа не можетъ равнодушно смотрѣть на возвращеніе уніатовъ въ лоно православія, онъ взираетъ на это дѣло какъ на отторженіе отъ его власти своихъ подданныхъ, даже какъ на похищеніе вѣрныхъ сыновъ своихъ; въ этомъ дѣлѣ взглядъ Ватикана совпадаетъ со взглядомъ того дикаря, который считалъ добромъ, если онъ у кого-либо украдетъ жену и зломъ, если у него украдутъ жену. Ватиканъ идетъ даже дальше въ этомъ провозглашеніи, что добро есть то, что мнѣ хорошо, а зло то, что мнѣ дурно. Онъ даже признаетъ, что стремленіе собственника къ возвращенію украденнаго есть неслыханное злодѣяніе.

До какой степени папство постоянно стремилось къ власти надъ своею паствой, а не къ чистотѣ вѣры ею исповѣдуемой, ярче всего свидѣтельствуетъ та же унія, по которой Ватиканъ призналъ за православными право исповѣдывать всѣ тѣ его основные догматы, которые отдѣляютъ Восточную церковь отъ Западной, а слѣдовательно до извѣстной степени допустилъ правильность этихъ догматовъ, при томъ лишь условіи, чтобы приверженцы ихъ покорились его власти. Такимъ образомъ, ради распространенія своего мірскаго владычества папство признавало то, что оно величаетъ схизмой и благословляло именуемыхъ имъ „схизматиками".

Ясно, что всѣ помыслы Ватикана направлены исключительно къ расширенію путемъ увеличенія своей паствы предѣловъ личнаго могущества. Вотъ причины, почему всѣ соглашенія Россіи съ папой, а тѣмъ болѣе всѣ уступки латинству неизмѣнно вели къ ущербу интересовъ Россіи, не только въ областяхъ ея, населенныхъ католиками, но и вообще во всей ея государственной совокупности. Всякій рус-

скій дѣятель при сношеніяхъ съ папскимъ престоломъ долженъ постоянно имѣть это въ виду; настольною книгой его должно быть сочиненіе гр. Д. А. Толстого „Римскій католицизмъ въ Россіи“, рядомъ неопровержимыхъ фактовъ доказавшее ту истину, что папскія радости, папское благоволеніе къ намъ всегда были источниками горестей Россіи и скорби православія. Армянскій вопросъ, нынѣ столь жгучій, во многомъ обязанъ своимъ возникновеніемъ именно этой уступчивости Россіи; благодаря ей латинство создало въ нашихъ предѣлахъ совершенно новую церковь армяно-католическую, которая нынѣ и является источникомъ всѣхъ затрудненій для насъ въ этомъ вопросѣ.

Католицизмъ въ Россіи мыслимъ лишь при возможности прямаго воздѣйствія русской власти на духовныхъ наставниковъ ея католическихъ подданыхъ. Между тѣмъ именно этого прямаго воздѣйствія она почти совершенно лишена. Сила католицизма какъ политическаго дѣятеля основана на внутренней организаціи его духовенства. Принципъ централизаціи развитъ въ немъ до крайнихъ предѣловъ, и Ватиканъ держитъ въ своихъ рукахъ всѣ нити, связывающія его путемъ строгой іерархической подчиненности съ послѣднимъ изъ своихъ служителей. Разбить эту централизацію, ослабить зависимость католическаго духовенства отъ Рима, освободить мѣстныхъ настоятелей отъ произвола, въ которомъ они находятся по отношенію къ епископамъ и тѣмъ дать имъ возможность безнаказанно исполнять свой гражданскій долгъ— вотъ къ чему должна стремиться русская власть, ибо лишь такимъ образомъ достигнетъ она освобожденія ксендза отъ обязательности исполненія самыхъ незаконныхъ въ отношеніи государственномъ распоряженій духовной власти

Безусловно лучшимъ исходомъ было бы образованіе въ Россіи латинской церкви независимой отъ папы. Къ этой независимости не разъ стремились и сами Поляки, начиная съ XVI вѣка; при Сигизмундѣ-Августѣ вопросъ этотъ горячо обсуждался, встрѣчая всеобщее сочувствіе и лишь благодаря папскимъ нунціямъ, чутко сторожившимъ въ Варшавѣ

[illegible] Ватикана, не получали отъ Рима желательнаго раз-
рѣшенія. Попытки въ томъ же направленіи повторялись съ [illegible] поръ въ Польшѣ неоднократно. Иногда изъ среды самого духовенства [illegible] отъ [illegible], когда [illegible] восставали противъ принудительнаго [illegible] къ [illegible], [illegible] власть относилась [illegible] не только равнодушно, но отчасти даже [illegible]. Между тѣмъ достичь самостоятельности для [illegible] церкви въ Россіи безусловно возможно: вѣдь существуетъ же и благоденствуетъ самостоятельная отъ Римской [illegible] Утрехтская католическая церковь.

[illegible] легко этого было достигнуть послѣ 1863 года, когда мы фактически освободились отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ Ватикану и прервали даже всѣ [illegible] съ нимъ. Въ это время многія католическія епархіи [illegible] были лишены своихъ духовныхъ начальниковъ, [illegible] въ возстаніи. Управленіе этими епархіями было [illegible] поручено прелатамъ, и всѣ распоряженія, [illegible] и оставшихся епископовъ, подчинены строгому [illegible] надзору, что значительно облегчало [illegible] русской власти въ краѣ. Несомнѣнно, что такое положеніе [illegible] вѣчно. Естественная убыль [illegible] 63-го года епископовъ [illegible] край тѣхъ іерарховъ римско-католической [illegible] по канонамъ ея принадлежитъ [illegible] іерей, что крайне затруднило бы [illegible] духовенства. Къ [illegible] епископскихъ каѳедръ При-[illegible] — Кувско-Калишская и [illegible] епархіями правили викарные [illegible] администраторы.

[illegible], что епископы, назначенные изъ числа [illegible] въ этотъ санъ изъявило [illegible] правительство, явились дѣятельными помощ-[illegible] благотворнаго вліянія на духовенство, [illegible] и на все населеніе края.

Послѣдовавшее въ 1882 году новое соглашеніе наше съ римскою куріей, по которому окончательно была упразднена бывшая подляшская епархія, управленіе же всѣми остальными вновь поручено епископамъ, доказало однако обратное. Нѣкоторые изъ этихъ новыхъ начальниковъ католическихъ епархій уже ранѣе завѣдывали таковыми, — это были епископы, сосланные во внутреннія губерніи Имперіи послѣ возстанія 1863 года; они не замедлили вернуться къ тому образу мыслей и даже дѣйствій, который вызвалъ ихъ первоначальное удаленіе отъ должности; съ ихъ дѣятельностью сообразовались и вновь возведенные епископы: тѣ и другіе почувствовали прочность и стойкость своего положенія и смѣло приступили къ сплоченію разъединенныхъ было элементовъ польскаго духовенства. Степень ихъ упорства не подчиняться правительственнымъ распоряженіямъ соразмѣрилась со степенью ихъ неприкосновенности. Семь епископовъ края, изъ коихъ одинъ, а именно варшавскій, носитъ званіе архіепископа, оффиціально ничѣмъ не связаны, ибо каждая епархія представляетъ совершенно отдѣльную административную единицу; но это не помѣшало имъ однако завязать, хотя и тайныя, но непрерывныя между собой сношенія, чѣмъ и достигли они полнаго однообразія въ своихъ поступкахъ, а главное, полной солидарности при противодѣйствіи правительственнымъ мѣропріятіямъ, касающимся всего духовенства края. Представляя однообразныя возраженія для доказательства непримѣнимости этихъ мѣръ, ихъ единодушіе доходитъ до того, что даже внѣшняя форма, редакціонная сторона ихъ протестовъ, подъ часъ вполнѣ сходна. Благодаря этой сплоченности крайне рѣдко удается замѣтить диссонансъ въ дѣятельности епископовъ и, опираясь на исполненіе однимъ изъ нихъ предъявленнаго требованія, настаивать на исполненіи его остальными. Эту сплоченность они стремятся поставить и на законную почву, пользуясь всякимъ представившимся къ тому случаемъ для коллективнаго выраженія своихъ чувствъ и мыслей посредствомъ архіепископа варшавскаго, избраннаго ими въ качествѣ старшаго верховнымъ

своимъ представителемъ. Черезъ Варшаву же, повидимому, получаютъ они указанія и отъ куріи римской.

Прямое воздѣйствіе на народныя массы епископы если и проявляютъ, то крайне рѣдко: ихъ дѣятельность въ этомъ направленіи, будучи слишкомъ видною и легко, слѣдовательно, контролируемою властями, представляла бы черезчуръ много опасности, а посему главныя ихъ заботы состоятъ въ контролѣ дѣятельности приходскаго духовенства и направленіи ея въ желательномъ имъ смыслѣ. Особеннымъ ихъ вниманіемъ пользуются духовныя римско-католическія семинаріи, состоящія въ полной отъ нихъ зависимости; внимательно слѣдятъ они за ходомъ обученія, а главное воспитанія въ нихъ, дабы выработать въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ всецѣло послушныхъ ихъ велѣніямъ будущихъ агитаторовъ польскаго населенія края.

Семинаріи эти никакимъ уставомъ, утвержденнымъ правительствомъ, не руководствуются, и принять уставъ католическихъ семинарій, расположенныхъ во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи, не желаютъ, на дѣлѣ же пользуются уставомъ, изданнымъ краковскимъ княземъ-епископомъ Константиномъ Шанявскимъ въ 1726 году, въ основу котораго положены постановленія Тридентскаго собора, причемъ однако личная власть епископа играетъ въ нихъ самую видную роль. Весь ихъ учебный персоналъ состоитъ исключительно изъ лицъ духовныхъ,—свѣтская власть тамъ совершенно отсутствуетъ. Во главѣ ихъ находится ректоръ, полноправный начальникъ ихъ, и вице-ректоръ, его ближайшій помощникъ; затѣмъ идетъ педагогическій совѣтъ, состоящій изъ преподавателей отдѣльныхъ предметовъ, изучаемыхъ семинаристами; но въ дѣятельности этихъ преподавателей никакое проявленіе личныхъ взглядовъ немыслимо: все семинарское воспитаніе подчинено строго обдуманной программѣ, начертанной епископомъ и неуклонно проводимой ректоромъ, отступиться отъ которой не имѣетъ возможности ни одинъ воспитатель; строгій, бдительный надзоръ, построенный на совершенно іезуитскихъ началахъ, обезпечиваетъ точное исполненіе этой про-

граммы; малѣйшее уклоненіе отъ нея кѣмъ-либо изъ учительскаго состава влечетъ немедленное удаленіе проявившаго личную самостоятельность изъ стѣнъ заведенія. Программа же эта въ сущности краткая и сводится къ внушенію воспитанникамъ, что процвѣтаніе римской церкви въ Польшѣ немыслимо безъ возстановленія этого государства и что поэтому вся ихъ будущая дѣятельность должна состоять въ сохраненіи въ народѣ его польскаго духа, въ развитіи въ немъ ненависти къ Россіи и ея правительству, постепенно подготовляя такимъ образомъ возрожденіе Рѣчи Посполитой. Для безпрепятственнаго же достиженія этой цѣли воспитанникамъ внушается, что духовенство обязано внѣшнимъ образомъ угождать властямъ. Словомъ, задачей своею семинарія поставила создавать такихъ ксендзовъ, которые дѣятельно бы препятствовали всякому сближенію польскаго народа съ русскимъ, воспитывали бы въ немъ убѣжденіе, что русское правительство—врагъ Польши, равно какъ костела. Очевидно, что такое направленіе духовнаго воспитанія способно лишь разжигать страсти, воспалять воображеніе, мутить молодые умы, но отнюдь не способствуетъ освѣщенію пути къ какому-либо знанію, а въ особенности къ познанію истины. Впрочемъ, истина совершенно исключена изъ системы семинарскаго воспитанія, всецѣло построенной на лжи, обнаружить которую однако и самимъ воспитанникамъ невозможно, благодаря замкнутости этихъ учрежденій, лишенныхъ всякаго общенія съ внѣшнимъ міромъ. На лжи построена и вся система обученія. Всѣ историческія событія тамъ умышленно искажаются. Исторія Польши и Россіи преподается въ такомъ видѣ, что она ничего общаго съ дѣйствительностью не представляетъ. Православіе надѣляется такими качествами, которыми оно искони не обладало.

Всѣ правительственныя мѣры по отношенію къ Польшѣ и ея полному объединенію съ Россіей выставляются въ такомъ освѣщеніи, что отъ нихъ не могутъ не содрогнуться молодыя сердца воспитуемыхъ. Полное порабощеніе ума и сердца семинаристовъ достигается помощью исповѣди, обязательной каждыя двѣ недѣли.

Вдохнувъ такимъ образомъ ненависть къ Россіи въ своихъ воспитанниковъ, семинарія поучаетъ ихъ и способамъ борьбы съ ней, причемъ въ основу полагается все то же іезуитское правило—цѣль освящаетъ средства. Тутъ указывается на исповѣдь прихожанъ какъ на вѣрнѣйшее средство воздѣйствія на нихъ. „Во время исповѣди поучайте народъ тому, что гласно проповѣдывать вы возможности не имѣете," говорятъ эти своеобразные воспитатели, „ибо ни одинъ католикъ не раскроетъ тайны исповѣди." Если прибавить ко всему сказанному, что—одновременно съ насажденіемъ въ воспитанникахъ столь несогласныхъ съ духомъ христіанскаго ученія чувствъ ненависти, злобы и лицемѣрія—семинаріи вырабатываютъ въ нихъ и замѣчательную дисциплину, а равно полную корпоративную солидарность, то станетъ понятно, какое благодѣтельное для Россіи учрежденіе поддерживается въ ней казенными деньгами. Очевидно, выпущенные изъ этихъ заведеній руководители духовной жизни народа являются дѣятельнѣйшими проводниками анти-государственныхъ идей, воспринятыхъ ими въ стѣнахъ ихъ, опаснѣйшими противниками русской государственной задачи не только въ Привисляньи, но на всемъ нашемъ Западѣ.

Краковскіе журналисты, столь хорошо освѣдомленные о всякомъ шагѣ русскаго правительства, отмѣчающіе съ неослабнымъ рвеніемъ всякое стѣснительное для польскихъ политикановъ распоряженіе, потрудились ли, однако, хоть разъ сообщить своимъ читателямъ о тѣхъ происках своихъ единомышленниковъ, на которые ежечасно наталкивается русская власть въ краѣ? Эти журналы подняли громкій вопль по поводу послѣдовавшаго въ 1893 году закрытія Кѣлецкой семинаріи, но однако не обмолвились ни единымъ словомъ о тѣхъ фактахъ, которые привели къ этой мѣрѣ, а факты эти такого свойства, что вполнѣ доказываютъ существованіе въ семинаріяхъ именно той системы воспитанія, которая очерчена выше. Кѣлецкая семинарія обучала своихъ воспитанниковъ исключительно по запрещеннымъ у насъ учебникамъ, тамъ разучивались всѣ революціонныя польскія пѣсни, тамъ

же былъ одинъ изъ центровъ распространенія братства Сердца Іисусова. Наконецъ, вполнѣ установлена связь Кѣлецкой семинаріи почти со всѣми остальными семинаріями края, что̀ дастъ полное право утверждать, что и въ нихъ воспитаніе ведется на тѣхъ же преступныхъ основаніяхъ.

Эти факты извѣстны, какъ всѣмъ русскимъ людямъ, живущимъ въ краѣ, такъ въ особенности всѣмъ польскимъ политиканамъ, и мы не видимъ причинъ скрывать отъ Россіи то, что извѣстно врагамъ ея. Пролить свѣтъ въ эту темную область даже обязательно, ибо это можетъ содѣйствовать измѣненію ея характера.

Воспитанное въ этихъ семинаріяхъ, польское духовенство не можетъ являться инымъ, нежели оно нынѣ представляется. Настоятели, администраторы и викаріи проникнуты въ громадномъ большинствѣ тѣми чувствами и идеями, которыя они восприняли въ революціонныхъ гнѣздахъ Привислянья — ибо иначе назвать католическія семинаріи края нельзя,—а потому епархіальная власть можетъ смѣло положиться на нихъ въ дѣлѣ прямого воздѣйствія на народныя массы, ограничиваясь лишь общими указаніями, дабы придать ему однообразіе. Дѣйствительно польское духовенство употребляетъ всю силу своего ума, все свое познаніе сердца человѣческаго, для того, чтобы поддерживать въ своей паствѣ непримиримую вражду къ Москалямъ. Для этого всѣ средства̀ признаются ими дозволенными, такъ какъ оправдываются цѣлью. Главнымъ орудіемъ пропаганды является, согласно преподаннымъ въ семинаріяхъ наставленіямъ, исповѣдь; въ тиши конфессіоналовъ научаютъ ксендзы своихъ духовныхъ чадъ, что Россія стремится обратить всѣхъ католиковъ въ православную схизму, угнетаетъ костелъ, преслѣдуетъ его служителей. Даже гласно произносимою проповѣдью, коль скоро они видятъ, что въ костелѣ всякій правительственный надзоръ отсутствуетъ, разжигаютъ они въ сердцахъ своихъ прихожанъ національно-польскія чувства, искусно отождествляя ихъ съ чувствами преданности единой святой каѳолической церкви.

Усилія р. к. духовенства нынѣ главнымъ образомъ на-

правлены на крестьянство, справедливо ими почитаемое самымъ прочнымъ устоемъ русскаго владычества въ краѣ; польская шляхта въ поученіяхъ, какъ мы видѣли, не нуждается для исповѣдыванія тѣхъ же чувствъ и вожделѣній, которыми проникнуто духовенство. Въ крестьянской средѣ стремятся ксендзы поселить убѣжденіе, что преданность русскому правительству великій грѣхъ, такъ какъ это правительство — схизматическое, не признающее власти папы, а посему Богомъ не установленное и не признанное. Пользуясь религіозностью женщинъ, которую они прилагаютъ всѣ усилія обратить въ фанатизмъ, и хорошо зная то вліяніе, которое имъ принадлежитъ въ польскомъ даже крестьянскомъ быту, сельское р. к. духовенство въ особенности направляетъ свое проповѣдническое краснорѣчіе на своихъ духовныхъ дщерей, поочередно прибѣгая то къ вкрадчивымъ увѣщаніямъ, то къ угрозамъ, рисуя въ яркихъ краскахъ тѣ мученія, которыя ожидаютъ въ будущей жизни всѣхъ не исполняющихъ велѣній костела, дабы всячески отторгнуть ихъ отъ преданности престолу. Всякое общеніе съ русскими, употребленіе въ разговорѣ русскаго языка, они причисляютъ къ такимъ дѣйствіямъ, которыя наказуются мученіями ада, геенной огненною. Слова „схизматикъ“ и „москаль“ не сходятъ съ ихъ языка при всѣхъ этихъ поученіяхъ. Особенною ихъ ненавистью пользуется народная школа, противъ которой они нерѣдко возстаютъ даже гласно, утверждая, что она служитъ разсадникомъ безвѣрія. Противъ посѣщенія этой школы ксендзы ратуютъ всемѣрно и исключительно ихъ увѣщеваніями объясняется та непріязнь, которая зачастую проявляется родителями, въ особенности матерями, къ посѣщенію ея ихъ дѣтьми школьнаго возраста.

Тѣ блага, которыя щедрою рукой излила русская государственная власть на крестьянство Польши, не могли не вызвать чувствъ благодарности къ ней со стороны этого сословія. Искоренить эту благодарность, превратно объяснить ради этого всѣ мѣры правительства, направленныя къ развитію крестьянскаго благосостоянія—вотъ ближайшая задача,

которую нынѣ преслѣдуетъ р. к. духовенство Привислянья. До какой степени ему чужды всякія заботы объ истинныхъ нуждахъ своихъ прихожанъ, насколько взгляды тѣхъ, которые направляютъ дѣятельность сельскаго духовенства, солидарны съ вожделѣніями шляхты, явствуетъ изъ той агитаціи, которую вели приходскіе ксендзы противъ крестьянскаго банка, дабы всемѣрно затормозить его дѣятельность. Они всячески убѣждали хлопа, что банкъ этотъ будетъ взимать ростовщическій процентъ, а въ случаѣ несвоевременной уплаты его станетъ продавать все имущество заемщика, что такимъ образомъ покупка земли съ помощью этого учрежденія грозитъ лишить крестьянина не только всѣхъ его сбереженій, но даже и надѣльной его земли. Повсемѣстность этой агитаціи ясно указывала, что сельское духовенство дѣйствовало сообразно съ полученными по этому дѣлу указаніями свыше. Въ этомъ дѣлѣ ясно сказалось единомысліе епископовъ съ шляхтой, всѣ тенденціи коей они всецѣло исповѣдуютъ. Очевидно, шляхта опасалась окончательно утратить всякую власть надъ низшимъ сословіемъ, въ особенности же надъ безземельнымъ рабочимъ, понынѣ находящимся въ зависимости отъ помѣщиковъ, въ случаѣ пріобрѣтенія многими изъ сельскихъ батраковъ земельной собственности, что даже и этому бѣдняку при помощи банка доступно, такъ какъ въ Привисляньѣ онъ выдаетъ въ ссуду почти полную покупную сумму пріобрѣтаемаго при его содѣйствіи участка земли. Кромѣ того, въ дѣятельности банка польскіе патріоты усмотрѣли опасное средство для поддержанія нынѣ до извѣстной степени уже остывающей благодарности крестьянства за освобожденіе его отъ помѣщичьяго гнета въ 1864 году.

Не менѣе яркою иллюстраціей стремленій духовенства изгладить въ сердцѣ польскаго хлопа память о томъ, кому онъ въ особенности обязанъ своимъ нынѣшнимъ независимымъ положеніемъ, служитъ тотъ фактъ, что ксендзы упорно отказываются служить панихиды въ день кончины Императора Александра II, чего настоятельно и всецѣло по собственному почину требовали многія сельскія общества и от-

правлены на крестьянство, справедливо ими почитаемое самымъ прочнымъ устоемъ русскаго владычества въ краѣ; польская шляхта въ поученіяхъ, какъ мы видѣли, не нуждается для исповѣдыванія тѣхъ же чувствъ и вожделѣній, которыми проникнуто духовенство. Въ крестьянской средѣ стремятся ксендзы поселить убѣжденіе, что преданность русскому правительству великій грѣхъ, такъ какъ это правительство — схизматическое, не признающее власти папы, а посему Богомъ не установленное и не признанное. Пользуясь религіозностью женщинъ, которую они прилагаютъ всѣ усилія обратить въ фанатизмъ, и хорошо зная то вліяніе, которое имъ принадлежитъ въ польскомъ даже крестьянскомъ быту, сельское р. к. духовенство въ особенности направляетъ свое проповѣдническое краснорѣчіе на своихъ духовныхъ дщерей, поочередно прибѣгая то къ вкрадчивымъ увѣщаніямъ, то къ угрозамъ, рисуя въ яркихъ краскахъ тѣ мученія, которыя ожидаютъ въ будущей жизни всѣхъ не исполняющихъ велѣній костела, дабы всячески отторгнуть ихъ отъ преданности престолу. Всякое общеніе съ русскими, употребленіе въ разговорѣ русскаго языка, они причисляютъ къ такимъ дѣйствіямъ, которыя наказуются мученіями ада, гееной огненною. Слова „схизматикъ“ и „москаль“ не сходятъ съ ихъ языка при всѣхъ этихъ поученіяхъ. Особенною ихъ ненавистью пользуется народная школа, противъ которой они нерѣдко возстаютъ даже гласно, утверждая, что она служитъ разсадникомъ безвѣрія. Противъ посѣщенія этой школы ксендзы дѣйствуютъ всемѣрно и исключительно ихъ увѣщеваніями объясняется та непріязнь, которая зачастую проявляется родителями, въ особенности матерями, къ посѣщенію ея ихъ дѣтьми школьнаго возраста.

Тѣ блага, которыя щедрою рукой излила русская государственная власть на крестьянство Польши, не могли не вызвать чувствъ благодарности къ ней со стороны этого сословія. Искоренить эту благодарность, превратно объяснить ради этого всѣ мѣры правительства, направленныя къ развитію крестьянскаго благосостоянія—вотъ ближайшая задача,

которую нынѣ преслѣдуетъ р. к. духовенство Привислянья. До какой степени ему чужды всякія заботы объ истинныхъ нуждахъ своихъ прихожанъ, насколько взгляды тѣхъ, которые направляютъ дѣятельность сельскаго духовенства, солидарны съ вожделѣніями шляхты, явствуетъ изъ той агитаціи, которую вели приходскіе ксендзы противъ крестьянскаго банка, дабы всемѣрно затормозить его дѣятельность. Они всячески убѣждали хлопа, что банкъ этотъ будетъ взимать ростовщическій процентъ, а въ случаѣ несвоевременной уплаты его станетъ продавать все имущество заемщика, что такимъ образомъ покупка земли съ помощью этого учрежденія грозитъ лишить крестьянина не только всѣхъ его сбереженій, но даже и надѣльной его земли. Повсемѣстность этой агитаціи ясно указывала, что сельское духовенство дѣйствовало сообразно съ полученными по этому дѣлу указаніями свыше. Въ этомъ дѣлѣ ясно сказалось единомысліе епископовъ съ шляхтой, всѣ тенденціи коей они всецѣло исповѣдуютъ. Очевидно, шляхта опасалась окончательно утратить всякую власть надъ низшимъ сословіемъ, въ особенности же надъ безземельнымъ рабочимъ, понынѣ находящимся въ зависимости отъ помѣщиковъ, въ случаѣ пріобрѣтенія многими изъ сельскихъ батраковъ земельной собственности, что даже и этому бѣдняку при помощи банка доступно, такъ какъ въ Привисляньѣ онъ выдаетъ въ ссуду почти полную покупную сумму пріобрѣтаемаго при его содѣйствіи участка земли. Кромѣ того, въ дѣятельности банка польскіе патріоты усмотрѣли опасное средство для поддержанія нынѣ до извѣстной степени уже остывающей благодарности крестьянства за освобожденіе его отъ помѣщичьяго гнета въ 1864 году.

Не менѣе яркою иллюстраціей стремленій духовенства изгладить въ сердцѣ польскаго хлопа память о томъ, кому онъ въ особенности обязанъ своимъ нынѣшнимъ независимымъ положеніемъ, служитъ тотъ фактъ, что ксендзы упорно отказываются служить панихиды въ день кончины Императора Александра II, чего настоятельно и всецѣло по собственному почину требовали многія сельскія общества и от-

дѣльныя лица изъ крестьянской среды. Этотъ фактъ вполнѣ установленъ, и власти въ краѣ приходилось не разъ вступать по этому поводу въ пререканія съ епархіальнымъ начальствомъ и налагать по жалобѣ самихъ крестьянъ взысканіе на упорствующихъ въ этомъ вопросѣ приходскихъ ксендзовъ. Русскому человѣку это должно показаться невѣроятнымъ, однако это столь же вѣрно, какъ возмутительно. Правда, что причиной отказа польское духовенство постоянно выставляетъ каноны римской церкви, запрещающіе де служить панихиды по не-католикамъ. Однако, каноны эти повидимому весьма растяжимы, такъ какъ они не воспрепятствовали Парижскому архіепископу служить торжественную заупокойную мессу по кончинѣ Императора Александра III. И такъ то, что возможно внѣ предѣловъ Россіи, не возможно внутри ея!

Нѣтъ тѣхъ средствъ, передъ которыми остановилось бы р. к. духовенство ради бо́льшей успѣшности своей пропаганды противъ русской власти; такъ въ послѣднее время явились отдѣльные ксендзы, которые для вящщаго возбужденія крестьянъ противъ правительства обратились даже къ помощи соціальныхъ ученій: они говорятъ о стѣсненномъ положеніи низшихъ классовъ и о томъ, что оно происходитъ вслѣдствіе владычества Россіи въ краѣ всячески де угнетающей и останавливающей развитіе его матеріальнаго благосостоянія. Появившіяся въ послѣдніе годы многочисленныя соціально-духовныя брошюры служатъ имъ прекрасными въ этомъ дѣлѣ пособіями; и здѣсь Ватиканъ играетъ видную роль: приверженность папы Льва XIII къ соціальнымъ ученіямъ общеизвѣстна.

Особенно ярко проявляется дѣятельность ксендзовъ въ приходахъ Люблинской, а въ особенности Сѣдлецкой губерніи со смѣшаннымъ католическимъ и поуніатскимъ населеніемъ. Къ обращенію бывшихъ уніатовъ въ католичество они прилагаютъ всѣ усилія, тайно совершая всѣ требы упорствующихъ въ уніи; они не пропускаютъ случая высказывать свое презрѣніе и ненависть къ православію и вселять эти чувства въ населеніе. Всячески заманивая народъ въ костелъ и от-

влекая его отъ церкви, они съ этою цѣлью устраиваютъ торжественныя, явно манифестаціонныя церковныя процессіи въ дни православныхъ праздниковъ, значеніе коихъ еще и тѣмъ умаляется, что чествуются они двѣнадцатью днями позже соотвѣтствующихъ праздниковъ католическихъ, ибо въ Привисляньѣ Римская церковь слѣдуетъ григоріанскому календарю. Въ этой области прозелитизма римско-католическое духовенство является фанатическимъ и искуснымъ борцомъ, и остановить его дѣятельность въ этомъ направленіи, ослабить ее крайне трудно,—такъ тонко и стойко ведется она.

Среди многихъ проявленій преступной дѣятельности приходскаго духовенства нельзя не указать и на производимые имъ среди прихожанъ тайные денежные сборы, поступающіе на усиленіе средствъ борьбы съ православіемъ и Россіей, распоряженіе коими несомнѣнно принадлежитъ власти стоящей значительно выше его; такъ, напримѣръ, духовенствомъ края производился сборъ для обращенія болгаръ въ католичество. Впрочемъ, существуютъ данныя полагать, что часть этихъ сборовъ поступаетъ непосредственно въ карманъ ксендзовъ, которые отнюдь не свободны отъ духа любостяжанія. Лишь пользуясь этимъ порокомъ, какъ это ни грустно, можетъ воздѣйствовать на нихъ администрація края.

Кромѣ приходскаго духовенства, большимъ вліяніемъ на народъ пользуются нѣкоторые р. к. монастыри, въ особенности Ченстоховскій, привлекающій ежегодно десятки тысячъ богомольцевъ со всѣхъ сторонъ Привисляньа. Въ этомъ монастырѣ исповѣдниками состоятъ особенно искусные въ дѣлѣ вліянія на человѣческое сердце монахи. Репутація ихъ святости разносится богомольцами по всему краю, и даже за предѣлами его, и привлекаетъ все новыхъ и новыхъ паломниковъ; она же придаетъ особенный вѣсъ и значеніе щедро расточаемымъ ими поученіямъ, характеръ коихъ не подлежитъ сомнѣнію,—онъ пропитанъ ненавистью къ Москалю.

Случается, однако, что между католическимъ духовенствомъ появляются отдѣльныя личности, послушно исполняющія требованія гражданской власти, отрѣшившіяся отъ про-

паганды политической, уразумѣвшія, что отстаиваніе польской обособленности отъ Россіи ничего общаго съ религіозными вѣрованіями не имѣетъ; такіе члены римско-католическаго духовенства немедленно испытываютъ степень своей зависимости отъ власти духовной: на нихъ поднимается гоненіе, противъ котораго устоять они безсильны, и потому поневолѣ возвращаются къ полному послушанію, къ исполненію всѣхъ безъ изъятія требованій епископовъ, какъ бы они ни противорѣчили административнымъ распоряженіямъ. Допущенное въ 1883 году расширеніе власти епископовъ, въ смыслѣ предоставленія имъ права перемѣщать и увольнять отъ должности администраторовъ и викаріевъ мѣстныхъ приходовъ, до той поры зависѣвшее отъ согласія главной власти края, дало имъ могущественное орудіе для направленія дѣятельности духовенства въ желательномъ имъ смыслѣ; карая строптивыхъ перемѣщеніемъ въ худшій приходъ или даже лишеніемъ ихъ должности и награждая послушныхъ представленіемъ къ высшимъ духовнымъ должностямъ достигаютъ они этого всецѣло.

Расширеніе власти епископовъ по отношенію къ этимъ младшимъ представителямъ римско-католическаго духовенства едва ли не болѣе вредно, нежели было бы предоставленіе имъ права безконтрольно перемѣщать высшихъ чиновъ приходскаго клира, настоятелей старшихъ и младшихъ, по отношенію къ которымъ всѣ распоряженія епархіальной власти обусловлены согласіемъ генералъ-губернатора. Именно первыхъ важно освободить отъ полнаго гнета со стороны епископовъ, такъ какъ изъ ихъ среды избираются всѣ остальныя степени духовенства.

Дѣло представляется слѣдующимъ образомъ. Изъ духовныхъ семинарій выпускаются окончившіе курсъ ихъ клирики и немедленно рукополагаются на священство; очевидно, что про этихъ іереевъ правительственная власть никакихъ свѣдѣній имѣть не можетъ, а слѣдовательно лишена возможности чѣмъ-либо руководствоваться при согласіи на назначеніе ихъ на приходскія должности. Наоборотъ, епархіальная власть имѣ-

етъ весьма точныя про нихъ свѣдѣнія, такъ какъ они воспитывались въ учрежденіи, ей всецѣло подчиненномъ. Ясно, что, при извѣстномъ направленіи католическихъ епископовъ, они раньше представляютъ къ назначенію на должность тѣхъ воспитанниковъ, которые проявили наибольшую податливость при воспріятіи правилъ имъ усердно преподаваемыхъ въ семинаріяхъ. Въ зависимости отъ степени, въ которой они прониклись этими правилами, назначаются они въ болѣе или менѣе значительные приходы. Такимъ образомъ уже съ начала своей службы ксендзъ видитъ, до какой степени въ его матеріальныхъ интересахъ полезно слѣдовать исключительно указаніямъ своего духовнаго начальства. Еще сильнѣе почувствуетъ онъ это, если, будучи уже викаріемъ, вздумаетъ уклониться отъ этихъ указаній: немедленный переводъ въ худшій приходъ или даже увольненіе отъ должности явится неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его ослушанія. И тутъ правительственная власть лишена возможности заступиться за наиболѣе приверженныхъ ей членовъ церковнаго клира, вслѣдствіе вышеупомянутыхъ исключеній, допущенныхъ правилами о назначеніи лицъ приходскаго духовенства. Нечего говорить, что на должность администраторовъ и далѣе настоятелей приходовъ такіе ослушники указаніямъ епархіальнымъ никогда не попадутъ.

Впрочемъ административная власть края вообще лишена почти всякихъ средствъ, могущихъ обуздать р. к. духовенство и заставить его неукоснительно исполнять всѣ свои распоряженія. Единственная мѣра, къ которой она можетъ прибѣгать—это наложеніе денежныхъ штрафовъ на отдѣльныхъ ксендзовъ. Но эта мѣра зачастую обращается не въ наказаніе ксендза, а въ обложеніе прихожанъ извѣстнымъ сборомъ для пополненія этого штрафа. Приходскіе ксендзы очень ловко умѣютъ разжалобить наложеннымъ на нихъ штрафомъ, выставляя себя передъ интеллигентными прихожанами мучениками за дѣло отбудованія ойчизны, а передъ крестьянами хранителями чистоты вѣры отъ наступающаго будто-бы православія. Нерѣдко имъ же приходятъ на помощь и епископы,

въ свою очередь облагающіе для этого наиболѣе состоятельныхъ патріотовъ польскихъ. Такимъ образомъ, это средство часто обращается въ совершенно недѣйствительное, а иногда даже вредное, такъ какъ возбуждаетъ противъ русской власти тѣ элементы, которые наименѣе къ ней враждебны, а именно крестьянство. Правда, у администраціи остается еще одна мѣра—заточеніе ксендзовъ въ монастырь, но, очевидно, ее нельзя примѣнять въ широкихъ размѣрахъ, нельзя налагать эту кару, несомнѣнно тяжелую, для наказанія проступковъ, которые сами по себѣ маловажны, и пріобрѣтаютъ значеніе лишь вслѣдствіе ихъ повсемѣстности и частой повторяемости, къ каковымъ принадлежатъ, напримѣръ, служеніе молебновъ въ царскіе дни не въ праздничной одеждѣ, а въ обыденной, и притомъ въ такое время, когда никто изъ прихожанъ въ церкви не присутствуетъ: такъ, если царскій день приходится въ Воскресенье, то не послѣ обѣдни, а до нея, не оповѣщая притомъ прихожанъ о начатіи службы церковнымъ звономъ.

Эти наказанія примѣнимы лишь къ болѣе серіознымъ проступкамъ, въ коихъ впрочемъ недостатка нѣтъ; къ нимъ слѣдуетъ причислить заупокойное служеніе за извѣстныхъ повстанцевъ 63 года съ предварительнымъ, разумѣется, тайнымъ, разъясненіемъ прихожанамъ настоящаго ихъ значенія *), устройство торжественныхъ процессій по поводу тѣхъ событій польской исторіи, которыя имѣютъ связь съ ея борьбой противъ Россіи, наконецъ въ мѣстностяхъ съ поуніатскимъ населеніемъ дѣятельная поддержка упорствующихъ въ ихъ образѣ дѣйствій, и убѣжденіе ихъ склониться къ католичеству. Тому же наказанію, хотя въ данномъ случаѣ и оно недостаточно, могутъ подлежать тѣ члены духовенства, которые организуютъ тайные съѣзды ксендзовъ, имѣющіе цѣлью со-

*) До какой степени поощряется празднованіе памятныхъ дней польскихъ возстаній, явствуетъ изъ того несомнѣннаго факта, что посѣщеніе костела въ эти дни награждается выдачей индульгенцій. Впрочемъ, индульгенціи являются вообще однимъ изъ могущественныхъ орудій воздѣйствія на прихожанъ въ политическомъ направленіи.

гласовать ихъ борьбу съ правительственными мѣропріятіями и пропаганду польской обособленности сообразно съ текущими событіями. Иной цѣли эти съѣзды, на которыхъ нерѣдко присутствуютъ и ксендзы сѣверо-западнаго края, очевидно имѣть не могутъ, такъ какъ коренныя задачи духовенства, въ дѣлѣ вѣры, не нуждаются въ разъясненіяхъ и согласованіяхъ съ событіями мірскими, съ злобами дня: онѣ вѣчны и пути къ ихъ достиженію давно указаны. Эти съѣзды преслѣдуютъ чисто житейскія, а не духовныя цѣли, на нихъ обсуждаются и намѣчаются тѣ способы воздѣйствія на мірянъ, которые въ данную минуту признаются наиболѣе дѣйствительными для возбужденія недовольства противъ русской власти, для поддержки въ нихъ польскихъ вожделѣній. Ими вызывается необходимость строгаго контроля надъ разъѣздами ксендзовъ внѣ своихъ приходовъ и по возможности ограниченіе ихъ.

Запрещеніе ксендзамъ отлучаться изъ своихъ приходовъ безъ разрѣшенія гражданской власти выставляется польскою полемическою печатью, какъ неслыханное стѣсненіе; очевидно, иначе какъ стѣсненіемъ его и назвать нельзя, но стѣсненіемъ чего—спрашивается, во всякомъ случаѣ не исполненія ихъ прямыхъ обязанностей, такъ какъ онѣ всецѣло сосредоточены въ предѣлахъ прихода. Стѣсненіемъ же ихъ личной жизни оно, разумѣется, является; но въ этомъ они должны исключительно пенять на самихъ себя, такъ какъ оно есть лишь логическое послѣдствіе того, что они своею свободой пользуются во зло русскому дѣлу въ краѣ. Громадное большинство такихъ отлучекъ вызывается не частными дѣлами ксендзовъ, а желаніемъ согласовать и направить свою политическую дѣятельность съ подобною же дѣятельностью наиболѣе выдающихся въ этомъ отношеніи товарищей ихъ. Съ этою же цѣлью стремятся они въ Краковъ и Львовъ—Мекку и Медину польскихъ патріотовъ, дабы тамъ набраться того воинствующаго духа, который съ такимъ рвеніемъ поддерживается въ этихъ центрахъ польской пропаганды. Устремлялись они въ былые годы и въ Римъ, дабы превратными описаніями условій, въ которыхъ поставлена ихъ дѣятельность въ краѣ, еще

болѣе убѣждать Ватиканъ въ необходимости поддерживать спеціально польскія тенденціи, съ утратой коихъ Поляки перестанутъ де быть добрыми католиками.

Вслѣдствіе невозможности активнаго воздѣйствія на католическое духовенство, администрація со времени возстановленія епископскихъ каѳедръ въ Привисляньѣ принуждена была ограничить свою дѣятельность по отношенію къ нему почти исключительно мѣрами оборонительными, имѣющими характеръ предупрежденія и пресѣченія. По отношенію къ епископамъ сводятся онѣ, главнымъ образомъ, къ бдительному надзору за ихъ внѣшнимъ образомъ дѣйствій, въ особенности во время поѣздокъ ихъ по епархіямъ; ослабленіе общей связи съ приходскимъ духовенствомъ ограничивается запрещеніемъ всякихъ циркулярныхъ распоряженій по епархіямъ безъ вѣдома администраціи, что̀, разумѣется, мало чѣмъ стѣсняетъ епископовъ, ибо распоряженія эти, будучи вообще такого характера, который заставляетъ ихъ тщательно скрывать, и предпринимаются келейно. Стремилась власть порвать связи духовенства съ Римомъ и Краковымъ, ради чего заграничные отпуски епископамъ разрѣшались крайне рѣдко и при томъ исключительно для посѣщенія заграничныхъ цѣлебныхъ источниковъ, причемъ они обязывались не заѣзжать въ упомянутые города. То же самое требовалось отъ ксендзовъ, ѣдущихъ за границу, причемъ число отпускаемыхъ туда было ограничено извѣстною нормой. Наконецъ, всякія уклоненія отъ исполненія законныхъ распоряженій власти, а въ особенности всякая обнаруженная попытка къ пропагандѣ идей узкопольскихъ строжайше преслѣдовались и карались.

Такой же надзоръ распространялся и на воспитанниковъ духовныхъ семинарій, но, къ сожалѣнію, исключительно внѣ стѣнъ этихъ заведеній, куда мірская власть до послѣдняго времени совершенно не допускалась. Епископы были обязаны доставлять свѣдѣнія объ отпускахъ семинаристовъ въ вакаціонное время, а равно обо всѣхъ случаяхъ исключенія воспитанниковъ изъ заведенія: эти исключенные являлись иногда драгоцѣнными обличителями внутреннихъ распорядковъ

семинарій, проникнуть въ которыя инымъ образомъ было невозможно.

Къ мѣрамъ болѣе общимъ и имѣющимъ большее значеніе слѣдуетъ отнести введенное въ 1893 году обязательное употребленіе духовенствомъ въ сношеніяхъ между собой русскаго языка съ совершеннымъ исключеніемъ языка польскаго и допущеніемъ латинскаго лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ предписанъ канонами Церкви, чѣмъ нѣкоторыя епархіи не замедлили воспользоваться для введенія латинскаго языка во всю свою переписку. Къ нимъ же слѣдуетъ причислить и приведеніе къ присягѣ всѣхъ лицъ, разумѣющихъ русскую рѣчь, на государственномъ языкѣ. Эта мѣра была принята еще въ 1888 году и тогда не вызвала никакихъ протестовъ со стороны духовенства, вслѣдствіе чего нужно признать проявленное въ 1894 году упорное сопротивленіе къ чтенію присяги въ костелахъ на двухъ языкахъ—мѣстномъ и русскомъ—исключительно слѣдствіемъ тѣхъ надеждъ, которыя разгорѣлись въ то время, какъ среди римско-католическаго духовенства края, такъ и вообще въ польскомъ воинствующемъ лагерѣ, повидимому не вполнѣ исчезнувшихъ и до сихъ поръ; лучшимъ доказательствомъ этого служитъ тотъ фактъ, что послѣдовавшій въ 1895 году указъ Сената по извѣстному дѣлу о чтеніи манифестовъ въ костелахъ,—которымъ высшее правительственное учрежденіе разъяснило, что это чтеніе должно обязательно происходить на языкахъ мѣстномъ и государственномъ,—до сихъ поръ духовенствомъ не исполняется. Такъ манифестъ о рожденіи Великой Княжны Ольги Николаевны былъ повсемѣстно въ краѣ прочитанъ ксендзами исключительно по-польски. На томъ же языкѣ былъ прочитанъ и коронаціонный манифестъ, исключая нѣсколькихъ приходовъ Сѣдлецкой губерніи, гдѣ ксендзы прочли его на обоихъ языкахъ вопреки, однако, формальному распоряженію Люблинскаго епископа Ячевскаго, предписавшаго прочесть его на одномъ польскомъ языкѣ. Такое неуваженіе къ рѣшеніямъ высшихъ правительственныхъ учрежденій указываетъ на нѣкоторое ослабленіе силы власти въ краѣ. Тому назадъ нѣсколько лѣтъ

оно было бы немыслимо до такой степени, что даже въ моментъ наибольшаго взрыва польскихъ надеждъ власть сумѣла настоять на исполненіи своего распоряженія: Манифестъ о восшествіи на престолъ Государя Императора былъ прочитанъ въ большинствѣ привислянскихъ епархій, а въ томъ числѣ и Варшавѣ, дающей тонъ всему духовенству края, по-русски, и лишь когда стало извѣстно, что произойдетъ перемѣна центральной власти, епископы вернулись къ своему первоначальному упорству, и второй манифестъ нынѣшняго царствованія о мѵропомазаніи Высоконареченной Невѣсты Его Императорскаго Величества былъ уже прочитанъ исключительно по-польски. На ослабленіе нашего сопротивленія всѣмъ происканъ римско-католическаго духовенства несомнѣнно указываетъ и разрѣшеніе данное Варшавскому р. к. архіепископу Попелю посѣтить центръ католицизма Римъ, гдѣ несмотря на выказанное имъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ упорство при приведеніи въ исполненіе упомянутаго распоряженія о чтеніи манифеста въ костелахъ, въ его честь былъ данъ торжественный обѣдъ нашимъ посланникомъ при Ватиканѣ. Но въ особенности замѣтно это по той плачевной судьбѣ, которую испытываетъ до сихъ поръ дѣло о надзорѣ за римско-католическими семинаріями. Еще по закону 1864 года о народномъ образованіи въ Царствѣ Польскомъ начальникамъ учебныхъ дирекцій порученъ контроль за ходомъ воспитанія въ нихъ. Тѣмъ не менѣе эти лица въ семинаріи никогда допускаемы не были и всякимъ попыткамъ русскаго правительства въ этомъ направленіи ставились непреоборимыя преграды со стороны духовенства. Этотъ вопросъ въ особенности обострился въ 1893 году послѣ раскрытія преступной дѣятельности семинаріи Кѣлецкой, причемъ и тутъ, однако, не удалось сломить упорство духовенства.

И по этому дѣлу русская власть пошла на значительныя уступки. Надзоръ этотъ въ 1893 году ограниченъ исключительно публичнымъ испытаніемъ воспитанниковъ семинаріи по русскому языку, исторіи и географіи въ присутствіи мѣстнаго губернатора. Уступка эта, какъ и слѣдовало ожидать, не

только не сломила упорства католическаго духовенства, а наоборотъ усилила его протесты, и даже это скромное требованіе до сихъ поръ не приведено въ исполненіе. Такъ не далѣе какъ весной 1896 года выпускные экзамены во всѣхъ семинаріяхъ произошли безъ всякаго участія администраціи а рукоположенные на священство клирики, не смотря на протестъ главной власти въ краѣ, распредѣлены по приходамъ. Тутъ не знаешь чему больше удивляться — благодушію ли власти или наглости польскаго духовенства?

Впрочемъ публичныя испытанія въ семинаріяхъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ ходѣ воспитанія въ нихъ принести не могутъ. Въ нихъ, какъ я уже сказалъ, главная забота духовенства направлена не на ученіе — оно научитъ своихъ воспитанниковъ какимъ угодно знаніямъ,—а на тенденціозное воспитаніе, въ особенности достигаемое внѣ классныхъ занятій. Преподаватели находятся въ постоянномъ близкомъ общеніи съ воспитанниками, слѣдятъ за ихъ индивидуальностями, за внутреннимъ ходомъ изъ духовнаго развитія и въ продолжительныхъ бесѣдахъ съ глазу на глазъ съ каждымъ въ отдѣльности возбуждаютъ въ нихъ тѣ чувства и мысли, которыя имъ желательны, для чего тщательно изучаютъ умственный и душевный складъ воспитуемаго и сообразно съ ними выбираютъ тѣ или другіе способы и доводы для успѣшнаго воздѣйствія на него. Чтобы католическія семинаріи въ краѣ перестали воспитывать въ своихъ стѣнахъ наиопаснѣйшихъ враговъ существующаго въ немъ государственнаго порядка, необходимъ не временный, а постоянный надзоръ за ними, необходимо поставить рядомъ съ духовными ихъ начальниками—ректорами лицо правительственное. Лишь при такомъ порядкѣ мыслимо воспитаніе слугъ католическихъ алтарей, а не польскихъ національныхъ стремленій.

Мѣра эта, можетъ быть, крутая, но въ виду крайней важности цѣлей, ею преслѣдуемыхъ, безусловно необходимая. Даже переводъ этихъ семинарій изъ края въ чисто-русскія мѣстности не поможетъ въ этомъ дѣлѣ. Петербургская р. к. духовная академія несмотря на то, что она находится въ сто-

лицѣ государства, ведетъ воспитаніе въ томъ же духѣ на что имѣются многочисленныя данныя; — возможно это благодаря тому, что и она является учрежденіемъ, въ которое русская власть проникнуть можетъ развѣ лишь путемъ насилія. Если атеистическое правительство республиканской Франціи добилось въ Римѣ возможности полнаго контроля въ своихъ духовныхъ семинаріяхъ, то неужели это недостижимо для Россіи?

Между тѣмъ нѣтъ вопроса серіознѣе въ краѣ, чѣмъ дѣло образованія будущаго духовенства. Лишено всякаго смысла отнятіе приходовъ у существующихъ администраторовъ, если на мѣсто ихъ вѣчно готовы новыя силы, столь же дисциплинированныя для продолженія преступной дѣятельности уволенныхъ.

Пока эти разсадники враговъ Россіи не будутъ всецѣло подчинены правительственному надзору, нельзя надѣяться на измѣненіе характера дѣятельности приходскаго духовенства. Если этотъ надзоръ необходимъ въ заведеніяхъ, въ которыхъ воспитываются дѣти и юноши, предназначенные къ дѣятельности въ области гражданской жизни края и имперіи, то по скольку онъ необходимѣе, тамъ гдѣ дѣло касается образованія будущихъ руководителей народной совѣсти, вліяніе коихъ на населеніе происходитъ при такой обстановкѣ, которая устраняетъ всякую возможность надзора; нѣтъ сомнѣнія, что католическіе исповѣдальни зачастую слышатъ такія наставленія пастырей своимъ духовнымъ чадамъ, которыя ничего общаго ни съ вѣрой, ни съ этикой не имѣютъ. Такіе факты, какъ, напримѣръ, недопущеніе до причастія простолюдина, вслѣдствіе того, что онъ находится въ услуженіи у русскаго семейства, являются до сихъ поръ въ Привисляньѣ обыкновеннымъ и вполнѣ удостовѣреннымъ явленіемъ, а между тѣмъ открыто обличить въ этомъ не представляется возможности, ибо тайна конфессіонала, очевидно, не подлежитъ разоблаченію.

Не менѣе существенно при замѣщеніи епископскихъ вакансій безусловно настаивать передъ Ватиканомъ на назначеніи тѣхъ лицъ, которыя намѣчены къ тому русскою властью. Выборъ этотъ и при такомъ условіи для правительства чрез-

вычайно затруднителенъ, такъ какъ кругъ тѣхъ лицъ, изъ коихъ избираются епископы, ограниченъ прелатами и канониками, а эти званія достигаются лишь тѣми, которые успѣли выказать свою полную солидарность съ общими тенденціями католицизма; но все же при свободномъ выборѣ возможно остановиться на тѣхъ изъ нихъ, которые наименѣе проникнуты спеціально польскими вожделѣніями. Наконецъ, всякое неисполненіе епископами ихъ гражданскихъ обязанностей должно строго караться; оправдываться въ своемъ упорствѣ канонами церкви они хотя и пытаются, но очевидно, заявленіе это лживое, ибо нѣтъ сомнѣнія, что католическая религія въ основныхъ своихъ началахъ не можетъ расходиться съ тѣмъ духомъ справедливости, которымъ исполнено русское законодательство. По поводу всякаго вмѣшательства свѣтской власти въ дѣла католическаго духовенства, это послѣднее постоянно и настойчиво выставляетъ свои каноническія правила какъ непреодолимое препятствіе для исполненія требованій правительства, что, однако, не мѣшало представителямъ еге найти исходъ и сумѣть согласовать исполненіе требованій церкви съ исполненіемъ своего гражданскаго долга, когда послѣднее предъявлялось ему нашею властью категорически и настойчиво. Въ такомъ образѣ дѣйствій немыслимо усматривать прослѣдованіе католичества.

Что русское правительство не является гонителемъ его, ясно свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что, несмотря на завѣдомое участіе польскаго духовенства во всѣхъ возстаніяхъ, во всѣхъ проявленіяхъ непокорности Россіи, оно матеріально обставлено такъ, какъ православное духовенство въ коренныхъ губерніяхъ Россіи несомнѣнно еще весьма долго обставлено не будетъ. Все католическое духовенство получаетъ опредѣленное денежное содержаніе отъ казны, чего, какъ извѣстно, почти совершенно не имѣютъ служители православныхъ алтарей. Наконецъ, русская государственная казна отпускаетъ весьма значительныя суммы на ремонтъ существующихъ костеловъ и даже на постройку новыхъ. Какое еще нужно доказательство нашей вѣротерпимости?

Россіи нѣтъ надобности бороться съ католичествомъ, пока его стремленія не противорѣчатъ русскимъ государственнымъ постановленіямъ; но дальше этого наша вѣротерпимость идти, очевидно, не можетъ. Нѣтъ той страны, которая согласилась бы подчинить свои законы, свои государственныя задачи установленіямъ иновѣрной ей религіи.

Если уступки вожделѣніямъ шляхты пагубны для нея самой, то уступка въ дѣлѣ борьбы съ растлѣвающимъ вліяніемъ польскаго духовенства на крестьянъ края преступно по отношенію къ Россіи. На почвѣ религіознаго фанатизма духовные руководители хлопа, при продолжительномъ воздѣйствіи на него въ этомъ направленіи, несомнѣнно могутъ возстановить его противъ русскаго владычества. Если до сихъ поръ они этого не достигли, то главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что сравнительно недавно намѣтили себѣ эту цѣль. До 1864 г. то-есть, до освобожденія хлопа отъ всевластія пана, костелъ наравнѣ съ шляхтой смотрѣлъ на него, какъ на существо низшее, лишенное всякаго значенія въ политической жизни страны, а посему не стоющее вниманія. Съ крестьянами поселенными на его земляхъ Польское духовенство обращалось столь же высокомѣрно, прижимало ихъ столь же безжалостно, какъ и польскіе паны. По обнародованіи указа 19 февраля 1864 года о надѣленіи крестьянъ землей находящейся въ ихъ пользованіи нѣкоторые епископы края стремились даже доказать, что указъ этотъ до церковныхъ земель не относится, чѣмъ обнаружили полнѣйшее презрѣніе къ самымъ насущнымъ нуждамъ народа; они утверждали, что земли костела ни подъ одну изъ категорій земель, упомянутыхъ въ указѣ не подходятъ и учредительный комитетъ принужденъ былъ особымъ постановленіемъ (отъ 3 августа 1864 г., за № 129). разъяснить, что по всѣмъ законодательнымъ актамъ костельныя земли искони признавались институтскими, какъ извѣстно, подошедшими подъ дѣйствіе Высочайшаго указа 19 февраля. Обращаясь съ крестьяниномъ свысока, ксендзы, разумѣется, его тенденціями не интересовались, полагая даже, что ихъ и суще-

ствовать не можетъ. Но въ 70-хъ годахъ польское крестьянство возродилось не только матеріально но и духовно. Тогда постигъ польскій церковный клиръ ту громадную силу, которую представляетъ крестьянство въ своей совокупности, и не замедлилъ построить всѣ свои надежды возстановленія Польши на его участіи въ этомъ дѣлѣ. Однако, и въ то еще время его усилія возстановить хлопа противъ Россіи были незначительны. Лишенные направляющей власти въ лицѣ епископовъ, ксендзы дѣйствовали разрозненно и далеко не единодушно, такъ какъ въ ту пору почти все зависѣло отъ личной инціативы каждаго изъ нихъ. Лишь съ возстановленіемъ епископскихъ каѳедръ, получила эта дѣятельность ихъ окончательное освященіе и развитіе.

Съ тѣхъ поръ политическая программа римско-католическаго духовенства въ Привисляньѣ существенно измѣнена: до 63 года главною цѣлью своею костелъ ставилъ подстреканіе шляхты и приготовленіе возстаній въ краѣ; начиная же съ этого времени, повидимому убѣдившись въ безполезности всякихъ попытокъ къ отбудованію ойчизны, при помощи одной шляхты, онъ отрекся отъ всякихъ насильственныхъ дѣйствій и почти всецѣло направилъ свои усилія къ возбужденію крестьянства противъ Русской державы, причемъ сосредоточилъ всѣ надежды на войну Имперіи съ ея западными сосѣдями, дабы одновременно поднять народный бунтъ въ краѣ. Мы видѣли при какихъ благопріятныхъ условіяхъ выполняется эта программа. По неволѣ приходится воскликнуть—videant-consules!

ГЛАВА V.

КРЕСТЬЯНЕ.

Отсутствіе у польской шляхты административныхъ способностей отражается на всей ея дѣятельности. Неумѣніемъ подчинить себѣ людей съ помощью нравственнаго на нихъ воздѣйствія отчасти объясняется стремленіе ея обезличить, лишить всякаго человѣческаго достоинства тѣхъ лицъ, тѣ классы населенія, которые волею судьбы поставлены ниже ея, состоятъ въ зависимыхъ къ ней отношеніяхъ. Всего ярче проявилось это стремленіе шляхты на крестьянствѣ, которое, по-польскому же выраженію, она ради полнаго себѣ подчиненія превратила въ быдло (скотъ). И дѣйствительно, стоитъ лишь въ настоящее время кому-либо изъ крестьянъ видвинуться, проявить свою самостоятельность, какъ шляхта теряетъ надъ нимъ всякій авторитетъ, всякую власть и нерѣдко обращается къ русскимъ правительственнымъ чиновникамъ для его обузданія.

Польскій крестьянинъ по своему характеру рѣзко отличается отъ высшихъ классовъ этого народа; общею чертой у нихъ является исключительно та первенствующая роль, которую играетъ и въ этомъ сословіи женщина. Освобожденный лично еще въ 1807 году Наполеономъ, хлопъ, какъ называетя крестьянинъ въ краѣ, попалъ изъ тяжелаго рабства

политическаго въ не менѣе тяжкую кабалу экономическую. Безпримѣрно угнетеннымъ его состояніемъ, совершенно неизвѣстнымъ русскому мужику даже въ эпоху полнѣйшаго закрѣпощенія его подъ властію помѣщиковъ, объясняются многія его качества и свойства, во главѣ которыхъ слѣдуетъ поставить его крайнюю неразвитость. Всѣ умственныя способности хлопа сводятся къ хитрости, соединенной съ замѣчательною скрытностью, выработавшейся у него въ теченіе многолѣтняго рабства. Насколько Полякъ-интеллигентъ болтливъ и экспансивенъ, настолько Полякъ-крестьянинъ молчаливъ и замкнутъ. Добиться отъ него выраженія его истинныхъ желаній и стремленій столь же трудно, какъ доискаться, на основаніи его показаній истины въ самомъ пустомъ дѣлѣ. Правдивостью онъ, какъ и весь польскій народъ, не отличается отнюдь; скрыть инстину онъ считаетъ столь же необходимымъ, какъ вообще скрыть всѣ свои помыслы. Отличительнымъ качествомъ является у него подобострастіе и приниженность: до сихъ поръ, по прошествіи 30 слишкомъ лѣтъ съ начала своей полной независимости, хлопъ не говоритъ иначе съ паномъ, какъ въ самомъ изысканно-униженномъ тонѣ, съ замѣтною робостію прежде искреннею, нынѣ же подчасъ напускною, какъ въ позѣ, такъ и въ голосѣ. Къ кореннымъ качествамъ польскаго крестьянина слѣдуетъ причислить злопамятность; хлопъ молча снесетъ всякую обиду, но глубоко въ сердцѣ затаитъ ненависть къ нанесшему ее и при первой возможности, даже если она появится по прошествіи многихъ лѣтъ, жестоко отомститъ за нее.

Живой русской сметки, снаровки въ работѣ у него вовсе нѣтъ; къ труду онъ способенъ лишь медленному и рутинному. Привыкши къ работѣ подневольной и будучи почти незнакомъ съ работой издѣльной при которой человѣкъ стремиться къ скорѣйшему исполненію ея, что и заставляетъ искать снаровки и умѣнья, онъ естественно работаетъ вяло, медленно, безъ всякаго интереса къ дѣлу. Въ своемъ хозяйствѣ онъ не знакомъ ни съ какими улучшеніями, несмотря на высокую культуру помѣщичьихъ земель, его окружающихъ,

и тѣмъ составляетъ яркую противуположность русскому мужику, столь быстро подмѣчающему, все, что ему пригодно и охотно перенимающему испытанное сосѣдомъ. Предпріимчивости у польскаго хлопа тоже совершенно нѣтъ—спеціальною, мелкою культурой онъ вовсе не занимается, чѣмъ объясняется тотъ фактъ, что даже вокругъ Варшавы, съ ея полумилліоннымъ населеніемъ, огородовъ мало, а крестьянскихъ почти совсѣмъ нѣтъ; кустарныя производства въ Привисляньѣ почти неизвѣстны, а если гдѣ и встрѣчаются, то самаго примитивнаго характера. Еще менѣе распространены въ краѣ отхожіе промыслы, да и на мѣстѣ своего постояннаго пребыванія не умѣетъ хлопъ захватить всю доступную ему работу; значительную часть принадлежащаго ему по праву заработка отнимаютъ у него такъ называемые гурали—безземельные галичане съ Карпатскихъ горъ—ежегодно появляющіеся многочисленными партіями во всѣхъ мѣстностяхъ края во время косовицы и жатвы. Помѣщики всегда охотно нанимаютъ этихъ гуралей, предпочитая ихъ мѣстнымъ крестьянамъ, такъ какъ работаютъ они не въ примѣръ лучше и притомъ по цѣнѣ издѣльной, а не подденной, на что крестьяне края, какъ сказано, рѣдко соглашаются. И не недостаткомъ рабочихъ рукъ на мѣстахъ ихъ появленія, а исключительно качествомъ ихъ работы объясняется постоянный спросъ на гуралей; въ этомъ убѣждаетъ то обстоятельство, что работа гуралей оплачивается дороже работы мѣстныхъ крестьянъ.

Малоподвижность и косность польскаго хлопа, отсутствіе у него самодѣятельности, иниціативы не являются исключительно слѣдствіемъ того приниженнаго и забитаго состоянія въ которымъ онъ находился въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ; эти качества слѣдуетъ признать за присущія ему племенныя особенности. Дабы убѣдиться въ этомъ достаточно сравнить польскихъ крестьянъ съ крестьянами малороссами находившимися съ давняго времени въ одинаковыхъ съ ними жизненныхъ условіяхъ; къ таковымъ принадлежатъ крестьяне населяющіе нѣкоторые уѣзды Сѣдлецкой и Люблинской губерніи и принадлежность ихъ къ другому племени ясно сказывается,

какъ во всемъ ихъ наружномъ обликѣ, въ спокойной, независимой манерѣ держать себя, такъ и въ умственномъ ихъ развитіи, отражающемся на всемъ ихъ хозяйственномъ бытѣ; среди жителей этихъ уѣздовъ развиты и промыслы, процвѣтаетъ и мелкая культура какъ-то огородничество, садоводство, составляющія такое могущественное подспорье въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Не умѣя умножать своихъ доходовъ, хлопъ, однако, въ совершенствѣ умѣетъ сохранить нажитое; въ требованіяхъ онъ чрезвычайно скроменъ — питаніе его состоитъ почти исключительно изъ картофеля — и до крайности скопидоменъ и скупъ. Пьянство, какъ порокъ, въ польскомъ крестьянствѣ явленіе рѣдкое.

Въ домѣ и хозяйствѣ главенство принадлежитъ женщинѣ; она хранитъ деньги, вноситъ даже подати. Въ уѣздныхъ казначействахъ нерѣдко можно встрѣтить пришедшихъ вмѣстѣ мужика и бабу, причемъ баба садится на полъ, снимаетъ обувь и достаетъ оттуда нужныя деньги, которыя мужъ ея при ней вноситъ въ кассу. На всѣхъ крестьянскихъ сходахъ баба хотя оффиціально не участвуетъ, однако оказываетъ на рѣшенія ихъ значительное вліяніе. Въ нескончаемыхъ тяжбахъ по различнымъ учрежденіямъ и инстанціямъ, къ которымъ крестьяне имѣютъ такое же пристрастіе какъ и шляхта, баба постоянно является самою страстною, самою энергичною защитницей дѣла и притомъ самою безпокойною, самою крикливою: тогда какъ мужикъ стоитъ и молча мнетъ шапку въ рукахъ, она оглушаетъ стороны и судей цѣлымъ потокомъ словъ, часто безтолковыхъ, но всегда страстныхъ.

Къ землѣ польское крестьянство необыкновенно жадно; изъ-за полоски въ нѣсколько квадратныхъ аршинъ хлопъ готовъ просудить три раза ея стоимость, вступить въ рукопашный бой, оказать сопротивленіе властямъ. Земельные споры въ Привисляньи безконечны и для окончательнаго улаженья нѣкоторыхъ изъ нихъ въ 70-хъ годахъ приходилось иногда прибѣгать къ вооруженной силѣ.

Къ русскому чиновнику крестьянинъ относится съ большимъ довѣріемъ нежели къ польскому, въ особенности же не

довѣряетъ онъ помѣщику. Гминные суды, гдѣ первенствующую роль играютъ помѣщики, ему прямо ненавистны. Суды эти, въ компетенцію коихъ входятъ всѣ мелкіе проступки, караемые уставомъ о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями, и гражданскія дѣла, искъ по коимъ не превышаетъ стоимостью 300 рублей, состоятъ изъ предсѣдателя со званіемъ гминнаго судьи и 2-хъ или 3-хъ членовъ (смотря по числу входящихъ въ составъ гминнаго судебнаго округа гминъ,— по одному отъ каждой), именуемыхъ лавниками. Всѣ эти лица выборныя, причемъ для судей необходимъ извѣстный цензъ имущественный и образовательный, для лавниковъ же лишь грамотность и право участія въ гминномъ сходѣ, объусловленное владѣніемъ не менѣе 3-хъ морговъ земли. На дѣлѣ вся власть находится въ рукахъ судей-помѣщиковъ, лавники же крестьяне ограничиваютъ свое участіе молчаливымъ и безпрекословнымъ подписываніемъ приговоровъ. Практика этихъ судовъ указала на постоянное и систематическое отстаиваніе судьями помѣщичьихъ интересовъ во вредъ крестьянскимъ. Исконное презрѣніе польскаго пана къ хлопу обнаруживается во многихъ ихъ рѣшеніяхъ, что и сдѣлало гминные суды самымъ непопулярнымъ среди польскихъ крестьянъ учрежденіемъ. Недальновидность и сословные интересы пановъ помѣшали имъ создать изъ этого учрежденія орудіе воздѣйствія на народную массу въ смыслѣ возбужденія въ ней симпатій къ чисто польскимъ учрежденіямъ; тогда какъ суды эти могли бы служить полякамъ широкимъ полемъ для проявленія своихъ національныхъ административно-судебныхъ способностей и могущественнымъ орудіемъ для прославленія ихъ, они наоборотъ явились доказательствомъ ихъ полной въ этомъ отношеніи несостоятельности. Хлопъ неизмѣнно предпочитаетъ обратиться въ Русское учрежденіе, будь то коммисаръ по крестьянскимъ дѣламъ, мировой судья или уѣздный начальникъ, нежели къ единоплеменному гминному судьѣ. Сохраненіе этого судебнаго учрежденія объяснимо лишь тѣмъ, что оно выгодно оттѣняетъ русскія учрежденія передъ мѣстными польскими въ глазахъ массы населенія.

Къ Русскому главенству въ краѣ польскій крестьянинъ относится безразлично, но происходитъ это главнымъ образомъ вслѣдствіе его неразвитости; тѣ изъ крестьянъ, которые прошли черезъ войска, по возвращеніи, дѣлаются въ большинствѣ случаевъ сознательными сторонниками Россіи; щеголяютъ своимъ знаніемъ русскаго языка, вообще пользующимся почетомъ въ этомъ сословіи. Къ тому же въ громадномъ большинствѣ крестьянства до сихъ поръ живо сохраняется благодарная память о Царѣ Освободителѣ, которому оно обязано своимъ нынѣшнимъ независимымъ положеніемъ. Сооруженный въ Ченстоховѣ исключительно на крестьянскія вполнѣ доброхотныя пожертвованія памятникъ Императору Александру II, общая стоимость котораго достигла 80 тысячъ рублей, служитъ тому лучшимъ доказательствомъ. Памятникъ этотъ, къ слову сказать, первый по времени изъ сооруженныхъ во всей Имперіи, былъ торжественно освященъ 17 апрѣля 1889 года въ присутствіи представителей отъ всѣхъ крестьянъ края. Благодаря удачному выбору мѣста, связавшему его съ наиболѣе почитаемой въ краѣ религіозной святыней — чудотворнымъ образомъ Ченстоховской Божіей Матери, памятникъ ежегодно осматривается тысячами богомольцевъ, стекающихся въ Ченстоховъ для поклоненія чтимой иконѣ, и уже нынѣ составляетъ какъ-бы одно неразрывное съ нею цѣлое. Создались даже легенды о его чудодѣйственной силѣ, распространяемыя богомольцами по всему Привислянью.

Несомнѣнно, что крестьянство самый надежный для Россіи элементъ въ краѣ, и его полной преданности Царю и престолу мѣшаетъ развиться лишь католическое духовенство, о дѣятельности коего въ этомъ направленіи мы уже достаточно сказали въ предыдущей главѣ. Религіозность въ польскомъ крестьянинѣ сильно развита, но зиждется она не на сердечной его близости съ церковью, а на томъ суевѣрномъ страхѣ, который внушаетъ ему костелъ. На этомъ чувствѣ основываетъ свое воздѣйствіе на духовныхъ чадъ своихъ польскій ксендзъ; не проповѣдью любви и мира ищетъ онъ

утвердить свою паству въ католической вѣрѣ, даже не обѣщанною наградой въ будущей жизни, при исполненіи ея заповѣдей, а угрозами неизбѣжной кары въ случаѣ нарушенія ихъ. Богослужебный языкъ католицизма—вполнѣ непонятный для массы—какъ нельзя лучше содѣйствуетъ сохраненію за церковью ореола таинственности и неизвѣданности, внушающей къ ней не любовь, а трепетъ. Есть что-то, можно сказать, языческое въ религіозныхъ вѣрованіяхъ польскаго крестьянина; Богъ въ его понятіяхъ является не духомъ милосердія, прощенія и любви, а духомъ злобы и неумолимаго преслѣдованія, избѣгнуть гнѣва коего можно лишь умилосердивъ Его всевозможными приношеніями. Многочисленныя каплицы, придорожныя иконы и кресты, усердно сооружаемые польскимъ крестьянствомъ, являются слѣдствіемъ такого представленія его о Богѣ.

Понятно, что, пока крестьянинъ не въ состояніи отнестись разсудочно къ исповѣдуемой имъ вѣрѣ, костелъ держитъ его всецѣло въ своей власти, но коль скоро умственное его развитіе настолько окрѣпло, что отрѣшаетъ его отъ суевѣрныхъ понятій, на коихъ основана его религіозность, вѣра у хлопа быстро исчезаетъ, переходитъ въ полное безвѣріе и ксендзъ теряетъ всякое вліяніе на него. Лишь при духовномъ направленіи воспитанія народа возможно въ немъ сохранить его религіозность, причемъ она однако легко переходитъ въ фанатизмъ. Въ коренномъ вопросѣ народной жизни, его устойчивости въ нравственныхъ понятіяхъ вліяніе ксендза громадно и несомнѣнно можетъ быть благотворно. Создать въ Привислянѣ вѣрноподданное Россіи римско-католическое духовенство, значитъ создать въ немъ не только преданное русскимъ интересамъ, но и нравственное населеніе. И въ этомъ дѣлѣ видно, насколько важно русской власти взять въ свои руки воспитаніе духовныхъ наставниковъ хлопа.

Развитію матеріальнаго благосостоянія польскихъ крестьянъ всего болѣе препятствуетъ жидъ, безъ участія котораго ни одной торговой сдѣлки хлопъ совершить не въ состояніи;

тому же, разумѣется, мѣшаетъ и непріязненное отношеніе къ нимъ помѣстнаго сословія, какъ я уже сказалъ, до сихъ поръ не признающаго въ нихъ полноправныхъ людей. Особенной же ненавистью помѣщика пользуются тѣ крестьяне, которые имѣютъ сервитутныя права на его землѣ. Съ ними онъ находится въ большинствѣ случаевъ въ открытой и вѣчной враждѣ. Вообще вопросъ объ этихъ правахъ одинъ изъ тѣхъ, который наиболѣе волнуетъ помѣстное сословіе въ Привисляньи; о немъ помѣщики иначе не говорятъ какъ съ величайшимъ раздраженіемъ и поэтому на немъ стоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Крестьянскимъ сервитутомъ въ Привисляньи называется право крестьянъ участвовать въ извѣстной степени въ пользованіи помѣщичьими землями, въ составъ коихъ входили ихъ надѣлы до Указа 1864 года. Пользованіе это заключается въ пастьбѣ скота по помѣщичьимъ полямъ (парамъ и жнивьямъ), лугамъ по скошеніи травы, лѣснымъ и инымъ пастбищамъ, и въ правѣ собирать въ помѣщичьихъ лѣсахъ сушнякъ и валежникъ, а равно получать изъ него въ извѣстные сроки строительный матерьялъ; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ права эти точно опредѣлены и уничтоженіе ихъ можетъ послѣдовать лишь по обоюдному соглашенію крестьянъ и помѣщика путемъ замѣны ихъ опредѣляемымъ договаривающимися сторонами пространствомъ земли, переходящимъ отъ помѣщика въ полную собственность крестьянъ. Происхожденіе сервитутныхъ правъ кроется главнымъ образомъ въ давней алчности помѣщика къ землѣ и стремленіи его, при поселеніи на ней необходимой ему рабочей силы, выдѣлить своимъ батракамъ какъ можно меньшее количество земли, замѣнивъ очевидную ея недостаточность для существованія крестьянской семьи этими правами пастьбы ея скота и полученія отопленія и строеваго матерьяла. Очевидно, что до 1864 года, въ виду полной зависимости отъ него крестьянъ, помѣщикъ по своему произволу измѣнялъ размѣръ этихъ правъ, несмотря на первоначальный уговоръ, точно ихъ опредѣлявшій. Указъ 19 февраля 1864 года, передавъ въ полную собственность крестьянъ, въ

замѣнъ ликвидаціоннаго вознагражденія выплаченнаго помѣщикамъ, тѣ земли, коими онѣ до тѣхъ поръ за чиншъ или барщину пользовались у ихъ собственника, укрѣпилъ за ними и сервитутныя права, въ размѣрѣ фактическаго ими пользованія въ моментъ изданія Указа, предоставивъ, какъ сказано, ихъ замѣну добровольному соглашенію сторонъ.

Непосредственно по введеніи положенія 1864 г. ни помѣщики, ни крестьяне, не поняли того огромнаго значенія, которое вскорѣ получили сервитутныя права. Первые неохотно отказывались отъ малѣйшей части своей земли, ради выкупа этихъ правъ, которыя ихъ мало чѣмъ стѣсняли, вторые, стремясь увеличить свою земельную собственность, охотно соглашались замѣнить ихъ за самое ничтожное вознагражденіе. Этимъ выгоднымъ для помѣщиковъ положеніемъ воспользовались сравнительно немногіе изъ нихъ. Но спустя лишь нѣсколько лѣтъ по изданіи Указа положеніе рѣзко измѣнилось. Помѣщики убѣдились, что участіе третьихъ лицъ въ пользованіи ихъ имуществомъ ими вовсе не замѣчалось, лишь покуда эти лица находились въ полной отъ нихъ зависимости, но при равноправности стало весьма чувствительнымъ; точно опредѣленныя, не подлежащія измѣненію, сервитутныя права мѣшали прямымъ владѣльцамъ имѣній, ими обремененныхъ, вырубать свои лѣса, сокращать пастбища, однимъ словомъ,—дѣйствовать на правахъ полнаго хозяина. Крестьяне поняли съ своей стороны, что это участіе крайне полезно для нихъ, а главное составляетъ въ ихъ рукахъ могущественное средство увеличить свою собственность вознагражденіемъ подчасъ превышающимъ фактическую стоимость ихъ правъ именно вслѣдствіе обременительности ихъ для помѣщика. Съ тѣхъ поръ добровольныя сдѣлки о замѣнѣ сервитутовъ становились все тяжелѣе для помѣщиковъ и все выгоднѣе крестьянамъ, которые получали по нимъ значительно большее количество земли, нежели тотчасъ по изданіи Указа 64 года. Требованія крестьянъ все возрастали и въ отдѣльныхъ случаяхъ превышали возможность ихъ удовлетворенія безъ совершеннаго обезцѣненія имѣнія. Тогда-то паны под-

няли неистовый вопль о безъисходности своего положенія и стали огуломъ требовать обязательной замѣны сервитутныхъ правъ крестьянъ по нормальной и фактической ихъ стоимости, на что русское правительство оставалось однако неизмѣнно глухо. Прилагая всѣ старанія къ точнѣйшему опредѣленію этихъ правъ, первоначально внесенныхъ въ ликвидаціонныя табели (наши уставныя грамоты) въ довольно общихъ выраженіяхъ, при толкованіи коихъ представлялся широкій просторъ для расширенія или съуженія ихъ, а равно стремясь урегулировать спокойное ими пользованіе, путемъ огражденія обѣихъ сторонъ отъ нарушеній и превышеній ихъ, правительство справедливо полагало, что активное его вмѣшательство въ дѣло замѣны ихъ—немыслимо. Сервитутныя права столь разнообразны, ихъ фактическая цѣнность до такой степени колеблется въ зависимости отъ особенностей каждой данной мѣстности, смотря по обилію въ ней пастбищъ и лѣсовъ, близости отъ крупныхъ центровъ, стоимости топлива и строительныхъ матеріаловъ и наконецъ стоимости и качества получаемой взамѣнъ ихъ земли, что подвести ихъ подъ одну какую-либо норму не представляется никакой возможности; по-одиночная же оцѣнка ихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, крайне затруднительная безъ полнаго и всесторонняго знакомства всѣхъ мѣстныхъ условій, въ особенности осложнится невозможностью положиться на несомнѣнно корыстныя показанія заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ и кромѣ того дастъ такой просторъ произволу тѣхъ, которымъ она будетъ поручена, что лишь породитъ безконечныя и зачастую справедливыя нареканія обѣихъ сторонъ на правительство. Нынѣ недовольны помѣщики, но ихъ ничѣмъ не привлечешь на правительственную сторону—тогда же къ недовольству пановъ примкнетъ и значительная часть крестьянства, этой основы русской власти въ краѣ.

Сервитутныя права не составляютъ исключительной особенности Привислянья: они существуютъ и понынѣ въ нѣкоторыхъ государствахъ Запада, не смотря на то, что тамъ зависимое положеніе крестьянъ къ помѣщикамъ прекратилось

на цѣлыя столѣтія ранѣе нежели въ Польшѣ и тѣмъ не менѣе къ насильной замѣнѣ ихъ страны эти не прибѣгаютъ. Такъ эти права существуютъ доселѣ въ Баваріи и Саксоніи. Свободная, добровольная замѣна ихъ въ Привисляньи подвигается значительно быстрѣе нежели въ Западной Европѣ; за 30 лѣтъ со времени изданія Указа 1864 года замѣнена уже значительно большая половина ихъ. Правда, что нынѣ при своихъ правахъ остались главнымъ образомъ тѣ крестьяне, удовлетворить коихъ всего тяжелѣе для помѣщиковъ, а именно сохранились они въ имѣніяхъ, гдѣ права эти наиболѣе обширны по отношенію къ общей ихъ площади; но въ этихъ случаяхъ и обязательная справедливая замѣна ихъ не поможетъ дѣлу — помѣщику всячески придется поступиться большей частью своего помѣстья дабы избавиться отъ нихъ. Бѣда въ томъ, что владѣлецъ обремененнаго сервитутами имѣнія смотритъ на него, какъ на всецѣло ему принадлежащее, и при такомъ взглядѣ ему, разумѣется, трудно разстаться съ иногда значительной частью его, ради выкупа ненавистныхъ ему правъ крестьянъ, но взглядъ этотъ абсолютно ошибочный. Права крестьянъ несомнѣнно столь же юридически правильны, сколь его собственныя; онъ же ихъ нѣкогда предоставилъ имъ, они освящены вѣками, и за нихъ ему же было выплачено своевременно денежное вознагражденіе. Наконецъ обязательной замѣнѣ препятствуетъ еще одно важное обстоятельство — буквальная незамѣнимость ихъ для крестьянъ, земли коихъ ахнодятся въ черезполосности съ чужими владѣніями, доходящей во многихъ селеніяхъ Привисланья до крайности.

При однодворномъ владѣніи, отсутствіи общихъ пастбищъ и незначительности владѣемой земли, содержаніе скота для крестьянина вообще затруднительно, при черезполосности же владѣнія, доходящей нерѣдко до того, что земля того же собственника разбита на десятки узкихъ полосокъ пространствомъ каждая въ нѣсколько квадратныхъ сажень, а шириной въ нѣсколько шаговъ, выпасъ скота совершенно немыслимъ. Всѣ эти причины въ совокупности болѣе чѣмъ достаточны, чтобы доказать нелѣпость требованія обязательной замѣны сервитутовъ; повторяю —

это незаконно, неисполнимо безъ нарушенія существенныхъ правъ обѣихъ сторонъ и вызоветъ всеобщее недовольство.

Многіе изъ польскихъ помѣщиковъ впрочемъ хорошо сознаютъ это и въ такомъ случаѣ видоизмѣняютъ свои требованія. Они доказываютъ неуспѣшность добровольной замѣны сервитутовъ (они говорятъ,—неуспѣшность,—въ виду того, что всѣ помѣщики желаютъ избавиться, но не всѣ избавились отъ нихъ; на дѣлѣ же сервитуты въ краѣ, какъ сказано, замѣняются весьма быстро), тѣмъ, что права эти недостаточно гарантированы отъ превышеній ихъ со стороны крестьянъ, что эти превышенія зачастую остаются безнаказанными, что придаетъ смѣлость крестьянамъ къ ихъ повторенію, при каковыхъ условіяхъ приходится вознаграждать ихъ, при замѣнѣ сервитутовъ, не только за утвержденныя за ними права, но и за незаконно ими присвоенныя. Средствомъ для скорѣйшей замѣны этихъ правъ помѣщики считаютъ обезпеченіе большей наказуемости крестьянъ за совершенныя ими правонарушенія, въ особенности же преслѣдованіе ихъ въ уголовномъ порядкѣ, а не въ гражданскомъ.

Мечта шляхты—передать сервитутныя дѣла изъ вѣдѣнія крестьянскихъ учрежденій, зорко отстаивающихъ интересы хлопа, гминнымъ судамъ, о характерѣ коихъ сказано выше. Вредъ, нанесенный помѣщику отъ превышенія крестьянами сервитутныхъ правъ, долженъ, по ихъ мнѣнію, не только возмѣщаться, но независимо отъ этого наказываться, а это гминные суды произведутъ въ совершенствѣ. Неправильность этого положенія очевидна; невозможно сопоставлять и приравнивать превышеніе принадлежащихъ данному лицу законныхъ правъ съ проступками противъ чужой собственности, совершенными такими лицами, которыя никакими на нее правами не обладаютъ. Наконецъ, если даже допустить это отступленіе отъ твердо установленнаго закономъ различія между гражданскими правонарушеніями и уголовными, то необходимо допустить преслѣдованіе и другой стороны, т. е. помѣщиковъ, уголовнымъ же порядкомъ за производимыя ими сплошь и рядомъ нарушенія крестьянскихъ правъ незаконною вырубкой

глазахъ исключительно рабочею силой, съ правами высшихъ сословій, хотя вполнѣ сознавалъ, что на эти сословія русская власть съ Привисляньѣ опираться не можетъ. Эту опору онъ предпочиталъ видѣть исключительно въ занимавшемъ край русскомъ воинствѣ, нежели въ массѣ польскаго крестьянства. Если онъ послушно слѣдовалъ указаніямъ тѣхъ членовъ Учредительнаго Комитета, имена коихъ неразрывно связаны со всей его дѣятельностью, то лишь скрѣпя сердце, поневолѣ повинуясь обширнымъ полномочіямъ, которыми были облечены пріѣхавшіе по Высочайшему повелѣнію въ край преобразователи его. Несомнѣнное идейное и умственное превосходство Милютина, Черкасскаго и Соловьева подавляло графа Берга, и та рознь, которая существовала между предсѣдателемъ Комитета и членами его, между властью исполнительною и законодательною, не отражалась видимымъ образомъ на ходѣ дѣлъ. Но едва лишь по закрытіи Комитета выѣхали изъ края вдохновители его, какъ намѣстникъ, освобожденный отъ ихъ властнаго нравственнаго воздѣйствія, обнаружилъ свое личное несочувствіе къ ихъ взглядамъ. Основы крестьянской реформы не только не получили дальнѣйшаго развитія, но даже не были завершены тѣ стороны ея, которыя ко времени упраздненія комитета, къ сожалѣнію, не были еще окончательно проведены въ жизнь. Правительство, видя индефферентное отношеніе намѣстника къ этому вопросу, сочло нужнымъ перевести Центральную Коммиссію по крестьянскимъ дѣламъ, служившую по отношенію къ нимъ исполнительнымъ органомъ Учредительнаго Комитета, изъ Варшавы въ Петербургъ (переименовавъ ее во временную), что однако мало помогло успѣшному ходу дѣла въ виду отсутствія дѣятельной помощи со стороны главной мѣстной власти.

Не сочувствуя въ душѣ милютинской программѣ, графъ Бергъ однако открыто противъ нея не высказывался: его сопротивленіе крестьянской реформѣ ограничивалось безучастнымъ къ ней отношеніемъ. Назначенный варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, по смерти гр. Берга и упраздненіи намѣстничества, графъ Коцебу пошелъ значительно далѣе въ

этомъ направленіи. Его отношеніе къ крестьянской реформѣ было явно враждебное; въ ней онъ видѣлъ опасный прецедентъ для родныхъ ему Остзейскихъ провинцій, и не замедлилъ употребить все свое вліяніе, дабы измѣнить характеръ дѣятельности крестьянскихъ учрежденій въ краѣ. Коммиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ стремился онъ превратить изъ защитниковъ крестьянъ и блюстителей ихъ интересовъ въ строгихъ ихъ начальниковъ и судей. Въ особенности ненавистны ему были сервитутныя права крестьянъ, подрывавшія, по его понятіямъ, начала собственности, и онъ, не обинуясь, заявилъ всѣмъ крестьянскимъ дѣятелямъ въ краѣ, что ихъ служба будетъ оцѣнена лишь въ томъ случаѣ, если они [illegible] къ скорѣйшему [illegible] этихъ правъ.

Иначе говоря, графъ [illegible] прямо [illegible] коммиссарамъ [illegible] въ этомъ смыслѣ на крестьянъ, а въ средствахъ для этого недостатка не было. [illegible]

фактъ. Въ 1874 году, по поводу истекшаго десятилѣтія со времени изданія Высочайшихъ Указовъ объ устройствѣ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, профессоръ Симоненко на годичномъ актѣ Варшавскаго университета прочелъ блестящую рѣчь о тѣхъ громадныхъ успѣхахъ въ умственномъ, нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ, которые сдѣлало за это время крестьянство въ краѣ. Рѣчь эта, восхвалявшая мудрость нашей политики въ Привислянскомъ краѣ, была встрѣчена громкими рукоплесканіями всей аудиторіи, наполненной однако далеко несочувствующимъ начинаніямъ русской власти варшавскимъ студенчествомъ. Не такъ взглянулъ на эту рѣчь главный представитель этой власти въ краѣ. Увлекшись своей остзейской кастовою ненавистью къ низшимъ сословіямъ, онъ увидѣлъ въ ней опасныя либеральныя тенденціи и даже счелъ нужнымъ сдѣлать строгое внушеніе, какъ автору, такъ и университетскому начальству, допустившему публичное произнесеніе ея.

Однако и при гр. Коцебу не было сдѣлано попытокъ къ прямому уничтоженію крестьянскихъ сервитутовъ въ краѣ, ибо если онъ относился непріязненно къ возвышенію крестьянства, то не болѣе сочувственно относился онъ и къ польской шляхтѣ, основнымъ тенденціямъ которой онъ, несомнѣнно, энергично противодѣйствовалъ. Лишь съ назначеніемъ въ Варшаву ген. Альбединскаго, построившаго свою систему управленія краемъ на полномъ довѣріи мѣстному дворянству, были сдѣланы попытки къ болѣе энергичному и быстрому разрѣшенію сервитутнаго вопроса путемъ законодательнымъ. Подходящимъ для этого средствомъ было признано мѣстною властію измѣненіе дѣйствующихъ правилъ о порядкѣ пользованія сервитутами опредѣленномъ 2966 ст. Постан. Учред. Ком. Необходимость этого мотивировалось соображеніями всецѣло заимствованными у польскихъ помѣщиковъ, а именно: 1) часто повторяющимися случаями мелкихъ нарушеній правъ собственности помѣщиковъ, которыя остаются безнаказанными, 2) необходимостью устранить ложныя и преувеличенныя представленія крестьянъ о принадлежащихъ имъ сервитут-

ныхъ правахъ, 3) цѣлесообразностью этой мѣры для приведенія крестьянъ въ большей сговорчивости при переговорахъ о добровольной замѣнѣ сервитутовъ. Какъ видно, не рѣшаясь предложить принудительную замѣну этихъ правъ, могущую превратиться въ одинаково невыгодную для обѣихъ сторонъ, полонофилы остановились на способѣ еще болѣе незаконномъ — установить такія правила пользованія ими, при которыхъ крестьянинъ сдѣлался бы болѣе сговорчивымъ отказаться отъ нихъ, иначе говоря,—превратить эти права въ фикцію. По счастью проекта этого ген. Альбединскій осуществить не успѣлъ, съ назначеніемъ же новаго генер.-губернатора онъ былъ оставленъ безъ всякаго движенія. Тогда же была возвращена крестьянскимъ учрежденіямъ ихъ естественная роль защитниковъ крестьянскихъ интересовъ, при чемъ комиссарамъ воспрещено всякое воздѣйствіе на крестьянъ, ради ускоренія замѣны ихъ сервитутныхъ правъ.

Надо сказать, что улаженіе сервитутнаго вопроса въ значительной степени зависитъ отъ самихъ помѣщиковъ. Нынѣшняя его обостренность кроется главнымъ образомъ въ той розни, которая вѣками создалась между паномъ и хлопомъ. Польскій помѣщикъ до сихъ поръ не сознаетъ, что его интересы солидарны съ интересами крестьянъ, что при современныхъ условіяхъ крупное и среднее землевладѣніе только выигрываютъ отъ одновременнаго процвѣтанія и развитія владѣній мелкихъ, крестьянскихъ; между тѣмъ для облегченія замѣны сервитутныхъ правъ необходимо болѣе участливое отношеніе со стороны помѣщика къ нуждамъ крестьянъ. Ихъ содѣйствіе къ уничтоженію черезполосицы крестьянскихъ владѣній, столь сильно препятствующей возможности крестьянину отказаться отъ помѣщичьяго пастбища, ихъ помощь при расколонизаціи крестьянъ, при измѣненіи конфигураціи ихъ земель оказали бы могущественное вліяніе на скорѣйшее разрѣшеніе этого вопроса. Сильно ошибаются тѣ поляки, которые думаютъ, что правительство искусственно тормозитъ уничтоженіе сервитутовъ (такъ какъ де въ его интересахъ поддерживать рознь между помѣщикомъ и крестьяниномъ),—сер-

витутовъ, служащихъ яблокомъ раздора между этими сословіями и значительно де содѣйствующихъ взаимной враждѣ между ними. Это мнѣніе уже потому ошибочно, что правительство имѣло возможность давно убѣдиться, что уничтоженіе этихъ правъ отнюдь не влечетъ за собою прекращеніе антагонизма между этими классами; ярко это свидѣтельствуютъ тѣ многочисленныя мѣстности въ краѣ, гдѣ сервитутныя права давно замѣнены, а отношенія между паномъ и хлопомъ остались столь же неестественно обостренными.

Итакъ, обязательная замѣна сервитутовъ незаконна, не исполнима и крайне не тактична. Установленіе же односторонне выгодныхъ правилъ пользованія ими представляетъ тѣ же дурныя стороны лишь въ увеличенномъ размѣрѣ. Поляки часто указываютъ на то, что правительство признало же возможнымъ принудительно замѣнить сервитуты въ казенныхъ лѣсахъ и угодьяхъ и успѣшно провело это дѣло, но это отнюдь не доказательство, что та же мѣра примѣнима и къ частнымъ имѣніямъ. Во-первыхъ, большинство крестьянъ, пользовавшихся этими правами въ казенныхъ имѣніяхъ, принадлежитъ, что всегда облегчаетъ эту задачу, къ числу многоземельныхъ, т. е. къ такимъ, которые нынѣ и въ частныхъ имѣніяхъ почти повсемѣстно замѣнили эти права: при нихъ остались преимущественно крестьяне малоземельные, ибо чѣмъ меньше у хлопа земли тѣмъ труднѣе ему безубыточно замѣнить сервитутъ, въ особенности, пастбищный. Во-вторыхъ, и это главное, принудительная замѣна была возможна въ казенныхъ имѣніяхъ именно потому, что эти угодья правительственныя, т. е. по отношенію къ нимъ можно было примѣнять произвольныя мѣры, вознаграждать крестьянъ самымъ широкимъ образомъ за утрачиваемыя ими права, что и было въ дѣйствительности: крестьяне селеній, входившихъ въ составъ казенныхъ имѣній, остались вполнѣ довольны щедрымъ вознагражденіемъ имъ присужденнымъ; казна вольна была поступиться своимъ имуществомъ, но врядъ-ли остались бы довольны польскіе помѣщики, еслибы она такимъ же образомъ стала дѣйствовать за ихъ счетъ. Казна поступала еще шире — она

предоставляли за ничтожное вознагражденіе пастбище въ своихъ лѣсахъ крестьянамъ, не имѣвшимъ никакихъ правъ на то, но лишеннымъ возможности содержать скотъ на своихъ участкахъ. Такъ этому-ли хотятъ слѣдовать паны? Мы намѣренно нѣсколько подробнѣе остановились на этомъ вопросѣ: Поляки черезчуръ часто его выставляютъ, какъ неслыханное стѣсненіе ихъ правъ, между тѣмъ долголѣтній опытъ дѣятелей крестьянскихъ учрежденій края далъ имъ случай неоднократно убѣдиться, что если крестьяне и превышаютъ свои сервитутныя права, то безнаказанными, при умѣньи и склонности польскаго помѣщика вести всевозможныя тяжбы, они остаются крайне рѣдко и что, съ другой стороны, случаи нарушенія крестьянскихъ правъ помѣщиками столь же часты, какъ и превышеніе ихъ хлопами, при чемъ борьба съ помѣщикомъ для крестьянина значительно труднѣе, нежели пану съ нимъ. О трудности же вести въ имѣніи, при наличности сервитутовъ, болѣе высокую, интенсивную культуру, какъ это часто утверждаютъ поляки, не стоитъ распространяться; если это и встрѣчается, то какъ исключительное явленіе. Въ большинствѣ же имѣній, обремененныхъ сервитутами, превосходно уживаются самые сложные и высококультурные сѣвообороты. Но если бы это даже и было такъ, — что бы это доказывало? Еще разъ скажу — право крестьянъ на пользованіе въ извѣстной формѣ помѣщичьею землей столь же справедливо, сколь право помѣщика на владѣніе ею. Наконецъ, [illegible]

[illegible]

ГЛАВА VI.

ФАБРИЧНЫЙ РАБОЧІЙ.

Рядомъ съ сельскимъ крестьянствомъ молодая, но быстро развивающаяся фабрично-заводская промышленность Привислянья успѣла уже выработать въ тѣхъ крупныхъ центрахъ края, гдѣ она главнымъ образомъ сосредоточилась, особый многочисленный классъ фабричныхъ рабочихъ, во многомъ утратившій сходство съ сельскимъ батрачествомъ, среди коего онъ преимущественно вербуется.

Крупныхъ мануфактурныхъ районовъ въ краѣ три—Варшава, Лодзь и Сосновицы; отдѣльно отъ нихъ расположены лишь нѣкоторыя фабрики пограничной полосы Калишской губерніи, да разбросанные по всему Привислянью, но въ особенности по Варшавской губерніи, свекло-сахарные заводы. Жирардовская мануфактура, составляющая отдѣльный фабричный поселокъ съ населеніемъ, достигающимъ нынѣ двадцати тысячъ жителей, можетъ быть причислена къ Варшавѣ въ виду ея близости отъ этого города.

Общее количество рабочихъ, находящихъ заработокъ въ поименованныхъ центрахъ обрабатывающей промышленности края, достигаетъ солидной цифры 250 слишкомъ тысячъ, распредѣляясь между ними почти поровну, причемъ все населеніе одной Лодзи, сплошь состоящей изъ однихъ фабрикъ,

превышаетъ 300 тысячъ. Ничего приближающагося къ этому не имѣемъ мы въ центральной полосѣ Имперіи: пресловутое Иваново-Вознесенское, гордо именующее себя русскимъ Манчестеромъ, еще весьма недавно давало занятіе лишь 18 тысячамъ человѣкъ при общемъ количествѣ жителей едва достигающемъ 30 тысячъ. Понятно, что такое скопленіе фабричнаго люда на ограниченномъ пространствѣ выработало въ Привисляньи особый типъ городскаго рабочаго, во многомъ походящій на его западнаго собрата, съ коимъ онъ нерѣдко сталкивается на фабрикахъ, расположенныхъ близъ германской и австрійской границъ.

Равномѣрное распредѣленіе фабрикъ по всему пространству Московскаго и Владимірскаго округовъ дало имъ возможность развить свое заводское производство, не отрывая ради него значительнаго количества сельскихъ жителей отъ ихъ природной деревенской жизни, не порывая въ нихъ связи съ землей. Въ этихъ округахъ рабочіе вербуются почти исключительно изъ окружающаго мѣстнаго населенія, причемъ многіе изъ нихъ послѣ зимы, проведенной на фабрикѣ, возвращаются на лѣто къ полевымъ работамъ. Земледѣліе до такой степени по сіе время является главнымъ регуляторомъ всей экономической жизни крестьянскаго населенія центральныхъ губерній Россіи, что заработная плата на фабрикахъ ея колеблется въ зависимости отъ времени года, замѣтно падая въ зимніе мѣсяцы и неизмѣнно повышаясь въ лѣтніе, вслѣдствіе чего на великорусскихъ фабрикахъ установились шестимѣсячные сроки найма рабочихъ. Не имѣя возможности дорожиться своимъ трудомъ въ теченіе зимы, когда предложеніе рабочихъ рукъ превышаетъ спросъ на нихъ, великоросъ можетъ съ успѣхомъ недовырученное въ этотъ срокъ наверстать за лѣто, въ теченіе коего онъ является по сіе время хозяиномъ положенія.

Совершенно иначе обстоитъ это дѣло въ Привисляньи. Мѣстное населеніе фабричныхъ центровъ и ихъ ближайшихъ окрестностей не въ состояніи пополнить всего необходимаго контингента рабочей силы, а по сему онъ привлекается изда-

лека, со всѣхъ сторонъ края, причемъ въ сосновицкомъ районѣ въ значительной степени состоитъ изъ иностранцевъ. Эти рабочіе, разъ покинувъ свои родныя гнѣзда, крайне рѣдко сохраняютъ какую-либо связь съ ними, въ большинствѣ же случаевъ разъ-на-всегда зачисляются въ разрядъ фабричныхъ, чему въ особенности способствуетъ врожденная у польскаго хлопа неподвижность. Несмотря на весьма значительный процентъ малоземельнаго и даже безземельнаго крестьянства въ краѣ, передвиженія рабочихъ, ищущихъ временнаго заработка въ Привисляньи, совершенно неизвѣстны. Только крайность заставляетъ польскаго поселянина покинуть свое первоначальное мѣстожительство, свой родной костелъ, а въ особенности разстаться съ клочкомъ принадлежащей ему земли, привязанность къ коему у него безгранична. Домосѣдство—отличительная черта хлопа, но однажды разставшись съ своею родиною, онъ порываетъ съ ней всякую связь, перекочевываетъ со всею семьей, со всѣмъ домашнимъ скарбомъ, ликвидируя на мѣстѣ всѣ свои имущественныя дѣла. Попадая на фабрику какого-либо промышленнаго района, онъ прочно засѣдаетъ въ немъ и въ связи съ этимъ все болѣе превращается изъ крестьянина въ горожанина.

Вліяніе, оказываемое на сельскаго жителя продолжительною жизнью въ городѣ, общеизвѣстно, и его, разумѣется, не избѣгло польское фабричное сословіе. Внѣшняя цивилизація усваивается хлопомъ весьма быстро и сказывается прежде всего въ его наружномъ обликѣ, въ его одеждѣ; даже природное скопидомство не въ силахъ остановить его отъ тѣхъ расходовъ, которые вызываютъ это превращеніе. То обстоятельство, что крестьянинъ переходитъ на фабрику, обыкновенно переселившись въ сосѣдство ея со всею семьей, отнюдь не способствуетъ сохраненію имъ сельскаго быта, а лишь, наоборотъ, вызываетъ ту же перемѣну, черезъ которую проходитъ онъ самъ, во всѣхъ членахъ его семьи. Промѣнявъ свою крестьянскую одежду на городскую, облекшись въ жилетку, пиджакъ и шляпу котелкомъ, онъ принужденъ дать соотвѣтственный нарядъ женѣ своей и дочерямъ, кото-

рыя щеголяютъ въ шляпкахъ, ботинкахъ, нерѣдко даже въ перчаткахъ и подъ зонтиками.

Рядомъ съ развитіемъ у фабричнаго новыхъ потребностей въ немъ появляются и новые пороки. Правда, что праздничный загулъ рѣдко мѣшаетъ ему появляться своевременно на работу—празднованіе понедѣльника, столь повсемѣстное на великорусскихъ фабрикахъ, явленіе въ Привисляньи рѣдкое,—но зато другія стороны его нравственности страдаютъ сильнѣе нежели у насъ. Распутство, буйство, драки, причемъ въ ходъ пускаются не кулаки, а оружіе—вотъ къ чему онъ въ особенности получаетъ пагубную склонность. Утрата имъ религіозности, страха передъ костеломъ, отличающаго хлопа, лишаетъ его послѣдняго утѣшенія въ жизни, а равно всякой нравственной узды, и онъ все менѣе мирится съ своею незавидною долей, съ своими скудными средствами, не дающими ему возможности удовлетворить новыя, народившіяся у него потребности.

Экономическое положеніе польскаго фабричнаго дѣйствительно крайне тяжелое; по сравненіи съ нимъ положеніе великорусскаго фабричнаго люда нельзя не признать блестящимъ.

Первая изъ причинъ, обусловливающихъ эту разницу, и, несомнѣнно, самая существенная, заключается въ томъ, что фабричный рабочій польской окраины, принадлежа исключительно къ классу безземельному и бездомному, почерпаетъ средства для своего и семьи своей существованія исключительно въ заработной платѣ, тогда какъ рабочіе на фабрикахъ центральныхъ губерній ищутъ въ ней лишь подспорья къ ихъ основному доходу, извлекаемому изъ принадлежащаго почти каждому изъ нихъ земельнаго участка.

Эту основную разницу не въ состояніи пополнить незначительное превышеніе заработной платы на польскихъ фабрикахъ противъ такового же на фабрикахъ Московскаго и Владимірскаго округовъ, впрочемъ распространяющееся далеко не на всѣ производства *).

*) По даннымъ фабричной инспекціи средній годовой заработокъ рабочаго на фабрикахъ Привисланья равняется 188 рублямъ, превышая

Не менѣе существенно вліяетъ на разницу въ благосостояніи фабричныхъ рабочихъ этихъ двухъ районовъ то обстоятельство, что три основныя потребности человѣка—пища, жилище и одежда вызываютъ у русскаго рабочаго меньше расходовъ, причемъ первая изъ нихъ удовлетворяется значительно полнѣе, нежели у рабочаго Привислянья.

Чрезвычайно важный въ фабричномъ быту квартирный вопросъ разрѣшается для русскаго рабочаго благопріятнѣе, нежели для рабочаго польскаго. На громадномъ большинствѣ фабрикъ центральнаго района, рабочіе находятъ помѣщеніе на самой фабрикѣ, часто безвозмездно, и во всякомъ случаѣ за самую незначительную плату. Несмотря на всѣ совершенства этихъ помѣщеній они все же отвѣчаютъ ихъ главной цѣли—дать кровъ и койку рабочему въ часы его отдыха. На фабрикахъ Привислянья жилыя помѣщенія для рабочихъ существуютъ только въ видѣ исключенія—ихъ можно найти лишь на выдающихся по величинѣ мануфактурахъ, какъ, напримѣръ, Шейблеровской въ Лодзи, Дителя въ Сосновицахъ и Жирардовской близъ Варшавы. Рабочіе на остальныхъ фабрикахъ, даже на свеклосахарныхъ заводахъ, находящихся исключительно внѣ городскихъ поселеній, принуждены искать себѣ помѣщеніе въ частныхъ домахъ, что тяжело ложится на ихъ бюджетъ, не многимъ улучшая ихъ жилище, которое въ гигіеническомъ отношеніи едва-ли не хуже того, которымъ пользуются русскіе рабочіе на большинствѣ фабрикъ центральнаго района. Правда, что внѣшняя цивилизація коснулась и этой стороны жизни польскаго фабричнаго люда. На тѣхъ рѣдкихъ фабрикахъ Привислянья, гдѣ помѣщеніе дается владѣльцами ихъ, казарменнаго размѣщенія, почти повсемѣстнаго въ Россіи, совершенно не существуетъ. Каждый се-

---

на 21 руб. заработокъ рабочаго центральнаго района. По отдѣльнымъ отраслямъ производства эта разница увеличивается, достигая до 28 руб. въ шерстепрядильныхъ мануфактурахъ, но зато совершенно исчезаетъ на нѣкоторыхъ другихъ, такъ, напримѣръ, на фабрикахъ льнопрядильныхъ она даже въ пользу коренныхъ губерній (138 р. Лодзь—143 р. Москва).

рыя щеголяютъ въ шляпкахъ, ботинкахъ, нерѣдко даже въ перчаткахъ и подъ зонтиками.

Рядомъ съ развитіемъ у фабричнаго новыхъ потребностей въ немъ появляются и новые пороки. Правда, что праздничный загулъ рѣдко мѣшаетъ ему появляться своевременно на работу—празднованіе понедѣльника, столь повсемѣстное на великорусскихъ фабрикахъ, явленіе въ Привисляньи рѣдкое,—но зато другія стороны его нравственности страдаютъ сильнѣе нежели у насъ. Распутство, буйство, драки, причемъ въ ходъ пускаются не кулаки, а оружіе—вотъ къ чему онъ въ особенности получаетъ пагубную склонность. Утрата имъ религіозности, страха передъ костеломъ, отличающаго хлопа, лишаетъ его послѣдняго утѣшенія въ жизни, а равно всякой нравственной узды, и онъ все менѣе мирится съ своею незавидною долей, съ своими скудными средствами, не дающими ему возможности удовлетворить новыя, народившіяся у него потребности.

Экономическое положеніе польскаго фабричнаго дѣйствительно крайне тяжелое; по сравненіи съ нимъ положеніе великорусскаго фабричнаго люда нельзя не признать блестящимъ.

Первая изъ причинъ, обусловливающихъ эту разницу, и, несомнѣнно, самая существенная, заключается въ томъ, что фабричный рабочій польской окраины, принадлежа исключительно къ классу безземельному и бездомному, почерпаетъ средства для своего и семьи своей существованія исключительно въ заработной платѣ, тогда какъ рабочіе на фабрикахъ центральныхъ губерній ищутъ въ ней лишь подспорья къ ихъ основному доходу, извлекаемому изъ принадлежащаго почти каждому изъ нихъ земельнаго участка.

Эту основную разницу не въ состояніи пополнить незначительное превышеніе заработной платы на польскихъ фабрикахъ противъ такового же на фабрикахъ Московскаго и Владимірскаго округовъ, впрочемъ распространяющееся далеко не на всѣ производства *).

*) По даннымъ фабричной инспекціи средній годовой заработокъ рабочаго на фабрикахъ Привисляньи равняется 188 рублямъ, превышая

Не менѣе существенно вліяетъ на разницу въ благосостояніи фабричныхъ рабочихъ этихъ двухъ районовъ то обстоятельство, что три основныя потребности человѣка—пища, жилище и одежда вызываютъ у русскаго рабочаго меньше расходовъ, причемъ первая изъ нихъ удовлетворяется значительно полнѣе, нежели у рабочаго Привислянья.

Чрезвычайно важный въ фабричномъ быту квартирный вопросъ разрѣшается для русскаго рабочаго благопріятнѣе, нежели для рабочаго польскаго. На громадномъ большинствѣ фабрикъ центральнаго района, рабочіе находятъ помѣщеніе на самой фабрикѣ, часто безвозмездно, и во всякомъ случаѣ за самую незначительную плату. Несмотря на всѣ совершенства этихъ помѣщеній они все же отвѣчаютъ ихъ главной цѣли—дать кровъ и койку рабочему въ часы его отдыха. На фабрикахъ Привислянья жилыя помѣщенія для рабочихъ существуютъ только въ видѣ исключенія—ихъ можно найти лишь на выдающихся по величинѣ мануфактурахъ, какъ, напримѣръ, Шейблеровской въ Лодзи, Дителя въ Сосновицахъ и Жирардовской близъ Варшавы. Рабочіе на остальныхъ фабрикахъ, даже на свеклосахарныхъ заводахъ, находящихся исключительно внѣ городскихъ поселеній, принуждены искать себѣ помѣщеніе въ частныхъ домахъ, что тяжело ложится на ихъ бюджетъ, не многимъ улучшая ихъ жилище, которое въ гигіеническомъ отношеніи едва-ли не хуже того, которымъ пользуются русскіе рабочіе на большинствѣ фабрикъ центральнаго района. Правда, что внѣшняя цивилизація коснулась и этой стороны жизни польскаго фабричнаго люда. На тѣхъ рѣдкихъ фабрикахъ Привислянья, гдѣ помѣщеніе дается владѣльцами ихъ, казарменнаго размѣщенія, почти повсемѣстнаго въ Россіи, совершенно не существуетъ. Каждый се-

---

на 21 руб. заработокъ рабочаго центральнаго района. По отдѣльнымъ отраслямъ производства эта разница увеличивается, достигая до 28 руб. въ шерстепрядильныхъ мануфактурахъ, но зато совершенно исчезаетъ на нѣкоторыхъ другихъ, такъ, напримѣръ, на фабрикахъ льнопрядильныхъ она даже въ пользу коренныхъ губерній (138 р. Лодзь—143 р. Москва).

мейный рабочій, а такихъ большинство, пользуются отдѣльною комнатою, снабженною кухоннымъ очагомъ. Комната эта по размѣрамъ достаточно велика для помѣщенія въ ней отъ 10 до 12 человѣкъ; въ такомъ количествѣ размѣщаются въ нихъ рабочіе холостые. Обстановка рабочаго жилья, даже если она помѣщается въ подвалахъ или чердакахъ частныхъ домовъ, все же носитъ слѣды извѣстнаго комфорта: стулья, комоды, шкафы составляютъ обыкновенную принадлежность ихъ, кровати снабжены одѣялами и подушками, предметами до сихъ поръ совершенно неизвѣстными въ жилищѣ русскаго фабричнаго.

Одежда находящаго заработокъ на фабрикахъ центра Россіи мало чѣмъ разнится отъ одежды крестьянина, и потому не вовлекаетъ его въ тѣ расходы, которые, какъ мы увидимъ, зачастую являются причиной неоплатныхъ долговъ у польскаго фабричнаго.

Наконецъ, питаніе русскаго рабочаго значительно лучше, нежели то, которымъ довольствуется фабричный людъ польской окраины. Мяса послѣдній никогда не видитъ, и даже мука является у него почти исключительно къ качествѣ приправы, главнымъ же питаніемъ продолжаетъ ему служить тотъ же картофель, которымъ кормится все сельское крестьянство края. Несмотря однако на бѣдность пищи, имъ потребляемой, стоимость ея обходится ему не только не дешевле, нежели нашему рабочему, но даже подчасъ и дороже, во-первыхъ, вслѣдствіе значительной разницы въ цѣнѣ припасовъ въ центральной Россіи и въ Привисляньи, во-вторыхъ, вслѣдствіе того вкуса къ лакомствамъ, который развивается у него жизнью въ городѣ. Такіе предметы потребленія, какъ кофе и сыръ, не прибавляя питательности къ усвояемой имъ пищи, вслѣдствіе того незначительнаго количества, которое онъ можетъ себѣ позволить, тяжело однако ложатся на его бюджетъ. Наконецъ, на многихъ русскихъ фабрикахъ рабочіе кормятся сообща на артельныхъ началахъ, что значительно облегчаетъ расходы каждаго изъ нихъ. Этотъ способъ продовольствія совершенно неизвѣстенъ польскимъ фабричнымъ,

лишеннымъ того общиннаго духа, который способствуетъ великороссу вездѣ основываться въ товарищества и артели. Устройство на многихъ фабрикахъ центральной полосы потребительныхъ лавокъ, доставляющихъ рабочимъ припасы лучшаго качества и притомъ по болѣе сходной цѣнѣ, тоже вліяетъ на удешевленіе пищи фабричнаго въ центрѣ Россіи.

При всемъ томъ заработокъ фабричнаго въ Привисляньѣ нельзя признать безусловно недостаточнымъ для его существованія. Холостому рабочему онъ обезпечиваетъ удовлетвореніе всѣхъ основныхъ его потребностей, семейному же рабочему помогаютъ въ добываніи средствъ всѣ члены его семьи, обыкновенно работающіе вмѣстѣ съ нимъ на той фабрикѣ, гдѣ онъ обосновался, и, не будь въ краѣ жида, фабричный въ Привисляньи имѣлъ бы возможность, хотя и съ трудомъ, сводить концы съ концами. Жидъ — вотъ злѣйшій врагъ польскаго фабричнаго; онъ опутываетъ его цѣлою сѣтью долговыхъ обязательствъ, лишаетъ его возможности обезпечить себя отъ крайней нужды, ставитъ его за частую въ безвыходное положеніе и, несомнѣнно, является главною причиной недовольства его своей судьбой. Дабы убѣдиться, посколько жидъ держитъ въ своихъ рукахъ все фабричное населеніе крупныхъ заводскихъ центровъ края, достаточно взглянуть на то, что происходитъ вблизи расположенныхъ въ нихъ фабрикъ въ тѣ дни, когда производится выплата денегъ рабочимъ. Густая толпа жидовъ тѣснится у воротъ каждой изъ нихъ, ожидая выхода рабочихъ изъ конторы, дабы тутъ же взыскать съ нихъ тѣ лихвенные проценты, общая сумма коихъ за годъ въ большинствѣ далеко превосходитъ первоначально ссуженныя деньги.

Сельскій батракъ обыкновенно съ первыхъ дней поступленія на фабрику попадаетъ въ кабалу къ этимъ ростовщикамъ, и нужно особо благопріятное для него стеченіе обстоятельствъ, чтобы онъ когда-либо освободился отъ нея. Первая ссуда заключается въ снабженіи жидомъ новоприбывшаго городскимъ платьемъ, обзавестись коимъ всякій фабричный, слѣдуя примѣру своихъ товарищей по работѣ, счи-

таетъ безусловно необходимымъ по прошествіи очень коротkаго времени пребыванія въ крупномъ фабричномъ центрѣ. Очевидно, что платье это сбывается по цѣнѣ совершенно не соотвѣтствующей его дѣйствительной стоимости, а выплата денегъ разсрочивается по-недѣльно съ накопленіемъ къ тому же весьма значительныхъ процентовъ, при чемъ весь разчетъ жида строится на невозможности произвести эти уплаты въ указанные сроки; въ такомъ случаѣ общая сумма долга быстро увеличивается путемъ начета всякихъ неустоекъ и процентовъ, послѣ чего жидъ довольствуется взиманіемъ съ закабаленнаго работника однихъ лишь процентовъ, съ излишкомъ покрывающихъ съ перваго же года весь первоначальный долгъ, который такимъ образомъ въ послѣдующіе годы является лишь фикціей; о полученіи его жидъ не только не заботится, но даже всячески стремится сохранить его въ неприкосновенности за рабочимъ, ради полученія по немъ несообразнымъ процентовъ.

Въ одной Лодзи съ ея окрестностями регистрированныхъ Евреевъ числится болѣе 70.000, причемъ громадное большинство изъ нихъ официально значится „не имѣющими опредѣленныхъ занятій“. Какимъ же, спрашивается, путемъ добываютъ эти лишенные постоянныхъ занятій средства для существованія? Отвѣтъ простой—они питаются исключительно работой рукъ фабричнаго; на шеѣ большинства этого люда сидитъ, кромѣ собственной семьи, еще и часть семьи жида, весь трудъ котораго сводится къ постоянному шнырянью въ поискахъ за новыми жертвами и бдительному надзору за полученіемъ заработка состоящими у него въ неоплатныхъ долговыхъ обязательствахъ, дабы немедленно отобрать у него львиную долю онаго. Эта зависимость отъ жида отражается на всей жизни рабочаго Привислинья. Благодаря ей онъ лишенъ возможности искать улучшенія своего положенія переходомъ съ одной фабрики, изъ одного мануфактурнаго центра края въ другой. Жидъ-ростовщикъ зорко слѣдитъ за своей жертвой и, немедленно по увольненіи рабочаго съ фабрики опасаясь какъ бы онъ не перешелъ въ другую мѣстность,

приступаетъ къ продажѣ всего его имущества для удовлетворенія числящагося на немъ основнаго долга, давно въ сущности уплаченнаго. Это хорошо извѣстно рабочимъ, вслѣдствіе чего, поступивъ на какую-либо фабрику и попавъ въ руки ростовщиковъ, они обыкновенно проводятъ всю свою жизнь на ней, даже не пытаясь искать лучшаго заработка на другихъ фабрикахъ.

Естественно, что порабощенность польскаго фабричнаго люда отражается на высотѣ его наемной платы. Независимость русскаго рабочаго, отсутствіе у него необходимости во что-бы то ни стало немедленно найдти себѣ заработокъ, ставитъ его въ положеніе свободно договаривающейся стороны. Цѣна на рабочія руки у насъ строится преимущественно самими рабочими; фабриканты принуждены ихъ вербовать на мѣстахъ и до извѣстной степени подчиняться ихъ требованіямъ. Въ Привисляньи цѣны устанавливаются фабрикантомъ, рѣдко принужденнымъ искать себѣ рабочихъ, а, главное, обезпеченнымъ отъ ухода съ фабрики того контингента рабочей силы, который разъ поступилъ на нее.

Отношенія фабричнаго люда къ работодателямъ на большинствѣ фабрикъ Привислянья отнюдь не дружелюбны. Одной изъ основныхъ причинъ, возникающихъ между нимъ и фабрикантами недоразумѣній, является преобладаніе на фабрикахъ иностранцевъ въ качествѣ главныхъ и простыхъ мастеровъ, до 1885 г., доходившее до того, что въ Лодзи и Сосновицахъ они принадлежали ко всѣмъ національностямъ, исключая польской и русской; преобладающимъ же элементомъ были, разумѣется, нѣмцы. Предоставленіе этихъ должностей исключительно иноземцамъ лишало мѣстныхъ жителей всякой возможности выбиться изъ простыхъ чернорабочихъ и тѣмъ улучшить свой матеріальный бытъ, но въ особенности оно имъ ненавистно вслѣдствіе крайней недоброжелательности, грубости и презрѣнія, которыя они до послѣдняго времени испытывали со стороны этихъ пришельцевъ. Дѣйствительно, иностранные мастера отличались въ своихъ отношеніяхъ къ рабочимъ невѣроятно оскорбительнымъ образомъ дѣйствій и

крайнимъ произволомъ. Своя обида, затрогивавшая н... ціональное самолюбіе брань, зачастую сопровождаемая побо... въ особенности по отношенію къ мальчикамъ, наконецъ ра... вратныя требованія отъ женщинъ — были явленіемъ зауря... дневнымъ.

Полное незнакомство многихъ изъ этихъ управляющихъ с... польской и русской рѣчью еще болѣе усиливало въ есте... венное пристрастіе къ единоплеменнымъ нѣмецкимъ рабочи... коимъ неизмѣнно отдавалось предпочтеніе передъ мѣстным... такъ при сокращеніи числа рабочихъ первыми увольнял... незнающіе нѣмецкаго языка, а за ними слѣдовали и то... рящіе на немъ, но не принадлежащіе къ этой національност...

Національно-польскихъ тенденцій фабричный Привислин... народъ чуждъ; къ русскому правительству если онъ и отн... сится подчасъ непріязненно, то исключительно на тѣхъ ... основаніяхъ, по коимъ нѣмецкій рабочій относится враждебн... къ своему нѣмецкому правительству. Политическихъ стре... леній у него совершенно незамѣтно. Всѣ его мысли напр... влены къ улучшенію своего матеріальнаго благосостоянія, ... наравнѣ съ рабочими всего запада Европы онъ въ сущнос... космополитъ. Однако къ нѣмецкой національности онъ отн... сится съ нескрываемой ненавистью, вслѣдствіе того пра... ственнаго порабощенія, въ коемъ онъ состоялъ и отчасти ... сихъ поръ состоитъ у тѣхъ представителей ея, которые ... нимали всѣ административныя фабричныя должности о... высшихъ до низшихъ включительно. До какой степени зна... нѣмецкаго языка въ понятіяхъ мѣстныхъ рабочихъ было ... чалѣ 80-хъ годовъ для нихъ обязательно, указыва... между прочимъ тотъ фактъ, что искавшіе работы, обращ... шь къ чинамъ фабричной инспекціи съ просьбой помочь и... въ этомъ дѣлѣ, заговаривали съ ними, буде имѣли малѣйш... о немъ понятіе, на этомъ языкѣ. Несмотря на всю боя... рабочихъ обращаться въ администрацію съ жалобами на св... фабричное начальство, вслѣдствіе немилосерднаго увольнен... послѣднимъ всѣхъ жалобщиковъ, еще въ 1890 году по одн... Петроковской губерніи было подано рабочими до 1000 прош...

ній, заключающихъ указанія на различныя испытываемыя ими отъ иностранныхъ мастеровъ притѣсненія и обиды. О степени основательности этихъ жалобъ можно судить по тому, что болѣе половины изъ нихъ были при содѣйствіи фабричной инспекціи разрѣшены фабрикантами въ пользу ихъ подателей, хотя въ то время законъ 3-го іюня 1886 г. о взаимныхъ отношеніяхъ рабочихъ и фабрикантовъ не былъ еще распространенъ на Привислянскій край и, слѣдовательно, администрація лишена была возможности властно воздѣйствовать на владѣльцевъ фабрикъ. Правда, нынѣ вопросъ этотъ въ значительной степени потерялъ свой острый характеръ. Благодаря энергичнымъ мѣрамъ администраціи многія фабрики края замѣнили всѣхъ своихъ иностранныхъ мастеровъ мѣстными, сохранивъ ихъ лишь на должностяхъ главныхъ мастеровъ и техниковъ, другіе же рядомъ съ иноземцами допустили и многихъ коренныхъ жителей края. Достаточно сказать, что въ Лодзи въ 1894 году 44% главныхъ и 73% простыхъ мастеровъ принадлежали къ польской національности, тогда какъ за 10 лѣтъ передъ тѣмъ процентъ ея между ними равнялся нулю. Въ особенности благодѣтельно подѣйствовали въ этомъ отношеніи учрежденныя въ 1892 году экзаменаціонныя коммиссіи, провѣрившія знаніе иностранцами мѣстнаго языка, причемъ всѣ слабо съ нимъ или съ русскимъ языкомъ ознакомленные были по требованію администраціи удалены съ фабрикъ. Строгое преслѣдованіе всѣхъ мастеровъ-иностранцевъ, безчеловѣчно относившихся къ рабочимъ, съ безвозвратной высылкой многихъ изъ нихъ за границу, разумѣется оказало еще болѣе могущественное вліяніе на ихъ отношенія къ фабричному люду, но въ особенности содѣйствовало урегулированію отношеній между фабричной администраціей и рабочими распространеніе на фабрики края съ 1 октября 1891 г. закона 3 іюня 1886 г. Система штрафовъ, служившая на мелкихъ фабрикахъ отнюдь не мѣрой исключительно дисциплинарной, а стремившейся фактически сократить заработную плату, потеряла съ распространеніемъ этого закона всякое значеніе, такъ какъ по силѣ его всѣ штрафныя суммы поступаютъ въ

Какъ мы видѣли, многое содѣйствуетъ въ Привисляньи развитію крайняго недовольства своей судьбой въ фабричной средѣ и, слѣдовательно, готовитъ ее къ воспріятію крайнихъ ученій соціалистовъ, которые и находятъ въ ней все болѣе приверженцевъ—рабочіе все болѣе ими увлекаются.

Борьба съ распространеніемъ среди рабочаго элемента края соціальныхъ ученій, крайне затруднительна, въ особенности вслѣдствіе близости границы. Главными проводниками ихъ являются иностранцы-нѣмцы; мѣстный элементъ представленъ среди нихъ не доучившимися интеллигентами-евреями; тѣ и другіе стремятся организовать тайные рабочіе комитеты, отъ коихъ должна исходить инціатива стачекъ и безпорядковъ. Всѣ рабочія движенія запада становятся быстро извѣстны рабочимъ Привислянья, а эмиссары рабочихъ ассоціацій Германіи усиленно подстрекаютъ ихъ къ активнымъ дѣйствіямъ. Исключительно ихъ стараніямъ обязаны своимъ происхожденіемъ бывшіе въ 1891 году безпорядки въ Жирардовѣ, основой коихъ было чествованіе 1 мая, какъ всемірнаго рабочаго праздника. Противъ празднованія этого дня, пока оно выражалось въ простомъ прогулѣ, администрація не возставала, но это разумѣется было недостаточно для цѣлей преслѣдуемыхъ агитаторами. Они, во что бы то ни стало, желали ознаменовать этотъ день какой-либо внушительной манифестаціей; ради этого они подстрекнули забастовавшихъ насильно воспрепятствовать работѣ тѣхъ рабочихъ, которые въ стачкѣ участія не принимали. Быстро и энергично принятыми мѣрами порядокъ былъ возстановленъ, причемъ коноводы и зачинщики были немедленно выселены изъ Жирардова. Энергическій образъ дѣйствій имѣлъ несомнѣнно благіе результаты; въ послѣдующіе годы 1 мая въ Жирардовѣ ничѣмъ не отличалось отъ остальныхъ рабочихъ дней года.

Гораздо серіознѣе были безпорядки въ Лодзи въ 1892 году, явившіеся отголоскомъ такихъ же волненій на фабрикахъ Германіи. Побуждаемые разбрасываемыми среди нихъ прокламаціями, взывавшими къ нимъ настойчиво требовать сокращенія рабочаго дня, рабочіе крупнѣйшихъ фабрикъ въ Лодзи, въ

первыхъ числахъ мая заявили, что они не согласны продолжать работу безъ исполненія ихъ требованій, по началу отличавшихся необыкновенной скромностью. Видя, что угрозы не вліяютъ, они приступили къ дѣйствіямъ, причемъ первымъ ихъ актомъ было насильственное воспрещеніе всему рабочему люду города производить какія-бы то ни было работы. Дѣйствительно, работы прекратились во всѣхъ мастерскихъ, вплоть до тѣхъ, гдѣ мастера были и владѣльцами ихъ. Администрація, придерживавшаяся принятаго ею правила—отнюдь не понуждать рабочихъ къ продолженію своихъ занятій, принуждена была на третій день стачки въ виду возстановленія сильно нарушеннаго въ городѣ порядка, приступить къ болѣе энергичному способу дѣйствій. Были вызваны войска, но одно присутствіе ихъ безъ активаго вмѣшательства тоже не помогло дѣлу. Лишь на четвертый день по полученіи мѣстнымъ начальствомъ телеграфнаго приказа главнаго начальника края, о немедленномъ возстановленіи порядка, *„не жалѣя патроновъ,“* волненія прекратились. Телеграмма съ этимъ приказаніемъ, очевидно съ цѣлью составленная въ энергическихъ выраженіяхъ и посланная не шифрованной, оказала магическое дѣйствіе. Разсыльный, доставляя ее на домъ адресата, уже по дорогѣ сообщилъ ея содержаніе толпившимся на улицахъ рабочимъ, и большинство тутъ же сочло за благо разойтись по домамъ. Отряды войскъ, выведенные въ мѣста скопищъ, уже не встрѣтили серіознаго сопротивленія; единственной человѣческой жертвой всѣхъ этихъ безпорядковъ, въ коихъ принимало участія не менѣе 30,000 человѣкъ, былъ какой-то булочникъ несчастно попавшій въ ту единственную толпу, которая пыталась оказать сопротивленіе войску, но по первомъ же выстрѣлѣ быстро разошлась. Тутъ же администраціей было объявлено какъ фабрикантамъ, такъ и рабочимъ, что тѣ изъ послѣднихъ, которые не возобновятъ работу и притомъ не числятся среди постоянныхъ жителей города, будутъ немедленно высланы къ мѣстамъ ихъ приписки *).

*) Большинство рабочихъ на фабрикахъ Привисляньи, хотя и составляютъ постоянное народонаселеніе тѣхъ пунктовъ гдѣ они работаютъ,

Это заявленіе побудило обѣ стороны на взаимныя уступки, такъ какъ фабриканты опасались лишиться рабочей силы, а рабочіе—заработка. Рабочій день былъ уменьшенъ на всѣхъ фабрикахъ на одинъ часъ, кромѣ того повышена плата, въ особенности издѣльная, и наконецъ дни забастовки не были сочтены прогульными. Впрочемъ, первыя двѣ льготы были объявлены рабочимъ лишь послѣ того, какъ они возобновили работу. Безпорядки эти имѣли ту хорошую сторону, что дали администраціи возможность удалить изъ Лодзи наиболѣе безпокойные элементы среди рабочихъ, въ особенности иностранцевъ, высланныхъ безвозвратно за-границу. Единственныя лица, которыя пострадали отъ стачки—это Лодзинскіе жиды, которыхъ расходившаяся толпа довольно сильно потрепала, разбивъ многіе еврейскіе шинки и лавки, но въ ихъ лицѣ толпа инстинктивно наказала тѣхъ, которые являются истинной и основной причиной всѣхъ подобныхъ безпорядковъ въ краѣ.

Если пропаганда соціализма и подстрекательство къ насильственному образу дѣйствій по отношенію къ работодателямъ и администраціи идетъ главнымъ образомъ извнѣ, то почва для воспріятія этого ученія и слѣдованія этимъ наущеніямъ несомнѣнно подготовляется внутренними силами страны, а именно зловреднѣйшимъ элементомъ Европейскихъ странъ—еврействомъ, всемѣрно подтачивающимъ ихъ государственно-правовой порядокъ.

Верхніе слои еврейства—его денежные тузы—попираютъ этотъ порядокъ силой своихъ капиталовъ; средніе его представители—недоучившіеся интеллигенты—работаютъ для сверженія порядка путемъ пропаганды беззаконія среди народныхъ массъ; низшіе его элементы—мелкіе купцы, они же ростовщики—высасываютъ народные достатки, ставятъ бѣднѣйшій классъ населенія въ безвыходное положеніе, гдѣ выбора нѣтъ, или жизнь въ проголодь или насильственное при-

---

но все же продолжаютъ числиться по книгамъ народонаселенія постоянными жителями тѣхъ деревень, откуда они происходятъ.

своеніе чужаго имущества. Обуздать эту силу, поставить ее внѣ закона, ею нигдѣ и никогда не признаваемаго, вотъ единственный дѣйствительный способъ борьбы съ распространяющимся среди рабочихъ края увлеченіемъ соціальными утопіями.

ГЛАВА VII.

ЕВРЕИ.

Хотя природныя черты еврейства и оказываемое имъ вліяніе на благосостояніе и нравственность крестьянскаго населенія во всей чертѣ еврейской осѣдлости общеизвѣстны, но все же обойти молчаніемъ ту роль, которую оно играетъ въ Привисляньи, невозможно,—слишкомъ всепроникающе вліяніе его тамъ, и сказывается оно рѣшительно во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни края!

Въ самомъ дѣлѣ, если присутствіе евреевъ пагубно отражается на всемъ экономическомъ строѣ жизни Сѣверо и Юго-Западнаго края и губерній малороссійскихъ, гдѣ дѣятельность ихъ ограничена спеціально противъ нихъ направленными правительственными мѣропріятіями, то въ Привисляньи оно во сто кратъ губительнѣе, ибо здѣсь, благодаря юдофильскимъ тенденціямъ маркиза Велепольскаго, евреи съ 1861 г. пользуются полною равноправностью съ остальнымъ населеніемъ края. Единственное ограниченіе ихъ правъ—запрещеніе производить раздробительную торговлю крѣпкими напитками—скорѣе фиктивное, нежели дѣйствительное, такъ какъ оно сплошь и рядомъ ими обходится снятіемъ питейныхъ заведеній на имя подставныхъ лицъ изъ христіанъ, а еще чаще содержаніемъ тайныхъ шинковъ, услѣдить за развитіемъ коихъ

весьма затруднительно, въ виду оказываемаго имъ мѣстнымъ населеніемъ покровительства.

Вообще Польша явилась обѣтованною землей для евреевъ; въ ней они получили возможность въ полной мѣрѣ развить всю свою творческую фантазію въ дѣлѣ экономическаго порабощенія коренныхъ ея жителей. Жидъ несомнѣнно составляетъ органическую часть польскаго общественнаго строя; въ теченіе многихъ вѣковъ совмѣстной жизни онъ въ совершенствѣ изучилъ всѣ слабыя стороны Польскаго народа и умѣло пользуется этимъ знаніемъ; пріучивъ всѣ классы мѣстнаго населенія обращаться къ его помощи во всякомъ торговомъ дѣлѣ, онъ съумѣлъ сдѣлаться безусловно для нихъ необходимымъ: выселеніе жидовъ изъ Привислянья повлекло бы въ настоящее время сильное разстройство экономической его жизни и отразилось бы на всѣхъ отрасляхъ торговли и промышленности. Это хорошо сознаютъ сами Поляки, даже тѣ изъ нихъ, которые принадлежатъ къ наиболѣе ярымъ и убѣжденнымъ ненавистникамъ еврейства.

Но если обойтись безъ еврея мѣстное населеніе не въ состояніи, то еще менѣе можетъ оно съ нимъ бороться. Милліонъ двѣсти тысячъ сыновъ Израиля, населяющихъ Привислянье *), представляютъ такую сплоченную и организованную силу, тягаться съ коей лишенный практическаго смысла и торговой сметки Полякъ положительно не въ состояніи: всецѣло и почти безропотно уступилъ онъ жиду всю торговую область. Благодаря этому евреи въ Привислянья забрали въ свои цѣпкія руки не только тѣ отрасли торговли, которыя они монополизировали во всей чертѣ ихъ осѣдлости, какъ-то—скупку у крестьянъ всѣхъ сельскихъ продуктовъ, торговлю хлѣбомъ, спиртомъ и шерстью,, но и такія предпріятія, которыя въ остальныхъ мѣстахъ ихъ постояннаго жительства отчасти удержались въ рукахъ коренныхъ жите-

*) По оффиціальной статистикѣ къ 1-му января 1893 г. въ Привислянѣ насчитывалось 1.224.652 евреи; фактически ихъ, разумѣется, значительно больше.

лей; къ нимъ относятся прежде всего всѣ казенные подряды и поставки.

Въ этомъ дѣлѣ всякая конкурренція съ ними немыслима; буде появится такой наивный торговецъ изъ христіанъ, который вздумаетъ отбить у нихъ на торгахъ какой-либо подрядъ, они дружными усиліями, цѣлымъ рядомъ подвоховъ съумѣютъ обратить это предпріятіе въ его рукахъ въ крайне убыточное, что, разумѣется, разъ навсегда отниметъ у него охоту продолжать свою дѣятельность въ этомъ направленіи.

Въ еврейскихъ же исключительно рукахъ находится лѣсная торговля, причемъ до послѣдняго времени въ этомъ дѣлѣ преобладающую роль играли евреи, иностранные подданные; нѣкоторые изъ нихъ съумѣли впрочемъ и понынѣ сохранить въ немъ значительное участіе, несмотря на законъ 1887 г., воспретившій имъ производить всякую торговлю въ краѣ. Такія иностранныя фирмы какъ Яффе, Геллертъ, Якобсонъ и другія, подъ видомъ окончанія рубки по старымъ контрактамъ, продолжаютъ истреблять лѣсныя богатства Привислянья, быстро исчезающія, несмотря на крестьянскіе сервитуты, до извѣстной степени препятствующіе непоправимому злу лѣсоистребленія.

Польскій помѣщикъ безъ жида—пропащій человѣкъ, безъ него онъ шагу ступить не умѣетъ; не только чрезъ него продаетъ онъ всѣ свои продукты и покупаетъ всѣ необходимые ему предметы, но ему же сдаетъ онъ въ аренду всѣ свои оброчныя статьи, въ особенности же мельницы, находящіяся исключительно въ еврейскихъ рукахъ. Необходимая принадлежность всякаго имѣнія въ краѣ — жидъ пахціаржъ, такъ называются тѣ изъ нихъ, которые торгуютъ молочными скопами и ради этого арендуютъ помѣщичьихъ коровъ, платя за каждую изъ нихъ извѣстную сумму въ годъ.

Жидъ нанимаетъ помѣщику служащихъ, вербуетъ ему рабочихъ, исполняетъ тысячу мелкихъ его порученій, онъ же ссужаетъ его деньгами на всѣ работы, причемъ всѣ эти услуги, кромѣ послѣдней, оказываетъ за самое ничтожное вознагражденіе, такъ какъ пятки свои—вотъ единственный

предметъ, который жидъ ни во что не цѣнитъ. Питая отвращеніе ко всякому физическому труду, жидъ очевидно не причисляетъ къ нему самую усиленную ходьбу: сбѣгать за 20—30 верстъ и въ тотъ же день вернуться, узнавъ по дорогѣ все, что представляетъ малѣйшій для него интересъ, для жида самое привычное и легкое дѣло. Но настоящая область жидовъ — это ростовщичество, къ нему они сводятъ всю свою дѣятельность; всякую торговую сдѣлку стремятся они соединить съ этимъ излюбленнымъ по своей прибыльности ремесломъ. Ради этого жидъ ищетъ купить хлѣбъ на корню, спиртъ не только ранѣе его выкурки, но даже прежде нежели поспѣлъ и убранъ тотъ продуктъ, изъ котораго онъ будетъ вырабатываться; въ особенности же любезны ему тѣ торговыя сдѣлки, гдѣ предметъ купли, за который деньги уплачиваются впередъ, совершенно не существуетъ у продавца. Обставивъ такую сдѣлку цѣлою сѣтью неустоекъ, онъ заранѣе увѣренъ въ полученіи баснословныхъ барышей, въ виду полной невозможности продавца-кредитора исполнить принятыя имъ на себя обязательства. Очевидно, что на такія сдѣлки соглашаются лишь лица, находящіяся въ крайней денежной нуждѣ, но все же и они далеко не рѣдкость.

Чтобы стало ясно, какой гигантскою паутиной оплели евреи все польское населеніе Привислянья, достаточно сказать, что число торговцевъ-евреевъ въ краѣ, выбирающихъ гильдейскія или промысловыя свидѣтельства, превышаетъ сорокъ тысячъ и что всѣ они соединяютъ съ торговлей ростовщическія операціи.

Нѣтъ того вида или формы ссуды денегъ, котораго бы ни производили они. Варшавскіе евреи держатъ въ своихъ когтяхъ все многочисленное мелкое чиновничество этого города, какъ польское, такъ и русское, причемъ взимаемые ими проценты достигаютъ совершенно фантастическихъ размѣровъ. Такіе ростовщики, какъ, напримѣръ, Шмуль-Гостиный или Мозекъ Каршбаумъ, опутавшіе своими долговыми обязательствами многихъ, даже занимающихъ видное положеніе, чиновниковъ Варшавы, извѣстны рѣшительно всему городу,

какъ взимающіе безобразно лихвенные проценты, и, тѣмъ не менѣе, они спокойно продолжаютъ свое прибыльное ремесло. Законъ о ростовщичествѣ отнюдь не повліялъ на уменьшеніе ихъ оборотовъ; онъ лишь далъ имъ поводъ еще повысить свои проценты, на томъ де основаніи, что нынѣ ссуда денегъ сопряжена съ бо̀льшимъ рискомъ, да брать, независимо отъ векселя, еще и росписку, свидѣтельствующую, что обозначенная въ векселѣ сумма, заключающая, разумѣется, и проценты, впередъ къ ней причисленные, дѣйствительно заемщикомъ получена сполна.

Необыкновенно облегчаетъ ростовщическую дѣятельность всѣхъ этихъ паразитовъ тотъ кредитъ, которымъ большинство изъ нихъ пользуется въ варшавскихъ банкахъ и банкирскихъ конторахъ, сплошь находящихся въ еврейскихъ рукахъ. Среди нихъ особенно выдѣляются такія учрежденія, какъ Коммерческій и Учетный банки въ Варшавѣ, равно какъ отдѣленіе Азовско-Донскаго банка въ Лодзи. Директора, служащіе, члены учетнаго комитета—всѣ принадлежатъ къ еврейству, ибо, хотя нѣкоторые изъ нихъ и крещеные, но это отнюдь не мѣшаетъ имъ сохранять всѣ ихъ національныя свойства и тенденціи и продолжать свою дѣятельность вполнѣ солидарно со своими некрещеными сородичами. Но, къ сожалѣнію, не въ однихъ еврейскихъ бездонныхъ карманахъ черпаютъ сравнительно мелкіе ростовщики свои денежныя средства. Варшавская Контора Государственнаго Банка сохранила въ числѣ своихъ кліентовъ громадное большинство допущенныхъ его предмѣстникомъ Польскимъ Банкомъ жидовъ, пользующихся въ немъ дешевымъ кредитомъ и исключительно ради этого выправляющихъ гильдейскія свидѣтельства. Такимъ образомъ, деньги государственной казны идутъ на порабощеніе и разореніе ея плательщиковъ.

Однимъ словомъ, жиды держатъ въ своихъ рукахъ рѣшительно всѣ классы населенія въ Привисляньи: крестьянинъ, помѣщикъ и даже торговецъ безъ ихъ участія или посредничества не могутъ совершить ни одной торговой сдѣлки. Чиновниковъ они столь же успѣшно опутали долговыми обяза-

тельствами, какъ и фабричный людъ.—Экспортная торговля находится въ тѣсной отъ нихъ зависимости, такъ какъ изъ нихъ состоятъ всѣ таможенные экспедиторы, при участіи коихъ происходятъ международные торговые обороты. Многія ремесла составляютъ ихъ исключительную привилегію; банкирское дѣло ими монополизировано. Правительственныя учрежденія безъ ихъ услугъ обойтись не въ состояніи: такъ торги, назначенные въ субботу, никогда состояться не могутъ, ибо евреи на нихъ не явятся,—а конкуррентовъ-христіанъ не существуетъ. Даже духовенство, какъ католическое, такъ и православное принуждено имѣть дѣло съ еврействомъ. Достаточно сказать, что церковныя облаченія православнаго собора въ Варшавѣ шились до начала 90-хъ годовъ евреемъ. Продаваемыя же въ Ченстоховѣ иконы, крестики и медальоны съ изображеніемъ Ченстоховской Божіей Матери выдѣлываются въ еврейскихъ мастерскихъ и даже продаются, вопреки закону, въ еврейскихъ лавкахъ.

Нѣтъ возможности перечислить всѣ безчисленные виды еврейской эксплуатаціи, постоянно къ тому же видоизмѣняющіеся сообразно съ условіями времени. Но, къ сожалѣнію, не на одномъ только матеріальномъ благосостояніи польскаго населенія края отражается жидовская алчность; еще пагубнѣе вліяетъ жидъ на нравственныя его качества. Развращающая его дѣятельность крайне разнообразна и захватываетъ всѣ стороны жизни края. Во всякомъ обходѣ закона, во всякомъ нарушеніи правъ собственности, какъ частныхъ лицъ, такъ и казны, жидъ играетъ первенствующую роль: ему принадлежитъ въ громадномъ большинствѣ совершаемыхъ преступленій какъ замыселъ, такъ и способъ его осуществленія. Онъ ведетъ контрабанду, вовлекая въ участіе въ этомъ дѣлѣ все пограничное населеніе края, онъ занимается широко развитымъ въ Привислянѣ конокрадствомъ, онъ сбываетъ краденое, онъ научаетъ населеніе разнообразнѣйшимъ подлогамъ и обманамъ. Изощряя свой умъ на всевозможные незаконные способы наживы, жидъ никогда не останавливается для достиженія цѣли ни передъ какими самыми гнусными

средствами, такъ какъ принципы этики ему совершенно непонятны *). Нѣтъ ни одного уголовнаго процесса въ краѣ, въ которомъ бы не участвовалъ жидъ, и вездѣ онъ является зачинщикомъ, подстрекателемъ содѣяннаго преступленія. Cherchez le juif—вотъ къ чему давно пришли всѣ власти края при производствѣ судебныхъ или полицейскихъ дознаній по всякому преступленію, имѣвшему причиной какія-либо корыстныя цѣли. Тюрьмы ими переполнены, но это однако не вліяетъ на ослабленіе ихъ преступныхъ наклонностей. Разбойничьи шайки, по временамъ наводняющія Привисляньe, организуются, укрываются, а иногда и состоятъ почти исключительно изъ евреевъ. Такъ, напримѣръ, грабежи, производившіеся въ теченіе 16 лѣтъ въ Мазовецкомъ уѣздѣ Ломжинской губерніи, оказались, по поимкѣ ихъ участниковъ въ 86 году, исключительно ихъ дѣломъ.

Трусость признано считать отличительною чертой еврейства, но это отнюдь не справедливо. Правда жидъ рѣдко рискуетъ своею жизнью ради отвлеченныхъ понятій; честь свою онъ защищать вовсе не способенъ, но тамъ, гдѣ замѣшанъ денежный интересъ, жидъ выказываетъ рѣдкую смѣлость. Гоголевскій Янкель, только что избѣгнувшій смерти отъ запорожцевъ, на его глазахъ потопившихъ многихъ его соплеменниковъ и тутъ же продолжающій свою торговлю среди нихъ—не исключеніе. Жидъ держится за свою шкуру, даромъ ее подставлять не станетъ подъ малѣйшую опасность, но за денежное вознагражденіе способенъ на такія чудеса храбрости и изобрѣтательности, которыя не подъ силу громадному большинству христіанъ.

*) Вотъ любопытный образчикъ жидовской изобрѣтательности и тлетворнаго вліянія на нравственность населенія. Въ концѣ 80-хъ годовъ въ краѣ была обнаружена цѣлая шайка жидовъ, торговцевъ яйцами, придумавшихъ особый способъ пріобрѣтенія ихъ, чуть что не задаромъ; они разъѣзжали по селамъ съ цѣлымъ запасомъ неимѣющихъ никакой цѣны глиняныхъ свистулекъ и, соблазняя ими крестьянскихъ ребятишекъ, подговаривали ихъ къ кражѣ яицъ у ихъ родителей: за извѣстное количество доставленныхъ жиду яицъ дѣти получали подкупавшую ихъ, издаваемыми ею дикими звуками, игрушку.

Жидовскія разбойничьи шайки Привислянья, по смѣлости ихъ продѣлокъ, можно лишь сравнить съ шайками некультурныхъ племенъ Кавказа, и борьба съ ними представляетъ тѣ же трудности, причемъ дикія горныя ущелья въ культурной Польшѣ съ успѣхомъ замѣняются вонючими жидовскими кварталами крупныхъ городовъ края, какъ, напримѣръ, Балуты въ Лодзи и даже Налевки въ Варшавѣ; скрываться въ нихъ жиды умѣютъ въ совершенствѣ.

Въ политическомъ отношеніи жиды представляютъ, разумѣется, элементъ крайне ненадежный; чуждые всякой искренней солидарности съ польскою національностью, они однако въ Привислянья, ради преслѣдуемыхъ ими матеріальныхъ цѣлей, съ давнихъ поръ считаютъ политичнымъ именовать себя Поляками Моисеева закона, что не мѣшаетъ имъ относиться къ русской власти съ униженнымъ подобострастіемъ. Въ польскихъ спорахъ мелкое длиннополое еврейство, разумѣется, участія не принимаетъ,—въ повстанческихъ бандахъ ихъ совсѣмъ не было,—но за деньги они готовы были служить и имъ и правительству, главнымъ образомъ въ роли шпіоновъ, что съ успѣхомъ и продѣлали въ 63 году. Съ тѣхъ поръ ихъ отношеніе къ русскому владычеству въ краѣ измѣнялось въ зависимости отъ стойкости проводимой властью національной политики; съ легкостью превращаясь въ своихъ наружныхъ проявленіяхъ то въ преданныхъ сыновъ Россіи, то въ полякующихъ ея подданныхъ, они проявляютъ необыкновенную чуткость ко всѣмъ измѣненіямъ этой политики. Впрочемъ съ переѣздомъ въ крупные центры Привислянья выселенныхъ изъ коренной Россіи сородичей ихъ, многіе изъ Евреевъ-халатниковъ возгорѣлись усиленною любовью къ польскому языку и польской обособленности. Дѣло въ томъ, что изгнанные изъ Россіи единовѣрцы ихъ оказались еще смышленѣе ихъ въ торговомъ тѣлѣ и, съ помощью привезенныхъ многими изъ нихъ солидныхъ капиталовъ, отбили крупные заработки у мѣстнаго еврейства.—Отсюда ихъ ненависть къ этимъ пришельцамъ, которыхъ они именуютъ Русскими, и стремленіе побѣдить ихъ на политической почвѣ, выставляя

ихъ въ глазахъ польскаго населенія ненавистниками Польши, а себя ея вѣрнѣйшими союзниками.

Что же касается до интеллигентнаго еврейства, заполонившаго всѣ либеральныя профессіи въ краѣ, то оно отличается тѣми же качествами, которыя столь извѣстны русскимъ людямъ по ихъ дѣятельности на этомъ поприщѣ въ коренной Россіи. Внося во всѣ эти профессіи полное отсутствіе какихъ-либо нравственныхъ правилъ, они преслѣдуютъ все ту же цѣль, которую поставила себѣ вся эта нація—легкую наживу. Эта еврейская интеллигенція, коль скоро она маломальски выбилась на торную дорогу, съ яростью утверждаетъ, что она вѣрнѣйшій сынъ Польши и, играя на національно-польскомъ самолюбіи, свободно проникаетъ въ мѣстное общество.

Но существуетъ другой разрядъ интеллигентнаго еврейства; къ нему принадлежатъ всѣ неудачники на жизненномъ пути, главнымъ образомъ недоучившіеся въ гимназіяхъ и университетѣ.

Эти неудачники огуломъ обращаются къ соціальнымъ ученіямъ; въ насильственномъ переворотѣ общественнаго строя ищутъ они удовлетворенія своихъ алчныхъ аппетитовъ, котораго инымъ способомъ достигнуть не могутъ, и съ этою цѣлью являются самыми дѣятельными проводниками и пропагандистами этихъ ученій въ народныхъ массахъ.

Всѣ усилія администраціи ослабить тлетворную дѣятельность евреевъ въ краѣ разбиваются объ ихъ солидарность и сплоченность. Кагалъ въ желѣзныхъ тискахъ держитъ своихъ членовъ, и рѣдкіе, крайне рѣдкіе Евреи, обладающіе большею этическою устойчивостью, нежели вся масса ихъ, рѣшительно безсильны не только благотворно повліять на эту среду, но даже лично вырваться изъ ея засасывающей нравственной испорченности. Полное незнакомство правительственныхъ чиновниковъ съ еврейскимъ языкомъ лишаетъ ихъ возможности контролировать ходъ воспитанія въ еврейскихъ училищахъ—хедерахъ—этихъ разсадникахъ фанатизма и ненависти къ христіанамъ. Распространенный на эти училища съ 1885 года надзоръ учебнаго вѣдомства поневолѣ ограничивается на-

блюденіемъ за обязательнымъ въ нихъ съ того же времени преподаваніемъ русскаго языка. Преобладающимъ же вліяніемъ въ хедерахъ пользуются невѣжественные меламеды, познанія коихъ ограничиваются большею частью умѣніемъ читать Талмудъ и своеобразно разъяснять его воспитанникамъ, а ихъ дѣятельность продолжаетъ находиться внѣ контроля. Большее значеніе нужно признать за установленными въ 1886 году для испытанія кандидатовъ, избираемыхъ еврейскими обществами въ должности раввиновъ, губернскими экзаменаціонными коммиссіями. Мѣра эта дала возможность администраціи утверждать въ этихъ должностяхъ лицъ болѣе къ тому подготовленныхъ и сравнительно благонадежныхъ.

Многіе полагаютъ, что сила еврейства въ Россіи зиждется на той обособленности, которая будто бы искусственно у насъ поддерживается допущеніемъ еврейской общинной организаціи и спеціально еврейскихъ начальныхъ училищъ. Но съ этимъ согласиться отнюдь нельзя: сплоченность евреевъ основана на ихъ внутренней связи—уничтожьте ее оффиціально, она все же будетъ существовать на дѣлѣ, съ тою лишь разницей, что администрація лишится возможности воздѣйствовать на кагалъ посредствомъ его оффиціальныхъ главъ. Впрочемъ у кагала и нынѣ рядомъ съ оффиціальнымъ раввиномъ часто существуютъ и раввины тайные; власть и значеніе послѣднихъ не только превышаетъ власть раввиновъ утвержденныхъ правительствомъ, но и вообще почти безгранична. Эти тайные раввины обладаютъ и правомъ суда надъ членами кагала и рѣшенія ихъ безапелляціонны; къ этому тайному суду въ западныхъ губерніяхъ прибѣгаютъ иной разъ и христіане въ дѣлахъ своихъ съ жидами, что объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что жидъ, не стѣсняющійся искажать истину передъ оффиціальнымъ судомъ, никогда не рѣшится не только солгать, но даже скрыть какое-либо обстоятельство предъ почитаемымъ имъ раввиномъ. Что же касается до уничтоженія хедеровъ, то оно связано съ неограниченнымъ допущеніемъ еврейскихъ дѣтей въ общія училища, а это въ виду дознаннаго опытомъ тлетворнаго влія-

нія, которое они оказываютъ на христіанскихъ дѣтей, крайне нежелательно.

Очевидно, что противъ элементовъ общества, признающихъ законъ лишь за препятствіе, которое, во что бы ни стало, нужно обойти, необходимы и особыя мѣры; общіе законы для обузданія ихъ положительно несостоятельны.

Необходимо помнить, что евреи исторически воспитаны въ умѣньи обходить самыя положительныя предписанія, не нарушая ихъ съ формальной стороны; къ этому пріучилъ ихъ Талмудъ, столь строго регулировавшій всю ихъ жизнь до мельчайшихъ ея подробностей, что исполненіе его правилъ становится фактически невозможнымъ, а такъ какъ отмѣна ихъ также не допустима, то по неволѣ приходится изобрѣтать такія уловки, при которыхъ и правила были бы соблюдены, и жизнь освобождена отъ ихъ невыносимаго гнета. Вотъ это обстоятельство и развило въ евреяхъ необычайную изобрѣтательность въ обходѣ всякаго закона.

Одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ для сокращенія поля дѣятельности евреевъ въ Привисляньѣ было бы распространеніе на край закона 3-го мая 1882 года, запретившаго евреямъ Юго-Западнаго края пріобрѣтеніе и арендованіе всѣхъ сельскихъ недвижимостей. Если въ торговую сферу еврейство вмѣстѣ съ присущею ему недобросовѣстностью, несомнѣнно, вноситъ полезное оживленіе и быстроту оборотовъ, то въ области земледѣлія, а въ особенности землевладѣнія, истинные интересы коего ему совершенно чужды, дѣятельность его исключительно отрицательная. Между тѣмъ въ Привисляньѣ она получила широкое развитіе. Хищническій характеръ еврейской эксплуатаціи земельной собственности, сопряженный съ истребленіемъ лѣсовъ и истощеніемъ плодородія почвы, столь сходный съ пріемами въ этомъ дѣлѣ россійскихъ кулаковъ и міроѣдовъ, успѣлъ вполнѣ проявиться съ того времени, какъ имъ разрѣшено пріобрѣтеніе имѣній въ краѣ. За 22 года со времени этого разрѣшенія, а именно къ 1884 г., евреи успѣли сдѣлаться собственниками полумилліона морговъ земли, распредѣленныхъ между 336 отдѣльными ипотечными недви-

жимостями, большинство коихъ поступило въ ихъ владѣніе за первоначально ссуженныя ими подъ нихъ деньги, то-есть путемъ сдѣлокъ явно раззорительныхъ для землевладѣльцевъ; съ тѣхъ поръ количество это несомнѣнно увеличилось, несмотря на то обстоятельство, что евреи рѣдко долго удерживаютъ въ своихъ рукахъ пріобрѣтаемую ими землю; они обыкновенно разбиваютъ ее на мелкіе участки, которые и распродаютъ въ крестьянскія или мѣщанскія руки, предварительно выжавъ изъ нея всѣ соки, реализировавъ все, что можетъ быть отдѣлимо отъ земли. Такимъ образомъ за первые 22 года еврейскаго хозяйничанья на землѣ они успѣли уже на долгіе годы уменьшить доходность площади земли равной 250 квадратнымъ верстамъ. Но этимъ не ограничилось вліяніе евреевъ на земельную собственность, пріобрѣтенное ими по указу 24 мая 1862; и на эту область распространили они свои ростовщическія операціи, широко развивъ выдачу денегъ подъ ипотеки земскихъ имѣній. Многочисленныя помѣстья въ краѣ, обремененныя еврейскими долгами, поставлены въ тѣсную зависимость отъ заимодавцевъ, что не замедлило отразиться на культурѣ многихъ изъ этихъ помѣстій, ибо еврей, выдавшій деньги подъ имѣніе, зачастую играетъ въ немъ роль главнаго распорядителя. О размѣрахъ этихъ долговъ можно судить по тому, что уже въ 1886 году извѣстный варшавскій еврей Леви Лессеръ имѣлъ до двѣнадцати милліоновъ рублей, выданныхъ имъ подъ сельскія и городскія недвижимыя имущества *), и все же эта колоссальная сумма являлась лишь малою частью еврейскихъ капиталовъ, тяготившихъ высокимъ процентомъ, коимъ они оплачиваются, помѣщичьи имѣнія края. Учрежденная въ 1885 году въ Варшавѣ коммиссія для разсмотрѣнія мѣропріятій, могущихъ ослабить вліяніе евреевъ въ краѣ, въ виду этой задолженности землевладѣльцевъ, признала распространеніе закона 3 мая 1882 года на Привислянье хотя и желательнымъ,

*) Это свѣдѣніе мы заимствуемъ изъ вышедшаго въ 1892 году сочиненія П. И. „Евреи въ Привисленскомъ краѣ."

но однако неосуществимымъ безъ потрясенія всей крупной земельной собственности края, которая, по мнѣнію коммиссіи, неминуемо бы послѣдовала при одновременномъ изъятіи евреями всѣхъ капиталовъ, вложенныхъ ими въ земскія имѣнія подъ обезпеченіе ихъ ипотекъ. Невозможность замѣнить ихъ капиталами принадлежащими христіанамъ, вслѣдствіе боязливости и неподвижности ихъ собственниковъ, предпочитающихъ получать болѣе умѣренный, но и болѣе обезпеченный процентъ на нихъ, а потому помѣщающихъ ихъ почти исключительно въ правительственныя бумаги, поставило бы владѣльцевъ имѣній, обремененныхъ еврейскими долгами, въ безвыходное положеніе.

Несмотря на всю основательность многихъ изъ этихъ доводовъ, все же едва ли можно согласиться съ послѣдовавшимъ по этому вопросу заключеніемъ коммиссіи, предложившимъ предоставить и впредь евреямъ владѣть въ краѣ сельскою поземельною собственностью и пріобрѣтать таковую въ размѣрѣ не менѣе 600 морговъ (300 десятинъ) на одного владѣльца, а равно оставить за ними право на ипотечное обезпеченіе на сельскихъ имѣніяхъ даваемыхъ ими землевладѣльцамъ денежныхъ ссудъ. Искорененіе всякаго зла, глубоко въѣвшагося въ общественный организмъ, неизмѣнно сопряжено съ нѣкоторымъ его потрясеніемъ, но это отнюдь не можетъ быть причиной къ безпрепятственному допущенію его дальнѣйшаго развитія. Изъятіе еврейскихъ капиталовъ изъ поземельной собственности Привислянья несомнѣнно привело бы къ нѣкоторому замѣшательству въ землевладѣльческой области, характера однако исключительно временнаго; дальнѣйшее же разрѣшеніе евреямъ распространять и на эту коренную экономическую сторону жизни края свои хищническіе пріемы неминуемо приведетъ къ полному упадку ея.

Вышеизложенныя предположенія коммиссіи, къ коимъ слѣдуетъ прибавить и запрещеніе евреямъ арендовать сельскія недвижимости, какъ извѣстно, не получили законодательнаго утвержденія; впрочемъ, будучи полумѣрой, наврядъ ли бы имѣли они какіе-либо ощутительные результаты.

Единственнымъ установленнымъ за послѣдніе годы ограниченіемъ правъ евреевъ края является послѣдовавшее въ 1891 году воспрещеніе лицамъ іудейскаго исповѣданія пріобрѣтать крестьянскія усадьбы и земли, содержать таковыя въ арендѣ и вообще владѣть или пользоваться ими, въ какой-бы то ни было формѣ и на какихъ бы то ни было основаніяхъ. Мѣра эта имѣла въ особенности въ виду оградить подошедшія подъ дѣйствіе Указа 19 февраля 1864 года крестьянскія земли, переходъ коихъ въ руки другихъ сословій воспрещенъ, отъ пріобрѣтенія ихъ тѣми евреями, которые въ силу того же Указа были надѣлены земельною собственностью и слѣдовательно причислены къ крестьянскому сословію. Общее количество такихъ евреевъ-землепащевъ, надѣленныхъ упомянутымъ Указомъ, достигало 17.810 человѣкъ, а земли они получили всего 41.637 морговъ.

Самая ничтожность ихъ земельныхъ участковъ, въ среднемъ на каждаго не многимъ болѣе одной десятины, указываетъ, что земля не была главнымъ источникомъ ихъ существованія. Дѣйствительно евреи, владѣльцы крестьянскихъ усадьбъ, хотя и живутъ въ нихъ, но, за ничтожнымъ исключеніемъ, лично своихъ земель не обрабатываютъ, пользуются же они своей осѣдлостью въ деревняхъ лишь какъ удобнѣйшимъ базисомъ для своихъ спекулятивныхъ, за счетъ христіанъ, операцій. Земля въ ихъ рукахъ обращается въ предметъ купли-продажи, они примѣняютъ къ ней исключительно принципы торговаго дѣла. Несмотря на то, что къ 1884 году, то-есть по прошествіи лишь 20 лѣтъ со времени изданія Указа, предоставившаго имъ возможность скупать крестьянскія земли, они владѣли 20.253 моргами, пріобрѣтенными ими отъ крестьянъ и мѣщанъ рольниковъ, все же общее количество ихъ земельной собственности увеличилось всего на 2.634 морга, такъ какъ половину земель, полученныхъ ими по Указу, они успѣли за то же время перепродать въ крестьянскія руки. А сколько ими было за то же время куплено у крестьянъ земли и затѣмъ вновь имъ продано, учесть не представляется возможности; ясно, что къ землѣ они относились не какъ хозяева,

а исключительно какъ спекуляторы. Оградить крестьянъ отъ этой ихъ дѣятельности представлялось крайне необходимымъ.

При извѣстной плодовитости евреевъ тѣ 17 слишкомъ тысячъ, которые были первоначально причислены къ крестьянскому сословію, несомнѣнно разрослись до весьма значительнаго количества, а такъ какъ всѣ они сохранили право пріобрѣтать подошедшія подъ Указы 1864 и 1866 года земли, то несомнѣнно, что въ скоромъ времени они играли бы такую же видную роль въ дѣлѣ спекуляціи крестьянскими усадьбами, какую пріобрѣли болѣе состоятельные сородичи ихъ въ крупной поземельной собственности.

Но этой мѣрой несомнѣнно имѣлось въ виду достигнуть еще бо́льшихъ результатовъ, ибо въ сущности она сводилась къ выселенію евреевъ изъ деревень, такъ какъ несомнѣнно, что всѣ живущіе въ нихъ въ томъ или иномъ видѣ пользовались, если не крестьянскою землей, то по крайней мѣрѣ усадьбой и ея постройками, и дѣйствительно жиды принуждены были покинуть нанимаемыя ими въ селахъ крестьянскія помѣщенія, но для того лишь, чтобы въ большинствѣ случаевъ переселиться на сосѣднія помѣщичьи земли, многіе изъ владѣльцевъ коихъ нарочно выстроили дома для выселенныхъ изъ деревень евреевъ. Такимъ образомъ крестьянинъ лишился единственнаго дохода, который онъ извлекалъ отъ жидовъ, а именно наемной платы за снимаемыя ими помѣщенія, но не избавился отъ хищническаго грабительства ихъ. Для того, чтобы эта мѣра пріобрѣла то значеніе, которое имѣлъ въ виду законодатель, нужно чтобы польскій помѣщикъ созналъ весь тотъ громадный вредъ, который приносятъ жиды своимъ присутствіемъ въ сельскомъ быту, не только крестьянину, но и ему самому. Но этого навряд ли когда-либо дождешься— ибо самъ помѣщикъ безъ жида, какъ мы видѣли, совершенно безпомощенъ. Впрочемъ, по мѣткому замѣчанію извѣстнаго польскаго романиста Сенкевича, польскій помѣщикъ вполнѣ понимаетъ весь вредъ приносимый жидами, но при этомъ неизмѣнно исключаетъ изъ общей ихъ массы спеціально при

чемъ состоящаго еврея, составляющаго де счастливое исключеніе изъ правила.

Единственный элементъ въ Привислянье, оказывающій сесёзное противодѣйствіе грабительской наживѣ за его счетъ евреевъ, элементъ краю совершенно чуждый, пришлый, а именно нѣмцы. Яснѣе всего доказываетъ это количество евреевъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя густо колонизированы пруссаками, такъ, Калишская и Петроковская губерніи, гдѣ изъ всего края процентное отношеніе Германцевъ къ остальному населенію наиболѣе значительно, процентъ евреевъ — самый меньшій, а именно онъ равняется лишь 12%, въ Петроковской губерніи, несмотря на городъ Лодзь, привлекающій ихъ своимъ фабричнымъ населеніемъ, какъ сказано выше, и не достигаетъ 9%, въ Калишской губерніи тогда какъ въ остальныхъ губерніяхъ края онъ колеблется между 15 и 17%, достигая 27%, въ Варшавѣ.

ГЛАВА VIII.

НѢМЦЫ.

Нѣмецкіе пришельцы въ Привисляньѣ оказываютъ не только стойкое сопротивленіе всякимъ попыткамъ къ эксплуатаціи ихъ со стороны евреевъ, но даже успѣшно конкуррируютъ съ ними въ торговой области, а сферу промышленную они подчинили себѣ вполнѣ. Если, подъ вліяніемъ административныхъ распоряженій, количество мастеровъ-иностранцевъ въ краѣ замѣтно уменьшается, то число владѣльцевъ фабрично-заводскихъ предпріятій иноземнаго происхожденія продолжаетъ возрастать. Законъ 14 марта 1887 года, воспретившій иностраннымъ подданнымъ пріобрѣтеніе недвижимой собственности въ пограничныхъ губерніяхъ лишь внѣ городскихъ поселеній, оставилъ имъ полную возможность развивать и впредь свою дѣятельность въ этомъ направленіи, такъ какъ въ городахъ-то она именно и сосредоточена. Прекращеніе ея, впрочемъ, и не желательно.

При неподвижности польскихъ капиталовъ, малой предпріимчивости ихъ собственниковъ, нельзя не признать, что на промышленной дѣятельности иностранныхъ выходцевъ зиждется весь дальнѣйшій успѣхъ поступательнаго хода этого дѣла въ краѣ. Достаточно кинуть самый бѣглый взглядъ на исторію возникновенія въ Привисляньѣ мануфактурной про-

мышленности, дабы убѣдиться, что она обязана своимъ появленіемъ и быстрымъ развитіемъ исключительно иноземнымъ силамъ, появившимся въ торговой области бывшей Рѣчи Посполитой еще съ XV вѣка рядомъ съ евреемъ. Мѣстныя силы въ Польшѣ были издревле направлены исключительно на земледѣліе, и даже искусственное насажденіе фабрикъ при Станиславѣ-Августѣ, когда многіе магнаты, слѣдуя примѣру короля, принялись за постройку мануфактурныхъ заведеній, окончилось полною неудачей. Мануфактуры эти, производившія впрочемъ исключительно предметы роскоши и даже искусства, какъ-то: дорогой фарфоръ, зеркала, гобеленовые ковры, продержались весьма недолго и исчезли, не прививъ странѣ ни малѣйшей охоты продолжать это дѣло. Прочное основаніе фабричнаго производства въ краѣ было положено лишь по утратѣ имъ политической самостоятельности. При благосклонномъ содѣйствіи Россіи были приняты въ Царствѣ рѣшительныя и энергичныя мѣры для поднятія его благосостоянія. Самымъ могущественнымъ рычагомъ для развитія техническихъ производствъ былъ основанный по мысли несомнѣнно выдающагося польскаго финансиста кн. Друцкаго-Любецкаго въ 1828 году въ Варшавѣ Польскій банкъ. Отнюдь не ограничивая своей дѣятельности операціями исключительно банковыми, какъ-то учетно-ссудная, эмиссіоная и т. п., банкъ этотъ не оставилъ ни одной отрасли торговли и промышленности безъ своей дѣятельной поддержки и даже непосредственнаго въ ней участія. Имъ были основаны: громадная фабрика льняныхъ издѣлій въ Жирардовѣ, машино-строительный заводъ въ Сельцахъ (впослѣдствіи перешедшій въ собственность компаніи Лильпопъ и Рау), паровая мельница въ Сольцѣ, солеваренные заводы въ Цѣхоцинкѣ, бумажная фабрика въ Езернѣ. Но кромѣ этихъ грандіозныхъ предпріятій самого банка, при его непосредственномъ участіи, въ смыслѣ денежной поддержки, были основаны почти всѣ существовавшія въ краѣ къ 1870 году фабрики. Достаточно сказать, что за 40 лѣтъ своей активной дѣятельности (банкъ существовалъ до 85 года, но съ 70 года кругъ его операцій былъ значительно сокращенъ)

имъ было выдано до 90 милліоновъ ссудъ для постройки различныхъ фабрикъ, расширенія существующихъ мануфактурныхъ производствъ, а равно торговыхъ заведеній. Такимъ образомъ Польскому банку обязаны своимъ возникновеніемъ въ краѣ производства: свекло-сахарное, суконное, хлопчатобумажное, полотняное, горнозаводское, машино-строительное и мн. другія. Въ плодотворной дѣятельности Банка, слѣдовательно, сомнѣваться нельзя. Но особенное значеніе для процвѣтанія насажденныхъ производствъ имѣло сліяніе территоріи, находившейся подъ благодѣтельной опекой Банка, съ Россіей. Имперія, сохраняя въ теченіе всей первой половины нынѣшняго вѣка строго охранительный таможенный тарифъ, неизмѣнно дѣлала исключеніе для Царства Польскаго. Приходящіе оттуда товары облагались самою умѣренною пошлиной, что не только открыло обширный рынокъ существовавшимъ въ краѣ производствамъ, но еще побудило многихъ прусскихъ фабрикантовъ перенести свою дѣятельность черезъ границу Польши, дабы такимъ способомъ избѣгнуть высокой пошлины при ввозѣ своихъ произведеній въ Россію. И тутъ Россія на своихъ плечахъ отстояла процвѣтаніе края. Правда, въ благодарность за эту немаловажную услугу польскіе писатели отвѣтили ей полнымъ игнорированіемъ этого факта.

Но, спрашивается, кто же были тѣ лица, которыя при помощи банковыхъ ссудъ насадили всѣ поименованныя производства? Исключая сахароваренія, находящагося въ тѣсной связи съ земледѣліемъ, во главѣ всѣхъ этихъ предпріятій находились исключительно иностранцы. Уроженцы края продолжали относиться къ этому дѣлу весьма флегматично, такъ что банкъ принужденъ былъ искусственно привлекать сосѣднихъ Нѣмцевъ, дабы дать толчокъ производительности страны. Льготы, предоставленныя этимъ послѣднимъ, были крайне многочисленны и отнюдь не эфемерны, причемъ распространялись онѣ не только на основателей фабричнаго дѣла, но и на мастеровъ, ремесленниковъ и даже простыхъ рабочихъ. Лишь при помощи этихъ пришлыхъ элементовъ, не замедлившихъ откликнуться на призывъ банка, удалось ему развить

въ Польшѣ не существовавшую до тѣхъ поръ фабрично-заводскую промышленность, которая при этихъ условіяхъ приняла исключительно иноземный нѣмецкій характеръ, всецѣло сохраненный ею, къ сожалѣнію и до сей поры.

Прекращеніе плодотворной дѣятельности банка въ 70-мъ году не повліяло ни на остановку въ ростѣ фабричнаго производства, ни на приливъ новыхъ нѣмецкихъ силъ. Наоборотъ, именно съ этого времени особенно возрасло развитіе перваго и усиленіе втораго. Полное уничтоженіе преградъ между Привисляньемъ и внутреннею Россіей, при сохраненіи высокаго тарифа по отношенію къ произведеніямъ иностраннымъ, а въ особенности проведеніе желѣзныхъ дорогъ, связавшихъ край съ центральными губерніями Имперіи, дали новый толчокъ нѣмецкимъ фабрикантамъ перенести свою дѣятельность въ его предѣлы. Съ лихорадочною поспѣшностью возникаютъ въ немъ, въ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ, фабрики, и этотъ ростъ, нѣсколько остановившійся въ началѣ 90-хъ годовъ, въ настоящее время вновь замѣтно усилился: такъ въ теченіе 94 года въ одной Лодзи возникло 58 новыхъ фабрикъ съ производствомъ слишкомъ въ $2^1/_2$ милліона. И всѣ эти предпріятія принадлежатъ исключительно нѣмцамъ и евреямъ, причемъ еврейскія преимущественно спекулятивнаго характера: возникновеніе ихъ столь же быстро, какъ кратковременно ихъ существованіе. Совершенно инаго характера дѣятельность германскихъ выходцевъ, хотя бы и принявшихъ русское подданство; основанныя ими заводскія предпріятія выдаются въ громадномъ большинствѣ прочностью и денежною обезпеченностью. Сами предприниматели отличаются основательнымъ знаніемъ дѣла, трудолюбіемъ, энергіей и умѣніемъ соразмѣрить свои обороты съ принадлежащими имъ денежными средствами. Это послѣднее качество надо признать главною причиной успѣха, почти неизмѣнно сопровождающаго ихъ дѣятельность. Немалое значеніе играетъ и солидарность, существующая между нѣмецкими фабрикантами, не только исключающая всякую конкурренцію ихъ между

собой, но, наоборотъ, заставляющая ихъ приходить на помощь собрату въ тяжелыя для него времена.

Нѣмцы, переселившіеся въ Россію и въ Привислянскій край до конца 60-хъ годовъ, хотя и сохраняли всѣ національныя особенности въ смыслѣ отличающихъ этотъ народъ нравственныхъ качествъ, легко однако утрачивали свою политическую связь съ родиной, стремились даже ассимилироваться съ тѣмъ населеніемъ, среди коего они жили. Лишь со времени возрожденія національной германской идеи стали они смотрѣть на себя, какъ на піонеровъ движенія Тевтонцевъ на Востокъ, усердно поддерживать въ себѣ германскіе идеалы и совершенно обособились отъ мѣстнаго населенія. Презрѣніе, которое они стали выказывать къ тѣмъ народамъ, среди коихъ живутъ, конечно отдалило этихъ послѣднихъ отъ ихъ вліянія, но тѣмъ самымъ они получили лишь болѣе прочную связь между собой.

Такіе промышленные центры въ краѣ, какъ Лодзь, Згержъ, Сосновицы, а равно фабричные пункты Калишской губерніи, расположенные почти на самой прусской границѣ, носятъ исключительно нѣмецкій характеръ. Нѣмецкая рѣчь въ нихъ столь же преобладаетъ, какъ въ германскихъ городахъ вполнѣ онѣмеченнаго княжества Познанскаго. Нѣмецкія общественныя учрежденія, какъ-то—клубы, пѣвческія и гимнастическія общества, или вѣрнѣе ферейны, ежедневныя газеты, банкирскія конторы и даже театръ обезпечиваютъ германскимъ выходцамъ, населяющимъ Лодзь—этотъ центръ нѣметчины въ краѣ—удовлетвореніе всѣхъ ихъ національно-духовныхъ потребностей и, разумѣется, способствуютъ сохраненію ими ихъ обособленнаго положенія. Въ пограничныхъ мѣстностяхъ связь съ родиной поддерживается ими уже фактически. Рабочіе многихъ фабрикъ даже живутъ на германской территоріи, откуда ежедневно приходятъ на работу, такъ какъ нѣкоторые фабричные корпуса расположены вопреки закону 1833 года, воспретившему строить какія-либо зданія на разстояніи четверти мили отъ государственной границы, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея. Тогда какъ въ фабричныхъ

центрахъ, до извѣстной степени отдаленныхъ отъ границы, иностранные рабочіе по немногу вытѣсняются мѣстными, въ пограничной полосѣ они продолжаютъ составлять значительный контингентъ рабочей силы; такъ въ Лодзи, отчасти подъ давленіемъ администраціи, изъ 1553 рабочихъ, находившихся тамъ въ 1885 году, осталось въ настоящее время менѣе ста человѣкъ, а въ Сосновицахъ они продолжаютъ составлять болѣе 25% общаго количества рабочихъ, хотя и тутъ усиліямъ русской власти удалось въ началѣ 90-хъ годовъ сократить число ихъ; воспользовавшись тѣмъ, что, благодаря промышленному кризису, многія мануфактуры уменьшили въ то время свое производство, а, слѣдовательно, и количество рабочихъ, администрація настояла на преимущественномъ увольненіи фабрикантами иностранцевъ и удержаніи по возможности мѣстныхъ уроженцевъ.

Къ сожалѣнію, не въ одной промышленно-заводской сферѣ водворился германскій элементъ въ нашихъ пограничныхъ губерніяхъ; еще съ половины нынѣшняго вѣка онъ съ не меньшею силой направился, какъ извѣстно, на область землевладѣльческую и земледѣльческую, безпрепятственно и непрерывно возрастая вплоть до изданія закона 14-го марта 1887 года, прекратившаго дальнѣйшій захватъ новыми пришельцами земельной собственности вдоль нашей западной границы. Прилагаемая таблица, представляющая сводъ свѣдѣній объ иностранцахъ въ Привисляньи въ 1881 году, даетъ точное понятіе о размѣрахъ, которые уже къ тому времени приняла въ краѣ колонизаторская дѣятельность Германцевъ; изъ нея видно, что въ рукахъ иноземцевъ было сосредоточено 13,529 отдѣльныхъ недвижимостей, стоимость коихъ достигала почти 300 милліоновъ рублей, и населены онѣ были слишкомъ сотней тысячъ людей, не принадлежащихъ къ коренному населенію края. Независимо отъ этихъ малыхъ и крупныхъ нѣмецкихъ колоній, еще 88 тысячъ иностранцевъ были разбросаны по краю въ качествѣ торговцевъ, ремесленниковъ и фабричныхъ рабочихъ въ

№	Родъ имущества, находящагося во владѣніи иностранцевъ.	Число отдѣльныхъ единицъ.	Количество земли въ моргахъ.	Число иностранцевъ.				Въ общемъ числѣ.					Приблизительная цѣнность недвижимости.
				Собственниковъ.	Арендаторовъ.	Рабочихъ иностранцевъ при ихъ владѣніи.	ВСЕГО.	Пруссаковъ.	Австрійцевъ.	Другихъ націй.	Принявшихъ подданство.	Не принявшихъ подданства.	
	Въ губерніяхъ.												
1	а) Сельско-хозяйственныхъ фольварковъ 1615	1,885	1,342,870	1,045	261	12,408	13,714	11,497	1,914	303	4,080	9,634	134,595,164
	б) Крупныхъ промышлен. производствъ 270												
2	а) Колоній населен. исключительно иностранцами . . 424	5,433	540,506½	30,736	479	31,802	63,017	58,119	4,470	428	57,284	6,733	46,670,077
	б) Колоній со смѣшанныхъ населеніемъ 376												
	с) Отдѣльныхъ мелкихъ хозяйствъ. 500												
	г) Мелкихъ промышлен. заведеній 745												
	Въ городахъ.												
3	а) Жилыхъ домовъ . . . 4473	6,211	—	5,306	512	28,145	33,963	26,618	6,625	720	28,653	5,310	106,298,093
	б) Фабричныхъ, торговыхъ и другихъ промышленныхъ заведеній 1738												
4	Иностранцевъ не имѣющихъ собственности и не вошедшихъ въ счетъ по первымъ тремъ категоріямъ.	—	—	—	—	—	88,561	68,210	17,748	2,603	41,802	46,759	—
	ВСЕГО. . . .	13,529	1,883,376½ Изъ нихъ: 1,695,961½с. 187,415 ар.	37,087	1,252	72,355	199,255	164,444	30,757	4,054	131,819	67,436	297,563,334

такихъ владѣніяхъ, которыя прямой связи съ иностраннымъ элементомъ не имѣли.

Громадное большинство этой иноземной рати принадлежало къ выходцамъ изъ Пруссіи, а именно 82%; австрійскіе уроженцы составляли въ ней 16%, и лишь 2% принадлежало къ остальнымъ національностямъ. Двѣ трети всего количества этихъ пришельцевъ приняли къ тому времени русское подданство, а остальная треть сохранила свои національныя права. Наконецъ населеніе иностранцевъ, составляя къ общему населенію всего края 5,15%, достигало въ Петроковской губерніи 22%, причемъ земельной собственностью оно было обезпечено почти въ два раза больше, нежели коренное населеніе: будучи двадцатой долей его, оно владѣло десятой частью всей территоріи Привислянья.

Со времени собранія этихъ данныхъ и до изданія закона 14 марта 1887 года, то-есть, за шесть лѣтъ нѣмецкая колонизація несомнѣнно сдѣлала новые успѣхи, о коихъ точныхъ свѣдѣній не имѣется въ нашемъ распоряженіи, да насколько намъ извѣстно, таковыя и не собирались. Основываясь же на томъ, что за предшествовавшее 1881 году десятилѣтіе, находившаяся въ рукахъ иностранцевъ поземельная собственность увеличилась на 2%, причемъ она правильно возрастала на 1% за пятилѣтіе (8% въ 1870 г., 9,02 въ 1875 г., 9,84% въ 1880 году),—можно съ увѣренностью сказать, что къ 1887 году общее количество ея превысило два милліона морговъ (около милліона десятинъ) и составляло уже 11% всей территоріи края.

Но даже по изданіи этого закона германскій элементъ въ краѣ продолжалъ замѣтно увеличиваться, такъ какъ законъ этотъ могъ привести лишь къ прекращенію дальнѣйшаго прилива нѣмцевъ-земледѣльцевъ, но, очевидно, не былъ въ состояніи ни остановить естественнаго прироста уже существовавшаго къ тому времени числа ихъ, ни удержать отъ переѣзда въ край нѣмцевъ-ремесленниковъ и торговцевъ. Тѣ разбросанныя свѣдѣнія, которыя имѣются о нынѣшнемъ числѣ Германцевъ въ краѣ, указываютъ на то, что, если ко-

личество занимаемой ими земельной собственности и не возросло, то количество собственниковъ таковой, а главное общее количество нѣмцевъ въ краѣ, какъ принявшихъ русское подданство, такъ и сохранившихъ свои національныя права, поразительно увеличилось.

Такъ, въ Варшавской губерніи, безъ города Варшавы, ихъ число съ тѣхъ поръ удвоилось (около 20,000 въ 1881 году,—39,000 въ 1893 году), а въ Плоцкой губерніи даже упятерилось (10,087 въ 1881 г., — 45,057 въ 1893 году). Даже въ Ломжинской губерніи, гдѣ процентное отношеніе иностранныхъ выходцевъ, по сравненію съ остальными губерніями края, было въ 1881 г. самое незначительное (всего 1%), оно за тотъ же срокъ увеличилось въ два съ половиной раза (3691 въ 1881 г., 9544 въ 1893 году).

Но особое значеніе пріобрѣтаетъ этотъ захватъ тевтонцами значительной самой по себѣ части территоріи Привисляньа въ виду того, что онъ преимущественно сосредоточенъ въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, превратившихся такимъ образомъ въ сплошь германскія, гдѣ нѣмецкій языкъ, духъ, нравы и обычаи царствуютъ вполнѣ невозбранно, не встрѣчая никакого препятствія для дальнѣйшаго развитія своего обособленнаго характера. Многіе изъ жителей этихъ колоній, несмотря на то, что давно приняли русское подданство, родились въ краѣ и никогда изъ онаго не отлучались, не только не говорятъ на мѣстномъ языкѣ, но даже не понимаютъ его. То, что происходитъ въ предѣлахъ ихъ прежняго отечества, имъ гораздо ближе извѣстно и несомнѣнно больше ихъ интересуетъ, нежели событія, волнующія ту страну, въ коей они поселились.

Вообще надо сказать, что чѣмъ менѣе нѣмецъ умственно развитъ, чѣмъ менѣе онъ образованъ, тѣмъ болѣе онъ придерживается своихъ національныхъ стремленій, тѣмъ тѣснѣе духовно связанъ съ своими единоплеменниками, какъ переселившимися съ нимъ, такъ и оставшимися на его родинѣ. Тогда какъ нѣмецъ-интеллигентъ, по врожденному этой націи уваженію къ законности, охотно подчиняется всѣмъ прави-

тельственнымъ мѣропріятіямъ, стремится идти въ ногу съ господствующимъ въ странѣ, гдѣ онъ поселился, направленіемъ,—словомъ всецѣло придерживается своей же нѣмецкой пословицы, гласящей: Wessen Brod ich esse, dessen Lied ich singe,—нѣмецъ-простолюдинъ всецѣло уходитъ въ свой замкнутый нѣмецкій міръ, не признаетъ другихъ распоряженій, кромѣ исходящихъ отъ своихъ мѣстныхъ, имъ же выбранныхъ главъ, въ свою очередь вдохновляющихся исключительно германскими воззрѣніями, чуждается окружающаго его мѣстнаго населенія, относится къ нему съ нескрываемымъ презрѣніемъ.

Такъ, напримѣръ, Нѣмцы, крупные фабриканты края всегда идутъ на встрѣчу требованіямъ администраціи, безпрекословно исполняютъ ея распоряженія и даже оказываютъ дѣятельную поддержку въ обрусѣніи края. На ихъ средства воздвигнуты въ Лодзи и Томашовѣ православныя церкви, ими поддерживается издаваемая въ Лодзи русская газета *Лодзинскій Вѣстникъ*, они же матеріально содѣйствуютъ развитію школьнаго дѣла, строятъ гимназіи, отпускаютъ значительныя суммы на содержаніе низшихъ народныхъ училищъ. Сохраняя въ своемъ быту нѣмецкій языкъ, они однако стремятся основательно ознакомиться съ языкомъ государственнымъ и неизмѣнно на немъ обращаются ко всѣмъ правительственнымъ чиновникамъ. Совершенно иное видимъ мы въ нѣмецкихъ колонистахъ—мелкихъ ремесленникахъ, рабочихъ и вышедшихъ изъ нихъ мастеровыхъ. Эти представители германской націи, хотя бы они лично даже и не видѣли никогда своего фатерланда, въ политическомъ отношеніи руководствуются исключительно его задачами, живутъ его идеалами. Русской правительственной школы они чуждаются значительно болѣе польскихъ крестьянъ, предпочитая обучать своихъ дѣтей домашнимъ способомъ своей нѣмецкой грамотѣ, нежели знакомить ихъ съ чуждымъ имъ языкомъ.

Тогда какъ Нѣмецъ-интеллигентъ охотно женится на мѣстной уроженкѣ, причемъ не стремится даже вырвать ее изъ ея національной среды, нѣмецъ-простолюдинъ ни за что не

породнится путемъ брака съ окружающимъ его польскимъ населеніемъ, считая это измѣной своей вѣрѣ и національности.

При данныхъ обстоятельствахъ ясно, что, тогда какъ нѣмецкіе выходцы и ихъ потомки, принадлежащіе къ интеллигенціи, дѣйствительно являются до извѣстной степени культуръ-трегерами, какъ они любятъ себя величать, и во всякомъ случаѣ, вмѣстѣ съ своею національною обособленностью, вносятъ и присущую этой націи энергію, предпріимчивость и строгую законность во всѣхъ своихъ поступкахъ, несомнѣнно оказывающую благотворное во многихъ отношеніяхъ вліяніе на окружающее населеніе, тѣ изъ нихъ, которые изъ нѣмецкой культуры усвоили себѣ лишь стремленіе подчинить своей власти всѣ страны, гдѣ ступила ихъ германская нога, — замкнувъ себя исключительно въ своемъ нѣмецкомъ кругу, никакого полезнаго примѣра не подаютъ, а лишь пріучаютъ окрестное населеніе къ звукамъ своей нѣмецкой рѣчи.

Между тѣмъ число интеллигентныхъ нѣмцевъ въ краѣ считается десятками, много сотнями, число же нѣмцевъ-простолюдиновъ насчитывается тысячами и даже десятками тысячъ.

И вотъ эти-то убѣжденнѣйшіе носители идеи пангерманизма, оцѣпивъ наши предѣлы сплошнымъ кольцовъ своихъ владѣній, въ пограничныхъ городахъ успѣшно конкуррируютъ съ евреями въ мелкой торговлѣ и ремеслахъ, а въ селеніяхъ скупаютъ все большее количество земель; тѣ и другіе жаждутъ перекинуть границу, лежащую отъ нихъ на западъ и отдѣляющую ихъ отъ родной Германіи, по восточную отъ себя сторону. Естественный приростъ ихъ и давно пріобрѣтенныя ими права гражданства въ Привисляньи, при умѣніи умножать свои достатки, очевидно, приведутъ къ полному вытѣсненію ими мѣстныхъ уроженцевъ изъ пограничныхъ уѣздовъ, ибо, если крестьянскія земли имъ недоступны, то покупка помѣщичьихъ имѣній для раздѣла ихъ между собой вполнѣ для нихъ возможна.

Мы не беремся указывать на тѣ мѣры, которыя могли бы остановить дальнѣйшее онѣмеченіе пограничной съ Пруссіей

полосы Привислянья, но что таковыя необходимы, и въ кратчайшій срокъ—въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ. Онѣмеченіе пограничныхъ уѣздовъ Калишской, Плоцкой и Ломжинской губерній фактъ уже почти совершившійся, ибо здѣсь сосредоточена нѣлая треть тѣхъ 4.188 крестьянскихъ колоній края, населеніе коихъ или отчасти, или исключительно состоитъ изъ нѣмцевъ. Земельная собственность на одну четверть принадлежитъ здѣсь нѣмцамъ, достигая въ нѣкоторыхъ уѣздахъ половины всей ихъ территоріи, какъ, напримѣръ, въ Слупецкомъ уѣздѣ Калишской губерніи, гдѣ она еще въ 1881 году равнялась 47%. Такимъ образомъ государственная граница наша уже мирнымъ путемъ завоевана Германіей, и притомъ не только въ сопредѣльныхъ съ нею мѣстностяхъ Привислянья, но и далѣе вдоль границы Австріи, такъ какъ нѣмецкія колоніи тянутся непрерывною лентой отъ прибалтійскихъ провинцій вплоть до Чернаго моря. Мало того, они въ особенности густо засѣли вдоль нашихъ стратегическихъ линій, оцѣпили наши крѣпости и составляютъ какъ-бы аванпосты германскихъ пограничныхъ крѣпостей; такъ, въ Липновскомъ уѣздѣ Плоцкой губерніи они захватили всѣ ближайшія, по нашу сторону границы, окрестности нѣмецкой крѣпости Торнъ. Если въ мирное время сосредоточенные въ этихъ мѣстностяхъ германскіе колонизаторы ограничиваютъ свою политическую дѣятельность стойкимъ сохраненіемъ своихъ національныхъ особенностей, да стремленіемъ распространить употребленіе нѣмецкой рѣчи среди всего окружающаго ихъ мѣстнаго населенія, то въ случаѣ войны съ Западомъ они несомнѣнно придадутъ ей совершенно иной характеръ. Германскій выходецъ нашихъ пограничныхъ уѣздовъ, сохраняющій непрерывную не только духовную, но и матеріальную связь съ покинутою имъ родиной, готовый контингентъ для пополненія прусской арміи, содѣйствіе коего тѣмъ болѣе для нея драгоцѣнно, что онъ хорошо ознакомленъ какъ съ топографіей края, такъ и со всѣми его особенностями.

Среди этихъ же выходцевъ несомнѣнно будутъ вербоваться и всѣ мѣстныя административно-полицейскія власти,

въ случаѣ вторженія германской арміи въ наши предѣлы. Въ пограничныхъ городахъ мѣстные жители нынѣ уже указываютъ на тѣхъ нѣмцевъ, которые предназначены исполнять должности бургомистровъ и полицеймейстеровъ ихъ. Допустивъ даже, что это лишь плодъ досужаго воображенія мѣстныхъ жителей, нельзя однако не признать его характернымъ для опредѣленія степени благонадежности этихъ лицъ, не только не возмущающихся распространяемыми про нихъ слухами, но даже и не опровергающихъ ихъ.

Кромѣ мелкихъ крестьянскихъ колоній во владѣніи иностранцевъ въ Привисляньи состоятъ и многія крупныя помѣстья, собственники коихъ въ большинствѣ случаевъ проживаютъ на своей родинѣ, гдѣ, разумѣется, и расходуютъ всѣ получаемые съ нихъ доходы. Въ этихъ помѣстьяхъ благодаря интенсивному ихъ хозяйству, а равно существованію въ большинствѣ изъ нихъ свеклосахарныхъ или винокуренныхъ заводовъ, содержится многочисленный штатъ служащихъ, и состоитъ онъ исключительно изъ Пруссаковъ, зачастую находящихся въ Германскомъ подданствѣ. Такія имѣнія въ краѣ, какъ Люценъ и Дуниновъ Гостынскаго уѣзда Варшавской губ., принадлежащія первое графу Люттихау, а второе барону Ике, Стржельце Кутновскаго уѣзда, той же губерніи, составляющее собственность наслѣдниковъ прусскаго генерала фонъ-Трескова, Збѣрскъ Калишской губерніи и уѣзда, владѣлецъ коего Репханъ, и многія другія носятъ характеръ миніатюрныхъ нѣмецкихъ княжествъ; въ нихъ царствуютъ нѣмецкая культура, нѣмецкіе обычаи, нѣмецкій языкъ. Все счетоводство ведется, разумѣется, на нѣмецкомъ языкѣ; и другаго языка, кромѣ нѣмецкаго, въ нихъ не услышишь. Воспрещеніе иностраннымъ подданнымъ въ привислянскихъ губерніяхъ арендовать, а равно завѣдывать на правахъ уполномоченныхъ или управляющихъ недвижимою собственностью, расположенною внѣ городовъ, на дѣлѣ оказалось почти безрезультатнымъ: арендаторы и управляющіе были замѣнены подставными лицами изъ нѣмцевъ же, но принятыхъ въ русское подданство, веденіе же дѣла осталось фактически въ

рукахъ прежнихъ его руководителей. Разсадниками германской колонизаціи края помѣстья эти перестанутъ быть лишь со времени перехода ихъ въ руки мѣстныхъ жителей, что неминуемо должно послѣдовать при строгомъ соблюденіи закона 14 марта 1887 года, воспретившаго сохраненіе ихъ въ рукахъ наслѣдниковъ нынѣшнихъ ихъ собственниковъ, если таковые не поселились въ Россіи до изданія этого закона, а, какъ сказано выше, большинство ихъ проживаетъ и доселѣ въ Германіи. Излюбленная лазейка владѣльцевъ тѣхъ сельскихъ недвижимостей, въ коихъ ведутся крупныя промышленныя предпріятія, это обращеніе ихъ въ анонимныя акціонерныя компаніи, акціи коихъ остаются въ рукахъ ихъ учредителей и затѣмъ свободно переходятъ въ руки ихъ наслѣдниковъ. Единственное средство противъ этого явнаго обхода закона — помѣщеніе въ уставъ такихъ обществъ условія, что участники его могутъ быть исключительно русскіе подданные.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы иноземные выходцы Привислянья стремились сохранить свое природное подданство; наоборотъ, они всѣ домогаются, ради урегулированія своего положенія, перейти въ число русскихъ подданныхъ, что, разумѣется, не сопряжено у нихъ съ отрѣшеніемъ отъ своихъ національныхъ вожделѣній. Несмотря на значительныя трудности, коими нынѣ обставлено вступленіе въ русское подданство, оно въ большинствѣ случаевъ достигается добивающимися его.

Какъ извѣстно, вступленіе это обусловлено предварительнымъ полученіемъ пятилѣтняго водворительнаго свидѣтельства, выдаваемаго лично губернаторами. Несмотря на всѣ старанія администраціи привисленскихъ губерній выдавать эти свидѣтельства съ крайнею осмотрительностью, число ихъ, однако, значительно, такъ какъ просители обыкновенно указываютъ на свое безвыходное положеніе, обусловленное тѣмъ, что они уже потеряли свои національныя германскія права.

По правиламъ, установленнымъ соглашеніемъ Россіи съ Германіей отъ 19 августа 1872 года, о взаимномъ принятіи

русскихъ и прусскихъ подданныхъ, послѣдніе, если не явились на родину или не возобновили своихъ національныхъ документовъ въ теченіе 10 лѣтъ, теряютъ право на германское подданство, и прусскими пограничными властями въ предѣлы Германіи обратно не принимаются. Вотъ этимъ-то лицамъ по неволѣ приходится выдавать водворительныя свидѣтельства, по прошествіи же 5 лѣтъ отъ выдачи ихъ, соглашаться на вступленіе ихъ въ русское подданство. Между тѣмъ, число ихъ весьма значительно, такъ какъ нѣмецъ, переселившійся въ пограничныя русскія губерніи, всячески стремится утерять свое подданство, въ чемъ нерѣдко ему содѣйствуютъ и германскія консульства, охотно удостовѣряющія, что данное лицо дѣйствительно утратило національныя права. Случается, впрочемъ, что прусскія власти отказываются отъ пріема такихъ лицъ, которыя, очевидно, не подходятъ подъ категорію, указанную въ упомянутомъ соглашеніи 1872 года. Такъ, напримѣръ, въ 1886 г. самовольно вернулась въ наши предѣлы безвозвратно высланная въ 1882 году прусская подданная Корженевская, и прусскія власти отъ принятія ея отказались на томъ основаніи, что ея національные документы не были возобновлены въ теченіе 10 лѣтъ, совершенно игнорируя ея 4-хъ лѣтнее за этотъ срокъ пребываніе въ Пруссіи, очевидно указывавшее на исполненіе одного изъ условій, гарантирующихъ возможность высылки изъ Россіи германскихъ подданныхъ, а именно, что она въ послѣднее 10-лѣтіе вернулась на родину.

Этотъ фактъ въ то время вызвалъ переписку администраціи Привислянья съ нашимъ дипломатическимъ вѣдомствомъ, но послѣднее, по причинамъ совершенно непонятнымъ, признало отказъ прусскихъ властей правильнымъ!

ГЛАВА IX.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ ГАЛИЦІИ.

Пока Пруссія сопредѣльныя съ нею русскія области заселяетъ своими выходцами, не безъ основанія разсчитывая встрѣтить въ нихъ дѣятельныхъ союзниковъ въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ Россіей, Австрія стремится на тотъ же случай создать себѣ опору въ нашихъ предѣлахъ изъ всего польскаго ихъ населенія, въ особенности же изъ интеллигентныхъ его классовъ.

Дабы уяснить себѣ современное отношеніе Австріи къ ея польскимъ подданнымъ, необходимо бросить ретроспективный взглядъ на эти отношенія съ начала истекающаго столѣтія.

Тогда какъ Россія приступила къ обрусѣнію подпавшихъ подъ ея владычество частей Польскаго государства, лишь окончательно изувѣрившись въ возможности сохраненія ихъ подъ своею державой при условіи соблюденія ихъ національнаго характера, Австрія, наравнѣ съ Германіей, приступила къ онѣмеченію дѣлянокъ Польши, доставшихся на ея долю, съ первыхъ же дней своего хозяйничанья въ нихъ. Во главѣ всѣхъ административныхъ учрежденій Галиціи были немедленно поставлены нѣмцы, а въ дѣлопроизводство введенъ нѣмецкій языкъ; на этомъ же языкѣ производилось преподаваніе въ школахъ, изъ коихъ языкъ польскій былъ совер-

шепно исключенъ—дѣти ему вовсе не обучались. Религіозная область подверглась также онѣмеченью, такъ какъ на епископскія каѳедры допускались лица преимущественно нѣмецкой національности. Мѣстный сеймъ, лишенный всякаго дѣйствительнаго вліянія на внутренній, даже экономическій строй страны, и тотъ былъ обращенъ въ могущественное орудіе германизаціи: навязавъ этому учрежденію употребленіе государственнаго языка, австрійское правительство достигло того, что паны, поголовно добивавшіеся ради самолюбія фигурировать въ этомъ собраніи, съ усердіемъ принялись за изученіе его: роль пословъ сейма тѣшила ихъ чванство, и, за громкимъ названіемъ мѣстнаго самоуправленія, они не замѣчали его внутренней пустоты. Нѣмецкая фискальная система царила невозбранно, и экономическое благосостояніе Галиціи было доведено до полнѣйшаго разоренія.

Но и этимъ не удовольствовалась Австрія; недовѣріе и ненависть ея къ польскимъ панамъ дошли до такихъ предѣловъ, что она въ 1846 г., ради ихъ полнаго истребленія, организовала народный бунтъ, — знаменитую Галиційскую рѣзню, — главными подстрекателями которой явились правительственные комисары и старосты, выпускавшіе изъ тюремъ каторжниковъ и убійцъ,—и съ ихъ помощью было истреблено до двухъ тысячъ человѣкъ.

Такое отношеніе къ Галиціи со стороны Вѣнскаго правительства продолжалось до Венгерскаго возстанія, когда Австрія на краю погибели принуждена была, ради собственнаго спасенія, ослабить систему обезличенія всѣхъ подвластныхъ ей иноплеменныхъ народовъ. Въ теченіе пятидесятыхъ годовъ національнымъ стремленіямъ Галиціи были сдѣланы значительныя уступки, окончательно закрѣпленныя въ 1861 г. расширеніемъ правъ мѣстнаго сейма. Но и въ это время къ польской шляхтѣ Австрія не переставала относиться съ крайнимъ недовѣріемъ, тѣмъ болѣе, что ея политика была въ ту пору построена на демократическихъ началахъ. Ради обузданія шляхты и ослабленія чисто-польскго элемента Галиціи, она даже вызвала къ жизни, къ народному самосо-

ГЛАВА IX.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ ГАЛИЦІИ.

Пока Пруссія сопредѣльныя съ нею русскія области заселяетъ своими выходцами, не безъ основанія разсчитывая встрѣтить въ нихъ дѣятельныхъ союзниковъ въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ Россіей, Австрія стремится на тотъ же случай создать себѣ опору въ нашихъ предѣлахъ изъ всего польскаго ихъ населенія, въ особенности же изъ интеллигентныхъ его классовъ.

Дабы уяснить себѣ современное отношеніе Австріи къ ея польскимъ подданнымъ, необходимо бросить ретроспективный взглядъ на эти отношенія съ начала истекающаго столѣтія.

Тогда какъ Россія приступила къ обрусѣнію подпавшихъ подъ ея владычество частей Польскаго государства, лишь окончательно извѣрившись въ возможности сохраненія ихъ подъ своею державой при условіи соблюденія ихъ національнаго характера, Австрія, наравнѣ съ Германіей, приступила къ онѣмеченію дѣлянокъ Польши, доставшихся на ея долю, съ первыхъ же дней своего хозяйничанья въ нихъ. Во главѣ всѣхъ административныхъ учрежденій Галиціи были немедленно поставлены нѣмцы, а въ дѣлопроизводство введенъ нѣмецкій языкъ; на этомъ же языкѣ производилось преподаваніе въ школахъ, изъ коихъ языкъ польскій былъ совер-

шенно исключенъ—дѣти ему вовсе не обучались. Религіозная область подверглась также онѣмеченью, такъ какъ на епископскія каѳедры допускались лица преимущественно нѣмецкой національности. Мѣстный сеймъ, лишенный всякаго дѣйствительнаго вліянія на внутренній, даже экономическій строй страны, и тотъ былъ обращенъ въ могущественное орудіе германизаціи: навязавъ этому учрежденію употребленіе государственнаго языка, австрійское правительство достигло того, что паны, поголовно добивавшіеся ради самолюбія фигурировать въ этомъ собраніи, съ усердіемъ принялись за изученіе его: роль пословъ сейма тѣшила ихъ чванство, и, за громкимъ названіемъ мѣстнаго самоуправленія, они не замѣчали его внутренней пустоты. Нѣмецкая фискальная система царила невозбранно, и экономическое благосостояніе Галиціи было доведено до полнѣйшаго разоренія.

Но и этимъ не удовольствовалась Австрія; недовѣріе и ненависть ея къ польскимъ панамъ дошли до такихъ предѣловъ, что она въ 1846 г., ради ихъ полнаго истребленія, организовала народный бунтъ, — знаменитую Галиційскую рѣзню, — главными подстрекателями которой явились правительственные комисары и старосты, выпускавшіе изъ тюремъ каторжниковъ и убійцъ,—и съ ихъ помощью было истреблено до двухъ тысячъ человѣкъ.

Такое отношеніе къ Галиціи со стороны Вѣнскаго правительства продолжалось до Венгерскаго возстанія, когда Австрія на краю погибели принуждена была, ради собственнаго спасенія, ослабить систему обезличенія всѣхъ подвластныхъ ей иноплеменныхъ народовъ. Въ теченіе пятидесятыхъ годовъ національнымъ стремленіямъ Галиціи были сдѣланы значительныя уступки, окончательно закрѣпленныя въ 1861 г. расширеніемъ правъ мѣстнаго сейма. Но и въ это время къ польской шляхтѣ Австрія не переставала относиться съ крайнимъ недовѣріемъ, тѣмъ болѣе, что ея политика была въ ту пору построена на демократическихъ началахъ. Ради обузданія шляхты и ослабленія чисто-польскго элемента Галиціи, она даже вызвала къ жизни, къ народному самосо-

знанію русскихъ галичанъ—русиновъ или рутеновъ, какъ ихъ въ то время называли, о коихъ Поляки, всегда ихъ игнорировавшіе, не смотря на то, что они составляютъ болѣе половины всего населенія края, говорили, что ихъ просто выдумалъ австрійскій намѣстникъ гр. Стадіонъ.

Послабленія полякамъ со стороны Австріи отличались въ эту эпоху тѣмъ большею сдержанностью, что она тогда еще не теряла надежды вернуться къ своей исконной нѣмецкой политикѣ при болѣе для ея государственной цѣлости благопріятныхъ обстоятельствахъ. Намѣреніямъ этимъ не суждено было сбыться. Разгромъ подъ Садовой въ 1866 г. и исключеніе Австріи изъ Германскаго союза окончательно лишили эту державу нѣмецкаго характера, всецѣло сохранившагося лишь въ лицѣ правящей династіи и бюрократической администраціи. Лишенное своей давней основы, Австрійское правительство въ полномъ смыслѣ слова сдѣлалось безпочвеннымъ. Продолжать политику усиленнаго онѣмечиванія подвластныхъ ей племенъ не представлялось возможности, вслѣдствіе отсутствія значительнаго нѣмецкаго ядра, на которое можно было бы постепенно наворачивать чуждые ему народы. Провозглашеніе Германской Имперіи окончательно свернуло ее съ этого пути: усиленіе чисто германскаго духа въ Австрійскихъ областяхъ могло повести къ отпаденію ихъ отъ дома Габсбурговъ и сліянію подъ гегемоніей Пруссіи съ Германскимъ союзомъ. Еще меньшую возможность имѣла Австрія обратиться въ Славянскую державу: этому противорѣчили всѣ ея традиціи, этому въ особенности препятствовало естественное тяготѣніе всего славянства къ Россіи. Славянофильское движеніе, особенно ярко возгорѣвшееся въ шестидесятыхъ годахъ, отразилось на многихъ славянскихъ племенахъ, подвластныхъ Австріи, проявившихъ въ ту пору замѣтную склонность признать въ Россіи свою естественную покровительницу и сплотиться вокругъ ея знамени, а это еще болѣе усилило ненависть Австріи къ славянству. Такимъ образомъ, будучи по своему племенному составу главнымъ образомъ Славянскою державой, всемѣрно стремясь вовлечь въ сферу

своего вліянія всѣхъ южныхъ Славянъ, не исключая тѣхъ, которые обязаны своею независимостью Россіи, Австрія поставлена однако въ роковую необходимость преслѣдовать въ своихъ подданныхъ Славянскій духъ и продолжать исподволь онѣмечивать ихъ. Хорошо сознавая, что день обще-славянскаго примиренія будетъ послѣднимъ днемъ существованія имперіи Габсбурговъ, она естественно предпочитаетъ властвовать надъ обособившимися въ своихъ узкоплеменныхъ рамкахъ различными народностями, нежели видѣть ихъ соединеніе въ одномъ великомъ народно-славянскомъ теченіи. Съ этой цѣлью она поддерживаетъ рознь между этими племенами, въ особенности же препятствуетъ всякому ихъ сближенію со старшею вѣтвью славянства—Россіей.

Представляя искуственный, столь же плохо скроенный, какъ слабо сшитый, конгломератъ семнадцати различныхъ народностей, не находя положительнаго связующаго звена между ними, Австрія принуждена была построить свое управленіе на одновременномъ примѣненіи системъ Меттерниха и Бейста, взаимно другъ-друга смягчающихъ и дополняющихъ: на принципѣ divide et impera, провозглашеннаго вдохновителемъ священнаго союза, путемъ взаимнаго противупоставленія разнорѣчивыхъ интересовъ своихъ подданныхъ, она достигла ослабленія ихъ противодѣйствія своей державной власти; путемъ заигрыванія съ наиболѣе благоволящими ей политикующими партіями этихъ народовъ, столь искусно начатаго гр. Бейстомъ, сохраняетъ она поддержку мѣстныхъ вліятельныхъ заправилъ, нисколько не заботясь, соотвѣтствуютъ-ли ихъ желанія истиннымъ интересамъ всей массы ея подданныхъ.

Отсутствіе органической связи, общихъ интересовъ, взаимнаго довѣрія, а главное—естественнаго тяготѣнія другъ къ другу между отдѣльными своими частями, она стремится замѣнить призракомъ грозящей будто-бы большинству подвластныхъ ей народовъ общей опасности быть поглощенными сѣвернымъ колоссомъ. Этотъ призракъ вызывается Австріей столь часто, что пріобрѣлъ въ ея глазахъ живую реальность,

шляхты. Она естественно должна была привлечь застывшихъ въ средневѣковыхъ понятіяхъ, разнузданныхъ въ своихъ страстяхъ, себялюбивыхъ, эгоистичныхъ польскихъ политикановъ.

Соединеніе столь противорѣчивыхъ порядковъ, какъ свобода слова съ административнымъ произволомъ, федерализмъ съ централизаціей, свобода вѣроисповѣданій съ фанатическою дѣятельностью іезуитовъ, конституціи съ неограниченными правами родовой аристократіи и сохранившимися во многомъ феодальными формами, отличаетъ эту страну отъ всѣхъ остальныхъ государствъ Европы и во многомъ приближаетъ ее къ политическому строю бывшей Рѣчи Посполитой, представлявшей амальгаму этихъ же несовмѣстимыхъ началъ и понятій. Такое сходство между Австріей и Польшей не могло не плѣнить польскую шляхту, а въ особенности крупныхъ магнатовъ. Оно имъ обезпечивало то привольное житье, къ которому они привыкли въ теченіе многихъ вѣковъ. Немудрено, что дворянская партія открыто перешла на сторону Австріи и провозгласила ту программу, которая до сихъ поръ служитъ ей лозунгомъ—объединеніе всѣхъ частей древней Польши подъ скипетромъ Габсбурговъ.

Въ концѣ 60-хъ годовъ у Австріи были впрочемъ и особыя причины благосконно относиться къ польскимъ революціоннымъ выходкамъ, направленнымъ противъ Россіи и Пруссіи. Положеніе, занятое Наполеономъ по отношенію къ послѣдней, ясно указывало на близость франко-прусскаго столкновенія. Еще не остывшее у Австріи чувство ненависти къ Пруссіи, вызванное нанесеннымъ ей пораженіемъ, естественно наводило Вѣнское правительство на мысль о возможности воспользоваться предстоящимъ конфликтомъ, дабы вернуть себѣ первенствующее положеніе въ Германіи. Одно лишь являлось серьезнымъ препятствіемъ—вѣроятность заступничества за Пруссію со стороны Россіи, традиціонно-вѣрной союзницы ея. Единственнымъ средствомъ предотвратить это заступничество для Вѣнскаго кабинета представлялось созданіе для Россіи какихъ-либо серьезныхъ внутреннихъ замѣшательствъ и затрудненій, а удобнѣйшею почвой для дости-

[illegible] быть несомнѣнно польскій вопросъ. Нако-
[illegible] польскихъ мятежныхъ силъ казалось для Авст-
[illegible] значенія и въ случаѣ союзной съ Франціей
[illegible] Пруссіи и Россіи. И вотъ, начиная съ 1868 года,
[illegible] широкій доступъ въ свои предѣлы поль-
[illegible] повстанцамъ. Остатки организаціи мятежа
[illegible] собираются въ Галицію, организуютъ тайные и
[illegible] производятъ усиленные сборы на покупку
[illegible] припасовъ, составляютъ кадры будущихъ
[illegible] даже лошадей для сформированія кон-
[illegible] сосредоточиваютъ всѣ свои пригото-
[illegible] Молодежь въ Галиціи привлекается
[illegible] образуетъ стрѣлковыя общества,
[illegible] шаекъ поручается инструк-
[illegible] руководство ввѣряется извѣстнымъ
[illegible] Бодакъ-Гауке и Мѣрославскому,
[illegible] благосклонно, не смо-
[illegible] вѣдаетъ демократиче-
[illegible] объемѣ, очевидно,
[illegible] Австрійскаго правитель-
[illegible] намѣреніи про-
[illegible] Россіи, но
[illegible] ненависть и къ
[illegible] къ соеди-
[illegible] въ Сла-
[illegible] Смолка
[illegible] младочеховъ,
[illegible] и Першелемъ
[illegible] отношеній
[illegible] Авст-
[illegible] Галицій-
[illegible] по коему
[illegible] земель, входя-
[illegible] ни на
[illegible] Галицій-
[illegible] замысламъ со

стороны центральнаго правительства. Послѣднее пошло даже на значительныя уступки желаніямъ демократической партіи, допустивъ польскій языкъ въ дѣлопроизводство правительственныхъ учрежденій Галиціи и передавъ въ распоряженіе мѣстной власти всѣ Галиційскіе земскіе и губернскіе фонды, что хотя и не удовлетворило демократовъ, но дало имъ еще большую энергію къ продолженію своихъ боевыхъ приготовленій.

Какъ извѣстно, всѣ эти приготовленія остались безплодными. Предвидѣнія Австріи оправдались: Россія не допустила ее вмѣшаться въ войну Франціи съ Пруссіей. Вѣнскій кабинетъ, еще за двѣ недѣли до франко-прусскаго разрыва провозгласившій устами гр. Бейстъ: „nous considerons les affaires de la France comme nos propres“, смирился передъ грознымъ veto Россіи, а Седанскій погромъ и Версальскій миръ принудилъ его не только отказаться отъ мысли соперничества съ объединенною подъ главенствомъ Пруссіи Германіей, но даже вступить съ нею и съ Россіей въ тѣсный союзъ. Это обстоятельство не могло не отразиться на отношеніяхъ Австріи къ польскимъ затѣямъ; она принуждена была умѣрить патріотическій пылъ демократовъ. Но начало было уже положено. Дозволивъ полякамъ свободно развивать свои національныя стремленія, она была уже не въ силахъ остановить ихъ на этомъ пути. И вотъ подъ покровомъ австрійской конституціи съ конца 60-хъ годовъ и до настоящаго времени въ Галиціи свободно и непрерывно развивается польскій народный духъ со всѣми его мятежническими наклонностями. Что касается Австріи, то ея отношенія къ полякамъ съ той поры находятся въ строгой зависимости отъ степени ея увѣренности въ Россіи. То стѣсняя, то расширяя права своихъ польскихъ подданныхъ, она относится къ ихъ представителямъ съ бо́льшимъ или меньшимъ заискиваніемъ, поочередно возбуждая ихъ заманчивыми обѣщаніями, или охлаждая ихъ стѣснительными мѣропріятіями. Такимъ образомъ, Австрія прошла черезъ гамму всевозможныхъ отношеній къ польской народности,—отъ крайняго притѣсненія ихъ правъ до полнаго и явна-

го поощренія ихъ національныхъ вожделѣній, — послѣднее и создало изъ Галиціи центръ и средоточіе всѣхъ польскихъ шовинистовъ.

Нарядившись въ кунтуши, чамарки и конфедератки, опоясавшись старинными кривыми саблями, гордо подбоченившись, выступаютъ польскіе паны по улицамъ Кракова и Львова, очевидно полагая, что для возстановленія Польши необходимо прежде всего воскресить всю декоративно-бутафорскую сторону ея прежней жизни. Прилагаются всѣ старанія превратить Краковъ, древнюю столицу Польши, въ современный центръ ея умственной жизни. Ничтожный и бѣдный самъ-по-себѣ, съ населеніемъ не достигающимъ ста тысячъ, Краковъ становится мѣстомъ сборищъ шумливой шляхты, стремясь съ помощью ягеллонскаго университета и академіи художествъ собрать во-едино на періодически повторяющихся въ немъ съѣздахъ художниковъ, литераторовъ и ученыхъ всѣ выдающіяся умственныя силы Польши, дабы такимъ образомъ увеличить какъ ихъ, такъ и свое значеніе въ глазахъ Европы, а въ особенности въ глазахъ всего польскаго народа. Съѣзды эти однако никакими серьезными вопросами не занимаются; всѣ ихъ пренія и публичныя рѣчи сводятся къ прославленію польскаго народа, да къ разыгрыванію все той же старой пьесы объ угнетеніи поляковъ подъ русскою державой. Вырабатывается цѣлая программа постояннаго искусственнаго поддержанія возбужденнаго настроенія польскаго общества путемъ чествованія различныхъ событій исторіи Польши, большинство коихъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которыя стоили польскому народу безчисленныхъ напрасныхъ жертвъ и терзаній, о коихъ масса его вспоминаетъ не съ гордостью, а съ содраганіемъ. Нѣтъ возможности перечислить всѣхъ торжествъ, устроенныхъ съ этою цѣлью съ конца шестидесятыхъ годовъ въ Краковѣ и Львовѣ. Первымъ изъ нихъ было празднованіе въ 1869 г. во Львовѣ 300-лѣтія соединенія Польши и Литвы, ознаменовавшееся сооруженіемъ кургана, насыпаннаго руками съѣхавшейся шляхты изъ земли привезенной со всѣхъ сторонъ бывшей рѣчи Посполитой. За

этимъ торжествомъ послѣдовало безчисленное множество другихъ, и всѣ они отличаются внѣшнимъ блескомъ, необыкновеннымъ многолюдствомъ, театральностью всей обстановки. Они сопровождаются торжественными духовными и свѣтскими процессіями, въ коихъ принимаютъ участіе мѣстныя власти и учрежденія съ областнымъ сеймомъ во главѣ, приправляются возбуждающими рѣчами и тостами, произносимыми на пышныхъ банкетахъ, пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ,—словомъ, превращаются въ оперныя сцены театральныхъ заговорщиковъ. Бьющая на внѣшній эффектъ театральность — вотъ главная ихъ особенность. Она доходитъ до того, что польскіе паны берутъ уроки у мѣстныхъ актеровъ въ умѣніи носить старопольскій костюмъ и придать всей своей фигурѣ величавую осанку, что къ участію въ процессіяхъ привлекаются и самые актеры эти; такъ, напримѣръ, въ 1883 году на празднованіи 200-лѣтія освобожденія Вѣны Собѣсскимъ, рядомъ съ мѣстными властями и представителями областнаго сейма, торжественно выступалъ въ качествѣ режиссера трагикъ Милошевскій.

Количество пріѣзжающихъ на эти демонстративныя торжества съ каждымъ годомъ увеличивается. Въ 1882 г. на юбилеѣ Крашевскаго оно уже достигало 150 тысячъ человѣкъ, а въ слѣдующемъ 1883 г. грандіозное празднество въ честь Яна Собѣсскаго привлекло въ Краковъ уже болѣе 200 тысячъ народу, чему въ особенности содѣйствовало пристегнутое, именно ради привлеченія бо́льшаго количества народа, религіозное торжество — коронованіе чудотворной иконы Божіей Матери въ древнемъ костелѣ кармелитовъ на Вавелѣ. Наконецъ открытіе Костюшковской выставки во Львовѣ въ 1894 году собрало до 300 тысячъ пріѣзжихъ.

Первоначально эти празднества имѣли лишь цѣлью доказать, что польскій національный духъ все еще живъ, что польская интеллигенція свято памятуетъ всѣ событія своего историческаго прошлаго, что возрожденіе рѣчи Посполитой—вопросъ времени, но вскорѣ они приняли характеръ безусловно революціонный, открыто враждебный Россіи. По мѣрѣ

того, какъ у австрійскаго правительства возрастаетъ страхъ къ своему восточному сосѣду, оно предоставляетъ галиційскимъ политическимъ крикунамъ, прикрывающимъ свои честолюбивые шляхетскіе замыслы личиной патріотизма, все бо́льшую свободу высказывать свою ненависть къ Россіи, неустанно поддерживать революціонное броженіе мыслей во всѣхъ, находящихся въ русскомъ подданствѣ, единоплеменникахъ ихъ.

Какъ бы безцѣльны ни были вышеупомянутыя торжества, какъ бы они ни представляли одной оболочки, заключающей внутреннюю пустоту, но все же, отчасти именно благодаря этой пустотѣ, они имѣютъ широкій отзвукъ: чѣмъ меньше наполненъ сосудъ, тѣмъ громче онъ звучитъ. Не подвигая фактически ни на единую іоту столь желаннаго польскими патріотами возстановленія ойчизны, неразрывно связаннаго у шляхты съ возстановленіемъ своего былого своеволія, они однако отсрочиваютъ на долгіе годы возможность искренняго сближенія польской интеллигенціи съ Россіей, вызываютъ въ нихъ наружныя проявленія своей ненависти къ ней, толкаютъ отдѣльныхъ членовъ ея къ такого рода дѣйствіямъ, которыя ведутъ къ ихъ собственной погибели. Періодично возобновляющіяся въ Краковѣ и Львовѣ театрально-величественныя картины прошлаго мишурнаго блеска Польши съ каждымъ годомъ привлекаютъ все большее количество пріѣзжей шляхты изъ Привисляньея. Неудержимо стремятся польскіе паны взглянуть на свободную Польшу, восходящую въ видѣ торжественныхъ процессій, разодѣтыхъ во всѣ вычурныя прикрасы старо-польскаго костюма, на вершину древняго Вавеля, этого святилища польскаго патріотизма, единственнаго неподдѣльно-величественнаго, хотя и невольнаго участника всѣхъ этихъ празднествъ.

Цѣлымъ рядомъ одуряющихъ рѣчей, зажигательныхъ тостовъ, революціонныхъ пѣсенъ отуманиваются и электризуются польскія слабыя головы. Начиненные этими рѣчами, опьяненные зрѣлищами, нагруженные ворохами различныхъ хлесткихъ, дышащихъ ненавистью къ Россіи, книгъ, брошюръ, печатныхъ прокламацій, воззваній, пѣсенъ и т. п. рыночно лубочной ли-

тературы, обвѣшанные медальками и паментками съ изображеніемъ бѣлаго орла и другихъ символическихъ украшеній, разъѣзжаются послѣ этихъ празднествъ восвояси польскіе паны, и тамъ съ захлебываніемъ разсказываютъ своимъ сородичамъ все видѣнное и слышанное, разумѣется прикрашивая безъ того опьяняющую слушателей дѣйствительность различными, почерпнутыми изъ своей богатой фантазіи, картинами и образами. Въ воображеніи разсказчика рядомъ съ торжественными процессіями возстаютъ и польскіе легіоны съ развернутыми знаменами, украшенными польскими орлами, и онъ яркими штрихами представляетъ передъ слушателями всю жизненность польскаго народа, всю ту несокрушимую духовную мощь и военную силу, которую выработала Галиція подъ покровомъ Австріи. Въ краснорѣчіи отказать полякамъ нельзя—это ихъ природное качество; не только умѣютъ они выражаться образно и красиво, уснащая свою рѣчь звучными гиперболами, яркими метафорами, пересыпая ее остротами, они кромѣ того обладаютъ и существеннѣйшею частью ораторскаго таланта—превосходною дикціей, умѣніемъ модулировать свой голосъ, придавать мягкость и звучность своему далеко не гармоничному языку, изобилующему шипящими и свистящими звуками. Проѣзжайте по желѣзнымъ дорогамъ Привислянья и прислушайтесь къ рѣчамъ вашихъ сосѣдей, вы убѣдитесь, что разговора собственно нѣтъ, что одинъ изъ собесѣдниковъ, будь ихъ много или только двое,—ораторъ, остальные—аудиторія. Полякъ не говоритъ, не разсказываетъ, онъ повѣствуетъ, онъ ораторствуетъ, и тутъ уже не требуйте отъ него придерживаться истины—это для него неисполнимо: онъ увлекается собственною рѣчью, фантазія овладѣваетъ имъ, и онъ способенъ договориться до Геркулесовыхъ столбовъ вранья.

Военные подвиги особенно прельщаютъ поляковъ, разумѣется тѣ, въ коихъ участвовали ихъ войска. Ораторствуя на эту тему, полякъ увлекается до крайности; онъ съ полнымъ и искреннимъ убѣжденіемъ принимается доказывать, что поляки вездѣ и всегда были побѣдителями, что пораже-

ній они въ своей исторіи не знаютъ, что въ дѣлахъ противъ русскихъ успѣхъ былъ всегда на ихъ сторонѣ *).

Естественно, что отъ восторженныхъ картинныхъ описаній Галиційскихъ демонстративныхъ празднествъ слушатели приходятъ въ неистовство, раздаются громкія одобренія по адресу Галиційскихъ патріотовъ-дѣятелей, разсказчикъ становится предметомъ овацій, и каждый изъ слушателей рѣшаетъ in petto на будущія торжества поѣхать лично въ Краковъ.

Овація, оказываемыя разсказчику, дѣйствуютъ на него въ этомъ смыслѣ столь же сильно, какъ желаніе увидѣть нарисованную имъ картину. Любопытно, что при этомъ почти каждымъ изъ слушателей гдѣ-то далеко въ душѣ сознается, что все это фарсъ, что и празднества Галиційскія серьезнаго значенія въ дѣлѣ возстановленія Польши не имѣютъ и имѣть не могутъ, что и разсказчикъ несомнѣнно привираетъ, усиливаетъ тоны, сгущаетъ краски. Но избави Богъ кого-либо изъ присутствующихъ высказать это громко: на него набросятся со всѣхъ сторонъ, огуломъ, всѣмъ собраніемъ обзовутъ его москалемъ и шпіономъ и съ позоромъ исключатъ изъ своей среды. Этотъ недостатокъ искренности у большинства, этотъ терроризующій натискъ со стороны крикуновъ лишаетъ наиболѣе благоразумныхъ поляковъ, добивающихся дѣйствительнаго, а не призрачнаго процвѣтанія польскаго народа, высказывать свои доводы въ пользу искренняго примиренія поляковъ съ славянствомъ въ лицѣ Россіи. Этотъ

*) Отъ чрезмѣрнаго восхваленія былыхъ польскихъ военныхъ доблестей не могутъ отрѣшиться въ своихъ произведеніяхъ даже лучшіе польскіе художники: Матейко работая кистью, а Сенкевичъ—перомъ до такой степени увлекались прославленіемъ „польскаго лыцарства“ что разошлись въ своихъ произведеніяхъ съ простымъ здравымъ смысломъ. Въ особенности любопытны въ этомъ отношеніи историческіе романы Сенкевича „Огнемъ и мечемъ“ и „Панъ Володыевскій“ относящіеся къ эпохѣ войнъ Польши съ казачествомъ; въ этихъ романахъ десятокъ польскихъ воиновъ съ легкостью побѣждаетъ и уничтожаетъ сотни казаковъ, но за то тысячѣ казаковъ едва удается поранить одного полика.

страхъ передъ шумливыми крикунами и провозглашаемыми ими революціонными идеями, знаменующими будто-бы истинный патріотизмъ,—ужасный недугъ польскаго общества. Онъ парализуетъ умственныя способности спокойнаго большинства, предпочитающаго въ лучшемъ случаѣ отмалчиваться, нежели вступать въ противодѣйствіе и споръ, дѣйствительно крайне непріятный, въ виду той необузданности въ выраженіяхъ, тѣхъ готовыхъ шаблонныхъ клеймъ, которыми политическіе заправилы-крикуны стремятся опозорить своихъ противниковъ въ глазахъ всего общества.

Но возвратимся къ Кракову и его празднествамъ. Какъ ни обидно терпѣть у себя подъ бокомъ такихъ разжигателей національно-польскихъ страстей, какъ Галиційскихъ политическихъ заправилъ и спокойно смотрѣть на устраиваемыя ими въ ружейномъ отъ насъ выстрѣлѣ демонстративныя противъ Россіи манифестаціи, это еще однако терпимо, пока эти выходки ограничиваются тѣми балаганными зрѣлищами, коихъ театромъ являются два главные центра Галиціи. Серіозные замыслы, а главное—предначертанный образъ дѣйствій у польскихъ политическихъ заправилъ самостоятельно народиться не могутъ. Лишь тогда получаютъ они реальное значеніе, когда направляются искусною иноземною рукой. Такъ, покуда Австрія, состоя въ тѣсномъ союзѣ съ Россіей, не потворствовала этимъ замысламъ, разрозненныя политическія партіи Галиціи соединялись лишь въ торжественныхъ процессіяхъ, въ образѣ же ихъ дѣйствій не было ни солидарности, ни системы. Но коль скоро отношенія Австріи къ намъ измѣнялись, польскіе замыслы облекались въ конкретную форму. Первое послѣ 60-хъ годовъ активное участіе Австріи въ польскихъ происках противъ Россіи проявилось въ 1877 году, когда она поощряла учрежденіе польскихъ легіоновъ въ Турціи, организовала въ тылу русской арміи шеклерское возстаніе, способствовала учрежденію Галиційскими заправилами народнаго ржонда.

По улучшеніи въ началѣ 80-хъ годовъ нашихъ отношеній съ Австріей, она вплоть до 1887 г. колеблется между двумя

ній они въ своей исторіи не знаютъ, что въ дѣлахъ противъ русскихъ успѣхъ былъ всегда на ихъ сторонѣ *).

Естественно, что отъ восторженныхъ картинныхъ описаній Галиційскихъ демонстративныхъ празднествъ слушатели приходятъ въ неистовство, раздаются громкія одобренія по адресу Галиційскихъ патріотовъ-дѣятелей, разсказчикъ становится предметомъ овацій, и каждый изъ слушателей рѣшаетъ in petto на будущія торжества поѣхать лично въ Краковъ.

Овація, оказываемыя разсказчику, дѣйствуютъ на него въ этомъ смыслѣ столь же сильно, какъ желаніе увидѣть нарисованную имъ картину. Любопытно, что при этомъ почти каждымъ изъ слушателей гдѣ-то далеко въ душѣ сознается, что все это фарсъ, что и празднества Галиційскія серьезнаго значенія въ дѣлѣ возстановленія Польши не имѣютъ и имѣть не могутъ, что и разсказчикъ несомнѣнно привираетъ, усиливаетъ тоны, сгущаетъ краски. Но избави Богъ кого-либо изъ присутствующихъ высказать это громко: на него набросятся со всѣхъ сторонъ, огуломъ, всѣмъ собраніемъ обзовутъ его москалемъ и шпіономъ и съ позоромъ исключатъ изъ своей среды. Этотъ недостатокъ искренности у большинства, этотъ терроризующій натискъ со стороны крикуновъ лишаетъ наиболѣе благоразумныхъ поляковъ, добивающихся дѣйствительнаго, а не призрачнаго процвѣтанія польскаго народа, высказывать свои доводы въ пользу искренняго примиренія поляковъ съ славянствомъ въ лицѣ Россіи. Этотъ

*) Отъ чрезмѣрнаго восхваленія былыхъ польскихъ военныхъ доблестей не могутъ отрѣшиться въ своихъ произведеніяхъ даже лучшіе польскіе художники: Матейко работая кистью, а Сенкевичъ—перомъ до такой степени увлекались прославленіемъ „польскаго рыцарства“ что разошлись въ своихъ произведеніяхъ съ простымъ здравымъ смысломъ. Въ особенности любопытны въ этомъ отношеніи историческіе романы Сенкевича „Огнемъ и мечемъ“ и „Панъ Володыевскій“ относящіеся къ эпохѣ войнъ Польши съ казачествомъ; въ этихъ романахъ десятокъ польскихъ воиновъ съ легкостью побѣждаетъ и уничтожаетъ сотни казаковъ, но за то тысячѣ казаковъ едва удается поранить одного поляка.

страхъ передъ шумливыми крикунами и провозглашаемыми ими революціонными идеями, знаменующими будто-бы истинный патріотизмъ,—ужасный недугъ польскаго общества. Онъ парализуетъ умственныя способности спокойнаго большинства, предпочитающаго въ лучшемъ случаѣ отмалчиваться, нежели вступать въ противодѣйствіе и споръ, дѣйствительно крайне непріятный, въ виду той необузданности въ выраженіяхъ, тѣхъ готовыхъ шаблонныхъ клеймъ, которыми политическіе заправилы-крикуны стремятся опозорить своихъ противниковъ въ глазахъ всего общества.

Но возвратимся къ Кракову и его празднествамъ. Какъ ни обидно терпѣть у себя подъ бокомъ такихъ разжигателей національно-польскихъ страстей, какъ Галиційскихъ политическихъ заправилъ и спокойно смотрѣть на устраиваемыя ими въ ружейномъ отъ насъ выстрѣлѣ демонстративныя противъ Россіи манифестаціи, это еще однако терпимо, пока эти выходки ограничиваются тѣми балаганными зрѣлищами, коихъ театромъ являются два главные центра Галиціи. Серіозные замыслы, а главное—предначертанный образъ дѣйствій у польскихъ политическихъ заправилъ самостоятельно народиться не могутъ. Лишь тогда получаютъ они реальное значеніе, когда направляются искусною иноземною рукой. Такъ, покуда Австрія, состоя въ тѣсномъ союзѣ съ Россіей, не потворствовала этимъ замысламъ, разрозненныя политическія партіи Галиціи соединялись лишь въ торжественныхъ процессіяхъ, въ образѣ же ихъ дѣйствій не было ни солидарности, ни системы. Но коль скоро отношенія Австріи къ намъ измѣнялись, польскіе замыслы облекались въ конкретную форму. Первое послѣ 60-хъ годовъ активное участіе Австріи въ польскихъ проискахъ противъ Россіи проявилось въ 1877 году, когда она поощряла учрежденіе польскихъ легіоновъ въ Турціи, организовала въ тылу русской арміи шеклерское возстаніе, способствовала учрежденію Галиційскими заправилами народнаго ржонда.

По улучшеніи въ началѣ 80-хъ годовъ нашихъ отношеній съ Австріей, она вплоть до 1887 г. колеблется между двумя

теченіями. Съ одной стороны, она всемѣрно противится тому, чтобы устраиваемыя въ Краковѣ празднества принимали общеславянскій характеръ, и въ виду этого, иногда даже насильно, навязываетъ имъ спеціально польскій, враждебный Россіи отпечатокъ, съ другой она не допускаетъ на нихъ явно вызывающихъ выходокъ противъ сосѣдней „дружественной“ державы, очевидно опасаясь ухудшить свои отношенія съ ней. Наконецъ, она еще не окончательно примиряется съ мыслью о предоставленіи какого-либо серіознаго вліянія на свои государственныя дѣла представителямъ польской народности. Такъ недовѣріе къ Польшѣ со стороны Австріи ярко выразилось въ 1883 г., когда австрійскимъ генеральнымъ штабомъ была издана брошюра, доказывавшая, вопреки установленнымъ историческимъ фактамъ, что турокъ подъ Вѣной побѣдилъ не Собѣсскій, ибо не ему принадлежало главное начальствованіе надъ соединенными войсками, и что поляки при этой побѣдѣ отличились лишь тѣмъ, что забрали львиную долю доставшейся побѣдителямъ военной добычи. За прещеніе праздновать юбилей Собѣсскаго въ Вѣнѣ еще явственнѣе указываетъ на существовавшее въ то время у австрійскаго правительства недовѣріе къ полякамъ. Съ другой стороны, по отношенію къ торжественному перенесенію въ Краковъ праха Мицкевича администрація приняла самыя рѣшительныя мѣры, дабы событіе это не обратилось въ общеславянское чествованіе поэта, оффиціально запретила съѣздъ славянской университетской молодежи, имѣвшій состояться въ Краковѣ; путемъ своихъ оффиціозныхъ органовъ усердно распространяла слухъ, что Россія непріязненно смотритъ на это торжество и не позволяетъ своимъ подданнымъ принимать участіе въ немъ, чѣмъ стремилась превратить этотъ праздникъ въ исключительно мѣстно-польскій. Такое нервно колеблющееся отношеніе Австрійскаго правительства къ полякамъ продолжалось до 1887 года, когда событія сложились такимъ образомъ, что давали возможность ожидать въ самомъ непродолжительномъ времени открытаго столкновенія Россіи съ ея западными сосѣдями. При такихъ обстоятельствахъ

Австрія уже не ограничила своихъ симпатій всѣмъ польскимъ выходкамъ, направленнымъ противъ Россіи, дозволеніемъ Галиційскимъ вожакамъ путемъ демонстрацій и печати подзадоривать своихъ соплеменниковъ, находящихся въ русскомъ подданствѣ, неуклонно отстаивать ихъ обособленность отъ всего русскаго. Она уже приняла личное и дѣятельное участіе въ стремленіяхъ польскихъ революціонеровъ сѣять смуту въ нашихъ предѣлахъ, возбуждать къ активному противодѣйствію русской власти польское населеніе, какъ Привислянья, такъ и всей пограничной полосы юго-западнаго края.

Какъ въ предѣлахъ Привислянья въ безумныя выходки шляхты внесло спокойную, но крайне опасную по своей стойкости систему рим.-кат. духовенство, такъ въ Галиціи съ 1887 г. въ балаганныя зрѣлища и шумныя собранія тамошнихъ заправилъ вноситъ начертанную программу Австрійское правительство. Польскимъ революціоннымъ кружкамъ Галиціи оно даетъ правильную организацію, намѣчаетъ имъ ихъ способъ дѣйствій, указываетъ на ту ближайшую цѣль, къ которой они должны стремиться. Въ Львовѣ, административномъ центрѣ Галиціи, резиденціи намѣстника ея, создается въ это время новое тайное сообщество, принявшее громкое названіе „союза Польскаго народа“ (swiazek narodu Polskiego). По обдуманности и законченности принятой этимъ сообществомъ программы и въ особенности по несвойственной польскимъ коноводамъ систематизаціи своихъ дѣйствій, оно носитъ явные слѣды дѣятельной поддержки австрійскаго правительства, несомнѣнно руководящаго его дѣйствіями и для болѣе успѣшнаго распространенія его пропаганды снабжающаго его матеріальными средствами. Въ февралѣ 1888 года, издается во множествѣ печатныхъ экземпляровъ, украшенныхъ оттискомъ печати съ изображеніемъ герба соединенной Польши и Литвы и надписью „Центральное управленіе союза польскаго народа“, программа этого общества, редакція коей по—надо надѣяться—лживому увѣренію коноводовъ союза, была собственноручно исправлена и одобрена покойнымъ эрцгерцогомъ Рудольфомъ. Послѣ длиннаго предисловія, стремяща-

теченіями. Съ одной стороны, она всемѣрно противится тому, чтобы устраиваемыя въ Краковѣ празднества принимали общеславянскій характеръ, и въ виду этого, иногда даже насильно, навязываетъ имъ спеціально польскій, враждебный Россіи отпечатокъ, съ другой она не допускаетъ на нихъ явно вызывающихъ выходокъ противъ сосѣдней „дружественной“ державы, очевидно опасаясь ухудшить свои отношенія съ ней. Наконецъ, она еще не окончательно примиряется съ мыслью о предоставленіи какого-либо серіознаго вліянія на свои государственныя дѣла представителямъ польской народности. Такъ недовѣріе къ Польшѣ со стороны Австріи ярко выразилось въ 1883 г., когда австрійскимъ генеральнымъ штабомъ была издана брошюра, доказывавшая, вопреки установленнымъ историческимъ фактамъ, что турокъ подъ Вѣной побѣдилъ не Собѣсскій, ибо не ему принадлежало главное начальствованіе надъ соединенными войсками, и что поляки при этой побѣдѣ отличились лишь тѣмъ, что забрали львиную долю доставшейся побѣдителямъ военной добычи. Запрещеніе праздновать юбилей Собѣсскаго въ Вѣнѣ еще явственнѣе указываетъ на существовавшее въ то время у австрійскаго правительства недовѣріе къ полякамъ. Съ другой стороны, по отношенію къ торжественному перенесенію въ Краковъ праха Мицкевича администрація приняла самыя рѣшительныя мѣры, дабы событіе это не обратилось въ общеславянское чествованіе поэта, оффиціально запретила съѣздъ славянской университетской молодежи, имѣвшій состояться въ Краковѣ; путемъ своихъ оффиціозныхъ органовъ усердно распространяла слухъ, что Россія непріязненно смотритъ на это торжество и не позволяетъ своимъ подданнымъ принимать участіе въ немъ, чѣмъ стремилась превратить этотъ праздникъ въ исключительно мѣстно-польскій. Такое нервно колеблющееся отношеніе Австрійскаго правительства къ полякамъ продолжалось до 1887 года, когда событія сложились такимъ образомъ, что давали возможность ожидать въ самомъ непродолжительномъ времени открытаго столкновенія Россіи съ ея западными сосѣдями. При такихъ обстоятельствахъ

Австрія уже не ограничила своихъ симпатій всѣмъ польскимъ выходкамъ, направленнымъ противъ Россіи, дозволеніемъ Галиційскимъ вожакамъ путемъ демонстрацій и печати подзадоривать своихъ соплеменниковъ, находящихся въ русскомъ подданствѣ, неуклонно отстаивать ихъ обособленность отъ всего русскаго. Она уже приняла личное и дѣятельное участіе въ стремленіяхъ польскихъ революціонеровъ сѣять смуту въ нашихъ предѣлахъ, возбуждать къ активному противодѣйствію русской власти польское населеніе, какъ Привислянья, такъ и всей пограничной полосы юго-западнаго края.

Какъ въ предѣлахъ Привислянья въ безумныя выходки шляхты внесло спокойную, но крайне опасную по своей стойкости систему рим.-кат. духовенство, такъ въ Галиціи съ 1887 г. въ балаганныя зрѣлища и шумныя собранія тамошнихъ заправилъ вноситъ начертанную программу Австрійское правительство. Польскимъ революціоннымъ кружкамъ Галиціи оно даетъ правильную организацію, намѣчаетъ имъ ихъ способъ дѣйствій, указываетъ на ту ближайшую цѣль, къ которой они должны стремиться. Въ Львовѣ, административномъ центрѣ Галиціи, резиденціи намѣстника ея, создается въ это время новое тайное сообщество, принявшее громкое названіе „союза Польскаго народа“ (swiazek narodu Polskiego). По обдуманности и законченности принятой этимъ сообществомъ программы и въ особенности по несвойственной польскимъ коноводамъ систематизаціи своихъ дѣйствій, оно носитъ явные слѣды дѣятельной поддержки австрійскаго правительства, несомнѣнно руководящаго его дѣйствіями и для болѣе успѣшнаго распространенія его пропаганды снабжающаго его матеріальными средствами. Въ февралѣ 1888 года, издается во множествѣ печатныхъ экземпляровъ, украшенныхъ оттискомъ печати съ изображеніемъ герба соединенной Польши и Литвы и надписью „Центральное управленіе союза польскаго народа“, программа этого общества, редакція коей по—надо надѣяться—лживому увѣренію коноводовъ союза, была собственноручно исправлена и одобрена покойнымъ эрцгерцогомъ Рудольфомъ. Послѣ длиннаго предисловія, стремяща-

гося доказать неразрывность интересовъ Австріи съ Польшей и указывающаго на всѣ тѣ взаимныя выгоды, которыя пріобрѣтутъ какъ австрійское государство, такъ и польскій народъ отъ возстановленія Польши во всей ея совокупности подъ скипетромъ династіи Габсбурговъ, съ необыкновенною ясностью изложена въ этой программѣ намѣченная союзомъ цѣль, а именно: „подготовлять патріотическое движеніе на случай возникновенія войны на территоріи бывшей польской республики, соединить и организовать силы польскаго народа и создать государственное устройство для польскихъ земель, которыя въ случаѣ войны должны представить единое цѣлое".

Этимъ, однако, не ограничило свою дѣятельность Центральное управленіе; оно составило подробныя инструкціи образа дѣйствій для своихъ членовъ въ пограничномъ поясѣ, а равно для уполномоченныхъ комиссаровъ въ Галиціи; въ этихъ инструкціяхъ подробно перечислены всѣ тѣ мѣры, которыя должны быть приняты поляками, тотчасъ по объявленіи войны, съ цѣлью созданія всевозможныхъ затрудненій для русской арміи, и нѣтъ сомнѣнія, что надъ внушеніемъ этихъ мѣръ населенію дѣятельно работаютъ въ Привисляньи и въ Юго-западномъ краѣ эммиссары этого сообщества. Разъяснять, въ чемъ именно состоятъ эти мѣры, мы считаемъ безусловно лишнимъ, оставляя эту заботу всецѣло врагамъ Россіи. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ были поименованы въ напечатанной въ *Галичанинѣ* въ маѣ 1896 года прокламаціи „Комитета народной защиты", составляющаго исполнительный органъ „Тайнаго союза польскаго народа".

Революціонное это сообщество едва-ли, впрочемъ, можетъ называться тайнымъ, — оно не заявляетъ гласно о своемъ существованіи, исключительно изъ того остатка decorum'а, который еще сохранило австрійское правительство въ своихъ международныхъ отношеніяхъ. На дѣлѣ засѣданія союза, происходящія въ Львовской ратушѣ, столь же извѣстны всему городу, какъ и имена его предсѣдателя Гр. Скарбекъ и членовъ управленія, среди коихъ насчитывается нѣсколько

офицеровъ австрійскаго генеральнаго штаба. Утверждаютъ даже, что душой всей организаціи, чуть ли не главнымъ виновникомъ его возникновенія, является начальникъ штаба австрійскихъ расположенныхъ въ краѣ войскъ гр. Розенбергъ-Орсини. Нѣтъ сомнѣнія, что безъ дѣятельнаго участія правильно организованной правительственной администраціи Австріи польскіе заправилы никогда бы не достигли ни единства въ своихъ дѣйствіяхъ, ни сплоченности среди своихъ различныхъ фракцій. Лишь Австрія, издавна научившаяся соединять подъ своей ферулой самые разнородные элементы, была въ состояніи слить многочисленные политикующіе агитаторскіе польскіе круги въ единое цѣлое, придать имъ жизненность, силу, намѣтить имъ реальныя цѣли, заставить ихъ дѣйствовать съ системой и выдержкой. Подъ ея же покровительствомъ развились въ организованныя общества съ широкой программой и другіе тайные кружки. Среди нихъ особое значеніе имѣетъ кружокъ ветерановъ возстанія 63 года, еще въ 1887 году, путемъ широковѣщательныхъ прокламацій, заявившій о своемъ существованіи. Въ прокламаціяхъ этихъ взывалось ко всѣмъ участникамъ возстанія помнить данную присягу и энергично содѣйствовать организаціи надежной вооруженной силы, могущей во время войны Австріи съ Россіей, театромъ коей явятся польскія земли, доказать способность польскаго народа къ независимому существованію, и вотъ въ 1888 г., ради облегченія практическаго осуществленія идеи, положенной въ эти воззванія, кружокъ обращается, съ согласія австрійскаго правительства, въ полноправную корпорацію подъ названіемъ „общества взаимнаго вспомоществованія участниковъ польскаго возстанія 63 года“ *). Уставъ этого общества, утвержденный 18 февраля 1888 года намѣстникомъ Галиціи, ясно указываетъ на политическія цѣли, имъ преслѣдуемыя, хотя ради приличія они и прикрываются цѣлями благотворительными. Такъ, этимъ уставомъ

*) Вице-предсѣдателемъ этого общества состоитъ Антоній Хамецъ, посолъ рейхсрата и Австрійскаго императора камергеръ!!

(§ 6) обществу предоставлена возможность широкаго распространенія путемъ принятія въ свой составъ, въ качествѣ почетныхъ членовъ и членовъ соревнователей, лицъ и не участвовавшихъ въ возстаніи, при чемъ ясно указывается, что почетными членами могутъ быть лица, „оказавшія краю или обществу особыя заслуги". Еще яснѣе обнаруживается политическій характеръ общества изъ § 23 устава, дозволяющаго ему образовать правильную агентуру изъ своихъ уполномоченныхъ въ провинціи (читай Привисляньe и Юго-западный край), *которые исполняютъ всевозможныя на нихъ возложенныя порученія, согласно данными имъ инструкціямъ*" *).

Не прекратилась явная поддержка Австріи польскимъ революціоннымъ замысламъ и съ исчезновеніемъ въ концѣ 80-хъ годовъ опасности немедленнаго столкновенія съ Россіей; наоборотъ, она ежегодно все болѣе обнаруживается и по мѣрѣ проникновенія отдѣльныхъ личностей изъ поляковъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ двуединой имперіи, становится все сильнѣе. Уже въ 1891 году полное пренебреженіе Австріей самыхъ элементарныхъ приличій въ своихъ международныхъ сношеніяхъ доходитъ до такихъ предѣловъ, что она открыто разрѣшаетъ въ ознаменованіе столѣтней годовщины польской конституціи 3 мая учредить въ Галиціи новое политическое общество подъ названіемъ „народный союзъ", статутъ коего утверждается Австрійскимъ правительствомъ. Задача этого союза образовать въ Краковѣ новую, солидарную съ польскимъ сеймовымъ кругомъ въ Вѣнѣ, политическую группу, съ одной стороны ради поддержанія и укрѣпленія польской народной идеи, съ другой—дабы объединить политическое стремленіе не только галиційскихъ поляковъ, но и состоящихъ въ русскомъ и прусскомъ подданствѣ. Утвержден-

*) Любопытно, что тотчасъ по возникновеніи общества ветерановъ возстанія 63 года, между ними и тайнымъ союзомъ польскаго народа возникло соперничество. Каждое изъ этихъ обществъ стремится играть роль народнаго правительства и быть общепризнанными главою всего польскаго народа. Полнаго единства среди польскихъ патріотовъ, очевидно, достигнуть невозможно.

ный намѣстникомъ статутъ союза прямо гласитъ, что общество имѣетъ цѣлью „оказывать вліяніе на разъясненіе политическихъ дѣлъ, касающихся нашего края *и всего польскаго народа*“. Впрочемъ, галиційская пресса приложила всѣ старанія подробно выяснить значеніе новаго общества, дабы не оставалось никакого сомнѣнія на счетъ истинной цѣли его образованія. Съ нескрываемымъ восторгомъ привѣтствовали органы періодической печати всѣхъ оттѣнковъ нарожденіе гласнаго „народнаго союза“ и ясно указали на то значеніе, которое долженъ пріобрѣсти онъ въ дѣлѣ „поддержанія единства между разрозненными членами польскаго народа, въ чьемъ-бы подданствѣ они не находились, и духовномъ сосредоточеніи ихъ въ Краковѣ, колыбели возрожденной Польши“. Параллельно съ прогрессивнымъ усиленіемъ откровеннаго благоволенія Австріи къ польскимъ затѣямъ поднимается и тонъ галиційской печати, въ безчисленномъ количествѣ статей и отдѣльныхъ брошюръ все яснѣе высказывающей убѣжденіе о возможности и даже близости возстановленія Польши при помощи Имперіи Габсбурговъ, помощи, которая де не заставитъ себя долго ждать. Если не съ одобренія, то во всякомъ случаѣ съ молчаливаго согласія Австрійскаго правительства, въ общественное сознаніе польскаго народа проводитъ эта печать ту мысль, что нынѣ возстановленіе Польши является задушевнымъ желаніемъ не однихъ только поляковъ, но и Австріи, принужденной добиваться этого ради ослабленія Россіи, непомѣрное развитіе которой угрожаетъ будто-бы самому существованію Имперіи Габсбурговъ; при этомъ высказывается убѣжденіе, что и Германія тайно сочувствуетъ созданію промежуточнаго государства между нею и Россіей. Вообще разнузданность Галиційской печати дошла нынѣ до крайнихъ предѣловъ. Нѣтъ возможности передать той наглой лжи, тѣхъ грубыхъ выходокъ, которыя она позволяетъ себѣ по отношенію къ Россіи, ея общественному строю и ея государственнымъ дѣятелямъ. Рѣзкость и дерзость употребляемыхъ ею выраженій не имѣютъ границъ, переступаютъ законы самаго элементарнаго приличія. Злорадство, съ которымъ она слѣдила за болѣзнью по-

койнаго Государя, тѣ дикіе восторги, которые вызвало у нея извѣстіе о кончинѣ Русскаго Монарха, не являются еще крайними проявленіями ея ненависти къ Россіи. Она идетъ и далѣе на этомъ пути... и на всѣ эти выходки спокойно взираетъ австрійское правительство, признающее однако возможнымъ, не смотря на пресловутую свободу слова, неустанно конфисковать журналы, выходящіе въ той же Галиціи на галицко-русскомъ языкѣ, коль скоро она въ нихъ подмѣчаетъ малѣйшее стремленіе къ духовному единенію съ Россіей. Одновременно съ этимъ даже такія польскія газеты, какъ сатирическій „Дьябль“, помѣщающій столь безобразныя карикатуры на Россію и ея представителей, что они мыслимы развѣ въ подпольныхъ листкахъ, не испытываютъ въ своей дѣятельности ни малѣйшихъ стѣсненій со стороны администраціи края. Не меньшею свободой пользуется и театръ въ Краковѣ и Львовѣ, гдѣ еще въ 1869 году къ вящему наслажденію поляковъ шла пьеса „Звѣзда Сибири“, одно названіе которой достаточно указываетъ на ея руссофобскій характеръ. Въ послѣднее же время на Краковской сценѣ поставлена еще болѣе зажигательная пьеса „Край“, авторомъ которой признается редакторъ одной изъ варшавскихъ газетъ. По своему цинически враждебному Россіи характеру пьеса эта до такой степени превзошла всѣ ей подобныя, что намѣстникъ Галиціи первоначально даже запретилъ ея постановку въ Львовѣ, сказавъ, будто-бы, что разрѣшитъ ее лишь въ день объявленія Австріей войны Россіи. Галиційскіе вожаки вынудили однако его согласіе ранѣе этого срока. Опереточная сцена и та превратилась въ политическую. Краковскіе огрудки (лѣтніе увеселительные сады) переполнены, коль скоро въ нихъ дается „Битва подъ Рацлавицами“, оперетка, въ которой Россія и русское воинство представлены въ самомъ смѣшномъ, позорномъ видѣ.

Нечего говорить, что всевозможныя тайныя прокламаціи и воззванія спокойно печатаются въ Галиціи. Главнымъ поставщикомъ этихъ листковъ служитъ извѣстный въ Краковѣ книжный магазинъ Милковскаго, включающій нѣкоторые изъ

нихъ въ свои періодически разсылаемые каталоги разныхъ запрещенныхъ изданій. Ясно, что при той свободѣ, которая нынѣ предоставлена панамъ на Австрійской территоріи, открыто высказываться противъ Россіи, гласно призывать своихъ соплеменниковъ сплотиться вокругъ трона Габсбурговъ и подъ его эгидой искать осуществленія своихъ завѣтныхъ мечтаній, Краковскія и Львовскія празднества приняли вызывающе враждебный характеръ по отношенію къ Россіи. Въ предлогахъ къ празднествамъ недостатка за послѣднее время не было. Ими послужили всѣ событія, ознаменовавшія послѣдніе годы существованія самобытной Польши, которымъ какъ разъ истекало столѣтіе. Апогея же своего достигли эти празднества въ 1894 году, на знаменитой Костюшковской выставкѣ въ Львовѣ, главною приманкой, гвоздемъ которой была панорама Рацлавицкой битвы. Выставку эту, какъ извѣстно, посѣтилъ самъ маститый глава дома Габсбурговъ, при чемъ любовался и пресловутою панорамой! Дальше этого по пути открытой поддержки польскихъ замысловъ идти, кажется, нельзя. Невольно вѣрится въ справедливость слуховъ, утверждающихъ, что въ 1887 году австрійское правительство вызвало изъ Турціи проживавшаго тамъ Лангевича, извѣстнаго диктатора возстанія 1863 года, и предложило ему, вслѣдствіе его бывшей популярности въ Привисляньи, главное начальство надъ польскими легіонами въ случаѣ войны съ Россіей. Еще болѣе правдоподобны увѣренія, что Австріей уже нынѣ заготовлены печатныя прокламаціи съ польскими орлами, а равно польскія знамена, вокругъ которыхъ она соединитъ всѣ безпокойные элементы Привислянья. Впрочемъ болѣе ретивые изъ коноводовъ Галиціи не дожидаются вооруженнаго столкновенія Австріи съ Россіей, чтобы заставить польское общество русскихъ областей сойти съ законнаго пути. Такъ-называемая партія дѣйствій уже нѣсколько лѣтъ стремится вызвать открытые безпорядки въ Привисляньи, при чемъ орудіемъ воздѣйствія на населеніе края она избрала юбилейное чествованіе тѣхъ событій, которыя давали поводъ къ послѣднимъ сатурналіямъ шляхты въ Краковѣ, побуждая его рядомъ при-

стегнутыхъ къ нимъ манифестацій обнаружить свои истинныя чувства и желанія. Сдерживаемыя мощною рукой центральной администраціи края, попытки къ этому ограничивались мелкими безчинствами, какъ-то поломкой ограды памятника воздвигнутаго въ Варшавѣ въ честь поляковъ, оставшихся въ 1831 г. вѣрными долгу присяги и убитыхъ въ сраженіяхъ противъ возставшихъ, дѣтской манифестаціей въ Варшавскомъ ботаническомъ саду, выразившейся въ собраніи нѣсколькихъ сотъ человѣкъ на развалинахъ начатой постройкою, но никогда не оконченной, часовни въ память конституціи 3 мая 1791 года, и наконецъ, демонстраціей въ память гнуснѣйшаго событія всей польской исторіи, произведенной горстью варшавянъ передъ домомъ прямаго потомка сапожника Килинскаго, подъ предводительствомъ коего варшавская чернь 5 апрѣля 1794 года учинила ночное избіеніе безоружныхъ русскихъ. Если всѣ эти демонстративныя выходки варшавянъ отличались сравнительно невиннымъ характеромъ, а главное малымъ количествомъ участвовавшихъ въ нихъ, то это слѣдуетъ всецѣло приписать тому благодѣтельному страху, который внушаетъ имъ нынѣ русская власть въ краѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда возмездія за свои поступки опасаться было нечего, число участниковъ въ проявленіяхъ своей готовности слѣдовать указаніямъ Галиційскихъ политикановъ тотчасъ возростало, охватывая почти всю интеллигенцію Варшавы. Такъ наложенный этими политиканами въ 1892 году національный трауръ, въ ознаменованіе столѣтія Тарговицкой конфедераціи, свято соблюдался, выразившись въ демонстративномъ прекращеніи въ теченіе всей зимы столь любимыхъ варшавянами домашнихъ и общественныхъ баловъ.

Не обошлось, конечно, при этомъ и безъ обычнаго со стороны политическихъ заправилъ устрашенія тѣхъ, кто не желалъ подчиниться нелѣпому запрещенію всякихъ увеселеній. Немногіе Варшавскіе аристократы, устроивавшіе у себя, не смотря на это запрещеніе, обычные балы, были забрасываемы угрожающими анонимными письмами. Терроръ,—вотъ на чемъ до сихъ поръ зиждется вся сила польскихъ революціонеровъ.

„Требуемъ отъ всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности: дѣйтельнаго патріотизма, безпредѣльнаго послушанія и непоколебимой вѣрности; хорошіе люди будутъ выполнять эти добродѣтели, дурные должны будутъ исправиться или понести надлежащее наказаніе. Начальники Округовъ будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи жандармовъ, при помощи которыхъ будутъ чинить расправу надъ отступниками и измѣнниками народному дѣлу“.

Вотъ какъ оканчивалось воззваніе, изданное въ началѣ 1892 г. однимъ изъ революціонныхъ комитетовъ Галиціи, и водворенное контрабаднымъ путемъ въ Привислянье. Такими угрозами усердно снабжается большинство распространяемыхъ въ краѣ прокламацій. Очевидно, жандармы-вѣшатели являются у польскихъ патріотовъ и по сію пору главною убѣдительною силой по отношенію къ массѣ безусловно спокойнаго польскаго народа.

Неосп
начинані
сомнѣват
шихъ пр
существе
однако в
полякам
польское
найти вт
въ поль
издаваем
во Льво
шихъ п
исключи
въ расп
ходимо
народна
ные въ
polskieg
буквам
(объ о

шюры, въ особенности вторая, приписанная перу извѣстнаго революціонера Ежа Милковскаго, хотя на дѣлѣ авторъ ея былъ, повидимому, нѣкій Михальскій, эмигрантъ, милліонеръ— произвели большое впечатлѣніе среди политикующихъ поляковъ и несомнѣнно способствовали развитію въ Парижѣ, народоваго скарба, являющагося ядромъ, вокругъ котораго группируются и всѣ остальные возникшіе съ тѣхъ поръ въ Европѣ народно-польскіе скарбы.

Къ началу 80-хъ годовъ польскія эмиграціонныя сообщества въ Парижѣ представляли лишь жалкіе обломки сильной тамъ нѣкогда политической партіи. Знаменитый Hôtel Lambert, игравшій такую видную роль при его первомъ хозяинѣ, Адамѣ Чарторыйскомъ, не смотря на всѣ старанія сына Адама, Владислава Чарторыйскаго, съ паденіемъ Имперіи утратилъ руководящее значеніе въ польской аристократической партіи, поневолѣ уступивъ первенствующую роль тѣмъ польскимъ вождямъ, которые ближе стоятъ къ замѣстителямъ Наполеона въ его роли агитатора польскихъ національныхъ страстей. Даже политическій свой органъ партія Чарторыйскихъ перенесла въ Вѣну, гдѣ ею субсидируется выходящій тамъ журналъ Correspondence de l'Est. Въ Парижѣ, лѣтъ десять тому назадъ, дѣятельность ея ограничивалась почти исключительно областью клерикально-филантропическою, выражаясь главнымъ образомъ въ содержаніи въ Juvisy пріюта св. Казимира для старыхъ и больныхъ повстанцевъ и пансіона со школой для молодыхъ дѣвицъ, гдѣ воспитаніе ведется въ строго католическомъ духѣ. Состоящее подъ предсѣдательствомъ Чарторыйскаго, польское литературно-историческое общество политическаго значенія вовсе не имѣетъ.

Многочисленныя во времена Имперіи польскія учрежденія въ Парижѣ въ то время или совершенно исчезли, или влачили жалкое существованіе. Батиньольская школа, гдѣ въ 60-хъ годахъ воспитывалось до 500 польскихъ юношей, лишившись съ 1870 г. весьма значительнаго пособія отъ французскаго казначейства, совершенно распадалась, и дни ея существованія, казалось, были сочтены, не смотря на всѣ старанія ея

главнаго покровителя извѣстнаго Галензовскаго. Хотя къ половинѣ 80-хъ годовъ въ Парижѣ еще и сохранилось значительное количество мелкихъ польскихъ сообществъ, возникнувшихъ съ наплывомъ туда послѣ возстанія 63-го года польскихъ эмигрантовъ, но число ихъ членовъ становилось все незначительнѣе, и имъ суждено было исчезнуть по мѣрѣ естественной убыли ихъ старѣющихъ членовъ. Среди нихъ сохраняло еще нѣкоторое значеніе „общество трудящихся поляковъ", главнымъ образомъ благодаря участію въ немъ еврейскихъ элементовъ. Самымъ дѣятельнымъ членомъ его, а равно и секретаремъ, состоялъ юркій жидокъ Рейффъ, владѣлецъ польской типографіи; онъ же издавалъ *Курьеръ польскій* — переименованный впослѣдствіи, ради большей приманки, въ *Вольное Польское Слово*. Эта вздорная газетка состояла исключительно изъ разныхъ мелкихъ сплетенъ про русское и германское правительства; главнымъ же ея назначеніемъ было перепечатывать пустыя, но звонкія рѣчи, произносимыя крикунами этой партіи на похоронахъ умершихъ повстанцевъ, да юбилейныхъ празднествахъ событій 1863 г. Деньги на изданіе, повидимому, доставлялись богатымъ эмигрантомъ Райскимъ, разыгрывавшимъ роль перваго оратора этой партіи и непремѣнно желавшимъ видѣть свое пустозвонство въ печати.

Не въ болѣе цвѣтущемъ состояніи находилась и соціально-революціонная партія въ Парижѣ, издававшая тамъ свой органъ *Walka klassów* (борьба классовъ). Партія эта — вполнѣ космополитическаго характера, народность отрицаетъ и съ политическими польскими кружками ничего общаго не имѣетъ; центръ ея въ Женевѣ, гдѣ она обзавелась собственною типографіей, усердно печатающею массу мелкихъ брошюръ, столь же зажигательнаго содержанія, сколь безграмотнаго изложенія. Главаремъ этой партіи состоялъ, какъ и быть должно, еврей Мендельсонъ. Кромѣ *Walki klass* въ Парижѣ издавался одно время еще другой органъ соціальнаго направленія, но уже съ національными стремленіями, а именно *Pobudka* (тревога). Кромѣ ярко-красной обложки съ бѣлымъ орломъ посерединѣ, онъ ничѣмъ не отличался отъ всѣхъ подобныхъ

листковъ: та же прямолинейность въ разрѣшеніи самыхъ сложныхъ вопросовъ, съ помощью употребленія разныхъ непристойныхъ словъ, на которыхъ и основана вся убѣдительность ихъ.

Между тѣмъ польская колонія во Франціи насчитывала въ восьмидесятыхъ годахъ до 10.000 членовъ, изъ коихъ бо́льшая половина сосредоточена въ Парижѣ Но общаго связующаго звена она не имѣла, дробясь на безчисленное множество фракцій, изъ коихъ большинство въ то время было чуждо всякихъ политическихъ затѣй. Политикой занимались, да и то лишь на словахъ, старые революціонные кружки, съ трудомъ вербовавшіе себѣ новыхъ членовъ.

И вотъ это-то разлагающееся тѣло, лишенное всякихъ жизненныхъ зачатковъ, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ неожиданно обнаруживаетъ явные признаки возрожденія. Распадающіяся мелкія сообщества сплачиваются въ одинъ общій союзъ (Związek narodowo polsky we Francyi), стремящійся объединить польскую колонію во Франціи и въ значительной степени достигающій этого. Основанный Галензовскимъ, правда еще въ 1882 году, Skarb narodovy w Paryżu переходитъ въ завѣдываніе этого союза и уже въ 1889 году увеличиваетъ свои капиталы, дотолѣ совершенно ничтожные, до весьма значительныхъ размѣровъ.

Откуда же появилась въ вымершей парижской польской эмиграціи эта новая жизненная сила? Почерпнуть ее въ своей прежней организаціи не представлялось возможности—черезчуръ была она раздроблена. Очевидно, нужна была посторонняя сила, исходящій извнѣ гальваническій токъ, дабы изъ обломковъ прежнихъ сообществъ создать новое сильное цѣлое. Нѣтъ сомнѣнія, что та сила, которая упорядочила безсмысленныя затѣи галиційскихъ заправилъ, явилась и здѣсь главнымъ вдохновителемъ и двигателемъ.

Не въ одной Франціи проявилось возрожденіе польскаго революціоннаго духа, — онъ охватилъ всѣ разбросанныя по Европѣ польскія сообщества.

По примѣру парижскихъ кружковъ, соединились въ одинъ союзъ и польскіе эмигрантскіе кружки Швейцаріи, слившіе

въ 1890 году свой народный фондъ съ парижскимъ. До этого соединенія кружки эти представляли столь же разрозненныя сообщества, какъ и парижскія; общимъ сочувствіемъ ихъ пользовался лишь основанный гр. Платеромъ въ 1869 году въ Рапперсвилѣ, въ кантонѣ Сенъ-Галенъ, историческій музей, въ которомъ собраны различныя бутафорскія принадлежности польскихъ повстаній, ни малѣйшаго историческаго значенія не имѣющія. Музей служитъ мѣстомъ поклоненія для всѣхъ путешествующихъ по Швейцаріи поляковъ, и къ нему причастны даже такіе магнаты, какъ гр. Замойскій, состоящій членомъ комитета, завѣдующаго этою національною святыней, составленною изъ вымазанныхъ кровью ножей и ятагановъ. Рапперсвиль привлекаетъ польскихъ патріотовъ еще и памятникомъ, воздвигнутымъ тамъ въ 1868 году въ ознаменованіе Барской конфедераціи.

Существующія во многихъ университетскихъ городахъ Швейцаріи польскія студенческія общества, носящія обыкновенно спеціальныя названія въ родѣ „Polonia“, „Spojna“, „Ognisko“ — также соединяются около 1888 г. въ одинъ союзъ—Zjednoczenie и съ тѣхъ поръ устраиваютъ ежегодно съѣзды въ одномъ изъ городовъ Швейцаріи съ публичными преніями на нихъ, превращаясь такимъ образомъ изъ кружковъ, направленныхъ исключительно къ сплоченію польскихъ элементовъ, съ цѣлью взаимопомощи, въ политическую партію. Умы учащейся молодежи все болѣе экзальтируются; на публичныхъ преніяхъ обсуждаются способы активныхъ дѣйствій; политика совершенно поглощаетъ и вытѣсняетъ тотъ научный характеръ, которымъ они первоначально отличались; соціализмъ, всегда идущій въ разрѣзъ съ національными стремленіями, подвергается на этихъ съѣздахъ жестокимъ нападкамъ, что вызвало ярую отповѣдь со стороны соціальной партіи въ брошюрѣ, подъ названіемъ: „Pod Prçgierz“ (къ позорному столбу). Брошюра эта отличается обычною анархистамъ утонченно-грубою бранью и, разумѣется, не способствовала измѣненію характера союза учащейся молодежи.

Не играя прямой роли въ политической интригѣ, направленной противъ Россіи, соединившіяся въ одинъ общій союзъ польскія студенческія общества несомнѣнно способствуютъ поддержанію и развитію среди его членовъ революціонныхъ стремленій, что можетъ сказаться и въ реальной формѣ въ моментъ призыва подъ знамена всѣхъ отбудователей ойчизны.

Польская эмиграція въ Италіи, сосредоточившаяся почти исключительно въ Римѣ, благодаря непрестанной поддержкѣ со стороны папскаго престола, никогда не теряла своего значенія. Она—единственная, которая не нуждалась въ посторонней помощи для возбужденія своей дѣятельности; въ самомъ Ватиканѣ имѣетъ она видныхъ и вліятельныхъ представителей. Основанный ксендзомъ Кайсевичемъ, монашескій орденъ Zmartwychwstańców (Воскресенцевъ) получилъ особое значеніе благодаря покровительству кардиналовъ Чацкаго и Ледоховскаго, этихъ столбовъ полонизма при римской куріи. Орденъ этотъ, несомнѣнно преслѣдующій политическія цѣли, учредилъ въ Римѣ высшую духовную семинарію Kollegium Polskie, получающую денежную субсидію отъ папы; ему же отдана въ надзоръ такъ-называемая греческая коллегія и другія греко-уніатскія учрежденія въ Римѣ, сохраняющія свое названіе — уніатскихъ лишь ради доказательства, что унія существуетъ; на дѣлѣ эти учрежденія ничѣмъ не отличаются отъ католическихъ.

Политическая дѣятельность Воскресенцевъ получила широкое распространеніе; она проявляется въ Болгаріи, гдѣ ими ведется католическая пропаганда, связанная съ распространеніемъ среди Болгаръ ненависти къ ея освободительницѣ Россіи; даже въ Турціи, а именно въ Адріанополѣ, орденъ этотъ учредилъ духовную семинарію; но главнымъ образомъ сосредоточена его дѣятельность въ Галиціи, которую, при помощи австро-польской партіи, онъ густо покрылъ своими учрежденіями, одновременно преслѣдующими двѣ цѣли. Первая изъ нихъ состоитъ въ окончательномъ совращеніи въ католичество многочисленныхъ тамъ русскихъ уніатовъ, въ богослужебные обряды конхъ имъ удалось уже ввести зна-

чительныя измѣненія въ латинскомъ духѣ, во многомъ противорѣчащія постановленіямъ греческой церкви. Усилія Воскресенцевъ направляются главнымъ образомъ на уніатскихъ священниковъ, путемъ лести, угрозъ и даже насилія принуждаемыхъ отступаться отъ своихъ исконныхъ вѣрованій и обрядовъ. Вторая цѣль, преслѣдуемая въ Галиціи Воскресенцами, воспитать въ народѣ національно-революціонныя стремленія и такимъ путемъ создать изъ него могучій рычагъ для достиженія цѣлей, преслѣдуемыхъ шляхтой. Разумѣется Воскресенцы поддерживаютъ дѣятельныя сношенія съ римско-католическимъ духовенствомъ Привисляньи и во многомъ руководятъ его дѣйствіями; они же служатъ связующимъ звеномъ между Римскою куріей и Австро-польскою клерикальною партіей.

Такимъ образомъ, нынѣ въ Галиціи соединились тѣ три силы, которыя всегда являлись зачинщиками и руководителями возстаній въ Привисляньи. Польская шляхта, поддерживаемая и направляемая иноземною рукой, въ тѣсномъ единеніи съ рим.-кат. духовенствомъ, съ успѣхомъ разыгрываетъ тамъ обыкновенныя прелюдіи всѣхъ вспышекъ польскаго революціоннаго духа.

Спокойно взирать, какъ сосѣдняя держава сѣетъ смуту въ нашихъ предѣлахъ, преступно. Возбудить народное чувство, искусственно поддерживать его въ напряженномъ состояніи путемъ повторныхъ пріемовъ всевозможныхъ возбуждающихъ стимуловъ, дѣйствующихъ на польскій общественный строй, какъ мускусъ на человѣческій организмъ, все это легко. Гораздо труднѣе успокоить взволнованное общество. Возбужденное чувство не можетъ ограничиться одними словами, оно неминуемо должно перейти въ дѣйствія. Австрія разсчитываетъ на то, что эти дѣйствія обнаружатся лишь въ моментъ войны, — разсчетъ ея можетъ легко оказаться невѣрнымъ.

Искренна-ли Австрія въ щедро расточаемыхъ ею польскимъ политиканамъ обѣщаніяхъ возстановить польское государство, связавъ его лишь личною уніей съ Австріей? Врядъ-ли. — Не говоря уже о томъ, что она не можетъ не сознавать полнѣйшаго своего безсилія для достиженія этой цѣли, она

несомнѣнно понимаетъ, что при современномъ строѣ общественной политической жизни Европы сліяніе двухъ вполнѣ самостоятельныхъ политическихъ организмовъ подъ одною короной немыслимо. Наконецъ, предоставленіе Австріей Польшѣ полной автономіи было бы сигналомъ къ такимъ же требованіямъ со стороны остальныхъ народностей, нынѣ подвластныхъ коронѣ Габсбурговъ, что неминуемо поведетъ къ распаденію двуединой Имперіи на составныя части: существованіе ея и нынѣ зиждется главнымъ образомъ на взаимной зависти тѣхъ государствъ и народовъ, которымъ по праву принадлежитъ ея наслѣдство.

Польскій вопросъ съ начала нынѣшняго вѣка въ рукахъ державъ Западной Европы всегда былъ средствомъ къ созданію затрудненій для Россіи и внутреннихъ въ ней замѣшательствъ и никогда не былъ цѣлью. Со временъ Наполеона, игравшаго польскими національными страстями съ двойною цѣлью создать изъ нихъ таранъ противъ Россіи и увеличить свою военную силу польскими легіонами, польскій народъ служилъ государствамъ Европы политическою игрушкой. Поочередно заступались за поляковъ Франція, Англія и Австрія, не имѣя однако искренняго желанія возстановить распавшееся государство, хотя бы вслѣдствіе сознанія, что причины, приведшія къ разложенію Польши, не только не исчезли въ польскомъ народѣ, но наоборотъ усилились, что эти внутренніе элементы разложенія, въ случаѣ возстановленія Польши, неминуемо поведутъ къ новому ея распаденію.

Противъ соблазна вліять на Россію путемъ возбужденія польской шляхты не устояла даже и Пруссія. Давно-ли Императоръ Германскій выказывалъ свое особое благоволеніе польскимъ депутатамъ Познани съ пресловутымъ Косцельскимъ во главѣ, давно-ли назначенъ архіепископомъ Познанскимъ злѣйшій врагъ Россіи Стаблевскій и притомъ немедленно по произнесеніи имъ въ Торнѣ на съѣздѣ клерикаловъ исполненной къ намъ ненависти рѣчи; наконецъ давно-ли обмѣнялись Прелатъ этотъ и Императоръ Вильгельмъ торжественными привѣтственными рѣчами, а между тѣмъ повели-ли эти

манифестаціи къ какимъ-либо серіознымъ результатамъ и переставала-ли когда-либо Пруссія съ усердіемъ онѣмечивать Познань? Немедленно по улучшеніи нашихъ отношеній съ Германіей прекратились и заигрыванія правительства этой державы съ ея польскими подданными. Побужденія Австріи несомнѣнно тождественны съ побужденіями остальныхъ державъ при поднятіи польскаго вопроса; что же касается до обѣщаній, то традиціонно вѣроломная политика вѣнскаго кабинета давно привыкла расточать ихъ, безъ малѣйшаго намѣренія сдерживать. Какъ бы то ни было, относиться равнодушно къ современному образу дѣйствій Имперіи Габсбурговъ для Россіи невозможно. Галиція представляетъ нынѣ страну, наполненную самымъ горючимъ матеріаломъ. Достаточно малѣйшей искры, чтобы весь край былъ охваченъ пламенемъ революціи. Россіи, конечно безразлично, какія отъ этого произойдутъ послѣдствія для Австріи, и если бы Галиція не была связана тысячей нитей съ Привисляньемъ и Порубежною чертой Юго-западнаго края, Россія могла бы спокойно взирать на возбужденное ея состояніе, но въ виду этой несомнѣнной связи, въ виду тѣхъ постоянныхъ сношеній, въ которыхъ жители ея пограничныхъ губерній находятся съ этимъ очагомъ всевозможныхъ смутъ и волненій, спокойно взирать на все тамъ творящееся немыслимо. Издающіеся въ Галиціи журналы, хотя и не допускаются въ предѣлы Россіи, но тѣмъ не менѣе расходятся въ Привисляньи въ весьма значительномъ количествѣ экземпляровъ, причемъ каждый изъ нихъ передается изъ рукъ въ руки, такъ что въ концѣ концовъ съ содержаніемъ ихъ всѣ знакомы. Вліяніе этихъ журналовъ на общественное мнѣніе тѣмъ значительнѣе, что они ни съ какой стороны не встрѣчаютъ ни возраженій, ни обличеній явной лжи, которою они изобилуютъ. Сотни людей ежедневно переходятъ въ томъ и другомъ направленіи Австро-русскую границу, и волненіе, охватившее одну сторону этой границы неизбѣжно отразится и на другой ея сторонѣ. При такихъ обстоятельствахъ дружественное представленіе Австрійскому правительству является настоятельною необходимо-

стью. Такое представленіе отнюдь не можетъ быть названо вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла иноземнаго государства. Разъ происходящее въ его предѣлахъ имѣетъ прямое вліяніе на наши собственныя дѣла, а продолженіе существующаго порядка вещей грозитъ явнымъ нарушеніемъ спокойствія въ странѣ, наша обязанность принять всѣ мѣры для своей охраны, какъ внутренней, такъ и внѣшней. Мѣстная власть не въ силахъ бороться съ этимъ зломъ; окружить себя китайскою стѣной, прекратить, или хотя бы ослабить, сношенія Привислянья съ Галиціей очевидно не въ ея власти; остается только вооружиться ушатомъ воды и съ нимъ отправиться къ очагу разгорающагося движенія и тамъ на мѣстѣ залить его. Австрія сама наталкиваетъ Россію на мысль о необходимости, рали собственнаго спокойствія, вырвать изъ ея рукъ тѣ польскія земли, которыя нынѣ находятся подъ ея владычествомъ. Не въ цѣляхъ завоевательныхъ принуждены мы добиваться включенія въ наши предѣлы галиційскихъ земель, а исключительно въ цѣляхъ охранительныхъ. Обладаніе Привисляньемъ для Россіи не утѣха и корысть,—оно является жестокою необходимостью. Нѣтъ сомнѣнія, что наши истинные интересы лежатъ значительно южнѣе Кракова и Львова, но добиться ихъ осуществленія мыслимо лишь посредствомъ обезпеченія нашей западной границы отъ всѣхъ происковъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Вопросы Финляндскій, Армянскій и т. п.—вопросы мѣстные; при нѣкоторомъ стараніи мы можемъ наплодить таковыхъ еще съ полдюжины, какъ—татарскій, туркменскій и т. п., но всѣ они значенія не имѣютъ: возникнувъ лишь благодаря нашему благодушію, они исчезнутъ при первомъ серьозномъ отпорѣ. Иное дѣло вопросъ польскій—это вопросъ жизненный. Слѣдуетъ помнить, что вопросъ этотъ возбужденъ первоначально не нами, а самими Поляками: не мы пошли въ Польшу, а она двинулась на Русь, она захватила колыбель русской земли—Кіевъ, она пыталась овладѣть и Московскимъ Кремлемъ. На ея сторонѣ была и культура, и организованная военная сила,—и было время, когда казалось, что Православная Русь должна ис-

чезнуть передъ Католическою Польшей. Недоставало лишь польскому народу жизненной силы, внутренней мощи,—и это духовное убожество сохранилъ онъ всецѣло и понынѣ.

Общественно-правовой порядокъ и экономическое состояніе Галиціи, гдѣ панамъ предоставлено широкое поле дѣятельности, являются тому лучшимъ доказательствомъ.

ГЛАВА XI.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ ГАЛИЦІИ.

На одномъ изъ торжественныхъ банкетовъ, сопровождавшихъ состоявшійся въ Краковѣ въ 1887 г. съѣздъ польскихъ экономистовъ, членъ-распорядитель устроенной тогда же областной выставки, Гр. Дембицкій между прочимъ сказалъ: „въ нашемъ трехпольномъ хозяйствѣ, когда двѣ нивы лежатъ необработанными, провидѣніе даетъ намъ возможность трудиться надъ обсѣмененіемъ третьей нивы.“ Нечего говорить, что подъ третьей нивой подразумѣвалась Галиція.

Какія же сѣмена разсѣваетъ польская шляхта на этой представленной ея попеченіямъ нивѣ? въ чемъ же выразилось свободное и полноправное ея хозяйничаніе въ Галиціи? Проявила-ли она въ своей дѣятельности, что уроки исторіи, столь жестоко доказавшіе неосновательность ея политическихъ идеаловъ, не прошли для нея даромъ; постигла-ли она, наконецъ, что немыслимо существованіе такого государства, въ коемъ благоденствіе господствующихъ и правящихъ классовъ основано на умственномъ гнетѣ и экономическомъ порабощеніи всей массы населенія? Отреклась ли шляхта, хотя бы временно, ради скорѣйшаго достиженія столь яро преслѣдуемой ею цѣли—возстановленія исторической Польши,—отъ своихъ эгоистическихъ, сословныхъ побужденій? Обращали-

скаго быта въ Галиціи, выразившагося въ прогрессивномъ уменьшеніи всей производительности края, полномъ промышленномъ его застоѣ, пониженіи какъ плодородія, такъ и доходности земель, уменьшеніи скотоводства и, какъ слѣдствіе всего этого, отсутствіи естественнаго прироста населенія, неизмѣнно находящагося въ прямой зависимости отъ степени его матеріальной обезпеченности, причемъ выяснилъ, что все это съ особенной силой проявилось съ 1848 г., то-есть со времени крестьянской реформы, уничтожившей въ Галиціи обязательныя вотчинныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, но при этомъ совпавшей съ началомъ расширенія автономныхъ правъ этой области. Такимъ образомъ освобожденіе народнаго труда, вслѣдствіе выкупа правительствомъ барщины и дворскихъ даремщинъ, стоившее ему около 80 милліоновъ гульденовъ, и предоставленіе Галиціи широкаго поля для самодѣятельности не только не привели къ ожидаемому приращенію богатствъ ея, а наоборотъ увеличили народную нищету.

Столь же печально отразилась дѣятельность австрійскаго правительства и польской шляхты на духовномъ бытѣ массы населенія Галиціи. Число народныхъ школъ, вмѣсто того чтобы увеличиваться, замѣтно уменьшается: изъ 3.060 школъ, существовавшихъ въ 1847 году, ихъ къ 1876 году оставалось всего 2.486; нравственность населенія съ каждымъ годомъ падаетъ: количество преступленій—это мѣрило народной нравственности,—ежегодно возрастаетъ въ степени ужасающей. За 11 лѣтъ съ 1858 г. по 1869 г., періодъ, въ теченіе коего мѣстный сеймъ успѣлъ добиться отъ центральнаго правительства весьма серьознаго расширенія своей самостоятельности, общая сумма преступленій въ краѣ увеличилась на 93%, причемъ нѣкоторые виды преступленій противъ личности учетверились; нарушенія правъ собственности за тотъ же срокъ возросли на 48%.

Такое увеличеніе преступности населенія австрійскимъ статистикомъ Глаттеромъ, цитируемымъ пр. Симоненко, объясняется отсутствіемъ всякой послѣдовательности въ развитіи политическаго и общественнаго строя жизни Австріи, кото-

рая совмѣстно съ недостаткомъ образованія въ народныхъ массахъ потрясли общественную нравственность, уваженіе къ власти и религіи. Революціонныя затѣи шляхты и вызванное ими произвольное обложеніе населенія всевозможными принудительными поборами,—прибавимъ мы отъ себя,—несомнѣнно играло не послѣднюю роль въ быстромъ пониженіи экономическаго и умственнаго уровня развитія Галиціи.

Полное презрѣніе къ экономическимъ интересамъ своей польской провинціи выказало и австрійское правительство непосильнымъ увеличеніемъ казенныхъ податей, за 15 лѣтъ (съ 1847 по 1862 г.) почти удвоившихся; съ 13 милліоновъ гульденовъ они достигли за это время $24^1/_2$ мил., несмотря на одновременное уменьшеніе количества населенія на слишкомъ 50.000 душъ; десять лѣтъ спустя—въ 1873 г.—подати эти превышали уже 33 милліона гульденовъ.

Впрочемъ не представляется необходимости обращаться къ русскимъ авторамъ, которыхъ можно заподозрить въ пристрастіи, дабы найти подтвержденіе нынѣшняго печальнаго положенія Галиціи, именуемой польскими шовинистами колыбелью возрожденной Польши; не болѣе утѣшительную картину этой области представляютъ и польскіе писатели, способные хотя бы нѣсколько отрѣшиться отъ своихъ предвзятыхъ тенденцій. Къ числу безпристрастныхъ произведеній польскаго пера слѣдуетъ отнести, появившуюся въ 1888 г. въ Краковѣ, брошюру подъ заглавіемъ „Нужда въ Галиціи.“ *) Въ пристрастіи къ Россіи автора этой брошюры, члена рейхсрата Щепановскаго, упрекнуть нельзя: онъ относится къ ней съ нескрываемой ненавистью.

Послушаемъ же, что говоритъ польскій писатель про экономическій бытъ Австрійской Польши, про благосостояніе нашихъ классовъ ея населенія, численно тамъ превосходящихъ болѣе чѣмъ гдѣ либо остальные общественные слои, ибо необходимо имѣть въ виду, что Галиція страна крестьянъ по преимуществу: изъ шести милліоновъ ея обитателей пять

*) Nędza w galicyi w cyfrach. Lwow 1888.

принадлежатъ къ крестьянскому сословію, а 686 тысячъ послѣдняго милліона—жиды, экономическій бытъ коихъ въ массѣ отнюдь не лучше крестьянскаго.

Вотъ какъ рисуетъ Щепановскій общую картину жизни хлопа въ отошедшей къ Австріи части Польши. „Галиція, пишетъ онъ, въ настоящее время представляетъ самый убогій и нищенскій край на всемъ земномъ шарѣ. Нельзя найти ни въ Европѣ, ни даже въ Азіи страны, производительность которой, въ среднемъ выводѣ на каждаго жителя, была бы ниже, въ которой жилось бы тяжелѣе и бѣднѣе, нежели въ Галиціи. Преобладающее питаніе нашего народа, хуже того нищенскаго хлѣба, какимъ кормятъ на общественный счетъ въ домахъ призрѣнія. Ежедневная практика насъ привела даже къ тому убѣжденію, что картофель и капуста безъ приправы, а равно и всякаго рода отбросы — природная пища народа, что Провидѣніе предназначило эти отбросы для крестьянина, какъ лягушекъ для аиста, а сѣно для вола. Нѣтъ сомнѣнія, что и у хлопа найдется иной разъ и хлѣбъ и скотъ, но все это предназначено исключительно для продажи съ цѣлью уплаты податей; не для него несутъ куры яйца, не для него даютъ коровы молоко“.

Дѣйствительно, во всей Галиціи насчитываются не болѣе 7,000 крестьянскихъ усадьбъ, годовой доходъ съ коихъ, превышая сто гульденовъ, обезпечиваетъ насущное существованіе ихъ собственниковъ. Остальныя крестьянскія владѣнія представляютъ такіе микроскопическіе участки земли, что производительность ихъ не въ состояніи удовлетворить самыхъ скромныхъ требованій крестьянской семьи. Впрочемъ и то скудное количество земли, которое находится въ владѣніи крестьянъ быстро переходитъ въ руки евреевъ вслѣдствіи послѣдовавшей въ 1869 г. отмѣны всякихъ ограниченій права крестьянъ отчуждать свою земельную собственность.

Если еврей играетъ выдающуюся роль въ экономической жизни Привислянья, то въ Галиціи онъ является единственнымъ и полнымъ хозяиномъ въ этой области,—разумѣется, сохранивъ всѣ свои обычныя свойства и пріемы. Овладѣвая

съ каждымъ годомъ въ Австро-польскомъ краѣ все большимъ количествомъ земельной собственности, онъ остается однако чуждъ кореннымъ интересамъ земледѣлія, принимаетъ лично столь же незначительное участіе въ немъ. Скупаемыя евреями въ Галиціи крестьянскія усадьбы по прежнему обрабатываются исключительно польскими и русскими крестьянами, обыкновенно, съ захватомъ ихъ усадьбы жидомъ, оставшимися на ней же въ положеніи батрака, принужденнаго за безцѣнокъ обрабатывать хищнически отвоеванную у него землю, причемъ жидъ зорко слѣдитъ за его трудомъ и выматываетъ у него на работѣ рѣшительно всѣ его жизненныя силы. Защиты и поддержки въ своей неравной борьбѣ съ изворотливымъ и богатымъ на выдумки ростовщикомъ евреемъ нигдѣ не встрѣчаетъ галицкій хлопъ, который, можно сказать, окруженъ людьми и учрежденіями, стремящимися высосать изъ него его послѣдніе достатки. Даже крестьянскій земельный банкъ является въ Галиціи учрежденіемъ экспропріаціоннымъ; непомѣрная высота взимаемаго имъ роста, достигающаго вмѣстѣ съ погашеніемъ до 15% въ годъ, превращаетъ его дѣятельность въ безусловно вредную. Заложенные въ немъ крестьянскіе участки, обременены неимовѣрными недоимками достигающими въ общемъ 25% всѣхъ выданныхъ ссудъ и ежегодно имъ продаются съ торговъ многія сотни крестьянскихъ хозяйствъ, пріобрѣтаемыя исключительно тѣми же евреями. Не находятъ галиційскіе крестьяне поддержки въ своемъ бѣдственномъ положеніи и въ заработной платѣ, упавшей до крайнихъ предѣловъ. Плата эта колеблясь между 9 и 30 коп. въ день, четыре раза ниже нежели въ Привисляньѣ, гдѣ она въ среднемъ равняется 40 коп., достигая подчасъ и цѣлаго рубля.

Однимъ словомъ народная нищета въ Галиціи дошла до такихъ предѣловъ, что тамъ ежегодно умираютъ отъ голодной смерти, то-есть отъ послѣдствій постояннаго недоѣданія болѣе 50,000 человѣкъ. Эта ошеломляющая цифра, приводимая Щепановскимъ, заслуживаетъ полнаго довѣрія, ибо вполнѣ совпадаетъ съ показаніями другихъ свѣдущихъ лицъ.

Независимо отъ гибнущихъ за недостаткомъ питанія, десятки тысячъ людей становятся жертвами ежегодно свирѣпствующихъ повальныхъ болѣзней, вызванныхъ несомнѣнно тѣми же причинами, которыя приводятъ къ голодной смерти.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ недостаточнаго питанія является кромѣ того физическое вырожденіе населенія, прогрессирующее въ Галиціи гигантскими шагами. Лучшимъ мѣриломъ для опредѣленія физической неразвитости населенія служитъ число лицъ призывнаго возраста, признаваемыхъ неспособными къ военной службѣ. Любопытныя данныя по этому вопросу находимъ мы въ изданной въ 1888 году брошюрѣ „Czy się wyradzamy?“ По свѣдѣніямъ автора ея г. Всцѣклицы оказывается, что въ Львовскомъ округѣ число неспособныхъ въ 1871 г., равнялось 70% всѣхъ призывныхъ, а въ 1885 возросло до 83%; въ Краковскомъ округѣ оно уже въ 1875 г. составляло 80%, а въ 1880 г. достигало 88%. Тоже наблюдается и по отношенію къ росту населенія, такъ за время съ 1870 по 1882 г. на 1,000 человѣкъ призываемыхъ въ Львовскомъ округѣ 201 человѣкъ, а въ Краковскомъ 251 не достигали 1 метра 55,4 сент., тогда какъ въ Привисляньѣ за то же время не достигали 1 метра 55,6 сент., лишь 160 человѣкъ.

Сердце сжимается отъ боли и духъ замираетъ при взглядѣ на эти страшныя трагическія цифры, справедливо замѣчаетъ г. Всцѣклица.

Неудивительно, что естественный приростъ населенія, служащій, какъ извѣстно, однимъ изъ лучшихъ показателей степени народнаго благосостоянія и нравственности, въ Галиціи совершенно ничтожный. Тогда какъ въ 1860 г. населеніе Привисляньня превышало населеніе Галиціи всего лишь на нѣсколько тысячъ человѣкъ въ 1887 г. эта разница достигла уже милліона шести сотъ тысячъ или 25% *).

*) Населеніе Привисляньня въ 1860 г. составляло 4.840,466 чел., а въ 1887 г.—8.000,000; населеніе Галиціи въ 1860 г.—4.835,919, а въ 1887 г.—6.400,000.

Если положеніе крестьянина въ Галиціи безвыходное, то немногимъ лучше и положеніе помѣстнаго сословія, за исключеніемъ абсолютныхъ десятковъ магнатовъ, сосредоточившихъ въ своихъ рукахъ громадное большинство земельной собственности.

Количество владѣльцевъ имѣній въ Галиціи изъ обитыхъ дворянствомъ вообще незначительное; такихъ насчитывается всего лишь 1,550 съ общимъ доходомъ въ 10 милліонныхъ гульденовъ, то-есть столько же сколько приносятъ такія же имѣнія прочихъ провинцій. Львиная доля этого общаго дохода получается тѣми же магнатами; изъ остальныхъ среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ едва 1%, получаетъ болѣе нежели расходуетъ, 29% съ трудомъ, но все же сводятъ концы съ концами, прочіе съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе тонутъ въ долгахъ. Такое странное, при дешевизнѣ рабочихъ рукъ, явленіе объясняется, какъ неоплатнымъ обремененіемъ земельной собственности казенными и гминными, налогами, въ три раза превышающими таковыя же въ Привислянѣ, такъ и полнымъ отсутствіемъ всякихъ улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ, находящемся на крайне низкомъ уровнѣ развитія; господствующей системой полеводства является до сихъ поръ въ Галиціи вѣтхозавѣтное трехполье, что въ свою очередь объясняется недостаткомъ у землевладѣльцевъ оборотныхъ капиталовъ. Вслѣдствіе этого весь доходъ отъ земледѣлія и скотоводства, по вычисленію Щепановскаго въ Галиціи едва достигаетъ 192 милліоновъ рублей, тогда какъ въ Привислянѣ при равномъ количествѣ пахотной и сѣнокосной земли, а равно при сравнительной дороговизнѣ рабочихъ рукъ онъ достигаетъ 354 милліоновъ.

Интеллигентный трудъ въ Галиціи также слабо оплачивается, какъ и физическій, съ той лишь разницей, что на него спросъ еще ничтожнѣй.

Казалось бы, что государственная служба, широко тамъ открытая полякамъ, могла бы служить могущественнымъ подспорьемъ мелкой шляхтѣ для добыванія средствъ существованія, но оказывается, что и здѣсь не находитъ она спа-

сенія. Во всей Галиціи на государственной службѣ существуетъ не болѣе 600 мѣстъ съ окладомъ жалованья, достигающимъ 2,000 гульденовъ въ годъ, остальные же чиновники получаютъ такое содержаніе, которое лишь спасаетъ ихъ отъ голодной смерти.

О фабрично-заводской дѣятельности въ Галиціи и говорить нечего; она тамъ не существуетъ. Исключая нѣсколькихъ бумажныхъ фабрикъ, винокуренныхъ да пивоваренныхъ заводовъ и наконецъ соляныхъ копей Велички, естественнаго богатства страны, котораго Австрія не въ силахъ была перевезти поближе къ онѣмеченной Вѣнѣ, тамъ ничего нѣтъ. И это происходитъ отъ того, что всякое возникающее въ Галиціи фабричное предпріятіе, австрійское правительство не только не поддерживаетъ, но прямо преслѣдуетъ. Такъ возникшая тамъ суконная фабрика принуждена была посылать свой товаръ въ Вѣну для штемпелевки и уплаты пошлинъ: пересылка туда и обратно, разумѣется, убила это производство. Понятно, что при такихъ условіяхъ австрійскія издѣлія заполонили Галиційскіе рынки. Отсутствіе предпріимчивости и капиталовъ служатъ не меньшимъ тормазомъ для развитія промышленной дѣятельности края. Весь оборотный капиталъ Галиціи заключающійся въ банкахъ, торговыхъ заведеніяхъ, сберегательныхъ кассахъ и кредитныхъ учрежденіяхъ равнялся въ 1887 г. всего лишь 80 милліонамъ гульденовъ, тогда какъ въ Привисляньѣ онъ уже въ 1878 г. достигалъ 500 милліоновъ рублей.

„Полный упадокъ духа, апатія и безжизненность всего общественнаго организма Галиціи, говоритъ Щепановскій отнимаетъ у него всякую вѣру въ собственныя силы и надежду на спасеніе... Не трудъ и бережливость, а выпрашиванье всевозможныхъ подачекъ, вотъ на чемъ построена вся общественная жизнь. Интеллигенція вымаливаетъ мѣста въ правительственныхъ учрежденіяхъ, шляхта и среднее сословіе молитъ о кредитѣ, весь край, въ лицѣ своихъ представителей, попрошайничаетъ въ Вѣнѣ и одно лишь крестьянство,

сословіе однако самое многочисленное не имѣетъ къ кому обратиться за милостыней".

Однимъ словомъ Галиція, по сознанію самого Щепановскаго, представляетъ вѣрный снимокъ съ бывшей Рѣчи Посполитой: то же экономическое убожество, та же нравственная распущенность, то же пренебреженіе существеннѣйшими народными интересами при всепоглощающей игрѣ въ основанную на задорныхъ выходкахъ политику.

Но если Галиційскіе заправилы высказываютъ полное пренебреженіе къ развитію экономическаго благосостоянія трудящихся классовъ населенія, то это однако не мѣшаетъ большинству изъ нихъ прилагать всѣ старанія къ созданію изъ народныхъ массъ могущественнаго рычага для достиженія своихъ неосуществимыхъ политическихъ химеръ. Привлечь въ ряды отбудовательной ойчизны все крестьянство края, воспользоваться имъ какъ орудіемъ для возстановленія своего прежняго надъ нимъ же владычества—вотъ на чемъ основаны главнымъ образомъ всѣ ихъ планы дѣйствій. Изъ многочисленныхъ политическихъ партій, своими безконечными раздорами [illegible]

дѣйствій. Опасаясь всякаго катаклизма, отъ котораго могли бы пострадать ея имущественные интересы, оберегая свое безпечальное существованіе отъ народныхъ волненій, способныхъ нарушить его правильное теченіе, Галиційская знать до извѣстной степени стремится даже успокоить національныя страсти въ низшихъ классахъ польскаго населенія и не дать имъ обнаружиться небезопасными для нихъ выходками и вспышками. Это-то стремленіе ея заслужило ей названіе партіи Станьчиковъ, заимствованное отъ извѣстнаго юмористическаго сочиненія Тека Станьчика—портфель шута, въ коемъ единомышленникъ этой партіи съ неподражаемымъ сарказмомъ осмѣялъ всѣ безумныя демонстративныя выходки такъ называемой партіи дѣйствія. Правда, что съ теченіемъ времени и магнаты не устояли противъ соблазна фигурировать въ ложно патріотическихъ празднествахъ Кракова и Львова, но все же ихъ участіе во всѣхъ политическихъ происках не идетъ дальше безобиднаго въ сущности парадированія въ торжественныхъ процессіяхъ по улицамъ древней столицы Польши.

Одинъ изъ органовъ этой партіи клерикальный Przegląd (Обозрѣніе) въ 1892 году рѣшился даже открыто высказаться противъ распространявшихся въ то время въ Привисляньи прокламацій, въ коихъ „братья поляки“ призывались къ террористическому образу дѣйствій по отношенію къ русскому правительству. Еще дальше пошелъ въ этомъ направленіи главный органъ этой партіи, *Часъ*, осмѣлившійся по поводу Коронаціи Государя Императора помѣстить, если не сочувственную, то во всякомъ случаѣ спокойную и примирительную по отношенію къ Россіи статью. При обычномъ у польскихъ публицистовъ всѣхъ оттѣнковъ трепетѣ передъ политическими заправилами, овладѣвшими общественнымъ мнѣніемъ, такая статья является не только рѣдкостью, но свидѣтельствуетъ даже о значительномъ гражданскомъ мужествѣ, столь рѣдко встрѣчающемся у представителей польской интеллигенціи. *Часъ*, помѣщая эту статью несомнѣнно зналъ то гоненіе, которому онъ подвергнется со стороны своихъ жур-

нальныхъ собратій, дѣйствительно не замедлившихъ хоромъ обвинить его въ измѣнѣ польской справѣ, — тѣмъ большая его заслуга въ этомъ открытомъ заявленіи своего мнѣнія.

Несомнѣнно однако, что и эта партія о нуждахъ польскаго народа не заботится, спокойно взираетъ на постепенное обнищаніе и даже вымираніе Галиційскаго крестьянства и своимъ могущественнымъ вліяніемъ въ Вѣнѣ пользуется исключительно въ эгоистическихъ цѣляхъ Подобно варшавской знати она крайне падка ко всякимъ внѣшнимъ отличіямъ и вполнѣ довольствуется такими титулами, которые обезпечиваютъ ей почетное положеніе, но не представляютъ серьезнаго вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ.

Безусловно вліятельнѣе и дѣятельнѣе партіи либеральная и демократическая. Первая изъ нихъ, основанная въ 1868 году княземъ Адамомъ Сапѣгой, составляетъ какъ-бы расколъ состоятельной дворянской партіи; вторая по своему составу ближе подходитъ къ среднимъ сословіямъ Галиціи, ибо члены ея хотя и принадлежатъ къ шляхтѣ, но давно лишились всякой имущественной связи съ ней. Если станьчики основали всѣ свои надежды на Австрію, то партіи умѣренно-либеральная и демократическая построили свой планъ одбудованія ойчизны на привлеченіи къ этому дѣлу всей массы польскаго населенія. Не будучи по существу своему ни либералами, ни демократами, названія ими безусловно лживо присвоенныя, коноводы этихъ партій прилагаютъ всѣ старанія къ развитію въ народѣ національнаго сознанія и интереса къ политикѣ.

Разница между національ-либералами и демократами состоитъ лишь въ томъ, что первые избѣгаютъ въ своихъ поступкахъ значительныхъ уклоненій отъ легальнаго пути и стремятся рядомъ съ народомъ увидѣть въ своихъ рядахъ и австрійское воинство, тогда какъ демократы заняли по отношенію къ вѣнскому правительству безусловно оппозиціонное положеніе и не гнушаются никакими средствами для достиженія своихъ цѣлей, до террористическаго образа дѣйствій включительно. Но въ дѣлѣ пропаганды среди народа обѣ эти партіи

идутъ почти тѣмъ же путемъ. Считая народъ политически незрѣлымъ, они прилагаютъ всѣ старанія съ помощью публичныхъ лекцій, популярныхъ народныхъ чтеній, библіотекъ и журналовъ искусственно пріобщить его къ своему патріотическому движенію. Для вящаго сліянія народныхъ массъ съ интеллигенціей и скорѣйшаго воспитанія въ этихъ массахъ политическихъ тенденцій въ концѣ шестидесятыхъ годовъ нѣкоторые молодые дворяне умѣренно-либеральной партіи поступали даже на фабрики простыми рабочими. Основаны были спеціально народные журналы — *Муравей* и *Рукодѣльникъ*. Видную роль въ пропагандѣ среди народа играло общество друзей просвѣщенія — *Муравей*, распространившее свою организицію на всю Галицію, Буковину и Австрійскую Силезію, имѣя въ каждомъ уѣздѣ свое отдѣленіе. Развить и укрѣпить національный польскій духъ во всѣхъ слояхъ населенія, вотъ какъ формулировало свою задачу это общество. Крестьянскія общины пользуются особымъ вниманіемъ его руководителей; въ нихъ они усиленно возбуждаютъ интересъ къ политикѣ. Съ цѣлью привлечь народъ въ ряды одбудователей ойчизны демократическая партія стремилась даже къ примиренію съ русскими Галичанами, которыхъ Поляки вообще почитаютъ за паріевъ. Съ конца шестидесятыхъ годовъ хлопъ — непремѣнный участникъ всѣхъ торжествъ и празднествъ, его привозятъ цѣлыми отрядами изъ деревень, одѣваютъ въ національные костюмы и заставляютъ дефилировать въ процессіяхъ. Для крестьянъ составляются рѣчи, которыя и заставляютъ заучивать наиболѣе смышленыхъ изъ нихъ. Но еще до недавняго времени, все это производилось исключительно для вящаго эффекта на массы — крестьянскія депутаціи послѣ этихъ празднествъ безцеремонно выгонялись, какъ это было, напримѣръ, при празднованіи юбилея Собѣсскаго, когда эти депутаціи остались на ночь безъ крова; и объ этомъ даже не позаботились устроители манифестацій!

Правда, что въ послѣднее время идея возстановленія Польши съ помощью люда пустила большіе корни въ сознаніи польскихъ пановъ; они стараются относиться къ хлопу съ боль-

шимъ участіемъ; но все же это напускное. Польскій шляхтичъ, если и способенъ умомъ постигнуть ту огромную силу, которую представляетъ крестьянская масса, разъ она созрѣетъ до національнаго самосознанія, то всецѣло проникнуться этимъ убѣжденіемъ и соотвѣтственно съ нимъ соразмѣрять всѣ свои поступки онъ буквально не въ состояніи. Эта идея неизмѣнно остается у него въ состояніи отвлеченнаго логическаго вывода, а не положительнаго факта. На словахъ онъ будетъ распинаться о значеніи крестьянства, превозносить его качества, умиляться его угнетеннымъ положеніемъ, а на дѣлѣ, при сношеніяхъ съ каждымъ отдѣльнымъ изъ его представителей, онъ останется все тѣмъ же гордымъ кичливымъ паномъ, — интересы хлопа будутъ ему столь же чужды, какъ были испоконъ вѣка.

Вполнѣ чужды галицкихъ либераловъ интересы истиннаго просвѣщенія народа, основаннаго на постепенномъ развитіи его умственныхъ способностей, всегда содѣйствующаго поднятію нравственности крестьянскаго люда и могущественно вліяющаго на улучшеніе его матеріальнаго положенія.

Не правила нравственности, не возвышенное ученіе христіанской вѣры, не уваженіе къ закону стремятся внѣдрить въ темный сельскій людъ либеральная, и тѣмъ паче демократическая партіи, а исключительно развить въ немъ мятежническія наклонности. Количество народныхъ школъ Галиціи, несмотря на введеніе тамъ еще съ 1873 г. принципа обязательности народнаго обученія, меньше нежели въ Привисляньѣ, а количество безграмотныхъ тамъ, достигая 74% всего населенія, значительно превышаетъ число ихъ у насъ. Если среди демократической партіи и существуютъ отдѣльные члены, которые искренно стремятся къ улучшенію быта галицкаго крестьянина, то и ихъ дѣятельность вполнѣ безплодна, ибо не встрѣчаетъ поддержки со стороны вліятельныхъ галиційскихъ заправилъ. Къ этому отдѣльному кружку принадлежатъ депутаты: Романовичъ, Гаузнеръ, Щепановскій (авторъ брошюры—„Нужда въ Галиціи“), борющіеся въ рейхсратѣ съ раззорительной для Галиціи сложной нѣмецкой фискальной

системой, но тщетно, ибо либералы предпочитаютъ видѣть полное раззореніе края, нежели вступать въ препирательства съ австрійскимъ правительствомъ, отъ коего ежечасно ждутъ открытой поддержки въ своихъ политическихъ замыслахъ. Демократическій кружокъ этотъ стремился даже основать свой тайный союзъ подъ названіемъ „liga polska“, прямо враждебный союзу польскаго народа, покровительствуемому Австріей. Задачей своей лига эта поставила выработать федеративно равноправныя отношенія польской народности со всѣми славянскими племенами, съ коими постепенно и слиться въ одно общее государство. Понятно, что насколько Австрія сочувствуетъ „Союзу польскаго народа“, настолько она отнеслась непріязненно къ „Лигѣ польской“, которую и разрушила, какъ полицейскими мѣрами, такъ и путемъ дискредитированія ея въ глазахъ польскаго народа, прибѣгнувъ все къ тому же старому, но неизмѣнно вѣрному средству—приписать ея возникновеніе усиліямъ русскихъ шпіоновъ и вообще москалей. Этого было достаточно, чтобы лига потеряла всякое значеніе.

Немудрено, что старанія столповъ польской справы къ политическому развитію крестьянства привели къ результатамъ отнюдь не входившимъ въ ихъ разсчеты. Національнаго самосознанія въ крестьянствѣ польскомъ, а тѣмъ паче солидарности съ ихъ затѣями со стороны русскихъ Галичанъ политикующія партіи добились до сихъ поръ въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Исключая немногихъ личностей изъ крестьянъ, прельщенныхъ усиленнымъ заигрываніемъ съ ними со стороны пановъ, какъ напримѣръ, крестьянскій депутатъ Бойко, еще столь недавно бывшій предметомъ особыхъ овацій со стороны галиційскихъ коноводовъ, по поводу произнесенной имъ въ Краковѣ, яро патріотической рѣчи, крестьянскія массы остались равнодушны къ обращеннымъ къ нимъ призывамъ объ одбудованіи ойчизны. Оно и понятно: польскому и русскому крестьянину, просящему насущнаго хлѣба, преподносятъ шумныя зрѣлища; естественно, что ихъ плохо перевариваетъ тощій желудокъ хлопа.

шимъ участіемъ; но все же это напускное. Польскій шляхтичъ, если и способенъ умомъ постигнуть ту огромную силу, которую представляетъ крестьянская масса, разъ она созрѣетъ до національнаго самосознанія, то всецѣло проникнуться этимъ убѣжденіемъ и соотвѣтственно съ нимъ соразмѣрять всѣ свои поступки онъ буквально не въ состояніи. Эта идея неизмѣнно остается у него въ состояніи отвлеченнаго логическаго вывода, а не положительнаго факта. На словахъ онъ будетъ распинаться о значеніи крестьянства, превозносить его качества, умиляться его угнетеннымъ положеніемъ, а на дѣлѣ, при сношеніяхъ съ каждымъ отдѣльнымъ изъ его представителей, онъ останется все тѣмъ же гордымъ качливымъ паномъ, — интересы хлопа будутъ ему столь же чужды, какъ были испоконъ вѣка.

Вполнѣ чужды галицкихъ либераловъ интересы истиннаго просвѣщенія народа, основаннаго на постепенномъ развитіи его умственныхъ способностей, всегда содѣйствующаго поднятію нравственности крестьянскаго люда и могущественно вліяющаго на улучшеніе его матеріальнаго положенія.

Не правила нравственности, не возвышенное ученіе христіанской вѣры, не уваженіе къ закону стремятся внѣдрить въ темный сельскій людъ либеральная, и тѣмъ паче демократическая партіи, а исключительно развить въ немъ мятежническія наклонности. Количество народныхъ школъ Галиціи, несмотря на введеніе тамъ еще съ 1873 г. принципа обязательности народнаго обученія, меньше нежели въ Привисляньѣ, а количество безграмотныхъ тамъ, достигая 74% всего населенія, значительно превышаетъ число ихъ у насъ. Если среди демократической партіи и существуютъ отдѣльные члены, которые искренно стремятся къ улучшенію быта галицкаго крестьянина, то и ихъ дѣятельность вполнѣ безплодна, ибо не встрѣчаетъ поддержки со стороны вліятельныхъ галиційскихъ заправилъ. Къ этому отдѣльному кружку принадлежатъ депутаты: Романовичъ, Гаузнеръ, Щепановскій (авторъ брошюры—„Нужда въ Галиціи“), борющіеся въ рейхсратѣ съ раззорительной для Галиціи сложной нѣмецкой фискальной

системой, но тщетно, ибо либералы предпочитаютъ видѣть полное раззореніе края, нежели вступать въ препирательства съ австрійскимъ правительствомъ, отъ коего ежечасно ждутъ открытой поддержки въ своихъ политическихъ замыслахъ. Демократическій кружокъ этотъ стремился даже основать свой тайный союзъ подъ названіемъ „liga polska“, прямо враждебный союзу польскаго народа, покровительствуемому Австріей. Задачей своей лига эта поставила выработать федеративно равноправныя отношенія польской народности со всѣми славянскими племенами, съ коими постепенно и слиться въ одно общее государство. Понятно, что насколько Австрія сочувствуетъ „Союзу польскаго народа“, настолько она отнеслась непріязненно къ „Лигѣ польской“, которую и разрушила, какъ полицейскими мѣрами, такъ и путемъ дискредитированія ея въ глазахъ польскаго народа, прибѣгнувъ все къ тому же старому, но неизмѣнно вѣрному средству—приписать ея возникновеніе усиліямъ русскихъ шпіоновъ и вообще москалей. Этого было достаточно, чтобы лига потеряла всякое значеніе.

Немудрено, что старанія столповъ польской справы къ политическому развитію крестьянства привели къ результатамъ отнюдь не входившимъ въ ихъ разсчеты. Національнаго самосознанія въ крестьянствѣ польскомъ, а тѣмъ паче солидарности съ ихъ затѣями со стороны русскихъ Галичанъ политикующія партіи добились до сихъ поръ въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Исключая немногихъ личностей изъ крестьянъ, прельщенныхъ усиленнымъ заигрываніемъ съ ними со стороны пановъ, какъ напримѣръ, крестьянскій депутатъ Бойко, еще столь недавно бывшій предметомъ особыхъ овацій со стороны галиційскихъ коноводовъ, по поводу произнесенной имъ въ Краковѣ, яро патріотической рѣчи, крестьянскія массы остались равнодушны къ обращеннымъ къ нимъ призывамъ объ одбудованіи ойчизны. Оно и понятно: польскому и русскому крестьянину, просящему насущнаго хлѣба, преподносятъ шумныя зрѣлища; естественно, что ихъ плохо перевариваетъ тощій желудокъ хлопа.

Но если либераламъ и демократамъ не удалось перетянуть въ свой лагерь народныя массы, то это отнюдь не обозначаетъ, что та усиленная пропаганда къ мятежу, которая велась среди нихъ, осталась безъ всякаго вліянія. Наоборотъ, она оказала весьма замѣтное, но крайне пагубное дѣйствіе. Отвлекая крестьянина отъ его повседневныхъ заботъ горячимъ призывомъ къ его патріотизму, она развила въ немъ сознаніе его тяжелаго положенія, не указавъ, однако, иного пути къ улучшенію его. Постоянно твердя хлопу о полной законности и даже обязанности его преступить къ насильственному возстановленію исторической Польши, она породила въ народныхъ массахъ убѣжденіе въ законности насилія вообще, независимо отъ цѣлей имъ преслѣдуемыхъ, и лишь противъ кого оно направлено, а такъ какъ самая существенная цѣль, преслѣдуемая крестьянами, это возможность ежедневно быть сытымъ, то разумѣется, что онъ мало-по-малу пришелъ къ убѣжденію, что насильственное присвоеніе чужого имущества безусловно справедливо и законно. Отсюда до затаенной вражды и зависти къ состоятельнымъ сословіямъ и мысли воспользоваться ихъ добромъ — одинъ шагъ, который и былъ имъ легко пройденъ при участіи главарей соціалистической партіи.

Соціалисты не преминули воспользоваться той богатой для усвоенія ихъ идей почвой, которую своей недальновидной пропагандой приготовили въ Галиціи именующіе себя либералами и демократами. Они направили всѣ свои усилія дабы обернуть въ свою пользу тотъ мятежническій духъ, который воспиталъ въ крестьянствѣ Галиціи шляхта, замѣнивъ туманныя обѣщанія и далекія цѣли, указываемыя польскими патріотами крестьянамъ, реальными и ближайшими задачами улучшенія ихъ матеріальнаго положенія путемъ насильственнаго уравненія имущественнаго положенія всѣхъ классовъ общества. Что же удивительнаго, что соціальная партія находитъ все болѣе приверженцевъ среди голодающаго населенія Галиціи, что соціализмъ дѣлаетъ тамъ быстрые шаги, несмотря на всѣ усилія австрійскаго правительства бороться съ нимъ. Имъ поголовно заражено все городское населеніе, оно уже прони-

каетъ въ сельскія крестьянскія массы, отвѣчающія на польскія національно-революціонныя пѣсни своимъ соціальнымъ гимномъ—„Червонный Штандартъ“. Успѣхамъ соціализма въ Галиціи рѣшительно все содѣйствуетъ; сочувствіе къ этому ученію со стороны многихъ сельскихъ ксендзовъ, проявившееся, какъ я имѣлъ уже случай указать, и въ Привисляньѣ, но въ Галиціи достигшее весьма значительныхъ размѣровъ, является однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ факторовъ въ его распространеніи. Если политическія вакханаліи краковскихъ и львовскихъ политикановъ отражаются на настроеніи польской интеллигенціи Привислянья, возбуждаютъ въ ней несбыточныя надежды, и все болѣе побуждаютъ ее сойти съ законнаго пути, то соціалистическія движенія въ народныхъ массахъ Галиціи замѣтно сказываются на крестьянствѣ Привисляньа а въ особенности на его многочисленномъ фабричномъ сословіи, тѣмъ болѣе что оно сосредоточено главнымъ образомъ именно вблизи австрійской границы.

Вотъ результатъ свободнаго хозяйничанья шляхты въ Галиціи. Народъ разоренъ, нравственность въ немъ подорвана, а мнимое просвѣщеніе привело къ полному извращенію его умственныхъ воззрѣній. Со всѣмъ отчаяніемъ людей, которымъ терять нечего, со всей завистью голодающаго смотритъ онъ на несмѣтныя богатства магнатовъ; мятежническія выходки шляхты воспитали въ немъ пренебреженіе къ закону, искоренили всякое уваженіе къ власти, и самый незначительный поводъ можетъ привести хлопа къ тому, что онъ бросится на состоятельные классы для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей.—Быстрое распространеніе соціальныхъ стремленій въ народѣ въ послѣднее время испугало не только умеренно-либеральную партію но и демократическую. *Nowa Reforma*, органъ демократовъ, съ неменьшей энергіей, чѣмъ аристократическій *Часъ* открыли борьбу съ соціализмомъ, но врядъ-ли усилія эти способны ослабить разгорѣвшіяся страсти.

Несомнѣнно что въ Галиціи тлѣетъ искра, которая можетъ въ быстромъ будущемъ вспыхнуть пламенемъ соціаль-

[illegible]

ГЛАВА XII.

ПОЛЬСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ВЪ КРАѢ.

Современное состояніе Галиціи является наглядным и лучшимъ доказательствомъ полной неспособности польской интеллигенціи къ какому-либо серьезному труду; оно съ очевидностью доказываетъ, что исконные недостатки и заблужденія шляхты, нѣкогда приведшіе къ расчлененію Рѣчи посполитой, до сихъ поръ сохранены ею въ полной мѣрѣ, что всякое дѣло ей порученное обращается въ политическую игрушку, какъ-бы дурно такое превращеніе ни отражалось на основныхъ интересахъ массы населенія. Въ Галиціи благодаря тому своеволію, которымъ тамъ пользуется шляхта, эта ея особенность получила свое полное выраженіе, достигла въ послѣднее время апогея. Менѣе рѣзко, менѣе наглядно, а для массы русскаго общества, живущаго вдали отъ Привисляньи, даже совершенно незамѣтно проявляются тѣ же исторически сложившіяся качества шляхты и въ Привисляньи; но для людей близко знакомыхъ съ краемъ, внимательно наблюдавшихъ за его общественной жизнью и тамъ найдется достаточно фактовъ, ясно свидѣтельствующихъ, что, если Россія завоевала край матеріально, то духовно она, къ сожалѣнію, не успѣла еще всецѣло овладѣть имъ, не успѣла перевоспитать его интеллигентныхъ слоевъ.

Мы имѣли уже случай указать на то единственное правительственное учрежденіе, которое по своему личному составу сохранило въ краѣ чисто національный характеръ—гминный судъ,—и во что онъ превратился въ рукахъ пановъ! Но въ краѣ существуетъ другое учрежденіе, еще ярче свидѣтельствующее о скрытыхъ вожделѣніяхъ польской интеллигенціи и о степени ея пригодности къ какой-либо административно-организаторской дѣятельности,—учрежденіе это, Земское кредитное общество — представляющее по существу ипотечный земельный банкъ, пользующійся широкимъ самоуправленіемъ. Членами его состоятъ землевладѣльцы края, заложившіе въ немъ свои имѣнія, а къ таковымъ принадлежитъ громадное большинство ихъ. Не будучи учрежденіемъ правительственнымъ, оно однако пользуется всѣми преимуществами таковаго. Штатные чиновники, какъ главной дирекціи, такъ и мѣстныхъ управленій, пользуются всѣми правами лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. Корреспонденція общества приравнена къ казенной, то-есть, пересылается по почтѣ безвозмездно, а вся переписка съ государственными учрежденіями и должностными лицами освобождена отъ гербоваго сбора. Наконецъ, закладные листы общества, по степени ихъ кредитоспособности, приравнены къ государственнымъ процентнымъ бумагамъ.

Общество это дѣлится на три инстанціи: комитетъ, главная дирекція и губернскія дирекціи, коихъ десять по числу губерній въ краѣ. Исключая предсѣдателя главной дирекціи, назначаемаго правительствомъ, всѣ остальные заправила общества избираются самими членами заемщиками и, разумѣется, принадлежатъ всѣ поголовно къ польской національности. Наиболѣе вліятельную роль играютъ предсѣдатели губернскихъ дирекцій и члены оныхъ, именуемые совѣтниками. Паны-презесы и паны-радцы въ глазахъ польскаго общества являются не только лицами вѣдающими матеріальные интересы большинства землевладѣльческаго сословія, они одновременно служатъ и представителями всего дворянства края, какъ-бы замѣняютъ несуществующихъ въ немъ маршалковъ, то-есть, предводителей.

Способы воздѣйствія на членовъ заемщиковъ со стороны губернской и главной дирекціи разнообразны и весьма дѣйствительны. По уставу общества путемъ послѣдовательной выдачи ссудъ подъ землю, находящіяся на ней постройки, наконецъ, лѣса и даже воды, имѣніе заемщика можетъ быть заложено въ сумму, не только равняющуюся дѣйствительной стоимости его, но даже превышающую ее. Вотъ тутъ-то и сказывается вся политическая окраска дѣятельности общества; сообразно со степенью проявляемыхъ заемщикомъ антирусскихъ стремленій—пользуется онъ большимъ или меньшимъ кредитомъ. Еще болѣе дѣйствительное орудіе для давленія на „отщепенцевъ" отъ общаго дѣла, какъ величаются всѣ поляки, высказывающіе малѣйшую склонность къ примиренію съ Россіей, находятъ воротила общества въ предоставленномъ имъ уставомъ правѣ разсрочивать платежи процентовъ за цѣлыхъ четыре полугодія.

Всю темную сторону дѣятельности общества раскрылъ года три тому назадъ одинъ изъ польскихъ же помѣщиковъ, имѣвшій мужество подписаться подъ своимъ обличеніемъ полнымъ именемъ. Это былъ нѣкто Снѣжко-Блоцкій, испытавшій на себѣ всѣ прелести его организаціи. Онъ прямо указалъ, что панами-радцами нерѣдко избираются такія лица, которыя „фактически никогда не только не владѣли землей, но и не имѣютъ вообще никакой недвижимой собственности; но зато они ярые патріоты, и, по принципу, заядлые и тенденціозные враги всего, что не есть польское, въ особенности если они въ этомъ отношеніи хорошо зарекомендовали себя въ прошломъ." Лица послѣдней категоріи обладаютъ здѣсь вѣскимъ голосомъ, на сходкахъ, предшествующихъ выборамъ, кричатъ, ораторствуютъ, предлагаютъ свои услуги въ качествѣ „совѣтниковъ," за что обѣщаютъ помогать всѣми правдами и неправдами извѣстной кликѣ помѣщиковъ въ ихъ матеріальныхъ интересахъ, для проведенія той или другой операціи, лично выгодной членамъ клики, а кромѣ того, присягаютъ блюсти извѣстныя традиціи и не только поддерживать въ мѣстномъ населеніи польско-патріотическія чувства, но и раз-

дувать въ немъ духъ племенной ненависти. Такъ какъ подобныя лица, по большей части, земельной собственности не имѣютъ, то для полученія ценза принято давать имъ, примѣрно, $^1/_2$ часть юридическаго „правовладѣнія въ какомъ-либо изъ имѣній черезчуръ уже обремененномъ долгами."

Такимъ образомъ земское Кредитное общество обратилось въ оплотъ польскаго шовинизма въ краѣ; мечта его заправилъ воскресить въ его лицѣ прискорбной памяти земледѣльческое общество, основанное гр. Андреемъ Замойскимъ, игравшее при возмущеніи 1863 года такую видную роль. Но если ипотечное учрежденіе это изъ финансоваго превратилось до извѣстной степени въ политическое, то не безъ весьма ощутительнаго ущерба для матеріальныхъ интересовъ своихъ членовъ заемщиковъ. Насколько искусно придали ему польскіе шовинисты совершенно не свойственный его назначенію тенденціозно польскій характеръ, на столько безалаберно организовали они его непосредственную дѣятельность. Злоупотребленія въ обществѣ приняли положительно хроническій характеръ. Вотъ какъ характеризуетъ эту сторону дѣятельности патріотическихъ совѣтниковъ общества тотъ же Снѣжко-Блоцкій. „Разъ попавъ въ совѣтники, патріоты, пишетъ онъ, ворочаютъ дѣлами общества по своему произволу, имѣя въ виду лишь свои личные интересы или полученіе хорошей благодарности за помощь при ограбленіи кредиторовъ любого помѣщика—банкрота."

При этомъ авторъ этого смѣлаго обличенія выяснилъ и тѣ пріемы, къ которымъ прибѣгаютъ совѣтники, дабы помочь своимъ приснымъ освободиться отъ всѣхъ ипотечныхъ долговъ обременяющихъ заложенное въ обществѣ имѣніе, удовлетвореніе коихъ можетъ послѣдовать лишь за покрытіемъ ссуды имъ выданной, такъ какъ, согласно съ уставомъ всѣхъ земельныхъ банковъ, ссуда выданная этимъ учрежденіямъ числится на ипотекѣ первымъ номеромъ.

Сводятся эти пріемы къ назначенію перезаложеннаго свѣрхъ стоимости имѣнія къ торгамъ, причемъ съ помощью всякихъ придирокъ всѣ серьозные покупщики къ торгамъ не допус-

каются, и имѣніе покупается какимъ-либо подставнымъ лицомъ владѣльца имѣнія за ничтожную приплату къ долгу земскаго общества причемъ всѣ частные долги, обезпеченные на имѣніи, отпадаютъ сами-собой. Тутъ же приведенъ былъ г. Снѣжко-Блоцкимъ и примѣръ подтверждающій его разоблаченія.

Земское Кредитное общество въ лицѣ предсѣдателя комитета его не замедлило привлечь г. Снѣжко-Блоцкаго къ судебной отвѣтственности за диффамацію и даже, заранѣе празднуя побѣду, ходатайствовало о напечатаніи приговора суда въ главныхъ органахъ Петербургской и Московской прессы. Но оправдаться г. Снѣжко-Блоцкому оказалось легко—средства для этого ему доставила польская повременная печать.

Уже въ статьѣ своей онъ сказалъ, что въ краѣ „всѣ люди, трезво глядящіе на вещи, сознаютъ всю зловредность нынѣшней дѣятельности Поземельнаго Кредитнаго Общества," а также что „Польская печать не стѣсняется публично возставать противъ такого циническаго и безцеремоннаго порядка веденія дѣлъ, какой усвоенъ къ несчастію въ обществѣ." На судѣ же онъ въ свое оправданіе привелъ такое количество выдержекъ изъ польскихъ газетъ, высказывавшихъ тѣ же взгляды относительно веденія дѣлъ въ обществѣ, что чтеніе ихъ заняло цѣлыхъ два часа. Разумѣется, польская пресса не обличала общество въ политическихъ тенденціяхъ, но за то финансовую сторону его дѣятельности она представляла едва-ли не въ худшемъ свѣтѣ, нежели ее изобразилъ обвиняемый въ диффамаціи. Рѣшительно всѣ Варшавскія газеты указывали на различныя злоупотребленія, практикуемыя совѣтниками, не обинуясь называя ихъ плутовствомъ. Нѣкоторые изъ нихъ шли даже дальше и ясно намекали на то, что общество служитъ только извѣстной кликѣ и по своимъ тенденціямъ не можетъ быть названо учрежденіемъ финансовымъ. Спрашивается, какимъ же?

Г. Снѣжко-Блоцкій по суду былъ оправданъ, но какъ откликнулось на это дѣло польская интеллигенція и вырази-

дувать въ немъ духъ племенной ненависти. Такъ какъ подобныя лица, по большей части, земельной собственности не имѣютъ, то для полученія ценза принято давать имъ, примѣрно, $^1/_2$ часть юридическаго „правовладѣнія въ какомъ-либо изъ имѣній черезчуръ уже обремененномъ долгами."

Такимъ образомъ земское Кредитное общество обратилось въ оплотъ польскаго шовинизма въ краѣ; мечта его заправилъ воскресить въ его лицѣ прискорбной памяти земледѣльческое общество, основанное гр. Андреемъ Замойскимъ, игравшее при возмущеніи 1863 года такую видную роль. Но если ипотечное учрежденіе это изъ финансоваго превратилось до извѣстной степени въ политическое, то не безъ весьма ощутительнаго ущерба для матеріальныхъ интересовъ своихъ членовъ заемщиковъ. Насколько искусно придали ему польскіе шовинисты совершенно не свойственный его назначенію тенденціозно польскій характеръ, на столько безалаберно организовали они его непосредственную дѣятельность. Злоупотребленія въ обществѣ приняли положительно хроническій характеръ. Вотъ какъ характеризуетъ эту сторону дѣятельности патріотическихъ совѣтниковъ общества тотъ же Снѣжко-Блоцкій. „Разъ попавъ въ совѣтники, патріоты, пишетъ онъ, ворочаютъ дѣлами общества по своему произволу, имѣя въ виду лишь свои личные интересы или полученіе хорошей благодарности за помощь при ограбленіи кредиторовъ любого помѣщика—банкрота."

При этомъ авторъ этого смѣлаго обличенія выяснилъ и тѣ пріемы, къ которымъ прибѣгаютъ совѣтники, дабы помочь своимъ приснымъ освободиться отъ всѣхъ ипотечныхъ долговъ обременяющихъ заложенное въ обществѣ имѣніе, удовлетвореніе коихъ можетъ послѣдовать лишь за покрытіемъ ссуды имъ выданной, такъ какъ, согласно съ уставомъ всѣхъ земельныхъ банковъ, ссуда выданная этимъ учрежденіямъ числится на ипотекѣ первымъ номеромъ.

Сводятся эти пріемы къ назначенію перезаложеннаго сверхъ стоимости имѣнія къ торгамъ, причемъ съ помощью всякихъ придирокъ всѣ серьозные покупщики къ торгамъ не допус-

каются, и имѣніе покупается какимъ-либо подставнымъ лицомъ владѣльца имѣнія за ничтожную приплату къ долгу земскаго общества причемъ всѣ частные долги, обезпеченные на имѣніи, отпадаютъ сами-собой. Тутъ же приведенъ былъ г. Снѣжко-Блоцкимъ и примѣръ подтверждающій его разоблаченія.

Земское Кредитное общество въ лицѣ предсѣдателя комитета его не замедлило привлечь г. Снѣжко-Блоцкаго къ судебной отвѣтственности за диффамацію и даже, заранѣе праздныл побѣду, ходатайствовало о напечатаніи приговора суда въ главныхъ органахъ Петербургской и Московской прессы. Но оправдаться г. Снѣжко-Блоцкому оказалось легко—средства для этого ему доставила польская повременная печать.

Уже въ статьѣ своей онъ сказалъ, что въ краѣ „всѣ люди, трезво глядящіе на вещи, сознаютъ всю зловредность нынѣшней дѣятельности Поземельнаго Кредитнаго Общества," а также что „Польская печать не стѣсняется публично возставать противъ такого циническаго и безцеремоннаго порядка веденія дѣлъ, какой усвоенъ къ несчастію въ обществѣ." На судѣ же онъ въ свое оправданіе привелъ такое количество выдержекъ изъ польскихъ газетъ, высказывавшихъ тѣ же взгляды относительно веденія дѣлъ въ обществѣ, что чтеніе ихъ заняло цѣлыхъ два часа. Разумѣется, польская пресса не обличала общество въ политическихъ тенденціяхъ, но за то финансовую сторону его дѣятельности она представляла едва-ли не въ худшемъ свѣтѣ, нежели ее изобразилъ обвиняемый въ диффамаціи. Рѣшительно всѣ Варшавскія газеты указывали на различныя злоупотребленія, практикуемыя совѣтниками, не обинуясь называя ихъ плутовствомъ. Нѣкоторые изъ нихъ шли даже дальше и ясно намекали на то, что общество служитъ только извѣстной кликѣ и по своимъ тенденціямъ не можетъ быть названо учрежденіемъ финансовымъ. Спрашивается, какимъ же?

Г. Снѣжко-Блоцкій по суду былъ оправданъ, но какъ откликнулось на это дѣло польская интеллигенція и вырази-

тельница ея мыслей, печать? Та и другая отвернулись отъ него: печать какъ по мановенію прекратила всякія нападки на земское общество, а самъ авторъ обличенія сдѣлался предметомъ преслѣдованій; безчисленныя угрозы посыпались на него со всѣхъ сторонъ, и онъ даже принужденъ былъ покинуть Варшаву, гдѣ жизнь для него стала не только невыносимой, но даже не безопасной. И все это за то лишь, что онъ рѣшился въ русскомъ органѣ, на русскомъ языкѣ, высказать то, что сами поляки доказывали въ своихъ органахъ, на своемъ языкѣ. Главная же причина негодованія, какъ это прямо заявилъ Снѣжко-Блоцкій на судѣ, заключалась въ томъ, что онъ призывалъ въ своей статьѣ поляковъ къ искреннему примиренію съ Россіей,—что какъ всегда сочли измѣной народному дѣлу!

Въ политическомъ и руссофобскомъ характерѣ, которымъ пропитано Земское Кредитное Общество, сомнѣваться нѣтъ возможности, но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, этого характера не можетъ избѣжать ни одно общество края, какъ бы чужды ни были его прямыя задачи политикѣ. Имъ одержимы рѣшительно всѣ общественныя организаціи, начиная отъ вольныхъ пожарныхъ обществъ, не разъ стремившихся превратиться въ боевыя дружины, и кончая кружками любителей различнаго спорта. Давно-ли обнаружено, что Варшавское Гребное Общество рядомъ съ правительственнымъ уставомъ выработало свой частный тайный уставъ, слѣдовать коему, оставаясь вѣрноподданнымъ, болѣе чѣмъ затруднительно. Оно и привело вице-предсѣдателя общества въ казенное помѣщеніе, именуемое тюрьмой.

Но относительно охватывающаго всѣ слои интеллигентнаго польскаго общества политиканства мы уже достаточно распространялись. Описали же мы порядки господствующіе въ Земскомъ Кредитномъ Ообществѣ съ цѣлью указать, до какой степени это политиканство вредно отзывается и на экономическомъ благоустройствѣ всякаго, порученнаго исключительно польскимъ силамъ, дѣла. Этимъ дѣломъ неизмѣнно орудуютъ лица самаго низкаго нравственнаго уровня, но умѣю-

щіе искусно выставлять свои патріотическія чувства. Подъ флагомъ патріотизма, задрапировавшись въ тогу служенія общему дѣлу, они спокойно, втихомолку преслѣдуютъ свои личныя корыстныя цѣли во вредъ порученному имъ дѣлу, и чѣмъ шире ихъ дѣятельность, тѣмъ, разумѣется, пагубнѣе она отражается на всемъ польскомъ общественномъ строѣ. Всякія нападки на ихъ дѣйствія они немедленно обзываютъ измѣной ойчизнѣ и, пользуясь этимъ затасканнымъ флагомъ, закрываютъ ротъ всѣмъ своимъ обвинителямъ, неизмѣнно предпочитающимъ молчать, нежели попасть въ ренегаты „общаго дѣла."

Дѣйствительно, трудно идти противъ общаго теченія. Даже польскіе магнаты, лица несомнѣнно наиболѣе спокойные, и тѣ не рѣшаются не только поддержать человѣка, рѣшающагося открыто высказываться о безсмысленности и вредѣ руссофобства, но даже сохранить съ нимъ какія-либо сношенія.

Такъ лѣтъ пять тому назадъ въ Варшавѣ появилась брошюра, на польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Голосъ изъ народа въ польскомъ вопросѣ" (Glos z ludu w kwestyi polskiej), доказывавшая, что Поляки сами виноваты во всѣхъ тѣхъ ограниченіяхъ своихъ правъ, которыми они нынѣ стѣснены, и призывавшая ихъ покаяться и искренно искать сближенія съ Славянствомъ.

Авторъ этой брошюры, завѣдующій библіотекой одного изъ польскихъ магнатовъ въ Кіевѣ, немедленно испыталъ всю несбыточность проповѣдуемаго имъ сближенія, такъ какъ тотчасъ лишился своего мѣста; мало того, переѣхавъ въ Варшаву, онъ подвергся даже вооруженному нападенію и, подобно Снѣжко-Блоцкому, принужденъ былъ покинуть этотъ городъ. Такихъ примѣровъ терроризаціи всѣхъ тѣхъ, которые осмѣливаются возвысить свой голосъ въ порицаніе безсмысленнаго „сопротивленія дѣйствіемъ", можно привести множество. Однимъ изъ самыхъ характерныхъ нужно признать слѣдующій. По поводу одной изъ мелкихъ уличныхъ манифестацій, происшедшихъ подъ вліяніемъ австрійскихъ заправилъ въ началѣ 90-хъ годовъ въ Варшавѣ, нѣкоторые изъ

органовъ Варшавской прессы рѣшились напечатать, что подобнымъ выходкамъ мирные граждане сочувствовать не могутъ, и что они лишь даютъ превратное понятіе о настроеніи общества. Результатъ этой статьи превзошелъ ожиданія газетъ. Въ одинъ и тотъ же день и даже часъ къ редакторамъ трехъ газетъ, помѣстившихъ эти порицающія уличныя манифестаціи статьи, явились какіе-то молодцы съ палками и жестоко избили ихъ. Самое любопытное въ этомъ происшествіи то, что побитые не рѣшились даже жаловаться, очевидно, опасаясь либо дальнѣйшихъ репрессалій со стороны не передъ чѣмъ не останавливающихся смутьяновъ, либо, что вѣроятнѣе, потери популярности среди публики.

Не только всякое осужденіе шовинистскихъ выходокъ польскихъ агитаторовъ признается измѣной отечеству, но даже всякое разоблаченіе темныхъ сторонъ польской общественности, хотя бы онѣ и не касались чисто политической жизни ея, выставляется поступкомъ антипатріотическимъ и преслѣдуется.

Въ 1889 г. въ Краковѣ появилась брошюра „Политическое самоубійство“ „Антисемитизмъ згуба“ надѣлавшая много шума. Авторъ ея еврей—очевидно, хорошо знакомый съ краемъ, указывая на паденіе нравственныхъ основъ въ польскомъ обществѣ и на враждебное разъединеніе общественныхъ классовъ, представилъ живую картину всеобщей дезорганизаціи и предсказывалъ, при продолженіи нынѣшняго положенія, въ близкомъ будущемъ полное разрушеніе польской общественности. Все это онъ приводилъ къ тому, что Поляки напрасно сваливаютъ на евреевъ всю вину за тяжелое экономическое положеніе многихъ изъ нихъ и что, наоборотъ, лишь въ единеніи съ еврействомъ могутъ Поляки надѣяться отстоять свою народность съ одной стороны отъ наступающей германизаціи, а съ другой отъ обрусѣнія.

Брошюра эта надѣлала много шума, привлекла всеобщее вниманіе и вызвала сильное негодованіе, но не за выводы ея, а за ту правду, которую высказалъ въ ней авторъ про польскую общественную жизнь. Были приложены всѣ мѣры къ

разъисканію автора ея, и когда таковой оказался членомъ одной изъ либеральныхъ профессій, имѣющихъ свою особую организацію, то противъ него немедленно были приняты репрессивныя мѣры, выразившіяся въ исключеніи его изъ числа участниковъ кассы взаимной помощи, устроенной членами этой профессіи.

При такомъ отношеніи ко всякой критикѣ, хотя бы она истекала исключительно изъ желанія содѣйствовать здоровому развитію польскаго народа, никакое общественное дѣло не мыслимо: оно неминуемо превратится не только въ гнѣздо яраго полонизма, но и въ скопище охотниковъ до легкой наживы на общественный счетъ. Очевидно, что лишь люди, незнакомые съ общественной жизнью въ краѣ, могутъ желать распространенія на него тѣхъ выборныхъ учрежденій, которыя дѣйствуютъ во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи. А такіе люди и до сихъ поръ еще есть. Даже въ Привисляньи находятся такіе недальновидные русскіе, которые, поддавшись польскому вліянію, утверждаютъ, что для спокойной жизни края необходимо идти на уступки, которыя должны начаться съ предоставленія широкаго доступа польской молодежи во всѣ казенныя учрежденія и на всѣ административныя должности безъ исключенія, и завершиться дарованіемъ краю земскихъ, городскихъ и дворянскихъ учрежденій по образцу коренныхъ русскихъ.

Уже въ 1866 году, то-есть, вскорѣ по усмиреніи мятежа, нашлись люди, рьяно и властно проповѣдывавшіе, что въ польскомъ вопросѣ Россіи необходимо дѣйствовать примирительно. Нѣтъ надобности указывать, къ какому они лагерю принадлежали. Даже лица хорошо знакомыя съ краемъ, несомнѣнно, ясно сознававшія весь тотъ огромный вредъ, который принесетъ самому краю предоставленіе польской шляхтѣ тѣхъ правъ, которыми пользуется русское дворянство въ коренной Россіи, не задумывались ради преслѣдуемыхъ ими „либеральныхъ“ цѣлей энергично пропагандировать идею о сліяніи Привислянья съ Имперіей путемъ уравненія правъ высшихъ польскихъ сословій съ правами русской интелли-

Поляковъ въ нашихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, не пропитаемъ ихъ русскимъ духомъ.

Сторонники политики уступокъ и примиренія на это отвѣчаютъ, что Поляки въ настоящее время сознаютъ всѣ свои прошлыя ошибки, что они убѣдились въ томъ, что сами виноваты во всѣхъ ими испытываемыхъ стѣсненіяхъ, что худшимъ для нихъ несчастіемъ были затѣянныя ими возстанія 31, 46 и 63 годовъ. Но, прежде всего, сознавать свои ошибки еще не значитъ исправиться отъ нихъ. Всякій, знающій современныхъ Поляковъ, можетъ по совѣсти отвѣтить, что сознаніе ими ихъ ошибокъ, даже когда они ими дѣйствительно познаются, есть исключительно резонерское; это сознаніе страдающихъ запоемъ въ пагубности своего порока, когда онъ лишенъ возможности предаваться ему, что, однако, ни чуть не мѣшаетъ вновь вернуться къ нему при первой возможности. Недостаточно, чтобы Поляки сознались въ своихъ ошибкахъ, необходимо, чтобы они перевоспитались, переродились, чтобы думать, что эти ошибки не могутъ повториться даже при сознаніи ими ихъ пагубности для самихъ себя; нужно допустить, что онѣ были именно ошибками, т. е. невѣрнымъ умственнымъ выводомъ изъ извѣстныхъ данныхъ, а не прямымъ логическимъ послѣдствіемъ ихъ національнаго характера, всего ихъ нравственнаго и умственнаго склада, а этого допустить нельзя. Полякъ не отъ того бунтовалъ, что онъ видѣлъ въ этомъ свою пользу, нѣтъ, онъ ея видѣть не могъ, а оттого, что его натура неудержимо влекла къ тому. Эта натура постоянно брала верхъ надъ его разсудкомъ, и онъ не могъ себя удержать, коль скоро не былъ удерживаемъ непреодолимыми внѣшними препятствіями. Повторяю, сознаніе Поляками, даже искреннее, въ ошибочности всего ихъ образа дѣйствій по отношенію къ Россіи со временъ Тарговицкой конфедераціи, еще отнюдь не является гарантіей въ томъ, что эти ошибки и впредь ими не будутъ повторяться. Но, спрашивается, гдѣ же высказывается это сознаніе Поляками; въ частныхъ бесѣдахъ отдѣльныхъ личностей съ русскими власть имѣющими лицами—и только. Гдѣ

тѣ общественные факты, которые бы подтверждали ихъ слова, гдѣ тѣ общественныя заявленія, которыя имъ хотя бы не противорѣчили. Органы польской прессы ни разу не высказывали намѣренія хотя бы части общества покориться своему подчиненному Россіи положенію, но зато постоянно высказывали свою непримиримую вражду къ ней.

Когда отдѣльные поляки рѣшались публично заявить: „nostra culpa, nostra maxima culpa", то масса забрасывала ихъ грязью и каменьями, попутно какъ на словахъ такъ и на дѣлѣ выражая свое презрѣніе къ русскому языку, къ русской народности, къ русской власти. Вспомнимъ, что во время послѣдней нашей войны съ Турками, варшавскіе Поляки наряжались въ трауръ по поводу каждой нашей побѣды и открыто радовались каждой нашей неудачѣ. Вспомнимъ хотя бы тотъ вопль негодованія, который раздался во всѣхъ органахъ польской прессы по поводу того, что въ издаваемомъ г. Ратынской въ 81 году въ Варшавѣ польскомъ модномъ журналѣ были помѣщены двѣ русскія буквы—не слово замѣтьте,—а двѣ буквы, напечатанныя русскимъ шрифтомъ. Это-ли не доказательство того печальнаго факта, что поляки и по сію пору ничего не забыли и ничему не научились. Намъ скажутъ—а оффиціальныя польскія депутаціи, неизмѣнно являющіяся къ властямъ по поводу всякаго выдающагося событія съ заявленіями своей радости, или соболѣзнованія, съ увѣреніями въ своемъ вѣрноподданствѣ. Да, разумѣется, депутаціи эти являются, среди нихъ, можетъ быть, присутствуютъ и такія личности, которыя искренни въ своихъ заявленіяхъ, но какъ на нихъ отвѣчаютъ тѣ, которыхъ они будто бы представляютъ? Они отвѣчаютъ протестами, посылаемыми въ закордонныя газеты. Въ протестахъ этихъ они, во-первыхъ, отрицаютъ права тѣхъ, которые составляютъ депутаціи, говорить отъ чьего-либо имени, кромѣ собственаго (на это даже существуетъ освященный терминъ—„а гдѣ мандатъ", спрашиваютъ они) и въ этомъ они, несомнѣнно, правы, и не отъ того правы, что у нихъ нѣтъ пресловутаго *мандата*, а отъ того, что эти депутаціи хорошо

знаютъ, что ихъ заявленія отнюдь не соотвѣтствуютъ настроенію громаднаго большинства тѣхъ слоевъ общества, чувства которыхъ они явились высказывать. Но главнымъ образомъ протесты эти пишутся съ цѣлью засвидѣтельствовать, что заявленія депутаціи ложны, что Поляки столь же дурные подданные, какими искони были по отношенію къ Русскому Престолу. Такъ было, напримѣръ, въ 1883 году по поводу польской депутаціи, присутствовавшей на коронаціи Императора Александра III, когда *Gazeta Narodowa* (15-го мая 1883 г., за № 108) сообщила, что противъ этой депутаціи составленъ въ Варшавѣ письменный протестъ, въ которомъ де сказано, что на коронованіе стоитъ послать лишь кровавый польскій покровъ, что Польша выставляетъ свои права на давніе свои предѣлы, что она не будетъ въ Кремлѣ... что она взываетъ къ небу. Этотъ протестъ, по словамъ той же газеты, покрытъ 10,000 подписей, за которыми скрываваются милліоны (*Gazeta Narodowa*, № 117, отъ 26-го мая 1883 г.). Но, можетъ быть, скажутъ, что это измышленія *закордонной газеты*, что ничего подобнаго на дѣлѣ не было. Возможно, что не было, по крайней мѣрѣ, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ передаетъ это польскій органъ, и не оттого не было, что не доставало согласныхъ съ текстомъ протеста, а оттого что черезчуръ опасно было бы такъ выставлять себя. Но, если этого дѣйствительно не только не было на дѣлѣ, но и въ помыслахъ Варшавянъ, почему же ни одна варшавская газета не заявила этого публично, не назвала этого сообщенія „*Народовой*“ гнусной клеветой на вѣрноподданныхъ русскаго престола. Скажутъ, что польскія газеты, не имѣя права получать закордонныхъ газетъ, не имѣютъ права и отвѣчать на то, что въ нихъ сообщается, но это не правда, дважды неправда, во-первыхъ, потому что сообщеніе *Народовой* было перепечатано *Московскими Вѣдомостями* и, слѣдовательно, имъ несомнѣнно извѣстно, а, во-вторыхъ, потому, что русская цензура никогда не препятствовала Полякамъ печатно заявлять о своей благонамѣрен-

ности. Правда, что и случая не представлялось препятствовать: они никогда и не стремились этого дѣлать.

Съ чего началось царствованіе Императора Александра III, тѣмъ оно и кончилось по отношенію къ Полякамъ. При кончинѣ Царя точно также явилась депутація и выражала тѣ же чувства, что и при коронованіи его, и точно также протестовали заграничныя польскія газеты противъ права депутатовъ дѣлать эти заявленія и противъ солидарности ихъ съ польскимъ народомъ.

Не смотря однако на все это намъ продолжаютъ, особенно въ послѣднее время, усиленно трубить о „примирительномъ теченіи, ясно де обнаруживающемся среди разумной части польскаго общества"; являются на сцену какіе-то анонимные поляки, которые черезъ посредство русскихъ глашатаевъ заявляютъ о существованіи какой-то молодой Польши стремящейся де исключительно къ законности, сообщаютъ даже о возрожденіи какой-то руссофильской партіи, будто бы возникнувшей еще въ началѣ 70-хъ годовъ. Но гдѣ же эта молодая Польша, гдѣ эта руссофильская партія, изъ кого онѣ состоятъ, гдѣ высказываютъ свои взгляды и убѣжденія, какимъ образомъ добиваются ихъ осуществленія? Все это неизвѣстно: существуетъ де молодая Польша и весь тутъ сказъ, а вотъ Россія де ее игнорируетъ, такъ какъ вообще совершенно незнакома съ дѣйствительнымъ положеніемъ Польши.

Утверждать что среди польской интеллигенціи не существуетъ людей разумныхъ, лично отказавшихся отъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій противъ русскаго владычества, было бы нелѣпо. Такіе люди несомнѣнно есть, и число ихъ безспорно возрастаетъ, но мѣрѣ того, какъ въ общество все глубже проникаетъ сознаніе несокрушимости русской власти. Но эти люди не только не составляютъ какой-либо сплоченной партіи, стремящейся увеличить свои ряды, распространить свои убѣжденія, но даже не осмѣливаются они громко высказывать свои мнѣнія; примѣръ отдѣльныхъ смѣльчаковъ жестоко поплатившихся за свою рѣшимость гласно

заявить о своихъ руссофильскихъ стремленіяхъ—естественно лишаетъ ихъ необходимаго мужества. Что же касается до политиканствующихъ сферъ польскаго общества, то исходящія отъ нихъ, да и то лишь черезъ посредство русскихъ органовъ печати, заявленія о примиреніи нужно признать лишь за ловкій шахматный ходъ въ ихъ политической игрѣ, и направленъ онъ исключительно на русское общество съ цѣлью возбудить въ немъ симпатію и добиться съ его помощью отмѣны мѣропріятій стѣсняющихъ ихъ сепаратистическія дѣйствія. Прежде всѣхъ постигла всю силу такого образа дѣйствій польская аристократія, искусно извлекающая изъ него многочисленныя выгоды. Партія эта давно отказалась отъ идеи „непрерывности возстанія“, всецѣло предоставивъ шляхтѣ проводить въ жизнь программу установленную Адамомъ Чарторыйскимъ, и высказанную имъ въ рѣчи, которую онъ произнесъ въ Парижѣ въ 1844 г., въ годовщину возстанія 1830 года. „Каждый руководитель,—сказалъ „Чарторыйскій, — исподволь пріобрѣтая въ своей мѣстности „довѣріе и значеніе, подготовляетъ и пріискиваетъ способныхъ „помощниковъ и обдумываетъ въ какое время и кому пору„чить исполненіе того или другаго дѣла. Онъ удерживаетъ и „обуздываетъ нетерпѣливыхъ и неблагоразумныхъ, которыхъ „преждевременныя и безумныя выходки мѣшаютъ правильному „ходу дѣла и уничтожаютъ вѣрнѣйшія польскія надежды. „Мысль о возстаніи, никогда громко не произносимая, извив„вается во всѣхъ направленіяхъ, охватываетъ всѣхъ, царитъ „надъ всѣми и никому не даетъ ни покоя, ни отдыха“.

И вотъ теперь отъ этой программы до извѣстной степени отступаетъ и часть шляхты. Слѣдуетъ ли это счесть за благопріятный признакъ? Да, разумѣется, такъ какъ оно обозначаетъ, что и эта часть общества, наконецъ, постигла безсмысленность своего прежняго образа дѣйствій. Но осуждены ей однако лишь средства, которыми она дѣйствовала, но не цѣль, которую она себѣ поставила. Послѣдняя осталась та же, лишь признано необходимымъ прибѣгнуть къ другимъ путямъ ради достиженія ея. Впрочемъ, пути эти не новые, на

нихъ давно уже указывали нѣкоторые польскіе публицисты, не стѣсняясь раскрывая ихъ истинный смыслъ. Такъ еще въ 1883 г. Г. Stanisław Z., въ надѣлавшемъ много шуму изслѣдованіи русско-польскихъ отношеній, указывалъ на безусловную необходимость оставить конспиративный путь „не „потому, конечно, чтобы считать его въ отношеніи Россіи „преступнымъ—въ борьбѣ съ нею всѣ средства хороши, лишь „бы вели къ успѣху—а потому, что онъ нелѣпъ, навлекаетъ „на страну неисчислимыя бѣдствія и слѣдовательно, является „въ отношеніи родины предосудительнымъ, вреднымъ“ *). Но наша легковѣрность безпредѣльна; стоитъ полякамъ прикинуться угнетенной невинностью, какъ мы тотчасъ приходимъ въ умиленіе, нами овладѣваетъ даже стыдъ за учиненныя будто бы несправедливости и мы спѣшимъ искупить ихъ всевозможными уступками.

Но разберемъ поодиночкѣ тѣ мѣры, которыя по мнѣнію нѣкоторой части нашего общества, неминуемо должны привлечь къ Россіи сердца польской интеллигенціи.

Первое—доступъ Поляковъ во всѣ должности въ краѣ и во всѣ учрежденія безъ изъятія, а равно отмѣна процентнаго отношенія польскихъ офицеровъ въ войскахъ.

Въ настоящее время всѣ низшія должности въ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ въ Привисляньи безъ того заняты въ громадномъ большинствѣ Поляками; они же сплошь занимаютъ всѣ должности въ магистратахъ. Наконецъ, судебныя учрежденія также ими изобилуютъ, исключая прокуратуры. Такимъ образомъ, доступъ Полякамъ закрытъ на высшія должности и на должности полицейскія, то-есть, на такія въ функціи коихъ входитъ обязанность надзора за самими поляками. О поголовной благонамѣренности Поляковъ врядъ-ли кто будетъ говорить; спрашивается, какимъ же образомъ поручить Поляку надзоръ за своими сородичами; немыслимо допустить, чтобы онъ относился къ нимъ безпристрастно и непопустительно. Не слѣдуетъ забывать, что Полякъ, состоя-

*) Porozbiorowe aspiracye polityczne narodu Polskiego, стр. 189.

щій на государственной службѣ, не отрекся отъ своихъ антирусскихъ желаній, не отрекся отъ ненависти къ Россіи. Вспомнимъ, что̀ гласитъ польскій катихизисъ, поляками несомнѣнно и по сію пору соблюдаемый; онъ убѣждаетъ поляка, состоящаго на русской службѣ, стараться всѣми мѣрами, гдѣ только откроется возможность нажиться на счетъ русской казны— „это не лихоимство и не порокъ, а добродѣтель, ибо обирая русскую казну, ты черезъ то самое обезсиливаешь враждебное государство“; и далѣе совѣтуется пріобрѣсти довѣренность своего начальника, ибо такъ „тебѣ сдѣлаются извѣстны тайны правительства, а слѣдовательно, и твоимъ соотчичамъ“, и, наконецъ указывается и на конечную цѣль: „когда же во всѣхъ управленіяхъ Россіи будутъ наши агенты и все государство будетъ покрыто какъ-бы сѣтью единодушно дѣйствующихъ нашихъ собратій, то она будетъ въ нашихъ рукахъ“. Возможно-ли людямъ, соблюдающимъ такія правила, предоставить какую-либо отвѣтственную должность, не только въ земляхъ, населенныхъ ими, но даже въ коренной Россіи. Въ томъ же катехизисѣ русскіе именуются откровенными и простодушными—это отнюдь не дурныя качества, но все же и ими народу злоупотреблять нельзя. Это простодушіе нынѣ уже стоитъ намъ много народной крови; пора по отношенію къ Полякамъ замѣнить его стойкостью и проницательностью.

Какъ относятся Поляки къ ввѣренной имъ по службѣ тайнѣ давно всѣмъ извѣстно. За примѣрами ходить не далеко. Въ 1895 году въ Лейпцигѣ напечатана книга, надѣлавшая въ русской печати много шума; ею занялись рѣшительно всѣ органы нашей прессы, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ съ ребяческимъ недомысліемъ не задумались усвоить себѣ высказываемый въ ней взглядъ на польскій вопросъ. Мы говоримъ о пресловутой брошюрѣ гр. Леливы—„Русско-польскія отношенія“, представляющей тенденціозный сводъ всѣхъ ограниченій правъ поляковъ—русскихъ подданныхъ. Брошюра эта любопытна не по своимъ выводамъ и взглядамъ, на разсмотрѣніи коихъ остановилась наша повременная печать—

замѣчательна она по тому наглому цинизму, съ коимъ авторъ ея проводитъ цѣлыя дословныя цитаты изъ наисекретнѣйшихъ государственныхъ бумагъ и конфиденціальныхъ писемъ высшихъ представителей русской власти, тщательно при этомъ отмѣчая нумеръ и число коимъ они помѣчены. Анонимный авторъ положительно щеголяетъ своимъ знакомствомъ со всей правительственной перепиской, касающейся польскихъ дѣлъ, онъ доходитъ до того, что сообщаетъ часъ и минуты полученія виленскими мѣстными властями телеграфныхъ распоряженій изъ Петербурга; не стѣсняясь онъ приводитъ и собственноручныя резолюціи царскія. По обширности, а главное разносторонности матеріала, помѣщеннаго въ книгѣ Гр. Леливы, съ очевидностью явствуетъ, что польскіе коноводы имѣютъ своихъ агентовъ рѣшительно во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ не только мѣстныхъ, но и центральныхъ. И вотъ съ помощью этого краденнаго матеріала стремится скрывшійся подъ псевдонимомъ радѣтель полыцизны убѣдить русское общество въ необходимости открыть Полякамъ доступъ во всѣ государственныя учрежденія и на всѣ должности. Неужели онъ не понимаетъ, что его книга является лучшимъ доказательствомъ неблагонадежности польскихъ чиновниковъ.

Необходимо впрочемъ отмѣтить, что несправедливости къ Полякамъ въ ограниченіи ихъ числа въ правительственныхъ учрежденіяхъ извѣстной нормой положительно нѣтъ, что и нынѣ Поляки находятъ въ Россіи, на ея государственной службѣ, такой заработокъ, какого они, несомнѣнно, не нашли бы въ одной Польшѣ, если бы она даже управлялась исключительно мѣстными силами. Если даже заполнить всѣ мѣста въ краѣ Поляками, а взамѣнъ того исключить изъ службы Поляковъ, занимающихъ должности по всему нашему обширному отечеству, то несомнѣнно, что отставленныхъ будетъ больше, чѣмъ назначенныхъ. То же относится къ проценту офицеровъ въ войскахъ, при чемъ нужно добавить, что въ Привисляньи сосредоточена $^1/_3$ русской арміи, то-есть, такое количество войскъ, которое самостоятельная Польша никогда

бы подъ ружьемъ держать не могла. Иначе говоря, если сопоставить процентное отношеніе нижнихъ чиновъ изъ Поляковъ къ остальнымъ народностямъ Россіи, привлекаемыхъ на службу обязательно, съ процентнымъ отношеніемъ офицеровъ польскаго происхожденія въ русской арміи къ офицерамъ русскимъ, то, несомнѣнно, окажется, что процентъ офицеровъ Поляковъ больше процента нижнихъ чиновъ Поляковъ. А это доказываетъ, что въ русской арміи Поляки находятъ больше мѣстъ, нежели могли бы найдти въ арміи чисто польской.

Тѣ же причины, которыя препятствуютъ доступу Поляковъ ко всѣмъ должностямъ, разумѣется, еще въ большей степени препятствуютъ дарованію краю выборныхъ губернскихъ и городскихъ учрежденій. Не только учрежденія эти въ исключительно польскихъ рукахъ послужатъ къ усиленію польскаго шовинизма, обратятся въ центры оппозиціи правительству, дадутъ политиканамъ правильную организацію для борьбы съ русскимъ вліяніемъ, они, кромѣ того, поведутъ край къ экономическому разстройству, къ дезорганизаціи всего мѣстнаго хозяйства; ручательствомъ въ этомъ отношеніи служитъ какъ Галиція, такъ и существующія понынѣ въ краѣ учрежденія съ личнымъ составомъ исключительно польскимъ. Нынѣ аттрибуціи земствъ въ Привисляньи принадлежатъ губернскимъ правленіямъ, и отъ этого, несомнѣнно, только выигрываетъ дѣло мѣстнаго благоустройства. Части санитарная, страховая и дорожная поставлены въ краѣ неизмѣримо лучше, нежели въ земскихъ губерніяхъ Россіи. Дороги, служащія въ Россіи не средствомъ сообщенія, а наоборотъ, разобщенія между жителями содержатся въ Привисляньи въ прекрасномъ состояніи. Количество шоссированныхъ дорогъ во всемъ краѣ достигаетъ 7.000 верстъ, изъ коихъ болѣе 4.500 верстъ построены и ремонтируются на губернскія средства. Принимая во вниманіе, что все Привисляньe пространствомъ не превышаетъ многихъ отдѣльныхъ губерній Россіи, насчитывающихъ при этомъ лишь нѣсколько десятковъ, много,—сотенъ верстъ шоссированныхъ путей, необходимо признать, что эта сторона мѣстнаго благоустройства тамъ по-

ставлена превосходно. То же можно сказать и объ остальныхъ отрасляхъ мѣстнаго хозяйства, какъ, напримѣръ, часть медицинская, доказавшая степень своего совершенства въ 1892 г., при появленіи въ краѣ холеры, которую она быстро локализировала, несмотря на обиліе жидовъ, этихъ ходячихъ заразителей.

Спрашивается, какихъ же благихъ результатовъ можно ожидать отъ выборныхъ учрежденій? Въ политическомъ экономическомъ и воспитательномъ отношеніи они кромѣ вреда ничего принести не въ состояніи; думать же, что этимъ можно привлечь Поляковъ на свою сторону, болѣе чѣмъ безразсудно.

Введеніе уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ учрежденій въ Привисляньи, несомнѣнно, вызоветъ ликованія въ средѣ польской шляхты, но чѣмъ сильнѣе они будутъ, тѣмъ явственнѣе скажется, что въ этихъ учрежденіяхъ шляхта видитъ возможность широко развернуть знамя полонизма. Послѣ приведенныхъ нами неопровержимыхъ доказательствъ полнаго равнодушія шляхты къ истинной цивилизаціи, неизмѣнно выражающейся въ возрастающей обезпеченности интересовъ большинства населенія страны, обезпеченности, на коей преимущественно зиждется идеалъ земной жизни — человѣческое счастье, едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что тѣ мѣстныя силы, которыя неминуемо завладѣютъ земскими учрежденіями въ краѣ, будутъ видѣть въ нихъ исключительно рычагъ для достиженія своихъ политическихъ вожделѣній, а равно средство для обдѣлыванія своихъ личныхъ дѣлишекъ за общественный счетъ, а не поле для приложенія своихъ лучшихъ умственныхъ способностей къ дѣлу мѣстнаго благоустройства. Всего яснѣе доказываетъ это то обстоятельство, что Поляки нынѣ совершенно чуждаются этихъ мѣстныхъ заботъ, хотя возможность къ тому имъ предоставлена полная.

Дѣйствительно, въ Привисляньѣ существуетъ и нынѣ мѣстное самоуправленіе, а именно въ первичномъ административномъ раздѣленіи края—гминѣ. Но эта административная ячейка, къ управленію коей призваны всѣ сословія, владѣющія въ ней недвижимой собственностью, совершенно заброшена

интеллигентными классами, предоставившими всѣ заботы о ней исключительно крестьянству, а между тѣмъ заботы эти немаловажны и легко могутъ разрастись до весьма значительныхъ размѣровъ и привести на путь постепеннаго развитія мѣстнаго благоустройства: для этого слѣдуетъ лишь придать болѣе интенсивное развитіе дѣятельности гминнаго самоуправленія, а это безусловно во власти помѣстнаго сословія, еслибы оно пожелало приложить къ нему свой трудъ и знаніе. Но паны, очевидно, считаютъ всякую дѣятельность въ предѣлахъ гмины черезчуръ неподходящей для проведенія своихъ политическихъ затѣй, и потому поголовно гнушаются ею. Докажите, господа, ваши административныя способности на этомъ ограниченномъ полѣ дѣятельности и тогда уже требуйте предоставленія вамъ возможности приложить ихъ къ болѣе обширному и сложному дѣлу—городскаго и губернскаго самоуправленія, но прежде всего докажите вашу вѣрноподданость русскому Престолу и вѣрнопреданность русскимъ государственнымъ интересамъ, ибо при нынѣшнемъ политическомъ состояніи края о распространеніи на него мѣстнаго самоуправленія рѣшительно и помышлять нельзя: этому препятствуетъ, помимо всѣхъ остальныхъ, слѣдующая первостепенная причина: одна изъ существенныхъ функцій, какъ городскихъ, такъ и губернскихъ учрежденій состоитъ въ заботѣ о размѣщеніи и матеріальномъ довольствіи войскъ. Привисляньe нынѣ, несомнѣнно, представляетъ обширный плацъ-дармъ, на коемъ сосредоточена значительная часть русской арміи; ввѣрить попеченіе о войскахъ выборнымъ польскимъ учрежденіямъ было бы равносильно превращенію этихъ попеченій въ козни противъ нихъ.

Необходимо постоянно имѣть въ виду, что Привисляньe составляетъ нашъ передовой оплотъ, что при столкновеніи съ Западомъ ему суждено выдержать первый натискъ и сдѣлаться театромъ первыхъ военныхъ дѣйствій. Съ этимъ фактомъ нельзя не считаться и при организаціи гражданскаго управленія краемъ, которое въ минуту испытанія должно явиться дѣятельнымъ помощникомъ арміи во всѣхъ ея хозяйственныхъ нуждахъ и, при томъ, заранѣе вполнѣ къ тому приго-

товленнымъ. Но если и въ мирное время мы не можемъ положиться на польскія учрежденія, то что же произойдетъ въ военное?

Какъ бы Россія ни была увѣрена въ себѣ и въ окончательномъ исходѣ всякаго иноземнаго посягательства на неприкосновенность ея государственныхъ границъ, все же не въ ея интересахъ создавать себѣ лишнія затрудненія въ дѣлѣ возможной борьбы съ ея западными сосѣдями. Между тѣмъ допущеніе интеллигентныхъ классовъ Привислянья къ какой-либо сторонѣ административнаго управленія этой окраины, несомнѣнно, породитъ таковыя. Не только не устоятъ представители польской шляхты передъ соблазнительными для нихъ воззваніями со стороны потворствующей ихъ кастовымъ вожделѣніямъ Австріи, но даже врядъ-ли они останутся глухи къ призывамъ Пруссіи, которая не преминетъ воспользоваться ихъ легкомысліемъ для привлеченія на свою сторону помощью провозглашенія все той же химеры—возстановленія Польши, отъ моря и до моря, а при такихъ обстоятельствахъ предоставленіе мѣстнымъ силамъ какой-либо самостоятельной власти не только безразсудно, но даже преступно.

ГЛАВА XIII.

ПОВРЕМЕННАЯ ПЕЧАТЬ. ТЕАТРЪ.

Всякая общественная дѣятельность для правильнаго направленія нуждается въ критикѣ. Лишь путемъ критическаго анализа своихъ дѣйствій, поступковъ и взглядовъ способенъ человѣкъ совершенствоваться, — и это положеніе столь же правильно по отношенію къ общественному народному организму, какъ къ отдѣльнымъ личностямъ. Критическое отношеніе къ самому себѣ служитъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ признаковъ жизненности народа и лучшимъ залогомъ его поступательнаго развитія. Но это свойство столь ярко выступающее у русскаго народа, при чемъ оно нами нерѣдко доводится до крайности, превращаясь въ огульное порицаніе всего своего, роднаго, совершенно отсутствуетъ у польской интеллигенціи. Если мы, русскіе, склонны отрицать существованіе какихъ-либо свѣтлыхъ сторонъ въ нашей общественной жизни и дѣятельности, то поляки, наоборотъ, какъ бы лишены способности относиться къ себѣ съ порицаніемъ, и это даже составляетъ одно изъ существеннѣйшихъ различій между этими двумя славянскими племенами. Дѣйствительно, самообожаніе и самовосхваленіе—одна изъ отличительныхъ чертъ польскаго характера и находится въ тѣсной связи съ прирожденными у каждаго поляка похвальбой и хвастовствомъ. Нигдѣ не

возбуждаемыхъ жизнью вопросовъ, сколько въ томъ, какому именно кружку надлежитъ играть первенствующую роль въ ихъ разрѣшеніи.

Такимъ образомъ раздробленность польскаго общества, основанная, какъ я уже имѣлъ случай указать, не на различіи убѣжденій, исповѣдуемыхъ отдѣльными его членами, а лишь на развитомъ до крайности у большинства желаніи играть роль самостоятельныхъ главарей отдѣльныхъ партій, вызвала къ жизни множество отдѣльныхъ органовъ, большинство коихъ положительно не окупается: ихъ существованіе поддерживается исключительно денежными субсидіями наиболѣе состоятельныхъ членовъ того кружка, который они представляютъ. Такъ какъ каждая фракція стремится имѣть свой отдѣльный органъ, то таковыхъ въ одной Варшавѣ насчитывается до 70 названій, а кромѣ того почти въ каждомъ губернскомъ городѣ имѣется своя отдѣльная газетка, и, несомнѣнно, что, при полной свободѣ печати, число ихъ возрослобы еще весьма замѣтно.

Впрочемъ, необходимо отмѣтить, что періодическая печать Привислянья разрослась до нынѣшняго своего числа, значительно превышающаго число польскихъ изданій, выходящихъ въ Галиціи и Познани взятыхъ вмѣстѣ, уже послѣ окончательнаго лишенія края своей автономіи. И тутъ ясно обнаруживается тотъ громадный умственный ростъ, котораго достигла наша польская окраина со времени полнаго ея подчиненія, несомнѣнно, благодѣтельной для нея опекѣ русскаго правительства.

Въ 1863 году во всемъ Привисляньѣ выходило всего 12 повременныхъ изданій, изъ коихъ 11 въ Варшавѣ, при чемъ ежедневныхъ газетъ было лишь 3. Это сравнительно скромное количество начало замѣтно увеличиваться лишь съ половины 70-хъ годовъ; въ особенности же разрослось оно въ началѣ 80-хъ годовъ, достигнувъ уже въ то время своего нынѣшняго числа.

При генералъ-губернаторѣ Альбединскомъ новыя изданія разрѣшались свободно, при чемъ не обращалось вниманія ни

на то, поскольку они отвѣчали дѣйствительнымъ духовнымъ потребностямъ населенія и способствовали направленію работы общественной мысли къ выясненію истинныхъ нуждъ и задачъ польскаго народа, ни на степень подготовленности издателей нарождающихся журналовъ быть, хотя и самозванными, но однако далеко не лишенными вліянія руководителями польскаго общественнаго мнѣнія, ибо, хотя большинство польскихъ изданій Привислянья имѣетъ весьма ограниченное число подписчиковъ, не превышающее для многихъ тысячи человѣкъ, кругъ ихъ читателей, тѣмъ не менѣе, обширенъ; объясняется это тѣмъ, что большинство горожанъ читаетъ газеты въ многочисленныхъ въ каждомъ городѣ кофейняхъ, коихъ они почти по-головно страстные и постоянные посѣтители. Тамъ-то собираются ежедневно любители политическихъ пересудовъ и за чашкой кофе съ тѣстечками (печеніемъ) пробѣгаютъ имѣющіеся въ нихъ въ изобиліи газеты и журналы.

Вѣчно враждующіе между собой, органы варшавской прессы—и при томъ съ тѣмъ большею ожесточенностью, чѣмъ ближе въ сущности сходятся они въ своихъ воззрѣніяхъ, изъ чего ясно видно, что дѣло у нихъ идетъ исключительно о мѣстничествѣ,—въ одномъ отношеніи, однако, обнаруживаютъ безусловную солидарность и несомнѣнную дисциплину. Мы говоримъ объ отношеніяхъ этой прессы къ Россіи. Не имѣя возможности вслѣдствіе своей зависимости отъ предварительной цензуры открыто высказывать въ мѣрѣ своего желанія свои истинныя чувства по отношенію къ Россіи, а равно явно возставать противъ правительства и его мѣропріятій, она приняла за правило обходить полнымъ молчаніемъ, какъ зависимость края отъ русской державы, такъ и всѣ вытекающіе отсюда вопросы и обстоятельства. Всѣ ея усилія направлены къ тому, чтобы всячески, съ одной стороны, выдѣлить край изъ состава Имперіи, а съ другой—слить его въ единое цѣлое со всѣми землями когда-либо бывшими подъ польскимъ владычествомъ.

Разумѣется, эта основная ея тенденція особенно ярко обнаружилась въ то время, когда русская власть явилась въ край съ оливковою вѣтвью мира въ рукахъ, и поэтому считала нужнымъ не стѣснять въ чемъ-либо мѣстныхъ интеллигентныхъ классовъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ варшавская пресса не могла жаловаться на цензурныя ограниченія, и тутъ-то въ полной мѣрѣ и выяснилось, во что она цѣнитъ политику уступокъ съ русской стороны. Вмѣсто того, чтобы проводить въ обществѣ мысль о своевременности и выгодѣ для Поляковъ воспользоваться новою попыткой правительства полюбовно разрѣшить польскій вопросъ, она лишь еще съ большимъ усердіемъ продолжала поддерживать польскую обособленность. Искусно сплетая воедино Привисляньe съ Познанью и Галиціей, она кромѣ того всемѣрно стремилась вмѣстить въ понятіе о Польшѣ не только Сѣверо и Юго-Западный край съ губерніями Витебскою и Могилевскою включительно, но даже губерніи Прибалтійскія систематически именуя всѣ эти мѣстности Литвой, причемъ даже эсты и латыши именовались литовцами. Не только зачастую называла она эти губерніи постаринному воеводствами, но случалось, что выставляла ихъ подъ именемъ „русскаго захвата“. Нѣкоторыя газеты дошли даже до того что открыли у себя отдѣльную рубрику подъ заглавіемъ „Изъ земель польскихъ“, гдѣ рядомъ и въ перемежку сообщались свѣдѣнія изъ жизни Кіева и Кракова, Вильны и Познани. Свѣдѣнія получаемыя ею изъ заграницы, какъ, напримѣръ, телеграммы, помѣщались всегда во главѣ всѣхъ остальныхъ; послѣднее же мѣсто отведено было извѣстіямъ, приходящимъ изъ Петербурга и касающимся правительственныхъ дѣйствій. Самый текстъ телеграммъ и даже оффиціальныхъ сообщеній ею нерѣдко тенденціонно искажался, Россія постоянно именовалась Москвой и даже презрительное названіе „Москаль“ попадались на ея столбцахъ рядомъ съ упорнымъ употребленіемъ выраженія россійскій вмѣсто русскій, чѣмъ она хотѣла отдѣлить народъ русскій отъ русиновъ населяющихъ Галицію, которые ею искони именовались русскими. Вообще тонъ прессы по отно-

шенію къ Россіи въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда она благоволила о ней упомянуть, клонился къ тому, чтобы говорить о ней какъ объ иностранной державѣ, ничего общаго съ краемъ не имѣющей; такъ, напримѣръ, при обзорѣ международной политики, русскія намѣренія и стремленія ставились на одну доску съ направленіемъ и дѣйствіями остальныхъ европейскихъ державъ. Нѣкоторыя газеты дошли даже до того, что изрѣдка сообщаемыя ими, разумѣется въ скудномъ количествѣ, извѣстія изъ той части центральной Россіи, которую никакъ нельзя было подвести подъ понятіе о Польшѣ, стали помѣщать въ отдѣлѣ подъ заглавіемъ „Свѣдѣнія изъ за-границы." Тогда же впервые приняла привислянская пресса хвалебный тонъ по отношенію къ Австріи.

Явно оскорбительный по отношенію къ Россіи тонъ польской прессы, разумѣется, легко было устранить, точно также, какъ легко было внѣшнимъ образомъ очистить ея столбцы отъ слѣянія хотя и бывшихъ нѣкогда подъ временнымъ польскимъ владычествомъ, однако коренныхъ русскихъ областей въ одно общее понятіе о земляхъ польскихъ.

Дѣйствительно, съ перемѣной направленія русской политики въ Привисльѣ въ 1883 г. требованія цензуры по отношенію къ польской прессѣ стали строже. Безусловно запрещено было именовать мѣстности входящія въ составъ Имперіи иначе какъ оффиціально присвоенными имъ названіями; предписано было, чтобы свѣдѣнія, получаемыя изъ Россіи, заняли на столбцахъ газетъ подобающее мѣсто, а не помѣщались бы, какъ ранѣе практиковалось, между росписаніемъ времени отхода поѣздовъ и перечисленіемъ зрѣлищъ и увеселеній. Правда, что и эти требованія, несмотря на ихъ скромность, не сразу были приняты къ исполненію всѣми органами прессы, и для вразумленія нѣкоторыхъ изъ нихъ пришлось прибѣгнуть къ самому убѣдительному для издателей средству—наложенію на нихъ денежныхъ штрафовъ. Но если эта внѣшняя сторона была сравнительно быстро достигнута, то внутренняя подкладка, разумѣется, оставалась та же.

На основаніи цензурнаго устава, цензоръ, какъ извѣстно, не имѣетъ права читать между строкъ и долженъ обращать вниманіе лишь на явный смыслъ рѣчи; этимъ правиломъ, измѣненіе котораго немыслимо, такъ какъ довело бы власть цензурную до полнѣйшаго произвола, чрезвычайно ловко пользуются польскіе журналисты; они выработали себѣ цѣлый рядъ пріемовъ съ помощью которыхъ умѣло маскируютъ суть и смыслъ своихъ статей благонамѣренною внѣшнею формой. Съ своей стороны большинство публики не только въ совершенствѣ научилось понимать эти sous-entendu, но даже находитъ особую прелесть въ нихъ; все же, молъ, запрещенный плодъ, да и москаля надулъ (а надуть москаля это сокровенная мечта и величайшая гордость каждаго поляка). Принимая и печатая объявленія на всѣхъ европейскихъ языкахъ, варшавскія газеты по-прежнему отказываются отъ помѣщенія таковыхъ на русскомъ языкѣ, отговариваясь неимѣніемъ въ типографіи русскаго шрифта, что̀ однако, не мѣшаетъ имъ на бандероляхъ экземпляровъ, отправляемыхъ въ Россію, мѣсто назначенія и имя адресата набирать этимъ, будто бы не существующимъ у нихъ шрифтомъ.

По прежнему продолжаютъ польскіе органы края выставлять на видъ всѣ темныя стороны русской жизни, указывать на всѣ отдѣльные случаи, гдѣ Русскій уличенъ въ какомъ-либо дурномъ поступкѣ, и совершенно игнорировать всѣ свѣтлыя качества и яркія явленія нашей общественности. Въ зависимости отъ этого и по исходящему изъ руководящихъ поликанствующихъ сферъ приказанію, они то проходятъ единодушнымъ и полнѣйшимъ молчаніемъ самые выдающіеся факты изъ жизни Имперіи, то вдругъ разомъ посвящаютъ какому-либо изъ нихъ пространныя статьи. За примѣрами ходить не далеко: такъ Священное Коронованіе Государя Императора не вызвало ни единой самостоятельной статьи или даже корреспонденціи въ варшавской прессѣ, поголовно ограничившейся перепечатаніемъ оффиціальныхъ сообщеній объ этомъ событіи, привлекшемъ однако вниманіе всего образованнаго міра; нѣкоторые изъ польскихъ ор-

гановъ дошла даже до апогея лаконизма, такъ еженедѣльникъ *Правда* слѣдующими словами повѣстилъ своихъ читателей объ общерусскомъ торжествѣ: „14 мая совершилось въ Москвѣ коронованіе и изданъ манифестъ". Но за то описаніе Ходынской катастрофы наполнило цѣлые столбцы газетъ.

Случается, однако, польской варшавской прессѣ вдругъ разрѣшиться единодушными статьями, исполненными выраженія вѣрноподданства Престолу, и въ этихъ случаяхъ даже всего ярче выступаетъ дисциплина, царящая среди польскихъ журналистовъ въ ихъ отношеніяхъ къ Россіи; съ трогательно-дружнымъ единеніемъ, одновременно во всѣхъ органахъ печати появляются эти статьи, – и какъ общій тонъ ихъ, такъ и способъ ихъ составленія сходны до малѣйшихъ подробностей; во-первыхъ, безусловно общимъ для нихъ является то обстоятельство, что въ этихъ статьяхъ старательно отдѣляется Особа Государя отъ Россіи. Сопоставляя эти статьи, а въ особенности время ихъ появленія, съ общимъ тономъ польскихъ газетъ, легко раскрыть тѣ побужденія, которыми они при этомъ руководствуются. Статьи эти всегда предшествуютъ Царскимъ посѣщеніямъ края. Вся цѣль ихъ, несомнѣнно состоитъ въ томъ, чтобы вызвать въ варшавскомъ населеніи наружный, показной энтузіазмъ, который долженъ, по ихъ мнѣнію, засвидѣтельствовать передъ лицомъ Монарха преданность варшавянъ и тѣмъ доказать безусловную несправедливость всѣхъ стѣсненій по отношенію къ русскимъ подданнымъ польскаго происхожденія. Такъ было въ1884 году передъ пріѣздомъ въ Варшаву въ Бозѣ почившаго императора, при чемъ они, однако, при слѣдующихъ пріѣздахъ Царя, болѣе не повторялись, такъ какъ вожаки убѣдились, что этими внѣшними пріемами не измѣнятъ принятой по отношенію къ Полякамъ стойкой политики. Повтореніе того же видѣли мы и въ 1896 г. при проѣздѣ Его Величества черезъ Варшаву въ Вѣну. Польскія надежды на нынѣшнее царствованіе несмотря на всю ихъ неосновательность, не разъ заявленную съ высоты Престола, повидимому еще не разсѣялись; а до какихъ размѣровъ достигли они первоначально, можно судить

потому, что немедленно по воцареніи Его Величества поляки даже передѣлали извѣстную польскую революціонную пѣснь: „Еще Польска не сгинѣла“, продолживъ ее словами: „Пуки Царь Миколай жіе.“

Поляки, очевидно, думаютъ, что при показной любви и преданности къ Особѣ Царя, они могутъ свободно ненавидѣть Россію. Они доходятъ до безумія, полагать что польскіе возгласы въ честь Монарха способны заслонить у Русскаго Царя исконно русскія и несомнѣнно общеимперскія задачи. Въ искренность чувствъ политикановъ польскихъ къ Особѣ Русскаго Царя вѣрить немыслимо, пока они преисполнены ненавистью къ Россіи, ибо нельзя любить часть, ненавидя цѣлое. Показное проявленіе этихъ чувствъ, истекая изъ мысли о возможности Русскому Царю превратиться изъ органически тѣсно-сплоченнаго съ народомъ русскимъ монарха въ случайнаго повелителя лишь внѣшнимъ образомъ связывающаго всѣ многочисленныя подвластныя Ему племена и народы, несомнѣнно оскорбительно, но въ особенности оно наивно. Слишкомъ ясно сказывается въ немъ желаніе подъ личиной преданности Царю достигнуть своихъ антирусскихъ, сепаратистическихъ вожделѣній. Но и здѣсь польскіе вожаки не проявляютъ достаточно выдержки. Дѣйствительно, если польскіе газетные политиканы желаютъ играть въ вѣрноподданныхъ Особѣ Царя, то имъ бы слѣдовало быть болѣе послѣдовательными и не ограничивать выраженія своихъ вѣрноподданическихъ чувствъ тѣми минутами, когда нужно наэлектризировать понятливую варшавскую толпу на извѣстныя манифестаціи, а высказывать ихъ такъ же и въ тѣ историческіе моменты русской государственной жизни, когда дѣланные восторги польской толпы не могутъ достигнуть до непосредственнаго слуха Русскаго Самодержца; а то они обходятъ молчаніемъ такое торжественное событіе, какъ коронованіе, и вдругъ разражаются энтузіазмомъ при шумѣ приближающагося къ Варшавѣ Царскаго поѣзда. Въ эту ловушку однако попадаются нѣкоторые недальновидные русскіе публицисты забывая слова митрополита Іосифа Сѣмашко: „сохрани

Господи различать интересы Царскаго дома отъ интересовъ Россіи.... Не отдѣляя русскаго Царя отъ русскаго царства нужно сообразить насколько имъ полезно или вредно возрожденіе или подавленіе польскаго элемента".

Переходя въ характеристикѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ изданій, слѣдуетъ прежде всего сказать, что варшавская пресса дѣлится на двѣ рѣзко различающіяся категоріи. Къ первой изъ нихъ, какъ наиболѣе распространенной, приходится причислить уличную мелкую прессу, расходящуюся въ весьма значительномъ количествѣ экземпляровъ. Она состоитъ изъ трехъ, какъ ихъ называютъ, „курьеровъ": Варшавскаго, Ежедневнаго и Утренняго. Курьеры эти, хотя и имѣютъ каждый свой особый оттѣнокъ, но въ сущности интересы ихъ тождественны, такъ какъ сводятся исключительно къ наживѣ. Достаточно сказать, что эта пресса находится всецѣло въ еврейскихъ рукахъ, дабы стало ясно, что единственнымъ двигателемъ ея служитъ ненасытный аппетитъ издателей, неизмѣнно подчиняющихъ какъ содержаніе, такъ и направленіе своихъ листковъ требованіямъ толпы и не брезгающихъ никакими средствами для привлеченія большаго количества подписчиковъ и увеличенія своей розничной продажи. Не только не борются они съ пагубными увлеченіями политиканствующей интеллигенціи, не только не ищутъ уяснить массѣ ея истинные интересы, въ чемъ они, впрочемъ, сходятся со всѣми органами тамошней серіозной прессы, но, наоборотъ, всячески потворствуютъ наиболѣе пагубнымъ инстинктамъ толпы. Успокоить общественное мнѣніе, направить польскую интеллигенцію на путь плодотворной общественной работы, не только не входитъ въ разсчетъ этихъ наѣздниковъ пера, а наоборотъ, противорѣчитъ ему; чѣмъ въ большемъ броженіи находится общество, тѣмъ ходчѣе раскупаются эти рыночные сенсаціонные листки.

Раздуть самое незначительное городское происшествіе до размѣровъ крупнаго событія, наполнить описаніями его цѣлые столбцы—ихъ спеціальность, и въ этомъ отношеніи они достигли высокой степени совершенства.

Среди этихъ листковъ первое мѣсто занимаетъ *Варшавскій Курьеръ;* принадлежитъ онъ некрещеному еврею Левенталю, при чемъ, однако, офиціальнымъ его издателемъ состоитъ довольно извѣстный романистъ Адамъ Плугъ. Газета эта, имѣющая нынѣ до 20.000 подписчиковъ, составляетъ любимое чтеніе всѣхъ варшавскихъ лавочниковъ, дворниковъ и дружкарей. Погоня за рублемъ доведена у нея до апогея; такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, она открыла у себя особый отдѣлъ подъ заглавіемъ „Посредничество для заключенія браковъ", въ коемъ варшавяне легко усмотрѣли, что если въ немъ дѣло и идетъ о бракахъ, то развѣ — гражданскихъ. Мелкія сплетни изъ варшавской жизни и сенсаціонныя газетныя утки составляютъ ея главную спеціальность. Что касается до направленія, то оно, можно сказать, самое разнохарактерное. Преисполненная юдофильства газета однако, умудряется сохранить и клерикальный отпечатокъ, безъ котораго не получила бы достигнутой ею распространенности.

За *Варшавскимъ Курьеромъ* по числу подписчиковъ слѣдуетъ *Курьеръ Ежедневный;* принадлежитъ онъ издательской фирмѣ Гебетнеръ и Вольфъ, до 1887 года издававшей *Варшавскій Курьеръ*. Семитическій его характеръ постольку же вызывается природными симпатіями одного изъ его издателей, какъ и желаніемъ заполучить подписчиковъ среди евреевъ, у коихъ онъ дѣйствительно въ большемъ фаворѣ. Либерально-еврейское направленіе стало особенно ясно высказываться въ послѣдніе годы; при предшественникахъ нынѣшнихъ издателей, братьяхъ Оргельбрандъ, онъ скорѣй держался консервативнаго характера. Тѣмъ не менѣе, въ настоящее время *Ежедневный Курьеръ* среди мелкой прессы не только самый порядочный, но и самый серьезный органъ: политическій отдѣлъ въ немъ ведется даже не безъ таланта.

Послѣднее мѣсто среди курьеровъ занимаетъ *Утренній,* ограничивающій почти все свое содержаніе свѣдѣніями изъ городской жизни. Политикой, въ прямомъ смыслѣ, онъ почти вовсе не занимается, чего нельзя сказать о первыхъ двухъ,

претендующихъ въ своихъ передовыхъ статьяхъ на роль серьезныхъ политическихъ органовъ. Издателемъ его, равно какъ и редакторомъ, состоитъ хотя и католикъ, но семитическаго происхожденія—нѣкто Фразе. Отстаиваніе еврейскихъ интересовъ и у этой газеты стоитъ на первомъ планѣ.

Всѣ эти „курьерки" чутко слѣдятъ за общественнымъ мнѣніемъ и, отнюдь не имѣя притязанія руководить имъ, ищутъ лишь угадать теченіе минуты, подлаживая толпѣ во всѣхъ ея самыхъ мелкихъ симпатіяхъ и увлеченіяхъ.

Хотя листки эти и живутъ главнымъ образомъ мелкой, мало образованною публикой, но читаются они и всею интеллигенціей, столь же падкой къ извѣстіямъ и сообщеніямъ о мелкихъ скандалахъ, какъ и набравшійся вчерашней цивилизаціи варшавскій простолюдинъ.

Къ серіознымъ политическимъ ежедневнымъ изданіямъ принадлежатъ *Газета Польская*, *Слово*, *Вѣкъ* и *Газета Варшавская*. Число ихъ подписчиковъ значительно меньше, чѣмъ у курьеровъ, и колеблется между двумя и четырьмя тысячами. Зависитъ это отъ того, что не только грамотный простолюдинъ ихъ никогда не читаетъ, но и большинство интеллигенціи довольствуется чтеніемъ органовъ мелкой прессы, которую она любитъ приравнивать къ парижской бульварной, несмотря на цѣлую бездну, отдѣляющую ихъ, какъ въ общемъ ихъ характерѣ, такъ въ особенности въ талантливости ихъ сотрудниковъ.

Большую часть своего содержанія серіозные органы посвящаютъ политикѣ, о которой разсуждаютъ съ большимъ апломбомъ. Самая враждебная изъ нихъ по отношенію къ Россіи—*Газета Польская*, австрофильская по преимуществу; основанная въ 1861 году извѣстнымъ писателемъ Крашевскимъ, она сначала была органомъ маркиза Велепольскаго, но затѣмъ попала въ руки банкировъ Кроненберговъ и съ тѣхъ поръ служитъ интересамъ такъ называемой haute finance. Не довольствуясь вышеуказанными пріемами, направленными къ дискредитированію Россіи, которые общи всѣмъ органамъ польской прессы, она первая изобрѣла новый, довольно лов-

кій въ этомъ отношеніи способъ, состоящій въ томъ, чтобы перепечатывать изъ русскихъ газетъ наиболѣе неблагопріятныя для русскаго строя статьи, а такъ какъ наша пресса на порицанія въ этомъ направленіи не скупится, то можно себѣ представить какой обильный матеріалъ черпаетъ *Газета Польская*, разумѣется, охотно прибѣгающая для вящаго воздѣйствія на публику къ усиленію ихъ содержанія искусными передержками. Кромѣ того газета изобилуетъ многочисленными корреспонденціями изъ Сѣверо и Юго-Западнаго края, написанными не безъ толка и знанія и, разумѣется, не безъ ехидства: русская жизнь этихъ мѣстностей отмѣчается лишь постольку, поскольку она представляется съ непривлекательной стороны.

Со смертью Кроненберга *Польская Газета*, пользовавшаяся денежными субсидіями отъ него, съ трудомъ поддерживаетъ свое существованіе. Въ послѣднее время ей значительно помогъ въ этомъ отношеніи громадный успѣхъ печатавшагося въ ея фельетонахъ романа изъ римской жизни временъ Нерона—„Quo vadis“ Сенкевича. Этотъ талантливый писатель пользуется особою популярностью у варшавской публики, хорошо съ нимъ знакомой еще съ тѣхъ поръ, когда онъ тоже былъ причастенъ къ мѣстной прессѣ, состоя редакторомъ журнала *Слово*. Послѣднее изданіе ультраклерикальное и отстаиваетъ интересы высшаго дворянства, на средства котораго и издается; въ общемъ—программа его мало чѣмъ разнится отъ *Газеты Польской*, отличаясь отъ нея лишь большею сдержанностью, какъ и подобаетъ органу аристократическому. Въ особенности же въ немъ проглядываетъ тѣсная связь съ Римомъ. Всѣ новости, касающіяся клерикальнаго міра, сообщаются имъ первымъ и отличаются полною достовѣрностью.

Газета *Вѣкъ* была первоначально основана по программѣ петербургскаго *Голоса* бывшимъ секретаремъ намѣстника гр. Берга, Левенстамомъ, но издавалась имъ сравнительно не долго, а съ переходомъ къ нынѣшнему редактору-издателю, присяжному повѣренному Залевскому, стала въ общемъ вполнѣ солидарной съ двумя предшествующими органами, отличаясь

отъ нихъ лишь ясно выраженнымъ антисемитическимъ характеромъ. Кромѣ того она посвящаетъ обстоятельныя статьи театру, что̀ объясняется тѣмъ, что редакторъ ея самъ драматургъ, перу котораго, какъ говорятъ, пранадлежатъ и такія драматическія произведенія, которыя вызывали, вслѣдствіе своего враждебнаго Россіи содержанія, восторги краковской публики. Впрочемъ, въ чувствахъ къ Россіи Залевскаго сомнѣваться нельзя; онъ слишкомъ гласно заявилъ о нихъ самъ, отказавшись на судѣ, гдѣ онъ обвинялся въ диффамаціи (тоже по театральному дѣлу, возбужденному бывшимъ директоромъ правительственныхъ театровъ Мухановымъ), объясняться по-русски, заявивъ о своемъ незнакомствѣ съ этимъ языкомъ. Несомнѣнно, что г. Залевскому, который въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго постоянно защищаетъ въ томъ же судѣ своихъ кліентовъ на русскомъ языкѣ, нельзя отказать въ громадной долѣ... беззастѣнчивости.

Отдѣльное мѣсто среди варшавской прессы въ теченіе долгихъ лѣтъ занимала *Газета Варшавская*—старѣйшая изъ выходящихъ въ краѣ,—она основана еще при королѣ польскомъ Станиславѣ Августѣ. Редакторомъ ея до сравнительно недавняго времени состоялъ Кенигъ, праздновавшій въ 1884 году 25-ти лѣтіе своей дѣятельности; при немъ эта газета внутренную политику почти совершенно игнорировала, отводя самое значительное мѣсто политикѣ иностранной и вопросамъ международнымъ, касающимся науки и искусства; несмотря на нѣмецкую фамилію ея редактора, она ненавидѣла нѣмцевъ и всячески боролась съ германизаціей края. За свое спокойное направленіе, Кенигъ былъ крайне нелюбимъ остальными органами польской прессы; между тѣмъ его заслуга несомнѣнна: онъ доказалъ возможность существованія въ краѣ большой, серьезной газеты, не прибѣгающей къ разжиганію народныхъ страстей для своего распространенія въ публикѣ. Читателей своихъ *Газета Варшавская* вербовала среди дворянства, интересамъ коего служила все свое столѣтнее существованіе, что̀ однако не помѣшало ей года четыре тому назадъ, съ переходомъ редакціи въ руки крещенаго еврея Лѣшковскаго,

измѣнить своимъ вѣковымъ традиціямъ и обратиться въ либерально-семитическую, вслѣдствіе чего отъ нея отпали всѣ ея прежніе подписчики, новыхъ же она не пріобрѣла, и потому еле влачитъ свое существованіе.

Остальныя ежедневныя газеты края значенія не имѣютъ; среди же многочисленныхъ еженедѣльныхъ изданій (всего до 40) стоитъ отмѣтить два органа такъ называемой молодой Польши—*Правду* и *Еженедѣльное Обозрѣніе* (Przeglad Tygodniowy). На страницахъ этихъ журналовъ уже не встрѣчается поддержки шляхтѣ и духовенству, которыя признаются главными причинами гибели Польши. Оба эти журнала—прогрессивнаго характера и съ жаромъ отстаиваютъ интересы евреевъ; но тогда какъ Przeglad соціальнаго отпечатка, при чемъ, для большаго распространенія среди публики проповѣдуемыхъ имъ началъ, раздаетъ въ видѣ даровыхъ прибавленій сочиненія извѣстнѣйшихъ европейскихъ соціологовъ, *Правда* — соціальныя ученія признаетъ утопіей, и притомъ чрезвычайно вредною. Журналы эти, въ особенности первый, всемѣрно поддерживаются еврейскою интеллигенціей, не безъ основанія видящею въ нихъ надежныхъ союзниковъ въ дѣлѣ борьбы съ ненавистнымъ ей дворянствомъ и духовенствомъ.

Изъ остальныхъ еженедѣльниковъ укажемъ на „Rola“ (Пашня) присяжнаго врага евреевъ. Редакторъ ея, Еленскій, пріобрѣлъ извѣстность брошюрой подъ заглавіемъ „Жиды, нѣмцы и мы“, въ которой талантливо и горячо указываетъ на весь огромный вредъ, приносимый краю евреями; успѣхъ этой первой его брошюры настолько ободрилъ г. Еленскаго, что онъ съ тѣхъ поръ направилъ всѣ свои силы на борьбу съ жидами.

Вообще еженедѣльныя изданія въ вопросѣ объ отношеніяхъ поляковъ къ Россіи имѣютъ мало значенія. Не стремясь, разумѣется, умиротворять польское общество, они, однако, вылазками противъ Россіи и русскаго правительства не занимаются, чему отчасти препятствуетъ и то обстоятельство, что цензура, имѣя больше времени для ихъ просмотра, относится къ нимъ внимательнѣе, а слѣдовательно, и строже.

При неизбѣжной спѣшности цензуры ежедневныхъ изданій многое поневолѣ ускользаетъ отъ вниманія цензоровъ, чѣмъ и объясняется большинство попадающихся въ этихъ газетахъ косвенныхъ нападокъ на Россію. Несомнѣнно, цензура польскихъ ежедневныхъ изданій—дѣло не легкое, требующее не только большого труда, но и основательнаго знакомства съ краемъ, его историческимъ давнимъ и недавнимъ прошлымъ и всѣми волнующими его въ данное время вопросами. То, что для незнакомаго со всѣмъ этимъ русскаго читателя не имѣетъ никакого значенія, для громаднаго большинства польской публики получаетъ особый смыслъ, тѣмъ болѣе не желательный, что вслѣдствіе самой своей туманности приводитъ къ такимъ заключеніямъ, которыя нельзя было бы вывести при совершенно ясномъ изложеніи того же факта или мысли.

Необходимо имѣть въ виду, что польскія газеты имѣютъ чрезвычайно широкое распространеніе среди класса людей, все образованіе которыхъ ограничивается грамотностью, и потому неспособныхъ критически относиться къ содержанію прочитаннаго; печатное слово принимается ими за Евангельскую истину,—а слѣдовательно, вліяніе его на нихъ безгранично. Въ виду этого нельзя не пожалѣть, что цензура польскихъ книгъ, брошюръ, а въ особенности народныхъ изданій не сосредоточена исключительно въ Варшавскомъ цензурномъ комитетѣ, личный составъ котораго, несомнѣнно, болѣе въ состояніи судить о степени безвредности ихъ, нежели цензора Петербургскаго комитета, недостаточно знакомые съ Привисляньемъ какъ въ его прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ. Дѣйствительно, нерѣдко случалось, что книги, не дозволенныя въ Варшавѣ, свободно разрѣшались въ Петербургѣ. По тѣмъ же причинамъ совсѣмъ непонятною является состоявшаяся въ 1896 г. передача цензуры иностранныхъ журналовъ, получаемыхъ въ краѣ, изъ Варшавскаго комитета особымъ чиновникамъ при почтамтѣ ни отъ комитета, ни отъ главной, мѣстной власти не зависящимъ. Дѣло въ томъ, что принятая всею безъ исключенія польскою прессой Привислянья тактика полнѣйшаго молчанія по вопросу о русско-польскихъ отно-

шеніяхъ приводитъ къ тому, что мѣстное населеніе съ жадностью ищетъ ознакомленія съ содержаніемъ заграничныхъ какъ польскихъ, такъ вообще иностранныхъ газетъ, всегда изобилующихъ разсужденіями на эту жгучую тему, и, разумѣется, всецѣло усваиваетъ ихъ страстный взглядъ, подкрѣпляемый или лживыми, или въ лучшемъ случаѣ до крайности извращенными свѣдѣніями о дѣйствіяхъ русской власти и ея агентовъ въ земляхъ, населенныхъ поляками. Свѣдѣнія эти, не встрѣчая ни откуда опроверженія, принимаются читающею публикой за чистѣйшую правду, а разсужденія за отсутствіемъ критики воспринимаются массой и поддерживаютъ въ ней возбужденное непріязненное отношеніе къ Россіи и всему русскому; въ виду этого цензура этихъ изданій для Привислянья получаетъ особое значеніе и должна руководиться особыми соображеніями, для людей незнакомыхъ съ краемъ совершенно неизвѣстными. И съ этой точки зрѣнія изъятіе изъ варшавскаго цензурнаго комитета всей заграничной періодической печати безспорно неполитично.

Дѣйствительно единственнымъ изъ выходящихъ въ Россіи польскихъ журналовъ, посвящающимъ обстоятельныя статьи вопросу о русско-польскихъ отношеніяхъ, является выходящій въ Петербургѣ всѣмъ извѣстный *Край*, — съ не менѣе всѣмъ извѣстнымъ редакторомъ его Пильцемъ. Его отношеніе къ польскому вопросу несомнѣнно дѣльное, серьезное, а гласно высказываемый имъ идеалъ, еслибъ онъ раздѣлялся всѣмъ польскимъ обществомъ, представлялъ бы возможность осуществленія, допустимый и съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ. Сводится онъ къ слѣдующему: полное, безповоротное сліяніе всей Польши съ Россіей, прекращеніе всякой вражды между ними при условіи сохраненія всѣхъ особенностей польской народности — ея вѣры, ея языка, ея обычаевъ и учрежденій и, разумѣется, ея самостоятельнаго мѣстнаго самоуправленія.

Однако, искренностью и этотъ органъ не отличается, такъ какъ основнымъ его положеніемъ служитъ утвержденіе, что это примиреніе въ большинствѣ польской интеллигенціи уже

провозгласило, что ея желанія нынѣ дальше ограничиваются тѣмъ предѣломъ, который установилъ онъ самъ. Это положеніе не только ложно по существу: его ложность не можетъ не сознаваться руководителями *Края*: она имъ столь же извѣстна, какъ и каждому русскому, имѣвшему случай ознакомиться съ Поляками въ Привислинь[ѣ]. Но это утвержденіе необходимо *Краю*, дабы, основываясь на немъ, такъ сказать на законной почвѣ, осуждать политику обрусѣнія Привислинья вообще и систему Милютина въ особенности; къ послѣднему собственно и сводятся всѣ его стремленія, и въ этомъ направленіи изощряются всѣ его способности: съ рѣдкою настойчивостью и несомнѣннымъ талантомъ критикуетъ *Край* каждый шагъ русской власти, какъ въ Привислинѣ, такъ и въ Сѣверо и Юго-Западномъ краѣ, при чемъ, въ зависимости отъ выказываемой правительствомъ твердости и непреклонности преслѣдовать намѣченныя имъ задачи, расширяется, или суживается циклъ требованій этого журнала. Чѣмъ тверже правительство, тѣмъ меньше отъ него требуется, и наоборотъ при малѣйшемъ признакѣ ослабленія его политики кругъ требованій *Края* и той партіи, которую онъ представляетъ, увеличивается. Этого одного достаточно, чтобы судить о степени его искренности, когда онъ заявляетъ, что дальше предоставленія Полякамъ извѣстныхъ правъ его желанія не простираются. Все же эта сторона дѣятельности столичной польской газеты не можетъ быть признана безусловно вредною съ русской точки зрѣнія; гораздо важнѣе другая ея сторона: съ помощью своихъ многочисленныхъ корреспондентовъ, содержимыхъ ею во всѣхъ когда-либо бывшихъ подъ владычествомъ Польши областяхъ, она во-первыхъ постоянно поддерживаетъ связь между этими областями, содѣйствуя сохраненію идеи Польши отъ моря и до моря, а во-вторыхъ не пропускаетъ ни единаго случая выставить въ неблагопріятномъ свѣтѣ всю русскую жизнь: въ этихъ корреспонденціяхъ тщательно отмѣчается, всякое уродливое явленіе въ ея ходѣ, всякое свѣтлое явленіе замалчивается. Такимъ образомъ, проповѣдуя въ своихъ передовыхъ статьяхъ примиреніе съ Россіей, *Край* въ дѣйстви-

тельности поддерживаетъ въ своихъ читателяхъ чувство ненависти къ ней. Кромѣ того значительную часть своего содержанія *Край* посвящаетъ полемикѣ съ русскими газетами, поддерживающими политику Милютина въ земляхъ населенныхъ отчасти или сплошь Поляками, и этимъ выгодно отличается отъ своихъ варшавшихъ собратьевъ, столь же упорно избѣгающихъ всякой полемики съ русскими газетами, какъ и вообще вопроса о русско-польскихъ отношеніяхъ.

Впрочемъ, нужно сознаться, что русская пресса лишь за послѣднее время начала удѣлять нѣкоторое вниманіе польскому вопросу. Первый толчекъ къ этому былъ данъ тѣми проявленіями польской непримиримости, которыя политиканы Привислянья сочли удобнымъ пріурочить къ кончинѣ Императора Александра III. Вслѣдъ за тѣмъ появилась пресловутая брошюра гр. Леливы; съ его легкой руки польскій вопросъ вновь всплылъ на поверхность. Въ теченіе же минувшаго царствованія онъ былъ какъ бы совершенно снятъ съ очереди, до такой степени, что русская публика вправѣ была бы думать, что онъ совершенно пересталъ существовать. Несомнѣнно, что этотъ фактъ является лучшимъ доказательствомъ правильности того образа дѣйствій, который былъ принятъ покойнымъ государемъ по отношенію къ польскому вопросу. При этомъ образѣ дѣйствій край пользовался полнѣйшимъ спокойствіемъ, даже мелочныя единичныя вспышки польскаго шовинизма были столь незначительны, что не привлекали ничьего вниманія. Очевидно, что не прерываемое ни насильственными мѣропріятіями съ правительственной стороны, ни безумными выходками со стороны польскихъ „патріотовъ“ теченіе жизни въ краѣ не давало матеріала для разсужденій на тему о русско-польскихъ отношеніяхъ. Въ Привисляньѣ все было спокойно, а потому оно и не обращало на себя вниманія. Это отнюдь не значитъ, что польская интеллигенція за это время кореннымъ образомъ перемѣнила свои взгляды и направленіе; наоборотъ, польская общественная мысль какъ бы застыла на своихъ вожделѣніяхъ и идеалахъ 60-хъ годовъ, не осмѣливаясь лишь черезчуръ

открыто ихъ выказывать; но съ этимъ характеромъ ея русское общество давно знакомо, а потому пришлось бы главнымъ образомъ повторять давно уже сказанное и всѣмъ извѣстное. Едва лишь почудилось, что въ русско-польскихъ отношеніяхъ можетъ послѣдовать нѣкоторая перемѣна въ правительственной программѣ, какъ усиленно проявились, съ одной стороны, исконная польская непримиримость, съ другой — неустойчивость русской общественной мысли. Многіе органы русской прессы, еще столь недавно не проявлявшіе ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ правильности правительственной политики въ нашихъ западныхъ окраинахъ, внезапно, обнаружили свое основное стремленіе держать носъ по вѣтру и заговорили такимъ тономъ, который не встрѣчался на ихъ столбцахъ въ теченіи добраго десятилѣтія; но въ особенности обнаружилось исконное русское свойство говорить о вопросахъ, касающихся самыхъ жизненныхъ интересовъ страны, какъ о чемъ-то для Россіи совершенно постороннемъ, до насъ вовсе не касающемся. Судя по тону этихъ газетныхъ статей, подумаешь, что дѣло идетъ о какой либо Ирландіи или Канадѣ, пререкающейся съ своею метрополіей, а не о пріобрѣтенной народною кровью русской области. Этотъ отвлеченный способъ разсужденія о польскомъ вопросѣ, доходящій до того, что онъ подчасъ разсматривается какъ бы безотносительно условій пространства и времени, давно извѣстенъ русской публикѣ; на немъ обыкновенно выѣзжала, да и доселѣ продолжаетъ выѣзжать вся либеральная пресса, искони состоящая въ сердечномъ союзѣ съ польщизной. На ея столбцахъ онъ и понятенъ, такъ какъ представляется единственнымъ, при помощи котораго можно путемъ высокопарныхъ словъ о неотъемлемости у всякаго народа права стремиться къ свободѣ, о законности желанія каждаго человѣка говорить на своемъ родномъ языкѣ и вѣровать согласно съ собственными убѣжденіями, придти къ заключенію, что Россія играетъ по отношенію къ Польшѣ роль палача и тирана. Дѣйствительно, стоитъ только поставить этотъ вопросъ на реальную почву, какъ съ ясностью

обнаруживается вся фальшь этого положенія, а именно выясняется, что Россія не напираетъ на поляковъ, а лишь, ограждаясь отъ нихъ, отстаиваетъ свои существеннѣйшіе интересы. И вотъ этотъ-то философски отвлеченный способъ обсужденія польскаго вопроса съ точки зрѣнія высшей справедливости внезапно принятъ и нѣкоторыми органами русской консервативной прессы. Приправленныя громкими словами: вѣротерпимость, свобода совѣсти, насиліе надъ мыслью, появились на столбцахъ этихъ газетъ громкія, доходящія до лиризма статьи о польской угнетенности. Свидѣтельствуя о полномъ незнакомствѣ какъ съ историческимъ ходомъ русско-польскихъ отношеній, такъ и съ современнымъ состояніемъ ихъ въ мѣстахъ всецѣло или отчасти населенныхъ польскимъ элементомъ, статьи эти однако, производятъ въ польскихъ умахъ крайне нежелательное дѣйствіе; онѣ убѣждаютъ лишній разъ поляковъ въ русской неустойчивости и слѣдовательно въ безусловной возможности измѣнить принятую по отношенію къ нимъ правительственную систему, иначе говоря, вновь разжигаютъ уже окончательно потухавшія среди большинства надежды, и тѣмъ разумѣется растягиваютъ на неопредѣленный срокъ несомнѣнно тягостный для самихъ поляковъ переходный періодъ отъ подневольной покорности совершившемуся факту къ внутреннему примиренію съ нимъ. Между тѣмъ, несомнѣнно, что въ дѣлѣ достиженія послѣдняго русская пресса могла бы играть значительную роль, но для этого необходимо перейти на реальную почву фактовъ, выйдя разъ навсегда изъ области идеальныхъ разсужденій. Нужно прежде всего выбрать критеріумомъ при обсужденіи всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій въ польскомъ вопросѣ, примѣнимость, исполнимость и пригодность ихъ въ смыслѣ достиженія разъ навсегда ясно намѣченной цѣли — полнаго, безповоротнаго сліянія входящихъ въ составъ Имперіи земель бывшей рѣчи Посполитой съ коренною Россіей, а не абстрактную ихъ гуманность, справедливость и безошибочность. Этотъ критеріумъ тѣмъ болѣе единственно правильный потому что—какъ мы постараемся выяснить это въ дальнѣйшемъ,—то, что будетъ при-

годно, то одновременно будетъ и гуманно и справедливо, при чемъ однако этого положенія отнюдь нельзя обернуть, такъ какъ, то, что будетъ абстрактно справедливо и гуманно, на дѣлѣ будетъ зачастую совершенно непригодно, и для Россіи безусловно вредно. Дѣльное, чуждое страстности обсужденіе различныхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ русско-польскихъ отношеній, несомнѣнно, могло бы имѣть значеніе для выясненія ихъ въ русскомъ сознаніи, но еще большее значеніе имѣетъ оно для направленія польской общественной мысли, тѣмъ болѣе, что поляки, хотя въ этомъ и не сознаются, усердно слѣдятъ за русскою печатью, а потому безпристрастное обсужденіе ею мѣстныхъ вопросовъ помогло бы уясненію ихъ и въ польскомъ сознаніи. Правительство имѣетъ въ своемъ распоряженіи лишь средства, способныя вліять на образъ дѣйствій поляковъ, но совершенно лишено возможности вліять на ихъ образъ мыслей. Это задача, которую можно разрѣшить лишь съ помощью общества въ лицѣ его лучшихъ представителей. Народная мудрость давно сказала: „Лошадь можно привести къ водѣ, но заставить ее пить нельзя". Русская власть исполнила первую часть этой пословицы: путемъ обязательнаго обученія русскому языку она привела поляковъ къ возможности черпать новыя силы изъ обильнаго источника русской печатной мысли; дѣло общества привлечь и пріохотить ихъ къ пользованію этою силой.

Наконецъ, громадное значеніе имѣетъ выраженіе общественнаго интереса къ дѣятельности русскихъ людей въ краѣ, для успѣшной, бодрой и живой работы этихъ многочисленныхъ тружениковъ. Если положеніе французскихъ общественныхъ дѣятелей, принужденныхъ безропотно выносить цѣлые ушаты безнаказанно выливаемой на нихъ грязи, невыносимо, то точно также тяжело и положеніе тѣхъ дѣятелей, которые лишены всякой общественной поддержки, которыхъ работа обходится молчаніемъ, къ которымъ общественная жизнь относится равнодушно. Если это такъ по отношенію ко всякой отрасли дѣятельности, то въ борьбѣ съ польскою обособленностью это въ особенности такъ. Работа на нашихъ

окраинахъ сопряжена съ постоянною борьбой, раздражающею и утомляющею; безъ нравственной поддержки она не можетъ сохранить своего правильнаго теченія, неминуемо переходя либо въ индифферентизмъ, либо въ озлобленіе. Нужно видѣть, съ какимъ интересомъ, съ какою жадностью читаются въ Привисляньѣ всѣ отзывы русской печати о положеніи русскаго дѣла въ этомъ краѣ, для того, чтобы понять непреложность сказаннаго. Самыя ничтожныя корреспонденціи и замѣтки усердно обсуждаются и комментируются. Очевидно, служилые русскіе люди безъ одобренія и поддержки общественной обойтись въ своей работѣ не могутъ, а мѣстный русскій органъ удовлетворить ихъ въ этомъ отношеніи не въ состояніи; имъ важны отзывы независимой столичной прессы, а не подвластнаго *Варшавскаго Дневника*. Положеніе его вообще двусмысленно: будучи оффиціознымъ органомъ главной мѣстной власти, онъ поневолѣ стѣсненъ въ своихъ сужденіяхъ, по отношенію къ мѣстнымъ вопросамъ и въ особенности къ способу ихъ разрѣшенія. При критическомъ отношеніи къ правительственнымъ рѣшеніямъ и дѣйствіямъ онъ рискуетъ стать въ положеніе Гоголевской унтеръ-офицерской жены, а при одобреніи ихъ—обратиться въ гречневую кашу, какъ извѣстно, страдающую склонностью къ самовосхваленію. Этими обстоятельствами, вѣроятно, и объясняется его чрезвычайно малая распространенность среди русскихъ въ краѣ, неизмѣнно предпочитающихъ выписывать столичныя газеты и совершенно обходиться безъ мѣстной *).

*) *Варшавскій Дневникъ* и самъ мало заботится объ увеличеніи круга своихъ читателей. Дѣло въ томъ, что онъ лишь отчасти ведется на подписныя деньги, главнымъ же источникомъ его доходовъ служатъ обязательныя казенныя объявленія; кромѣ того онъ получаетъ правительственную субсидію въ размѣрѣ 5,000 руб., а редакція пользуется обширнымъ даровымъ помѣщеніемъ, при чемъ, однако, весь доходъ поступаетъ безконтрольно въ пользу редактора-издателя: послѣдній не имѣетъ возможности разсчитывать на сколько нибудь значительное увеличеніе числа своихъ подписчиковъ, какъ бы онъ ни обставилъ свою газету, наличное же ихъ число отъ *Дневника* не уйдетъ, какъ бы онъ плохо не велся, ибо состоитъ почти исключительно изъ подписчиковъ

Но, увы, и тамъ, какъ я уже сказалъ, не находятъ русскіе люди заслуживающихъ серьознаго вниманія статей. За послѣдніе 15 лѣтъ наши руководящіе органы наврядъ ли помѣстили десятокъ статей, толково и съ знаніемъ дѣла трактующихъ о реальныхъ мѣстныхъ вопросахъ. Исключая разсужденій, вышеописаннаго общаго характера, заключающихъ избитыя общія мѣста, да и то до послѣдняго времени чрезвычайно рѣдкихъ, они ограничивались мѣстными корреспонденціями самаго мелочнаго характера. Такъ, напримѣръ, любимою темой варшавскихъ корреспондентовъ русскихъ газетъ былъ въ теченіе многихъ лѣтъ вопросъ о правительственныхъ театрахъ въ Варшавѣ, получающихъ казенную субсидію и поддерживающихъ де исключительно польское искусство, но, къ сожалѣнію, и этотъ вопросъ обсуждался корреспондентами, очевидно, совершенно незнакомыми съ истиннымъ его положеніемъ, и поэтому на немъ стоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Сознавая то громадное вліяніе, которое оказываетъ театръ на посѣщающую его публику, причемъ не только выборъ пьесъ, но и способъ ихъ передачи имѣетъ первенствующее значеніе, правительство рѣшило взять театральное дѣло въ Варшавѣ всецѣло въ свои руки. Да и исхода другого не было: лишить такой городъ, какъ Варшава, съ его полумилліоннымъ населеніемъ, всякихъ зрѣлищъ, немыслимо. Не говоря о деспотическомъ характерѣ такой мѣры, она, несомнѣнно, недопустима и въ томъ отношеніи, что повліяла бы на нравственность населенія. Не имѣя возможности проводить свободное время въ театрѣ, наслаждаясь однимъ изъ наиболѣе облагораживающихъ и возвышающихъ человѣка развлеченій, публика поневолѣ устремилась бы въ кофейни, рестораны и

обязательныхъ; къ нимъ принадлежатъ всѣ правительственныя учрежденія края, вплоть до гминныхъ управленій включительно, и многіе служилые люди, принужденые на него подписываться ради его офиціальнаго отдѣла. Такимъ образомъ, матеріальный разсчетъ издателя удерживаетъ его отъ всякихъ лишнихъ никогда не окупающихся затратъ на газету.

даже еще менѣе воспитательныя заведенія. Но если Варшавы лишить театра нельзя, то и предоставить это дѣло частному предпріятію тоже крайне нежелательно. Если возможна цензура пьесъ, то неосуществима цензура игры: артистъ своими вставками, интонаціями, жестами и мимикой всегда можетъ придать особое значеніе словамъ изображаемаго имъ лица. Надзоръ тутъ поможетъ весьма незначительно; нельзя взыскивать съ актера за то, что онъ возвысилъ голосъ, мигнулъ или жестикулировалъ несогласно съ желаніемъ полиціи. Еще менѣе исполнимо предписывать выборъ пьесъ частному антрепренеру; можно лишь исключать изъ репертуара совершенно неудобныя къ представленію, но насильно навязывать ту или другую изъ дозволенныхъ нельзя.

Всѣ эти неудобства, несомнѣнно, проявились бы при существованіи частнаго театра въ Варшавѣ. Публика посѣщала бы въ особенности пьесы національнаго характера, съ бытовою, чисто польскою обстановкой. Изъ таковыхъ и состоялъ бы, слѣдовательно весь репертуаръ; артисты, стремясь достигнуть большей популярности, придавали бы двусмысленное значеніе тѣмъ мѣстамъ пьесы, которыя бы это мало-мальски допускали, подчеркивали бы тѣ фразы, которыя имѣли бы какое-либо отношеніе къ польскому вопросу, къ историческому прошлому Польши и ея современному состоянію. Театральныя подмостки вскорѣ обратились бы въ трибуну, съ коей поддерживались бы тѣ чувства вражды къ Россіи, которыя и безъ того достаточно развиты въ варшавянахъ. Между артистами и публикой установилась бы тѣсная связь; послѣдняя научилась бы въ совершенствѣ понимать всѣ намеки и двусмысленности, произносимыя на сценѣ, что было-бы едва-ли не вреднѣе разрѣшенія постановки пьесъ, открыто антирусскихъ, такъ какъ возможность широкаго толкованія и необходимость комментированія ихъ содѣйствовали бы еще большему оживленію вѣчно новаго для поляковъ національнаго вопроса. Избѣгнуть всего этого возможно было лишь при правительственномъ театрѣ, надзоръ за коимъ безусловно легче, хотя бы отъ того что частный предприниматель прежде

всего гонится за барышемъ и слѣдовательно требуетъ отъ своей труппы такой игры, которая привлекаетъ наибольшее количество публики; казенный же исключительно денежными интересами очевидно не руководится и слѣдовательно первымъ требованіямъ къ артистамъ можетъ поставить не выходить изъ рамокъ прямого содержанія пьесы. Дѣйствительно, нынѣ въ игрѣ польскихъ артистовъ не замѣчается никакихъ выходокъ, направленныхъ къ усиленію своей популярности путемъ возбужденія народныхъ чувствъ, но объясняется это лишь ихъ полною зависимостью отъ дирекціи, такъ какъ внѣ правительственнаго театра они всячески стремятся обнаружить свою солидарность съ польскими „патріотами;" даже пріѣзжіе гастролеры и тѣ прилагаютъ всѣ старанія публично засвидѣтельствовать это. Такъ теноръ Мышуга родомъ галичанинъ прекрасно владѣющій русской рѣчью, отказался на судѣ, куда онъ былъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля по какому-то дѣлу, давать свои показанія по-русски. Публика не замедлила сдѣлать ему шумную оваціи при первомъ появленіи его на сценѣ послѣ этой выходки; дирекція театра, невозобновивъ съ нимъ контракта сразу отбила охоту у другихъ артистовъ слѣдовать по его стопамъ. Наконецъ, правительство имѣетъ возможность придать театру болѣе космополитическій характеръ соотвѣтственнымъ подборомъ пьесъ. Не желая очевидно являться въ роли покровителя исключительно польскаго искусства, оно и содержитъ въ Варшавѣ рядомъ съ польскою драматическою труппой—оперу и балетъ.

Русская варшавская публика и за нею корреспонденты газетъ обыкновенно указывали на то, что театръ получаетъ субсидію, расходуемую имъ на польское искусство. Независимо отъ того, что поляки, внося милліоны податей, отчасти идущихъ на обще-имперскія потребности, вправѣ претендовать на то, чтобы изъ этихъ суммъ расходовалось бы нѣсколько десятковъ тысячъ рублей на безусловно необходимыя для Варшавы развлеченія, слѣдуетъ замѣтить, что польскій драматическій театръ вполнѣ окупается театральными сбо-

рами, субсидія же всецѣло поглощается оперой и балетомъ, нигдѣ не существующими безъ доплатъ.

Такимъ образомъ, возставать противъ того, чтобы польскія представленія давались въ Варшавѣ въ казенномъ театрѣ (но отнюдь не на казенныя деньги, а на сборы съ польской публики; русскаго тутъ только надзоръ), какъ это дѣлали многіе корреспонденты столичной прессы, можно только при непониманіи дѣла. Поляки это прекрасно сознаютъ и всемѣрно стремятся къ основанію своего частнаго театра. Не разъ составлялись частныя антрепризы, остававшіяся безъ осуществленія лишь вслѣдствіе неполученнаго на то разрѣшенія. Все, что предоставляется въ Варшавѣ въ театральной области частной антрепризѣ, да и то обложенной % сборомъ въ пользу казенныхъ театровъ, это такъ называемые „огрудки," наши лѣтніе театры, дающіе на открытой сценѣ представленія кафе-шантаннаго характера: публика, ихъ посѣщающая, состоитъ почти исключительно изъ веселящейся молодежи, и они политическаго характера совершенно лишены. Самая легкость, съ которою ихъ можно закрыть, останавливаетъ ихъ содержателей отъ всякихъ поползновеній дѣйствовать въ этомъ направленіи. Но тѣ мѣры, которыя примѣнимы къ этимъ заведеніямъ, были бы немыслимы по отношенію къ серьозному театру, съ выдающимися артистами. Лиха бѣда дозволить его—упразднить же крайне трудно безъ возбужденія всеобщаго негодованія.

Впрочемъ, въ постановкѣ казеннаго театра въ Варшавѣ многое выгодно измѣнилось за послѣднее десятилѣтіе. До начала 80-хъ годовъ это учрежденіе было, дѣйствительно, исключительно національно-польское.

На драматическомъ репертуарѣ фигурировали въ то время главнымъ образомъ польскія обстановочныя пьесы, несомнѣнно воскрешавшія въ публикѣ воспоминанія о былой польской свободѣ. Опера состояла почти исключительно изъ мѣстныхъ силъ, крайне слабыхъ, причемъ польскіе композиторы, какъ Галевинскій и Монюшко, были не только любимыми, но и всего чаще исполнявшимися. Даже балетъ носилъ исключи-

тельно польскій національный отпечатокъ, отличаясь въ особенности лихимъ исполненіемъ національныхъ танцевъ краковяка и мазурки, неизмѣнно вызывавшихъ шумный восторгъ и безконечные bis публики. Словомъ, театръ хотя и не имѣлъ того характера, который силой вещей пріобрѣлъ бы въ частныхъ рукахъ, тѣмъ не менѣе не только носилъ исключительно польскій отпечатокъ, но до извѣстной степени поддерживалъ въ варшавянахъ мысль о самостоятельной Польшѣ. Стремясь измѣнить этотъ характеръ во всемъ краѣ, понемногу сглаживая его особенности, главная власть обратила вниманіе и на подвѣдомственные ей театры, составлявшіе въ правительственныхъ рукахъ странное противорѣчіе со всею русскою политикой. Но здѣсь нужно было дѣйствовать осторожно, исподволь измѣняя общій строй этого дѣла: всякая рѣзкая мѣра могла бы отбить публику отъ посѣщенія театра, что во всѣхъ отношеніяхъ было нежелательно, а прежде всего отозвалось бы на доходахъ этого учрежденія. Такъ ради расположенія театра дирекція начала приглашать въ оперу на гастроли итальянскихъ пѣвцовъ въ замѣнъ польскихъ (что впрочемъ, производилось изрѣдка и ранѣе); перемѣна эта, повлекшая въ скоромъ времени удаленіе со сцены большинства польскихъ устарѣвшихъ пѣвцовъ, не смотря на несомнѣнное превосходство гастролеровъ надъ прежними постоянными силами, тѣмъ не менѣе была принята публикой первоначально не особенно дружелюбно,—настроеніе, которое въ особенности усилилось при введеніи въ оперу итальянскаго языка, вмѣсто польскаго, отъ чего представленія, однако, лишь выиграли вслѣдствіе крайней неблагозвучности польской рѣчи, особенно рѣзко выступающей въ пѣніи. Понемногу рядомъ съ операми, передававшимися на одномъ польскомъ языкѣ, начали ставить и такія, гдѣ всѣ солисты пѣли по-итальянски и лишь хоры сохранили польскій языкъ. Наконецъ, добились того, что и хоры были научены итальянскому либретто и многія оперы стали исполнять уже на одномъ итальянскомъ языкѣ. По отношенію къ драматическому театру принятыя мѣры сводились къ постепенному исключенію изъ

репертуара польскихъ обстановочныхъ пьесъ, замѣняя ихъ современными польскими или переводными, преимущественно французскими, комедіями и драмами. Наконецъ, балету данъ былъ болѣе космополитическій характеръ. Рядомъ съ излюбленными поляками національными балетами, какъ, напримѣръ, панъ Твардовскій, Свадьба въ Ойцовѣ, состоящихъ сплошь изъ національно-польскихъ танцевъ, были поставлены и такіе, въ которыхъ преобладающую роль играли чисто балетные танцы, причемъ и обстановка ихъ не носила національно польскаго характера *).

Слѣдуетъ сказать, что эти перемѣны были введены столь нечувствительно, что публика ихъ почти не замѣтила. Не только драматическія представленія, но и опера, равно какъ балетъ, не переставали посѣщаться публикой въ прежнемъ размѣрѣ. Но разумѣется, выдающимся событіемъ въ театральномъ дѣлѣ въ Варшавѣ слѣдуетъ признать приглашеніе русской драматической труппы, впервые состоявшееся въ 1885 году. До тѣхъ поръ въ стѣнахъ Варшавскаго театра со сцены, можно сказать, со времени его основанія, не было произнесено ни единаго русскаго слова. Нечего говорить, что появленіе русскихъ артистовъ на сценѣ исконно польскаго Варшавскаго театра возбудило значительное волненіе въ польскомъ населеніи города, при чемъ не только пріѣзжіе артисты (труппы Московскаго Малаго театра), но и русскіе варшавяне получили массу анонимныхъ писемъ со всевозможными угрозами. Къ чести артистовъ и публики, угрозы эти оказались совершенно не дѣйствительными: въ назначенный день, при пе-

*) Театральное дѣло въ Варшавѣ какъ въ отношеніи его постановки согласно съ требованіями русскихъ интересовъ въ краѣ, такъ и съ художественно-артистической стороны безспорно многимъ обязано покойному директору театровъ генералу Карандѣеву, вложившему въ это дѣло всю свою душу; ему же удалось упорядочить и финансовую сторону театра, пришедшую, ко времени его назначенія, въ крайне запутанное состояніе. Но, какъ часто бываетъ, на него-то въ особенности нападали досужіе Варшавскіе корреспонденты, руководствуясь побужденіями, основанными къ сожалѣнью зачастую исключительно на личныхъ соображеніяхъ и счетахъ.

реполненной залѣ, былъ данъ первый русскій спектакль въ Варшавѣ. Овацiямъ не было конца. Превосходная труппа, умѣлый выборъ пьесъ, наконецъ, тотъ характеръ русскаго торжества, который былъ придавъ этимъ представленiямъ скорѣе поляками, нежели самими русскими, обезпечилъ матеріальный и нравственный успѣхъ этой попытки. Поляки, посылавшіе грозныя письма, разумѣется, ими и ограничились. Хорошо понимая, что время безнаказанныхъ манифестацій миновало, что правительство не допуститъ никакого серіознаго нарушенія спокойнаго хода русскихъ спектаклей, они заблагоразсудили удовольствоваться подметными письмами да ярыми филиппиками противъ новаго русскаго захвата, печатавшимися въ польскихъ закордонныхъ газетахъ Познани и Галиціи. Этотъ первый успѣхъ давалъ право думать, что недалеко то время, когда Варшава увидитъ и постоянную русскую труппу, но, увы, эти надежды не оправдались. При слѣдующемъ посѣщенiи Варшавы русскими артистами (на этотъ разъ частнаго театра Корша), не смотря на болѣе чѣмъ удовлетворительную игру ихъ, театръ не дѣлалъ сборовъ. Становилось очевиднымъ, что русской публики въ Варшавѣ еще недостаточно для содержанiя постоянной труппы. Успѣхъ московскихъ артистовъ во многомъ объяснялся тѣмъ временнымъ подъемомъ духа русскаго общества, который вызванъ былъ фактомъ водворенiя русской рѣчи на сценѣ до тѣхъ поръ исключительно польской. Дѣйствительно, были лица, которыя присутствовали на всѣхъ данныхъ тогда 15-ти представленiяхъ; очевидно, что такого усерднаго посѣщенiя театра въ будущемъ нельзя было ожидать, да если мы вспомнимъ, что большинство нашихъ губернскихъ городовъ не имѣетъ постояннаго театра, то поймемъ, что и варшавское русское общество еще недостаточно разрослось, чтобы дать возможность содержать таковой же въ Варшавѣ. Не взирая, однако, на все это, наши не въ мѣру рьяные обрусители продолжали настойчиво требовать учрежденiя въ Варшавѣ постояннаго русскаго театра, очевидно, не сознавая, что одинъ лишь фактъ его существованiя ничего не докажетъ и что несом-

нѣнно лучше не имѣть его вовсе, нежели имѣть пустующимъ. Послѣднее явится лишь наглядным доказательствомъ въ глазахъ польскаго населенія города нашей сравнительной малочисленности въ немъ.

Ясно, что эти требованія основаны на убѣжденіи, что путемъ правительственныхъ мѣропріятій можно всего достигнуть, до искусственнаго созданія театральной публики включительно. Къ сожалѣнію это не совсѣмъ такъ.

ГЛАВА XIV.

УНІАТСКІЙ ВОПРОСЪ.

Тогда какъ одна часть нашего общества мечтаетъ путемъ уступокъ съ одной стороны и краснорѣчивыхъ увѣщаній съ другой, склонить поляковъ къ примиренію съ Россіей и убѣдить ихъ прекратить свои козни противъ нея, забывая совѣтъ Крылова: „тамъ рѣчей не тратить по пустому, гдѣ нужно власть употребить", другая часть всѣ правительственныя мѣры сводитъ къ насилію и думаетъ съ помощью городоваго обратить поляка въ русскаго, а католика въ православнаго.

Мы привели, думается, достаточно фактовъ, ясно доказывающихъ непрактичность не разъ испробованнаго Россіей перваго способа дѣйствій; необходимо указать и на полную непригодность огульнаго примѣненія второго.

Дѣйствительно, вѣра во всемогущество правительственныхъ мѣропріятій и притомъ внѣшняго, такъ сказать, полицейскаго характера независимо отъ того, въ какой они области примѣняются — матеріальной или духовной, развита у нѣкоторыхъ нашихъ дѣятелей до крайности. Не дѣлая никакой рѣшительно разницы между идеей и ея матеріальными проявленіями, эти лица стремятся сплеча побороть то и другое тѣмъ же оруліемъ, тѣми же средствами. Къ сожалѣнію,

и многіе изъ тѣхъ, которые признаютъ въ принципѣ правильность той безспорной истины, что духъ можно побороть лишь духомъ, на практикѣ допускаютъ извѣстныя исключенія, по ихъ мнѣнію неизбѣжныя, и путемъ послѣдовательныхъ софизмовъ фактически приходятъ къ образу дѣйствій прямо противорѣчащему ими же признаваемой аксіомѣ. Но жизнь, сталкиваясь съ фактомъ насилія совѣсти, немилосердно срываетъ съ него предпосланные ему казуистическіе мотивы и придаетъ ему то истинное значеніе, которое онъ по самому существу своему не переставалъ имѣть, т. е. дѣйствія безнравственнаго, ложнаго, а потому и безспорно вреднаго для того дѣла и той цѣли, которыя онъ преслѣдуетъ.

Наконецъ многимъ не удается установить точной грани между духовными убѣжденіями и истекающими изъ нихъ физическими дѣйствіями. Вслѣдствіе этого одни видятъ нарушеніе вѣротерпимости въ стремленіи русской власти подчинить себѣ римско-католическое духовенство, признавая во всѣхъ его дѣйствіяхъ, до пропаганды латинства включительно, лишь проявленія идейныя, въ то время, какъ другія усматриваютъ въ стойкомъ отказѣ упорствующихъ въ уніи посѣщать православные храмы—факты матеріальные. Такимъ образомъ, дѣйствіе пассивное признается за нѣчто идейное, а дѣйствіе активное признается за нѣчто матеріальное.

Этимъ, казалось бы невозможнымъ, смѣшеніемъ двухъ сторонъ человѣческаго бытія во многомъ объясняется неуспѣшность русской политики не только въ Привисляньѣ, но и въ Сѣверо и Юго-Западномъ краѣ въ смыслѣ ихъ духовнаго сплоченія съ коренною Россіей. Разумѣется, наиболѣе ясно сказывается это въ области религіозной, а именно въ дѣлѣ окончательнаго возсоединенія бывшихъ уніатовъ съ православіемъ.

Всѣмъ извѣстно происхожденіе уніи, съ помощью которой Польша въ единеніи съ папствомъ хотѣла однимъ ударомъ ополячить и окатоличить населявшія часть ея владѣній русскія племена. Извѣстна и успѣшность дѣйствія этихъ соединенныхъ силъ: съ теченіемъ времени русскіе уніаты все

болѣе отходили во всей обрядовой части своей вѣры, исчерпывающей для темныхъ народныхъ массъ всю сущность религіи, отъ православной церкви, все ближе подходили къ католической. Естественно, наша церковь стремилась вернуть въ свое лоно отступившихъ нерѣдко подъ вліяніемъ насилія отъ своей исконной вѣры, а правительство всемѣрно этому содѣйствовало, видя въ этомъ вѣрнѣйшее средство для возстановленія въ нихъ, отчасти ими утраченнаго, русскаго облика.

Дѣло воссоединенія уніи, подготовляемое съ 20-хъ годовъ этого столѣтія путемъ постепеннаго очищенія ея обрядностей отъ наносныхъ католическихъ формъ — началось въ Виленской епархіи знаменитымъ епископомъ ея Іосафомъ Сѣмашко; благодаря его выдающейся пастырской дѣятельности, основанной исключительно на убѣжденіи словомъ и собственнымъ примѣромъ, оно отличалось вначалѣ необыкновенною успѣшностью: уніаты толпами возвращались къ вѣрѣ своихъ праотцевъ. Этотъ первоначальный успѣхъ привелъ правительство къ нѣсколько поспѣшной мѣрѣ. Въ 1839 году, какъ извѣстно, унія въ Сѣверо-Западномъ краѣ была оффиціально признана не существующею, а уніаты поголовно воссоединенными, при чемъ всѣ уніатскія церкви обращены были въ православныя. Но тутъ произошло то, что неизмѣнно происходитъ при насиловании священнѣйшихъ убѣжденій человѣка: уніаты, охотно переходившіе въ православіе при умѣлой проповѣди іереевъ, выказали немедленно упорное сопротивленіе принимаемымъ съ тою же цѣлью мѣрамъ административно-полицейскимъ. Можно смѣло сказать, что медаль, отбитая въ память воссоединенія уніи и гласящая—„отторженные насиліемъ — воссоединены любовью“, была правдива лишь до момента ея отчеканки. Дѣйствуя до этого времени исключительно нравственнымъ убѣжденіемъ, русская власть немедленно послѣ этого акта для завершенія столь успѣшно начатаго прибѣгла къ насилію, при чемъ, къ сожалѣнію, былъ почти совершенно оставленъ тотъ образъ дѣйствій, который столь успѣшно примѣнялся въ началѣ.

Результаты на лицо; количество упорствующихъ въ уніи въ Сѣверо-Западномъ краѣ до сихъ поръ значительно.

Повтореніе той же ошибки приходится, къ несчастію, констатировать въ Привисляньѣ, гдѣ бывшими уніатами населены восточные уѣзды Сѣдлецкой и Люблинской губерніи—русское Подляшье и Забужье, а равно и Августовскій уѣздъ, Сувалкской губерніи. Въ Забужьѣ и Подляшьѣ началось возсоединеніе уніатовъ точно также съ очищенія ихъ церковныхъ обрядовъ отъ латинскихъ новшествъ. Велось оно какъ по иниціативѣ, такъ и подъ непосредственнымъ руководствомъ кн. Черкасскаго, вложившаго въ это дѣло всю свою душу. Съ крайней осторожностью и мягкостью, всячески стремясь не оскорблять религіознаго чувства уніатовъ, старался кн. Черкасскій воздѣйствовать на духовенство, по немногу удаляя наиболѣе окатоличенныхъ священниковъ. Но ему не удалось довести свои предположенія до конца, а съ его уходомъ всему дѣлу былъ данъ нѣсколько рѣзкій, поспѣшный ходъ, тотчасъ вызвавшій нареканія среди уніатскаго духовенства, что и отразилось на настроеніи всего населенія Холмщины.

Необходимо, однако, признать, что въ Привисляньѣ были особенныя причины, побудившія нѣсколько ускорить нормальный ходъ возсоединенія тамошнихъ уніатовъ съ православіемъ. Заключались онѣ въ тѣхъ крайне непріязненныхъ дѣйствіяхъ римской куріи, которыми она всячески стремилась не только удержать русскихъ уніатовъ подъ своимъ владычествомъ, но и окончательно обратить ихъ въ католиковъ. Послѣдній толчекъ былъ данъ извѣстною энцикликой папы Пія IX отъ 11/23 мая 1874 года, посланною всѣмъ уніатскимъ епископамъ Галиціи, въ коей администраторъ Холмской епархіи, протоіерей Маркеллъ Попель, за его стремленіе очистить уніатскую церковную обрядность отъ несвойственныхъ ей латинопольскихъ примѣсей, признавался „ложнымъ церковнымъ правителемъ, недостойнымъ церковнаго сана“, а всѣ его распоряженія „не имѣющими силы и дѣйствія“. Такимъ образомъ римскій престолъ освящалъ всѣ искаженія, вошедшія въ во-

сточный обрядъ уніатовъ, цѣлость и неприкосновенность коего были однако имъ обезпечены флорентинскою догматической уніей.

Папская энциклика во множествѣ экземпляровъ распространялась среди уніатовъ Забужья и окончательно смутила ихъ. Становилось яснымъ, что необходимо тотчасъ, безъ замедленія, завершить начатое дѣло подъ опасеніемъ его окончательной гибели. Фактически унія не существовала; она была уничтожена папскою энцикликой, какъ-бы слившею ее воедино съ католицизмомъ. Оставалось, слѣдовательно, либо отказаться отъ всего достигнутаго на пути сближенія уніи съ православіемъ, либо порвать съ папскимъ престоломъ, иначе говоря, признать уніатовъ за православныхъ. При отсутствіи инаго выбора поневолѣ приходилось остановиться на послѣднемъ.

Всѣхъ бывшихъ уніатовъ въ Привисляньѣ нынѣ числится свыше 300 тысячъ; добрая четверть изъ нихъ принадлежитъ по сію пору къ явно упорствующимъ, остальныя же дѣлятся на двѣ почти равныя части, изъ коихъ одна, всецѣло движимая религіозными убѣжденіями, искренно и безповоротно присоединилась къ православію, слилась съ нимъ воедино и составляетъ оплотъ и залогъ дальнѣйшаго движенія въ этомъ направленіи среди брошеннаго судьбой еще въ половинѣ XIV вѣка въ польскіе тиски русскаго населенія Забужья, другая же — исполняя внѣшнимъ образомъ всѣ обряды православной вѣры, духовно, однако, еще не окончательно утвердилась въ ней, представляетъ элементъ колеблющійся и слѣдовательно легко поддающійся латино-польской пропагандѣ. Что же касается до упорствующихъ, то и они дѣлятся на двѣ группы, одна изъ которыхъ, уклоняясь отъ исполненія всѣхъ насущныхъ требъ по обряду православному, до сихъ поръ твердо держится старины своей, т. е. несуществующей въ краѣ Церкви уніатской, при чемъ, однако, предпочитаетъ совершенно обходиться безъ духовнаго общенія съ Церковью, нежели примкнуть къ католицизму, тогда какъ другая совершенно порвала всякую связь съ вѣрой отцовъ своихъ и всецѣло со-

вращена въ латинство. Самымъ прискорбнымъ явленіемъ слѣдуетъ несомнѣнно признать послѣдній фактъ. Такимъ образомъ оказывается, что русская народность, въ теченіе четырехъ-вѣковаго польско-католическаго гнета стойко отстаивавшая свою вѣру и національность, нынѣ при нашемъ владычествѣ, на нашихъ глазахъ утрачиваетъ и то, и другое.

Усмотрѣть причину этого не только прискорбнаго, но прямо позорнаго для насъ явленія—легко. Кроется она въ тѣхъ способахъ, которые примѣнялись и понынѣ примѣняются для убѣжденія упорствующихъ. Несомнѣнно, что центръ тяжести въ этомъ дѣлѣ лежитъ на духовенствѣ, но именно оно-то далеко не въ полномъ составѣ соотвѣтствуетъ предъявляемымъ къ нему его высокимъ призваніемъ требованіямъ.

Православное духовенство возсоединенныхъ уніатскихъ приходовъ Привислянья по своему происхожденію, такъ сказать, трехсоставное, а именно: мѣстное (бывшее уніатское), галицкое, вызванное въ числѣ около 150 лицъ изъ Галичины, и русское, пришлое изъ Имперіи. Первое въ значительной своей части фактически совершенно ополячено: домашній языкъ его польскій, при чемъ русскій языкъ нѣкоторымъ изъ нихъ *совершенно неизвѣстенъ*; мало того, между ними встрѣчаются и такіе священники, которыхъ жены не только коренныя польки, *по-русски непонимающія*, но католички, усердно посѣщающія костелъ. Очевидно, что о миссіонерской дѣятельности этихъ священниковъ говорить не приходится; въ ихъ приходахъ религіозное настроеніе упорствующихъ къ православію явно враждебное. — Разумѣется, совершенно другого характера русское духовенство, но, къ сожалѣнію, и оно къ миссіонерскому подвигу не подготовлено. Если большинство его и пригодно для удовлетворенія обыкновенныхъ религіозныхъ нуждъ, какъ оно практикуется въ епархіяхъ центральной Россіи, то для укрѣпленія православія среди населенія, на которое направлена умѣлая пропаганда католичества, оно не достаточно закалено ни умственно, ни нравственно: его обязанности здѣсь чрезвычайно сложны и требуютъ такихъ качествъ, которыя въ епархіяхъ съ искони

православнымъ населеніемъ почти вовсе не обязательны. Особое положеніе православной церкви, расположенной среди иновѣрнаго католическаго населенія, обязываетъ къ тому же служителей ея особенно строго наблюдать за сохраненіемъ всей своей нравственной чистоты, дабы являться достойными представителями государственной религіи. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ это не совсѣмъ такъ. Свою миссіонерскую дѣятельность многіе священники основываютъ не на духовномъ наставленіи своей паствы, а на преслѣдованіи ея мѣрами строгости, совершенно не соотвѣтствующими намѣченной имъ цѣли. Забыты ими слова епископа Литовскаго Макарія (впослѣдствіи митрополита Московскаго): „православіе есть свѣтъ и отнюдь не должно распространяться путями тьмы: употребляйте для этого одни только оружія свѣта: наставленіе, вразумленіе, убѣжденіе, кротость, любовь, собственный примѣръ благочестивой жизни“. Среди русскаго духовенства выработался даже особый типъ такъ называемаго боевого священника, направляющаго всю свою дѣятельность на борьбу съ католическимъ духовенствомъ, тайные происки коего, по его мнѣнію, единственная причина выказываемаго уніатами упорства. Этотъ пастырь отличается самодовольствомъ, гордостью, величавою осанкой, мнитъ себя государственнымъ дѣятелемъ, борцомъ за народность и вѣру православную, что̀ постоянно имъ отождествляется. Все свое время онъ употребляетъ на политическую борьбу, стремится возбудить въ своей паствѣ не чувства любви и прощенія даже къ врагамъ своимъ,— высшая заповѣдь ученія Христова, а наоборотъ чувства ненависти къ своимъ противникамъ-ксендзамъ и католикамъ. Любимѣйшее его занятіе—шпіонство за католическимъ духовенствомъ и основанное на немъ возбужденіе дѣлъ „о совращеніи“ въ связи съ безчисленными доносами на ихъ дѣятельность. Розыски лицъ, уклоняющихся отъ исполненія православныхъ требъ, поглощаютъ также много его времени, но не ради наставленія ихъ пастырскимъ словомъ, а лишь въ цѣляхъ полицейскихъ. Не довольствуясь доносами на римско-католическій церковный клиръ, онъ пишетъ жалобы и на

православныхъ чиновниковъ администраціи, обвиняя ихъ въ недостаточномъ содѣйствіи дѣлу православія и даже въ тайномъ противодѣйствіи ему. Верхомъ успѣха онъ считаетъ, если ему удастся закрыть какой-либо католическій костелъ, присоединивши его приходъ къ болѣе дальнему костелу, а затѣмъ и обратить его въ православную церковь.

Есть среди нихъ и такіе, которые даже замѣнили свой пастырскій посохъ свѣтскимъ оружіемъ. Съ заряженнымъ револьверомъ они не разстаются, да еще при этомъ кичатся своимъ мужествомъ. До внутреннихъ убѣжденій своихъ прихожанъ имъ дѣла нѣтъ, лишь бы они исполняли свои требы въ православной церкви. Нечего и говорить, что результатъ такой системы — самый плачевный: въ ихъ приходахъ число упорствующихъ не только не сокращается, но ежегодно увеличивается. Такая ихъ дѣятельность къ тому же какъ нельзя больше на руку врагамъ нашимъ: мѣры, принимаемыя правительствомъ по отношенію къ уніатамъ, постоянно обсуждаюся закордонною польскою прессой, о нихъ съ паѳосомъ говоритъ каждый полякъ, хотя главнымъ образомъ вслѣдствіе сознанія, что это единственный козырь въ ихъ рукахъ для доказательства русскаго варварства, нетерпимости къ католичеству, насилія надъ человѣческою совѣстью. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ приводимыхъ ими фактовъ достовѣрны, а это, вслѣдствіе склонности человѣческой по части судить о цѣломъ, придаетъ вѣру и правдоподобіе и всѣмъ остальнымъ ихъ лживымъ и вымышленнымъ розказнямъ о русской тиранніи. Обильный матеріалъ для этихъ розказней къ сожалѣнію доставляетъ и образъ жизни нашихъ пастырей не только не соотвѣтствующій ихъ сану, но иногда даже и самымъ элементарнымъ правиламъ нравственности. Неумѣренно предаваясь всѣмъ удовольствіямъ плоти, они не только не служатъ къ усиленію ореола представляемой ими церкви, но наоборотъ умаляютъ ея значеніе въ глазахъ колеблющейся въ вѣрѣ части населенія и совершенно потрясаютъ его въ средѣ явно упорствующихъ. Невольно напрашивается у тѣхъ и другихъ сравненіе этихъ воинствующихъ служителей самой миролюби-

вой изъ церквей—съ сдержанными и до крайности дисциплинированными, но искусными въ дѣлѣ пропаганды, всецѣло воинствующаго католицизма. Нѣкоторые изъ нихъ одержимы и духомъ любостяжанія; несмотря на полную матеріальную обезпеченность получаемымъ отъ казны содержаніемъ, они продолжаютъ взимать денежное вознагражденіе за исполненіе требъ даже отъ уклоняющихся отъ Православія, вопреки епархіальному распоряженію, воспретившему взыскивать плату за крещеніе дѣтей упорствующихъ. И это-то лица дерзаютъ называть себя миссіонерами, носителями свѣта Православія. Нѣтъ сомнѣнія, что та закваска политической борьбы, которая столь распространена среди русскихъ священниковъ въ Забужьѣ, происхожденія заѣзжаго, наноснаго. Начало ей положено третьею категоріею духовенства, а именно тѣми бывшими уніатскими священниками, которые были вызваны изъ Галиціи для очищенія уніатской обрядности въ бывшей Холмской епархіи. Привыкши на родинѣ къ политической борьбѣ, такъ какъ на нихъ одинъ лежало и досель лежитъ тамъ двойное бремя отстаиванія вѣры и народности своей паствы, они естественно сохранили вѣковую привычку соединять въ своемъ лицѣ дѣятельность духовную и политическую и, къ несчастію, привили ее многимъ священникамъ, пришлымъ изъ коренной Россіи. Дѣло въ томъ, что въ Галиціи въ духовенствѣ заключается и вся русская интеллигенція страны: „хлопъ да попъ“ вотъ какъ характеризуется тамъ русская народность. При такихъ условіяхъ галицко-русское духовенство силой вещей принуждено было вооружаться не однимъ только мечемъ духовнымъ, что въ свою очередь роковымъ образомъ привело его къ нѣкоторому измѣненію строя своей жизни. Принимая дѣятельное участіе въ политическихъ распряхъ, священники принуждены были посѣщать общественныя собранія и клубы; отсюда до посѣщенія публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній былъ лишь одинъ шагъ, который и былъ большинствомъ изъ нихъ съ успѣхомъ пройденъ.

Прибывъ по приглашенію правительства въ Подлѣсье и Забужье, они вмѣсто того, чтобы оставить всю политическую

борьбу, совершенно здѣсь лишнюю, такъ какъ роль эта съ избыткомъ выполнялась агентами свѣтской власти, наоборотъ лишь усилили ее, увидѣвъ бо́льшій просторъ, большую свободу къ тому. Вліяніе ихъ, какъ на мѣстное, такъ въ особенности на вызванное изъ внутреннихъ губерній русское духовенство *), было самое пагубное; не сумѣвъ привить ему того миссіонерскаго духа, которымъ оно несомнѣнно само было преисполнено, тѣхъ проповѣдническихъ способностей, которыя выросли въ немъ вѣками, оно лишь научило его вносить въ пастырскую дѣятельность совершенно несвойственную ей политическую окраску. Съ другой стороны галичане своимъ образомъ жизни смутили наше скромное духовенство; пріучили его къ открытой, совершенно свѣтской жизни, въ которую нѣкоторые изъ послѣднихъ внесли, вслѣдствіе своей несомнѣнно меньшей культурности, полную разнузданность. Мало того, вызванные галичане внесли внутреннюю смуту въ среду духовенства Холмской епархіи; стремясь забрать исключительно въ свои руки всю власть въ ней, они желали выдѣлить ее изъ общаго русскаго церковнаго строя. Самое возсоединеніе Уніи съ православіемъ, которому несомнѣнно дѣятельно способствовали, они однако понимали не иначе, какъ при сохраненіи за ними высшаго духовнаго управленія возсоединенной епархіей при полномъ устраненіи древле-православнаго духовенства отъ руководительства ею, говоря, что иначе это будетъ „возсоединеніе ягненка съ желудкомъ волка“.

Вслѣдствіе этого, по сліяніи Холмской епархіи съ Варшавскою, они первоначально не желали подчиняться распоряже-

*) Необходимо, впрочемъ, имѣть въ виду, что *кореннаго* русскаго духовенства здѣсь самый ничтожный процентъ: большинство русскихъ священниковъ въ Подляшьѣ вызваны изъ сѣверо- и юго-западнаго края, гдѣ православное духовенство испытало вліяніе долголѣтняго польско-латинскаго господства и, составляя такимъ образомъ до извѣстной степени продуктъ прежней Польши, имѣетъ много сходныхъ чертъ съ духовенствомъ Галиціи; этимъ и объясняется та легкость, съ которой оно послѣдовало примѣру галичанъ.

ніямъ епархіальной власти, въ особенности тѣмъ изъ нихъ, которыя клонились къ измѣненію ихъ открытаго образа жизни, и даже открыто протестовали противъ нихъ въ издающейся въ Галиціи русской газетѣ *Слово*. Лишь мѣрами строгости удалось смирить наиболѣе строптивыхъ и тѣмъ заставить покориться остальныхъ.

Такимъ-то образомъ произошло нынѣшнее православное духовенство въ Подляшьѣ и Забужьѣ. Не воспріявъ у Галичанъ ихъ проповѣдническаго дара, ихъ умѣнія вдохновлять и направлять свою паству, скромный русскій сельскій священникъ, столь близкій по всему своему жизненному строю къ той средѣ, въ коей онъ живетъ и дѣйствуетъ, въ Подляшьѣ преобразился въ гордаго, кичливаго представителя господствующей церкви. Несомнѣнно тому же способствовалъ и примѣръ католическаго духовенства, съ коимъ ему ежечасно приходится сталкиваться; и отъ всѣхъ научился священникъ политическимъ воззрѣніямъ, но несправедливо, однако, утверждать, что католическое духовенство было причиной измѣненія его внѣшняго облика. Католическій всѣхъ, если и не всегда чуждъ свѣтскихъ соблазновъ, то всячески скрываетъ это. Съ внѣшней стороны онъ строжайше соблюдаетъ приличествующій его сану достойный образъ жизни; его можно упрекнуть лишь въ фарисействѣ, а не въ открытой явной разнузданности.

Очевидно, дѣло православія, порученное такимъ руководителямъ не только не подвигается, но наоборотъ регрессируетъ. И такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока въ рукахъ духовенства останется малѣйшая возможность прикасаться къ политической сторонѣ вопроса, пока его составъ не будетъ обновленъ такими лицами, которые, придерживаясь строгаго благочестія въ своей частной жизни, не будутъ представлять примѣра неустойчивости нравственной, для вящшаго соблазна неустойчивыхъ въ вѣрѣ. Несомнѣнно, что и нынѣ среди духовенства существуютъ отдѣльныя личности, предоставляющія всю политическую борьбу попеченіямъ администраціи, сами же дѣйствующія исключительно въ духѣ ученія Христова, стремящіяся привлечь уни-

атовъ любовью и убѣжденіемъ: успѣхъ неизмѣнно сопровождаетъ дѣятельность этихъ истинныхъ пастырей, понимающихъ, что какъ ученіе православной церкви, такъ и ея интересы одинаково требуютъ именно такого отношенія къ этому вопросу со стороны духовныхъ руководителей народа. Къ счастію этотъ характеръ дѣятельности за послѣднее десятилѣтіе получаетъ все большее примѣненіе. Живой примѣръ благотворнаго вліянія Лѣсненской обители, расположенной въ 12 верстахъ отъ г. Бѣлы, Сѣдлецкой губерніи среди почти сплошнаго упорствующаго населенія, не мало этому способствовалъ, а потому не лишено будетъ интереса сказать про нее нѣсколько словъ. Основанная въ микроскопическихъ размѣрахъ въ 1885 году въ видѣ общежитія, она съ 1889 года обращена въ женскій монастырь, выгодно отличающійся своимъ уставомъ отъ другихъ существующихъ въ Россіи монастырей. Главною его особенностью слѣдуетъ признать то, что онъ принимаетъ въ свою среду безъ обязательства провести всю жизнь въ монастырскихъ стѣнахъ; въ него поступить можно на время. Женщины, жаждущія живой, плодотворной дѣятельности, могутъ найдти ее тамъ, не обрекая себя на вѣчное монашество. Этою ея особенностью и нужно объяснить тотъ сравнительно высокій образовательный уровень, которымъ отличаются сестры обители. Къ сожалѣнію, такихъ учрежденій у насъ мало, слишкомъ мало. Наши монастыри, съ своею созерцательною жизнью, развиваютъ лишь склонность къ безмятежному покою и праздности; всѣ послушанія въ нихъ сводятся къ работамъ на себя, на обитель. Духъ милосердія и любви къ ближнему тамъ въ лучшемъ случаѣ высказывается совершенно платонически. Далеко отошли они отъ завѣтовъ и подвиговъ первыхъ христіанъ, вся жизнь которыхъ регулировалась не стремленіемъ къ вѣчному блаженству или страхомъ передъ вѣчными мученіями, а беззавѣтной любовью къ Богу, горячей любовью къ человѣчеству. Гдѣ же нашимъ монастырямъ служить разсадниками миссіонеровъ Православія. Узкій, личный эгоизмъ характеризуетъ ихъ членовъ. Не въ такихъ людяхъ нуждается Россія. Ея обширныя миссіонерскія задачи на

Востокѣ, равно какъ успѣшное завершеніе уніатскаго вопроса, требуютъ настоятельно скорѣйшаго измѣненія всего склада монастырской жизни, направленія ея на дѣло развитія нравственнаго и умственнаго уровня общества, на дѣло разумной помощи обездоленнымъ въ жизни. Именно эти высокія задачи поставила себѣ Лѣсненская обитель. Съ этою цѣлью устроены при ней лѣчебница и школа-пріютъ: въ оба эти учрежденія принимаются больные и дѣти *безъ различія вѣроисповѣданія*. Не ограничиваясь помощью въ стѣнахъ монастыря, сестры обители посѣщаютъ и окрестныя селенія съ цѣлью облегчить страданія больныхъ и тяжкую долю неимущихъ; католики, упорствующіе и православные составляютъ одинаковый предметъ ихъ заботъ. Такой истинно христіанскій образъ жизни и дѣйствій этихъ труженицъ не замедлилъ оказать самое благотворное вліяніе на все населеніе этой мѣстности; не только среди упорствующихъ, изъ коихъ многіе уже нынѣ по убѣжденію примкнули къ православію, но и среди католиковъ пользуются онѣ любовью и уваженіемъ, что̀ прежде всего отражается на отношеніи сельскаго люда къ православной церкви вообще.

Открытыя этимъ монастыремъ филіи въ 1894 г. въ Теолинѣ (Августовскаго у. Сувалкской губерніи) и въ 1896 году въ Вировѣ (Соколовскаго уѣзда Сѣдлецкой губ.) дѣйствуютъ благодаря тѣмъ же пріемамъ столь-же успѣшно. Сопоцкинская приходская церковь, сосѣдняя съ Теолиномъ, еще недавно не видавшая въ своихъ стѣнахъ ни одного богомольца, нынѣ въ воскресные дни наполнена ими изъ числа упорствующихъ уніатовъ: другихъ въ той мѣстности до того времени и не было.

Несомнѣнно, что дальнѣйшія развѣтвленія Лѣсненской обители, или созданіе новыхъ по ея образцу, являются дѣломъ настоятельной необходимости и государственной важности. Опираться не на содѣйствіе гражданскихъ властей, а на свою внутреннюю мощь должна православная церковь въ своей просвѣтительной, миссіонерской дѣятельности.

Но значитъ ли это, что свѣтская власть должна отказаться отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ, отъ всякихъ мѣръ адми-

нистративныхъ? Это было бы, разумѣется, такъ, если бы въ Подляшьѣ, этомъ центрѣ упорствующихъ въ уніи, мы имѣли дѣло исключительно съ религіозными заблужденіями населенія, а не съ поддерживающею ихъ дѣятельною іезуитскою пропагандой *).

Для борьбы съ этою силой несомнѣнно необходимы другіе пріемы. Ясно какъ Божій день, что, такъ какъ водвореніе православія подрываетъ въ самомъ корнѣ владычество латино-польскаго, хотя и наноснаго, но плотно и цѣпко присосавшагося къ этому русскому уголку, элемента, то ни одно изъ лицъ, принадлежащихъ къ нему, не остается въ этомъ дѣлѣ равнодушнымъ и безучастнымъ зрителемъ. Не только римско-католическое духовенство и помѣстное сословіе, но и весь штатъ низшихъ правительственныхъ чиновниковъ, который набирался и до сихъ поръ отчасти набирается изъ мѣстнаго польскаго элементѣ, дѣйствуетъ въ этомъ дѣлѣ, если не по взаимному уговору, то во всякомъ случаѣ вполнѣ солидарно, а въ ихъ рукахъ не одно средство для успѣшнаго возстановленія темнаго сельскаго люда противъ православія и Россіи. Мѣры кротости по отношенію къ этой сплоченной силѣ не только неумѣстны, но безусловно вредны, вызывая въ ея рядахъ лишь вящщую смѣлость для дальнѣйшаго продолженія своей дѣятельности въ томъ же направленіи. Жестокая необходимость принуждаетъ примѣнять суровыя мѣры и по отношенію къ тѣмъ отдѣльнымъ личностямъ изъ крестьянской среды, которыя не только сами не желаютъ присоединяться къ православію, но своимъ фанатизмомъ преслѣдуютъ возсоединившихся, а массу упорствующихъ поддерживаютъ въ ея образѣ дѣйствій и мыслей. Высылка такихъ

*) О степени распространенности этой пропаганды, какъ оказывается поддерживаемой самою Римскою куріей, весьма любопытныя свѣдѣнія сообщилъ недавно ксендзъ—піаръ Слотвинскій въ изданной имъ на польскомъ языкѣ книгѣ: „Подляшско-Холмская унія съ 1875 по 1885 годъ.“ Желающіе могутъ познакомиться съ ея содержаніемъ изъ вышедшаго въ 1896 г. въ Варшавѣ чрезвычайно интереснаго во всемъ своемъ объемѣ „Сборника статей по польскому вопросу“ Маркграфскаго.

лицъ благодѣтельно дѣйствуетъ на успокоеніе массы. Оградить возсоединившихся отъ насмѣшекъ, глумленій и преслѣдованій со стороны фанатиковъ—обязанность правительства. Слѣдовательно отсутствіе активнаго участія свѣтской пласти въ дѣлѣ укрѣпленія православія среди бывшихъ уніатовъ, фактически равняющееся безучастію и равнодушію, немыслимо; оно тотчасъ отражается на положеніи этого дѣла. Наглядным примѣромъ тому можетъ служить періодъ времени съ 1880 по 1883 г., когда главная мѣстная власть сочла необходимымъ не только устраниться отъ личнаго участія въ этомъ дѣлѣ, но рядомъ допущенныхъ ею попущеній въ дѣлѣ латинской пропаганды, какъ бы выказала свое несочувствіе его дальнѣйшему поступательному ходу. Этотъ образъ дѣйствій не замедлилъ отразиться на общемъ настроеніи упорствующихъ. Немедленно изъ воинствующаго польскаго лагеря искусными путями въ народъ былъ пущенъ слухъ о скоромъ возстановленіи уніатскихъ церквей, что не только придало новыя силы для дальнѣйшаго упорства колеблющихся, но отразилось даже на фактически возсоединившихся, вызвавъ среди нихъ обратное движеніе къ уніи.

Нѣсколько цифръ явятся самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ этого. Въ тѣхъ шести уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи, гдѣ сосредоточены бывшіе уніаты, имѣется 108 возсоединенныхъ приходовъ. Изъ этого числа мѣстная власть къ началу 1881 года имѣла полное основаніе считать 50 приходовъ вполнѣ надежными, въ коихъ дѣло православія настолько окрѣпло, что дошло до состоянія нормальнаго, 24 прихода къ тому же времени признавались колеблющимися; прихожане въ большинствѣ, хотя и не уклонялись отъ общенія съ церковью, но лишь въ самыхъ необходимыхъ своихъ требахъ—какъ-то крестины, свадьбы и похороны. Богослуженія же почти ими не посѣщались, исповѣди и Св. Причастія они избѣгали. Наконецъ, въ остальныхъ 34 приходахъ дѣло православія укоренилось весьма слабо; большинство прихожанъ лишь числилось таковыми, на дѣлѣ же съ церковью и ея служителями ничего общаго не имѣло.

Два года спустя, а именно къ началу 1883 года, отношеніе это замѣтно измѣнилось: безусловно благонадежныхъ приходовъ осталось лишь 30, число колеблющихся увеличилось до 44, и лишь послѣдняя категорія осталась численно неизмѣненною. Такимъ образомъ, за два года латинской пропагандѣ и фанатизму упорствующихъ удалось поколебать дѣло православія въ цѣлыхъ 20 приходахъ, въ коихъ оно постольку окрѣпло, что считалось въ положеніи нормальномъ.

Среди этихъ приходовъ были и такіе, которые со времени оффиціальнаго возсоединенія не проявляли ни малѣйшаго колебанія, какъ, напримѣръ, Кіевецъ и Хорощинка Бѣльскаго уѣзда, Носовъ и Корницы Константиновскаго и Лейно Владавскаго. Это печальное явленіе слѣдуетъ всецѣло приписать той, до крайности возросшей за это время вслѣдствіе полной безнаказанности, дерзости упорствующихъ фанатиковъ-уніатовъ. Въ этой безнаказанности они усмотрѣли какъ бы оправданіе своего долголѣтняго сопротивленія велѣніямъ Православной Церкви и замѣтно усилили насмѣшки и оскорбленія надъ возсоединившимся, укоряя ихъ въ томъ, что они являются главною причиной всего ими испытываемаго, что безъ нихъ „уже давно снова бы настала Польша (Polska) и всѣ въ краѣ были бы покойны“ *).

Эти оскорбленія по закону вѣдаются гминнымъ судомъ, но во главѣ его стоятъ тѣ же Поляки; легко себѣ представить, какъ они относятся къ жалобщикамъ, неизмѣнно вслѣдствіе этого тяготѣющимъ къ администраціи, однако, помочь имъ безсильной.

Да, дѣло православія въ Забужьѣ — тяжелое и обоюдоострое. Вопросы вѣроисповѣдные столь тѣсно переплелись тамъ съ политическими, что отдѣлить ихъ, проложить между ними точную грань—немыслимо.

Въ виду этого положиться въ немъ на одну какую-либо сторону—духовную или свѣтскую—нельзя. Принимать въ немъ

*) Фраза изъ прошенія прихожанъ села Дрелева, Радинскаго уѣзда, поданнаго ими въ январѣ 1881 года варшавскому генералъ-губернатору.

дѣятельное участіе должны они обязательно обѣ. Но зато образъ дѣйствій этихъ властей можетъ и долженъ быть строго разграниченъ. Одна — духовная — должна ограничить свою дѣятельность исключительно мѣрами духовно-нравственными, не только предоставивъ всю тяжесть обязанности карать власти свѣтской, но отказавшись разъ навсегда отъ совмѣстнаго съ ней выслѣживанія виновныхъ и науськиванія на нихъ. Съ своей стороны свѣтская власть—администрація,—всячески избѣгая вторженія въ религіозныя убѣжденія населенія, должна соразмѣрять свои карательныя мѣры исключительно со степенью гражданской виновности совращающихъ и уклоняющихся. На дѣлѣ же произошло странное перемѣщеніе ролей: свѣтская власть постоянно указывала на духъ православія ради смягченія дѣятельности духовенства, а это послѣднее опиралось въ своихъ возраженіяхъ на политическую программу.

Если признавать неправильнымъ извѣстный отвѣтъ преосвященнаго Макарія виленскому генералъ-губернатору, обращавшемуся къ нему съ просьбой о болѣе энергичномъ содѣйствіи духовенства въ борьбѣ съ присоединенною уніей, грозящею окончательно перейти въ католичество, отвѣтъ въ коемъ онъ рѣзко высказалъ, что „такъ какъ чиновники обращали уніатовъ въ православіе, то пускай они же изыскиваютъ и средства къ удержанію ихъ“, то поскольку неправильнѣе впослѣдствіи принятый нашими пастырями образъ дѣйствій, всецѣло заимствованный ими у римской церкви!

По неволѣ приходилось гражданской власти на высказываемыя духовенствомъ желанія обращать упраздненные католическіе храмы въ православные отвѣчать: „Не отбирать костелы въ пользу православнаго духовенства и тѣмъ укоренять въ мѣстномъ населеніи увѣренность, что побужденія православія чисто матеріальныя, а сѣятелямъ смуты давать поводъ къ утвержденію о преслѣдованіи въ краѣ католицизма, но воздвигать вездѣ, гдѣ нужно, величественные православные храмы, въ которые назначать сильныхъ духомъ вѣры, безкорыстныхъ пастырей.—вотъ какъ должно дѣйствовать въ

по-уніатской мѣстности, чтобы достигнуть намѣченной цѣли. Иные способы безцѣльны и недостойны православія, недостойны русскаго могущественнаго владычества."

Дѣйствительно, вопросъ о православныхъ храмахъ въ поуніатской мѣстности чрезвычайно важенъ.

Самая впечатлительная сторона организма умственно неразвитаго крестьянина несомнѣнно его воображеніе. Это давно понялъ католицизмъ и не пренебрегаетъ никакими средствами для воздѣйствія на него въ этомъ направленіи; начиная отъ костельной обстановки и многолюдныхъ церковныхъ процессій и вплоть до громоносныхъ проповѣдей, гдѣ главную роль играетъ не содержаніе, а тонъ, которымъ онѣ произносятся, все разсчитано для воспаленія воспріимчиваго воображенія крестьянина. Темный сельскій людъ плѣняется всѣмъ величественнымъ и блестящимъ еще болѣе, чѣмъ классы образованные, эстетически развитые: очевидно, ветхія, невзрачныя церкви возсоединенныхъ уніатскихъ приходовъ, умышленно при польскомъ владычествѣ не подвергавшіяся не только украшеніямъ, но даже и ремонту, своимъ наружнымъ видомъ не могутъ содѣйствовать къ привлеченію богомольцевъ. Обаяніе же католической церкви по сравненію съ ними, разумѣется, увеличивается. Правда, по настоянію главной мѣстной власти церковно-строительный кредитъ былъ съ 1887 г., послѣ долгаго 12-ти лѣтняго перерыва, возобновленъ. Въ теченіи четырехъ лѣтъ съ 1887 по 1891 г. стараніями гражданской власти было выстроено 13 новыхъ храмовъ въ Сѣдлецкой и Люблинской губерніяхъ на сумму свыше 390 тысячъ рублей и отремонтировано 54 старыхъ на 76 тысячъ рублей *).

О мѣрахъ способныхъ содѣйствовать укрѣпленію православія были сочинены многочисленные канцелярскіе проекты; останавливаться на нихъ не стоитъ—достаточно указать на то, что наиболѣе благоразумные сводятся къ тому, чтобы

*) Съ 91 г. кредитъ этотъ перешелъ въ духовное вѣдомство Объ успѣхахъ этого дѣла съ тѣхъ поръ свѣдѣній у насъ не имѣется.

ослабить католическій клиръ, а наиболѣе ярые къ преслѣдованію и массовой высылкѣ упорствующихъ.

Но между ними есть одинъ, который не разъ обсуждался повременною печатью, видѣвшею въ немъ рѣшительный шагъ къ окончательному разрѣшенію этого жизненнаго для русскаго дѣла вопроса. Мы говоримъ объ образованіи отдѣльной Холмской губерніи, въ которой были бы объединены всѣ по-уніатскія мѣстности Сѣдлецкой и Люблинской губерній, причемъ центромъ ея долженъ быть г. Холмъ. Сторонники этой административной перекройки двухъ губерній Привислянья, въ которыхъ главнымъ образомъ сосредоточены бывшіе уніаты, обыкновенно указываютъ на слѣдующія, неминуемо будто-бы имѣющія отъ этого послѣдовать, выгоды: вопервыхъ это объединитъ дѣйствія всѣхъ административныхъ учрежденій, вѣдающихъ дѣла русскаго Забужья, и *слѣдовательно* (?) придастъ имъ должную послѣдовательность и стойкость, вовторыхъ оно окончательно обруситъ г. Холмъ вслѣдствіе сосредоточенія въ немъ многочисленнаго русскаго служилаго элемента. Въ особенности при этомъ напираютъ на пользу хожденія русскихъ крестьянъ по ихъ личнымъ дѣламъ съ губернскою администраціей не въ польскіе города Сѣдлецъ и Люблинъ, а въ русскій Холмъ. При этомъ нѣкоторые полагаютъ, что новую губернію нужно совершенно исключить изъ Привислянья, присоединивъ ее къ Юго-Западному краю, отчего де послѣдуетъ еще возможность распространить всѣ правоограниченія лицъ польскаго происхожденія, нынѣ существующіе въ этомъ краѣ, и на присоединяемую къ ней территорію Холмщины.

Со всѣмъ этимъ согласиться никакъ нельзя: уніатское дѣло въ административномъ отношеніи и нынѣ объединено въ однѣхъ рукахъ—а именно въ рукахъ Варшавскаго генер.-губернатора, отъ котораго всецѣло и зависитъ послѣдовательность и стойкость въ его направленіи. Тотъ фактъ, что вмѣсто двухъ губернаторовъ, будетъ имѣть лишь одинъ, ничего не измѣнитъ, хотя бы оттого, что крестьяне съ губернскою администраціей рѣдко сталкиваются, имѣя постоян-

ныя личныя сношенія лишь съ администраціей уѣздною, а таковая, очевидно, останется въ прежнемъ численномъ составѣ. Городъ Холмъ, составляя мѣсто для новой губерніи отнюдь не центральное, никого не привлечетъ: крестьяне посѣщаютъ лишь тѣ города, гдѣ у нихъ есть интересъ имущественный. Вслѣдствіе этого Сѣдлецъ и Люблинъ по прежнему останутся средоточіемъ тѣхъ крестьянъ, которые и нынѣ туда съѣзжаются ради сбыта своихъ сельскихъ продуктовъ. Самъ по себѣ городъ Холмъ никакого воздѣйствія на упорствующихъ крестьянъ оказать не можетъ, исключая тѣхъ дней, когда тамъ празднуется престольный праздникъ чудотворной иконы Божіей Матери; но въ эти дни онъ и нынѣ привлекаетъ многія тысячи паломниковъ; перенесеніе туда административнаго губернскаго центра ни одного лишняго богомольца туда не привлечетъ. Въ обыкновенное же время Холмъ не только никого не породнитъ съ православіемъ, но развѣ лишь оттолкнетъ отъ него, такъ какъ значительное большинство населяющихъ его мѣщанъ принадлежитъ къ числу наиболѣе фанатическихъ приверженцевъ Уніи: по нимъ можно судить о степени воздѣйствія города Холма съ его православными Святынями на уклоняющихся отъ своей исконной вѣры.

О присоединеніи Холмщины къ Юго-Западному краю не стоитъ распространяться: оно сопряжено съ такою коренною ломкой всѣхъ гражданскихъ законовъ и основанныхъ на нихъ имущественныхъ правъ мѣстныхъ жителей, что вызоветъ справедливыя нареканія всего мѣстнаго населенія, что, очевидно, не можетъ способствовать его привлеченію къ государственной церкви и правительству. Дѣло въ томъ, что въ Привисляньѣ дѣйствуетъ кодексъ Наполеона; перечисленіе Холмщины къ Юго-Западному краю, вызывающее присоединеніе ея къ округу Кіевской судебной палаты, потребуетъ замѣны кодекса нашими гражданскими законами. Совершенство перваго и крайняя запутанность послѣднихъ, не говоря о практическихъ неудобствахъ ея, рѣшительно не допускаетъ такой замѣны.

Вопросъ объ образованіи отдѣльной Холмской губерніи, со включеніемъ въ нее всѣхъ мѣстностей населенныхъ уніа-

тами не новый, первоначально возникъ онъ еще въ 1865 году въ особомъ комитетѣ учрежденномъ для составленія проэктовъ новаго раздѣленія царства польскаго на губерніи и уѣзды, причемъ, однако, тогда же выяснилось, что „новая греко-уніатская губернія приняла бы совершенно неправильную продолговатую географическую форму, представляющую важныя въ административномъ отношеніи неудобства.“ Поэтому комитетъ, имѣя въ виду существующее дѣленіе греко-уніатскаго населенія на двѣ части довольно рѣзко другъ отъ друга отличающіяся—Холмскую и Подляшскую—проэктировалъ образовать Холмскую губернію лишь изъ нынѣшнихъ юго-восточныхъ уѣздовъ Люблинской губерніи, т. е. одной Холмщины. Однако, противъ этого проэкта высказался въ своемъ заключительномъ мнѣніи о трудахъ комитета Н. А. Милютинъ. Въ отзывѣ отъ 16-го іюня 1866 г. за № 393 къ намѣстнику гр. Бергу онъ между прочимъ, писалъ, „что русская народность должна и можетъ пользоваться полною, законною самостоятельностью независимо отъ административныхъ дѣленій края.“ Вотъ мнѣніе съ которымъ нельзя не согласиться.

Очевидно, мысль объ образованіи Холмской губерніи съ выдѣленіемъ или сохраненіемъ ея въ предѣлахъ Привислянскаго края вытекаетъ изъ той же вѣры во всемогущество административныхъ мѣропріятій, не только въ области матеріальной, но и духовной. Полагаютъ, что ограждение внѣшними, однако, исключительно бумажными и слѣдовательно фиктивными границами русскихъ забужанъ отъ польскаго элемента Привислянья, можетъ не только охранить, но даже вызвать къ большей жизни тлѣющій тамъ русскій духъ. Ничего ошибочнѣе этого представить себѣ нельзя. Мы видимъ, что не только внутреннія административныя дѣленія духовно не разобщаютъ населяющихъ ихъ жителей, но что этого не достигаетъ даже государственная граница, представляющая однако дѣйствительно какъ бы матеріальную преграду: эта граница не помѣшала сосѣднимъ нѣмцамъ фактически ее осѣдлать, свободно перекинувъ черезъ нее и своихъ выходцевъ,

и свой языкъ, духъ и нравы; какъ же можетъ этому препятствовать внутренняя фиктивная черта?

Наконецъ, такое выдѣленіе и въ принципѣ не можетъ быть признано согласнымъ съ русскими интересами, ибо не выдѣлять изъ Привислянья слѣдуетъ русскихъ людей, а наоборотъ, всячески водворять, ихъ туда, растворяя посредствомъ ихъ чисто-польскій элементъ края. Вѣдь каждому ясно, что тѣ 300—400 тысячъ бывшихъ уніатовъ русскаго происхожденія, населяющіе Холмщину и Подляшье, важны не сами по себѣ, независимо отъ того гдѣ они находятся, а именно въ данномъ мѣстѣ. Дѣйствительно, еслибы дѣло касалось исключительно ихъ полнѣйшаго сліянія съ православіемъ и русскимъ племенемъ, то вѣрнѣйшимъ средствомъ къ тому было бы ихъ всеобщее переселеніе въ центральныя губерніи; однако, такой мѣры, даже при полной возможности ея осуществленія, ни одинъ русскій человѣкъ не предложитъ. Между тѣмъ отдѣленіе Забужья отъ Привислянья ведетъ именно къ исключенію русскаго племени изъ предѣловъ послѣдняго, а выдѣленіе уніатскихъ мѣстностей въ отдѣльную, замкнутую губернію влечетъ къ отреченію отъ всей остальной части Привислянья, къ признанію ея чисто польскою, что, однако, и фактически не вѣрно: русскій элементъ и до сихъ поръ, хотя весьма слабо, представленъ и въ западныхъ уѣздахъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній, все населеніе коихъ по происхожденію своему столь же русское, какъ и населеніе Подляшья и Забужья, и лишь, вслѣдствіе многовѣковаго польскаго господства, утеряло свой народный обликъ и вѣроисповѣданіе. Съ теченіемъ времени при продолжительномъ русскомъ господствѣ и въ немъ могутъ проснуться его русскіе инстинкты. Не отдѣлять Россію отъ Привислянья, а всемѣрно содѣйствовать къ ихъ сліянію призвано русское правительство. Постепенное просачиваніе народнаго русскаго элемента въ польское населеніе края, причемъ исходнымъ пунктомъ, такъ сказать операціоннымъ базисомъ, должно быть именно русское Забужье—вотъ та цѣль, къ которой мы должны стремиться, а для достиженія ея необходимо уничтожать всякія преграды,

отдѣляющія русскія мѣстности отъ польскихъ, а не искусственно создавать таковыя. Образованіе Холмской губерніи этой цѣли безусловно противорѣчитъ. Если бы въ предѣлахъ Привислянья не было мѣстностей съ русскимъ православнымъ населеніемъ, то таковыя слѣдовало бы ввести въ него. Существованіе тамъ русскаго ядра намъ во всѣхъ отношеніяхъ крайне важно. Русское Забужье играетъ по отношенію къ польской окраинѣ ту же роль, какую играетъ въ католической Ирландіи протестантская провинція Ulster, опираясь на существованіе которой Англія проводитъ тамъ многія мѣропріятія, безъ того безусловно неосуществимыя. Думать же, что русская власть для единства и стойкости нуждается во внѣшнихъ признакахъ и бумажныхъ формальныхъ опредѣленіяхъ, значитъ низводить ее до состоянія автомата, дѣйствующаго безъ разума и пониманія. Принадлежащіе къ администраціи сторонники этой мѣры любятъ указывать на то, что въ обособленной Холмской губерніи они будутъ „лелѣять“ русское дѣло, какъ любимое дѣтище, но въ чемъ это лелѣяніе будетъ выражаться и что имъ мѣшаетъ нынѣ его пѣстовать, они, однако, не говорятъ; вѣдь не явятся же административно-бумажныя границы Холмщины стѣнами теплицы, способной оградить это „нѣжное растеніе“—русское дѣло отъ внѣшнихъ вліяній?

Нѣкоторыя исключительныя мѣры въ системѣ управленія населенныхъ бывшими уніатами уѣздахъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній, по сравненію съ остальною частью Привислянья, можетъ быть дѣйствительно необходимы, но они могутъ быть свободно приняты и безъ выдѣленія ихъ въ отдѣльную административную единицу. Къ таковымъ принадлежитъ въ особенности замѣщеніе всѣхъ административныхъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, должностей лицами русскаго происхожденія, православной вѣры.

Но повторяю, центръ тяжести въ дѣлѣ окончательнаго возсоединенія бывшихъ уніатовъ, понынѣ еще не слившихся духовно съ господствующею церковью, — дѣлѣ, неразрывно связанномъ съ возрожденіемъ у нихъ русскаго духа, лежитъ

въ нравственномъ на нихъ воздѣйствіи. Здѣсь рядомъ съ церковью можетъ и должна играть выдающуюся роль народная школа. Обязательное народное обученіе, тому назадъ двѣнадцать лѣтъ проэктированное для этихъ мѣстностей главною мѣстною властью, оказало бы несомнѣнно самое могущественное вліяніе.

ГЛАВА XV.

СЕЛЬСКІЯ ШКОЛЫ.

Дѣло народнаго образованія, имѣющее такое первенствующее значеніе во всякой странѣ, въ Привисляньѣ получаетъ еще сугубое значеніе, такъ какъ на немъ въ особенности зиждется весь поступательный ходъ духовнаго единенія этой окраины съ центромъ Россіи. Тогда какъ другія отрасли гражданскаго управленія краемъ имѣютъ въ большинствѣ случаевъ дѣло исключительно съ его настоящимъ, учебное вѣдомство, подготовляя для Россіи будущихъ ея гражданъ, тѣмъ самымъ держитъ въ своихъ рукахъ его будущее, а потому и дѣятельность его заслуживаетъ особаго вниманія. Несомнѣнно, что первыми условіями успѣшнаго воспитанія юношества являются его прочность, стойкость и послѣдовательность, ибо что можетъ быть тягостнѣе того умственнаго разлада между близко соприкасающимися поколѣніями, который способна поселить между ними школа, если система, положенная въ ея основаніе, подвергается частой смѣнѣ, а равно, что можетъ вреднѣе отзываться на правильномъ развитіи молодого организма, какъ ломка тѣхъ коренныхъ началъ, на коихъ устанавливается методъ его обученія, и кругъ преподаваемыхъ ему познаній. Но если это такъ по отношенію къ образованію вообще, то въ цѣляхъ сліянія польскаго народа

съ русскимъ воспитаніе польскихъ подростающихъ поколѣній требуетъ этихъ качествъ въ высшей мѣрѣ. Къ счастію, эта прочность и стойкость несомнѣнно существовала въ дѣятельности нашего учебнаго вѣдомства въ Привисляньѣ, чѣмъ оно выгодно отличалось отъ всѣхъ развѣтвленій правительственной тамъ власти; тогда какъ ослабленіе чисто русскихъ началъ, положенныхъ съ 1863 года въ основу правительственной политики въ польскомъ вопросѣ, замѣчалось нѣкоторое время во всемъ обширномъ кругѣ дѣйствій администраціи, тѣмъ самымъ коснувшись многочисленныхъ сторонъ общественной жизни, на которой и не замедлило отразиться въ смыслѣ усиленія ея польской обособленности, это ослабленіе вовсе не замѣчалось въ дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія. Не только не подверглась измѣненіямъ основная система обученія, введенная въ краѣ при попечителѣ Варшавскаго учебнаго округа Витте, основанная на преподаваніи всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, но, наоборотъ, получила дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе. Съ этой внѣшней стороны вся дѣятельность нашего учебнаго вѣдомства отличалась несомнѣнною послѣдовательностью, и если въ чемъ-либо можно его обвинять, то отнюдь не въ послабленіи польскимъ притязаніямъ; дѣйствительно, изъ всѣхъ русскихъ учрежденій въ краѣ самое ненавистное для польскихъ политикановъ — правительственная школа, въ которой они не безъ основаній видятъ опаснѣйшее оружіе противъ столь отстаиваемой ими національной обособленности, и при томъ такое, которымъ имъ самимъ по неволѣ приходится пользоваться. Разумѣется, при такихъ обстоятельствахъ нѣтъ недостатка въ нареканіяхъ съ ихъ стороны на постановку школьнаго дѣла въ краѣ, при чемъ возбужденіе противъ него было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ уступчивѣе являлась тамъ въ другихъ отношеніяхъ правительственная власть.

Но если система обученія польскаго юношества въ русской школѣ не испытала тѣхъ прискорбныхъ колебаній, которыя характеризуютъ тамъ административную дѣятельность

русской власти, то, къ сожалѣнію, самое распространеніе вліянія этой школы на народныя массы далеко не получило должнаго развитія. Начальное народное образованіе не только не получило столь желательнаго тамъ принципа обязательности, а, наоборотъ, находится на степени еще низшей, нежели въ коренной Россіи. Какъ по количеству народныхъ школъ, такъ и по числу обучающихся, а въ особенности кончающихъ ихъ курсъ Привислянье даже не сравнялось со внутренними губерніями Россіи, однако, какъ извѣстно, не блещущими широкимъ развитіемъ народной грамотности. Между тѣмъ, если по отношенію къ коренной Россіи безусловная польза обязательнаго всеобщаго образованія, ранѣе чѣмъ она будетъ сознана большинствомъ самого населенія, можетъ представлять до извѣстной степени вопросъ спорный, такъ какъ несомнѣнно, что обученіе грамотѣ, составляющее сущность его, независимо отъ того употребленія, которое дано будетъ этому званію, играетъ незначительную роль въ дѣлѣ поднятія умственнаго (а въ особенности нравственнаго) уровня развитія народныхъ массъ, то по отношенію къ губерніямъ, населеннымъ поляками, этотъ вопросъ сомнѣнію не подлежитъ. Здѣсь школа получаетъ уже отъ того громадное значеніе, что посредствомъ нея населенія научается русской рѣчи, и слѣдовательно, незамѣтно сплочивается съ русскимъ народомъ; сліяніе же между двумя племенами, члены которыхъ взаимно другъ друга не понимаютъ, немыслимо.

Вотъ въ какомъ положеніи представляется въ общихъ чертахъ дѣло начальнаго обученія по свѣдѣніямъ, относящимся къ 1-му января 1893 года. Во всемъ краѣ къ означенному времени сельскихъ народныхъ училищъ имѣлось всего лишь 2.569 *), а общее число посѣщающихъ ихъ дѣтей обоего пола не достигало 147 тысячъ (101.891 мальчи-

*) Цифровыя данныя, помѣщенныя въ настоящей главѣ, заимствованы нами 1) изъ статьи о начальномъ образованіи въ Россіи Острогорскаго, помѣщающейся въ изданіи Мин. Фин. „Производительныя силы Россіи", 2) изъ третьяго, седьмаго и одиннадцатаго выпусковъ трудовъ Варшав-

ковъ и 45.036 дѣвочекъ), такъ что въ среднемъ каждое училище посѣщалось 58 учениками. Если даже признать, что эти училища существуютъ исключительно для католическаго населенія, такъ какъ въ мѣстностяхъ съ православнымъ населеніемъ имѣются церковно-приходскія школы и школы грамотности (тоже въ весьма незначительномъ числѣ, всего 48 съ общимъ количествомъ 1.523 дѣтей обоего пола), а равно, что лютеране имѣютъ свои особыя школы, такъ-называемые канторатьі, то окажется, что при общемъ количествѣ 5.542.038 жителей обоего пола, составлявшихъ къ тому же времени сельское католическое населеніе десяти привислянскихъ губерній, одна школа приходится на 2.150 жителей, а одинъ учащійся на 38 жителей. Эти данныя уже достаточно свидѣтельствуютъ, что ни число училищъ, ни количество учащихся въ нихъ не соотвѣтствуютъ численности населенія. Но все же истинное значеніе получаютъ эти цифры лишь если обратить вниманіе на то, что изъ всѣхъ учащихся въ этихъ школахъ лишь 4,4% оканчиваютъ курсъ ихъ, остальные же выбываютъ до окончанія его, въ значительномъ большинствѣ пробывъ въ нихъ лишь одинъ учебный годъ; по истеченіи же втораго года отпадаетъ уже болѣе 75% всѣхъ учащихся. Между тѣмъ учебный годъ въ Привисляньѣ весьма краткій, что̀ зависитъ отъ продолжительности, вслѣдствіе сравнительно мягкаго тамъ климата, полевыхъ работъ, отвлекающихъ большинство учащихся дѣтей. Начинается ученіе обыкновенно лишь въ половинѣ ноября, а въ половинѣ марта уже прекращается; такимъ образомъ, самые исправные ученики посѣщаютъ школу не болѣе 100 дней въ году, но такихъ ничтожное меньшинство, громадное же большинство за все то время, что числятся въ школѣ, посѣщаютъ ее не болѣе 50 разъ. Очевидно, что вліяніе школы на это большинство весьма незначительно; можно сказать, что эти уче-

---

скаго Статистическаго Комитета, 3) изъ обзора дѣятельности Мин. Народ. Просвѣщенія за 1879, 80 и 81 года, 4) изъ изданія Суворина „Вся Россія".

ники украшаютъ своимъ присутствіемъ не школы, а лишь оффиціальные отчеты о числѣ учащихся въ нихъ. И вотъ, если принять за мѣрило народнаго образованія тѣ 4,4% общаго количества числящихся въ школахъ оканчивающіе школьный курсъ, то предстанетъ во всей своей незавидной наготѣ тотъ фактъ, что основательно грамотныхъ ежегодно прибываетъ въ сельскія народныя массы по одному на каждые 800 слишкомъ жителей,—число значительно уступающее ежегодному приросту населенія, равняющемуся для католическаго населенія Привисляньа 1,66%.

При такомъ положеніи дѣла число непрошедшихъ школы въ процентномъ отношеніи ко всему населевію ежегодно увеличивается въ ужасающей прогрессіи, а именно на каждые 13 человѣкъ ежегоднаго прироста прибываетъ лишь одинъ основательно обученный грамотѣ.

Въ особенности печальны эти цифры по сравненію съ относящимися къ ходу начальнаго образованія у протестантовъ (то-есть, нѣмцевъ) и евреевъ. Первыхъ въ краѣ къ 1-му января 1893 г. числилось невступно 488 тысячъ обоего пола, школъ же, предназначенныхъ исключительно для нихъ (состоящихъ въ вѣдѣніи евангелическихъ и реформатскихъ консисторій), имѣлось 359 съ 8.817 учащимися, изъ коихъ 7% ежегодно оканчиваютъ полный курсъ ихъ, то-есть, одинъ на 750 жителей, выбываетъ же до окончанія всего 12%. Однако этимъ числомъ не исчерпываются всѣ обучающіеся грамотѣ протестанты, такъ какъ многіе изъ нихъ посѣщаютъ общія сельскія народныя школы. Еще распространеннѣе начальное образованіе среди евреевъ, дѣти коихъ обучаются главнымъ образомъ въ хедерахъ; оффиціальное число послѣднихъ равнялось въ 1893 г. 2.583 съ 38.982 учащимися, изъ коихъ громадное большинство мальчики, а именно 37.478, кромѣ того 1.754 еврейскихъ мальчика обучались въ казенныхъ еврейскихъ школахъ, каковыхъ въ краѣ существуетъ 61. При 592.776 евреяхъ мужскаго пола, числившихся въ 1893 г. въ Привисляньѣ, одинъ обучающійся приходится на 15 жителей. Если къ этому прибавить, что множество

хедеровъ существуютъ тайно, а, слѣдовательно, въ регистрацію не попадаютъ, то окажется, что почти всѣ еврейскія дѣти мужскаго пола и школьнаго возраста проходятъ начальное образованіе, и дѣйствительно число неграмотныхъ между ними крайне незначительное. Что же удивительнаго въ томъ, что еврей и нѣмецъ всецѣло господствуютъ въ экономической жизни края?

Однако самымъ прискорбнымъ явленіемъ слѣдуетъ признать тотъ фактъ, что съ годами процентное отношеніе учащихся по отношенію къ общему числу населенія не только не увеличивается, но даже нѣсколько падаетъ.

Дѣйствительно, тогда какъ къ 1 января 1882 г. одна сельская начальная школа приходилась на 1.925 жителей (2.337 школъ при 4.500.000 сельскаго католическаго населенія), а одинъ учащійся на 35 жителей (всего 127.763), нынѣ, какъ мы видимъ, одинъ учащійся приходится лишь на 38 жителей, то-есть, число ихъ по отношенію къ общему количеству сельскаго люда уменьшилось на 8%, а показатель образованія упалъ съ 2,86% до 2,63%.

Чѣмъ же, однако, объясняется такая регрессія въ дѣлѣ начальнаго образованія населенія нашей польской окраины? Приписать ли это исключительно недостатку матеріальныхъ средствъ или тутъ кроются и другія внутреннія причины? Несомнѣнно, недостатокъ средствъ играетъ весьма значительную роль. Дѣйствительно, тогда какъ въ центральныхъ губерніяхъ расходы по начальному образованію несетъ и государственное казначейство и земство, то-есть, всѣ сословія населяющія ихъ, въ Привисляньѣ расходы эти ложатся почти всею своею тяжестью на крестьянство. Казна участвуетъ въ общей суммѣ 623.780 рублей, ежегодно расходуемыхъ на этотъ предметъ, лишь въ размѣрѣ 14%, а сельскія общества несутъ 83% ея; участіе же остальныхъ сословій выражается въ суммѣ, 18.715 р., составляющей лишь 3% общаго ея количества.

Большаго напряженія платежныхъ силъ польскаго крестьянства въ этомъ направленіи ожидать трудно, и поэтому,

несмотря на баснословную дешевизну, въ которую обходятся начальныя сельскія училища въ краѣ, дальнѣйшее развитіе ихъ, при сохраненіи настоящей постановки этого дѣла, несомнѣнно затормозится на долгіе годы *).

Мы уже имѣли случай замѣтить въ одной изъ предшествующихъ главъ настоящихъ очерковъ, что собственно сельскія начальныя училища края дѣлятся на двѣ категоріи — чисто сельскія, содержимыя на средства даннаго сельскаго общества, и гминныя, въ расходахъ на которыя участвуютъ всѣ владѣльцы недвижимой собственности въ предѣлахъ гмины, безъ различія сословій, и слѣдовательно сходныя по источникамъ ихъ содержанія съ школами земскими въ центральныхъ губерніяхъ Россіи. Но, къ сожалѣнію, послѣднихъ весьма незначительное число. Мѣстная шляхта всячески противится учрежденію ихъ, какъ вслѣдствіе несочувствія къ интересамъ крестьянъ вообще, такъ въ особенности вслѣдствіе стремленія затормозить распространеніе знанія русскаго языка среди населенія.

Между тѣмъ то обстоятельство, что громадное большинство начальныхъ школъ принадлежитъ къ содержащимся на средства сельскихъ обществъ, совершенно лишаетъ всю массу безземельныхъ крестьянъ, живущихъ на помѣщичьихъ усадьбахъ и не принадлежащихъ къ составу этихъ обществъ, всякой возможности обучать своихъ дѣтей. Ясно, что другаго сред-

*) Содержаніе сельскихъ училищъ въ Привислянѣ обходится въ среднемъ въ 243 рубля, а каждый учащійся стоитъ 4 р. 65 к. Эта ничтожная цифра тѣмъ болѣе непостижима, что дѣло преподаванія въ этихъ школахъ ведется почти исключительно лицами, окончившими курсъ учительскихъ семинарій, коихъ въ краѣ имѣется 10. Эти труженики довольствуются такимъ жалованіемъ, какимъ удовольствуется рѣдкій простолюдинъ, получая отъ 120 до 150 рублей въ годъ. Въ особенности поражаетъ этими цифрами при сравненіи съ земскими губерніями Россіи, гдѣ сельское начальное училище того же типа, при всей своей скромности, стоитъ въ среднемъ 531 р. 65 коп., а учащійся въ немъ 7 р. 95 к.; между тѣмъ польскій сельскій учитель въ своихъ ничтожныхъ познаніяхъ несомнѣнно культурнѣе русскаго, а слѣдовательно, и потребности его нѣсколько большія.

ства, кромѣ введенія обязательнаго поземельнаго налога, исключительно назначеннаго на дѣло народнаго образованія, какъ для развитія его, такъ и для равномѣрнаго распредѣленія школъ по территоріи края, не существуетъ. Эта мѣра дѣйствительно и проектирована мѣстною властью, но, къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ до сихъ поръ странствуетъ по петербургскимъ канцеляріямъ, очевидно, не преодолѣвъ еще всѣхъ назначенныхъ на ея долю мытарствъ.

Однако, если недостаткомъ средствъ можно отчасти объяснить малочисленность вновь возникающихъ училищъ, то закрытіе существующихъ, чему тоже были примѣры, а въ особенности малое число учащихся въ нихъ — этимъ факторомъ, очевидно, не объяснимы. По неволѣ приходится допустить тотъ грустный фактъ, что въ средѣ польскаго крестьянства, не переставшаго съ тридцатыхъ годовъ настоящаго вѣка, то-есть, со времени окончательнаго утвержденія въ краѣ русской власти, сочувственно относиться къ дѣлу образованія, что въ особенности рѣзко выразилось въ шестидесятыхъ годахъ, то-есть, послѣ освобожденія его отъ помѣщичьей власти, когда число учащихся за десятилѣтіе съ шестидесятаго по семьдесять первый годъ возросло на 134%*), съ начала восьмидесятыхъ годовъ выступаетъ обратное явленіе—несочувствіе къ школѣ и какъ бы нѣкоторое недовѣріе къ ней. Между тѣмъ именно съ этого времени постановка учебнаго дѣла замѣтно улучшается, сельскіе учителя, назначенные изъ окончившихъ учительскія семинаріи, болѣе отвѣчаютъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляетъ къ нимъ школа, отношеніе ихъ къ ученикамъ не перестаетъ быть вполнѣ нормальнымъ, а принадлежность большинства ихъ къ польскому народу исключаетъ мысль о возможности стремленія съ ихъ стороны къ насильственному обрусѣнію посѣщающихъ школу, что могло бы оттолкнуть отъ нея населеніе; остается лишь одна возможная причина пробуждающагося среди населенія недовѣрія къ школѣ — это возстановленіе противъ нея наиболѣе влія-

*) По „Сравнительной статистикѣ Царства Польскаго“ Симоненко.

тельнаго на сельскій людъ польскаго элемента въ краѣ, а именно католическаго клира.

Дѣйствительно, ксендзъ — вотъ главный врагъ русской школы, онъ-то несомнѣнно нашептываетъ населенію, въ особенности матерямъ, вліяніе на которыхъ у него безпредѣльно, непріязненныя чувства къ ней; однако, безусловно винить въ этомъ ксендза не приходится, такъ какъ главною причиной существующаго между римско-католическимъ духовенствомъ и народною школой антагонизма слѣдуетъ признать постепенное, но стойкое устраненіе его отъ дѣла народнаго образованія, введенное въ систему именно съ начала восьмидесятыхъ годовъ, съ котораго времени и пріостановился поступательный ходъ начальнаго обученія въ краѣ. Да, мы сами возстановили ксендза противъ сельской школы, лишивъ его права преподаванія правилъ вѣры въ громадномъ большинствѣ изъ нихъ. Дѣйствительно, въ 1891 году изъ 2.863 городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ, бывшихъ въ то время въ краѣ, Законъ Божій преподавался ксендзами лишь въ 154 *).

Трудно себѣ представить, чѣмъ руководилось учебное начальство при такомъ изгнаніи духовнаго наставника изъ школы, замѣнивъ его лицомъ свѣтскимъ, иногда не принадлежащимъ даже къ той религіи, правила которой онъ призывается преподавать. Несомнѣнно, что польское крестьянство принадлежитъ къ числу самыхъ религіозныхъ. Обученіе правиламъ вѣры оно справедливо почитаетъ необходимою принадлежностью, основаніемъ всякаго ученія. Нечего говорить, что не въ интересахъ правительства распространять среди него безвѣріе. Что кромѣ религіи можетъ примирить низшіе слои населенія съ ихъ тяжелымъ матеріальнымъ положеніемъ, съ ихъ незавидной земной долей, что можетъ удержать ихъ отъ

*) Цифры эти были первоначально помѣщены въ брошюрѣ гр. Левашова, но затѣмъ перепечатаны безъ всякихъ возраженій *Варшавскимъ Дневникомъ*, почему мы и считаемъ ихъ заслуживающими безусловнаго довѣрія.

инстинктивной приверженности къ соціальнымъ ученіямъ, отъ стремленія къ соціальнымъ переворотамъ, кромѣ глубокой вѣры въ непогрѣшимость Божественнаго Промысла, неисповѣдимымъ велѣніямъ Коего онъ обязанъ всецѣло и безропотно покоряться? Кто кромѣ его духовныхъ пастырей можетъ утвердить народъ въ правилахъ нравственности, для соблюденія и усиленія коей религіозное воспитаніе является надежнѣйшимъ средствомъ? Все это такія азбучныя прописныя истины, что, казалось бы, и повторять ихъ странно. Многіе скажутъ, что все это „избито;“ но дѣло въ томъ, что всѣ великія истины избиты, что̀ однако не мѣшаетъ имъ быть таковыми, не мѣшаетъ, къ сожалѣнію, и тому, чтобы онѣ многими совершенно пренебрегались и игнорировались.

Какъ бы ни было демократично русское правительство, оно, очевидно, не можетъ идти по пути къ соціальной революціи, толчекъ къ которой былъ бы данъ снизу. Напрягая всѣ свои силы къ улучшенію быта низшихъ классовъ народонаселенія, составляющихъ численное его большинство, оно однако не можетъ выпустить этого дѣла изъ своихъ рукъ. Сила самодержавной Руси въ томъ именно и состоитъ, что она можетъ достигнуть самыхъ рѣшительныхъ результатовъ въ дѣлѣ экономическаго благосостоянія и политической свободы массъ, не прибѣгая къ насильственнымъ переворотамъ; стремясь къ разрѣшенію самыхъ трудныхъ соціальныхъ задачъ, ей нѣтъ надобности опираться на другую силу, кромѣ всевластной силы Царской. Русскій народъ чуетъ это всѣмъ существомъ своимъ, и отсюда-то, несомнѣнно, истекаетъ его беззавѣтная любовь къ своему Монарху. Поселить тѣ же чувства въ крестьянинѣ польскомъ,—вотъ къ чему должна прежде всего стремиться народная школа въ Привисляньѣ; но и это недостижимо безъ религіознаго воспитанія, безъ участія въ этомъ дѣлѣ духовнаго наставника. Если къ этому прибавить, что ни одно духовенство не обладаетъ въ такой степени умѣніемъ воспитывать покорность не только велѣніямъ Промысла, но и законамъ мірскимъ, какъ именно польско-католическое, то станетъ ясно, что необходимо, съ одной

стороны, всемѣрно охранять религіозность польскаго крестьянства, а съ другой —приложить всѣ старанія, дабы заручиться содѣйствіемъ въ дѣлѣ народнаго образованія католическаго клира. Между тѣмъ устраненіе всякаго преподаванія Закона Божьяго въ сельской школѣ, несомнѣнно, приведетъ къ одной изъ слѣдующихъ альтернативъ—либо крестьянинъ потеряетъ всякую вѣру, либо онъ станетъ относиться по меньшей мѣрѣ недружелюбно къ тѣмъ, которые лишаютъ его дѣтей пастырскаго напутствія.

Очевидно, удаленіе духовнаго наставника изъ стѣнъ школы вытекаетъ изъ того убѣжденія, что вѣтъ опаснѣе и непримиримѣе врага Россіи, какъ польско-католическій клиръ. Къ сожалѣнію, всякій этотъ выводитъ себѣ ежедневныя подтвержденія на практикѣ. Но тутъ вопросъ сводится къ слѣдующему: гдѣ этотъ всякій можетъ явиться наиболѣе дѣятельнымъ, опаснымъ борцомъ противъ привлеченія народныхъ массъ на сторону русскаго правительства, возвышающаго въ краѣ народъ его покоренный—въ школѣ-ли, гдѣ онъ находится подъ бдительнымъ надзоромъ учебнаго начальства, или внѣ ея?

Если бы школа представляла единственное мѣсто, гдѣ всякій изъ состоянія и въ правѣ получать народъ, то исключеніе его изъ своей среды могло бы имѣть внѣшнюю логическую причину. Но вѣдь всякій имѣетъ полную возможность лично преподавать правила вѣры въ стѣнахъ костела, гдѣ происходитъ такъ-называемая, катехизація, то-есть, приготовленіе дѣтей къ конфирмаціи, обыкновенно происходящее у католиковъ на 14 или 15 году отъ роду. Онъ же можетъ обучать дѣтей тайно и у себя дома,—и воспрепятствовать этому, не допустивъ его въ школу, крайне затруднительно.

Ясно, что въ школѣ всякій можетъ значительно свободнѣе, вполнѣ въ ея стѣнахъ, развивать въ подростающихъ поколѣніяхъ своей паствы тѣ чувства непріязни къ Россіи, которыми онъ въ сожалѣнію, недѣлю дѣйствительно одушевленъ. Но достаточно допустить всякаго въ школу, дабы обученіе у себя дома дѣтей посѣщающихъ училище стало

для ксендза крайне затруднительнымъ, такъ какъ онъ ничѣмъ не можетъ объяснить его необходимости передъ ихъ родителями, когда ему предоставлена возможность исполнить это въ школѣ. Точно также затруднительно для ксендза, составляющаго часть школы, возбуждать противъ нея населеніе, вызывать въ немъ недовѣріе и нелюбовь къ ней. Между тѣмъ, не принадлежа къ ней, онъ имѣетъ къ тому полную возможность, чѣмъ, несомнѣнно, подчасъ и пользуется.

Административная власть края не разъ указывала на эту сторону вопроса, убѣждая учебное вѣдомство не отталкивать отъ себя въ дѣлѣ народнаго образованія католическаго ксендза, который при умѣломъ пользованіи имъ явится лучшимъ помощникомъ въ его трудномъ дѣлѣ. Она указывала и на то, что „установить повсемѣстный и постоянный надзоръ за римско-католическимъ духовенствомъ въ его отношеніяхъ къ сельскому люду немыслимо, между тѣмъ вліяніе его на этотъ людъ безспорно: „простымъ замѣчаніемъ, брошеннымъ на ходу мальчику, возвращающемуся изъ школы, или его родителямъ, ксендзъ можетъ поселить отвращеніе или любовь къ ней. Понятно, что ксендзъ, самъ участвующій въ дѣлѣ преподаванія, хотя бы изъ простого самолюбія, привлекаетъ воспитанниковъ въ школу, тогда какъ онъ же, исключенный изъ нея, если и не дерзаетъ открыто возставать противъ нея то, несомнѣнно, относится къ ней враждебно и при удобномъ случаѣ не преминетъ бросить въ нее камнемъ, а этого болѣе чѣмъ достаточно, дабы вселить въ темный сельскій людъ недовѣріе къ ней.“

Признавая, что вопросъ этотъ принадлежитъ къ разряду самыхъ жизненныхъ, и не имѣя возможности добиться его правильной постановки отъ мѣстнаго учебнаго начальства, администрація перенесла разсмотрѣніе его въ инстанціи высшія, которыя и не преминули разрѣшить его въ желательномъ смыслѣ. Какъ извѣстно, Высочайше утвержденнымъ 16 марта 1892 года постановленіемъ Комитета Министромъ сельскимъ обществамъ предоставлено право ходатайствовать о замѣщеніи должности законоучителей въ гминныхъ и сель-

скихъ начальныхъ училищахъ мѣстными приходскими священниками. Но, къ сожалѣнію, дѣло зашло слишкомъ далеко: антагонизмъ между школой и ксендзомъ пустилъ уже такіе глубокіе корни, что этой въ высшей степени справедливой правительственной мѣрѣ не удалось искоренить его. Дѣйствительно, число начальныхъ школъ съ ксендзомъ-законоучителемъ увеличилось весьма незначительно, такъ какъ *Варшавскій Дневникъ* въ замѣткѣ, помѣщенной имъ въ одномъ изъ майскихъ нумеровъ 1896 года, стремясь доказать неправильность утвержденія о систематическомъ устраненіи ксендзовъ отъ преподаванія Закона Божьяго въ начальныхъ училищахъ, сообщилъ, что со времени воспослѣдованія приведеннаго постановленія Комитета Министровъ и по настоящее время (то-есть по 1896 г.), слѣдовательно за четыре года, поступило такихъ ходатайствъ отъ сельскихъ обществъ всего 94, изъ чего и вывелъ то заключеніе, что „либо сельскія общества довольствуются преподаваніемъ Закона Божьяго учителями“ (однако, желательно-ли это?), „либо сами ксендзы не желаютъ быть преподавателями Закона Божьяго въ начальныхъ училищахъ.“ „Это второе предположеніе, продолжаетъ *Дневникъ*, имѣетъ въ себѣ много основаній и подтверждается фактами и наблюденіями. Дѣло въ томъ, что ксендзъ предпочитаетъ преподавать Законъ Божій частнымъ образомъ въ костелахъ или у себя дома, а не оффиціально въ училищахъ. Дома или въ костелѣ онъ чувствуетъ себя менѣе стѣсненнымъ, чѣмъ въ училищѣ.“

Послѣднее утверждаемъ и мы, но это отнюдь не опровергаетъ того несомнѣннаго факта, что до восьмидесятыхъ годовъ преподаваніе Закона Божьяго въ начальныхъ училищахъ повсемѣстно поручалось ксендзамъ, а съ тѣхъ поръ они оттуда устранялись; это, наоборотъ, лишь оффиціально подтверждаетъ безусловную нецѣлесообразность этого устраненія.

Весьма возможно, что въ настоящее время ксендзы дѣйствительно сами устраняются отъ участія въ школьномъ дѣлѣ,

извѣдавъ на практикѣ всю выгоду ради преслѣдуемыхъ ими цѣлей своей обособленности отъ нея, но говорить, что они всегда это дѣлали, безусловно несправедливо; наоборотъ, ксендзы первоначально отстаивали свое участіе въ школѣ всемѣрно; въ этомъ смыслѣ нерѣдко поступали представленія и отъ епархіальныхъ начальствъ. Очевидно, лишь убѣдившись на опытѣ въ томъ, что населеніе не теряетъ связи съ ними и по устраненіи ихъ отъ школьнаго дѣла, ксендзы стали относиться къ этому факту не только индифферентно, но даже и съ нѣкоторымъ злорадствомъ.

Исходъ изъ этого положенія одинъ—обязательное привлеченіе ксендза въ школу, независимо отъ его или сельскаго общества желанія. Что между ксендзами встрѣчаются непримиримые враги Россіи—несомнѣнно; что нѣкоторые изъ нихъ попытаются обратить школьное обученіе въ орудіе пропаганды одушевляющихъ ихъ анти-русскихъ стремленій—также безспорно. Но еще разъ повторяю, удаленіе такихъ ксендзовъ изъ одной школы ни чему не поможетъ; ихъ нужно прежде всего устранить и отъ прихода, ибо вся та сумма вреда, которая можетъ быть ими принесена съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, вполнѣ исчерпывается ихъ внѣ-школьною дѣятельностью. Ясно, что ксендзъ, который не можетъ быть допущенъ на каѳедру школьную, еще менѣе того допустимъ на каѳедру церковную.

По мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ польско-католическаго духовенства появляется въ народныхъ массахъ нѣкоторое недовѣріе къ школѣ, инспектируемой правительствомъ, растутъ и множатся школы тайныя, въ которыя искусными путями завлекаетъ воспитанниковъ польская интрига, въ послѣднее время обратившая на это дѣло свое особенное вниманіе. Не довольствуясь попрежнему тайнымъ обученіемъ дѣтей грамотѣ съ попутнымъ развитіемъ въ нихъ ненависти къ Россіи, руководители этого дѣла задумали организовать правильныя трехклассныя училища съ законченнымъ курсомъ; такъ, не далѣе, какъ въ 1896 году обнаружены такія школы въ уніатскихъ мѣстностяхъ, причемъ, повидимому, г. Люблинъ

ГЛАВА XVI.

НАЧАЛЬНЫЯ ГОРОДСКІЯ УЧИЛИЩА.

Жизненность государства, его внѣшняя мощь, съ одной стороны, и прочность его внутренняго строя съ другой, несомнѣнно, во многомъ зависятъ отъ силы взаимнаго сцѣпленія отдѣльныхъ единицъ, его составляющихъ, и ихъ тяготѣнія къ одному общему центру. Чѣмъ лучше живется человѣку въ окружающей его обстановкѣ, тѣмъ крѣпче держится онъ за нее, тѣмъ сильнѣе привязывается къ тѣмъ началамъ, которыя обезпечиваютъ ея неприкосновенность и неизмѣняемость. Иначе говоря, чѣмъ распространеннѣе въ массахъ народонаселенія довольство своею судьбой, то-есть, чѣмъ большее въ немъ число людей счастливыхъ, тѣмъ плотнѣе они связаны съ объединяющимъ ихъ государственнымъ началомъ и выработанными имъ формами жизни.

Такимъ образомъ, не только цѣли гуманитарныя, но и задачи практическія обязываютъ государственную власть, олицетворяемую правительствомъ, всемѣрно стремиться къ увеличенію счастія всего народонаселенія страны, какъ составляющаго ея естественное ядро, такъ и включеннаго ходомъ историческихъ событій въ ея территоріальныя границы. По отношенію къ послѣднему это тѣмъ болѣе необходимо, что если національное ядро страны само создало тѣ государственныя

формы, которыми оно пользуется, то для племенъ, примкнутыхъ къ ней искусственно, они являются наносными и, слѣдовательно, до извѣстной степени чуждыми ихъ естественному характеру. Счастіе же человѣка основывается на возможности удовлетворять всѣ свои законныя, матеріальныя и духовныя потребности; послѣднее же зависитъ отъ степени его подготовленности къ жизненному труду. Воспитать любовь къ труду жизни, вооружить человѣка умѣніемъ съ пользой примѣнять его на дѣлѣ—вотъ главная задача государства, а достижима она лишь съ помощью школы.

Необходимо имѣть въ виду, что если недостаточная распространенность начальнаго образованія среди сельскаго люда и отражается на уровнѣ его умственнаго развитія, то на степень его имущественной обезпеченности почти не вліяетъ; тотъ же фактъ по отношенію къ неимущимъ классамъ городскаго населенія безусловно отзывается, кромѣ того, и на его матеріальномъ бытѣ. Дѣйствительно, хотя никакое ремесло не требуетъ такого разнообразнаго круга познаній и такой доли опытности, какъ сельское хозяйство, на практикѣ всѣ эти познанія и опытность почерпаются сельскимъ рабочимъ исключительно изъ жизни, и школа, по крайней мѣрѣ такъ, какъ она нынѣ существуетъ, играетъ болѣе чѣмъ ничтожную роль въ дѣлѣ ихъ пріобрѣтенія. Въ виду этого главное требованіе, предъявляемое къ сельскому рабочему, это физическая сила на томъ основаніи, что собственно умѣніе развито въ массѣ ихъ почти въ равной степени. Иное дѣло городской рабочій, примкнувшій къ какому-либо ремеслу: высота его заработка находится въ тѣсной зависимости отъ степени развитія его интеллектуальныхъ способностей. Но въ то время, какъ ребенокъ, выросшій въ деревнѣ, съ ранней молодости принимаетъ дѣятельное участіе въ жизни села, которая вся цѣликомъ проходитъ на его глазахъ, и такимъ образомъ исподволь воспринимаетъ всю ту сумму практическихъ знаній, которою обладаютъ его односельчане, ребенокъ, воспитанникъ города находится вдали отъ его жизни, которая лишь шумно проходитъ мимо него, но по сложности своей остается

ему непонятною. Даже тотъ трудъ, которому предаются его родители, ему неизвѣстенъ, такъ какъ онъ обыкновенно происходитъ внѣ дома, и слѣдовательно не на глазахъ ребенка.

Въ виду этого положеніе городскаго подростка-юноши значительно менѣе благопріятно для жизненной борьбы, нежели его сверстника сельчанина. Фактъ этотъ давно подмѣченъ и статистика цѣлымъ рядомъ наблюденій давно указала, что сельскій рабочій, прибывшій въ городъ, постоянно побѣждаетъ своего собрата горожанина, которому неоткуда было почерпнуть его сметки и снаровки къ самымъ разнообразнымъ работамъ.

Все это усугубляетъ значеніе школы въ городѣ, создавая изъ нея почти единственное мѣсто, гдѣ ребенокъ можетъ воспринять необходимыя ему знанія. Низшее городское населеніе несомнѣнно сознаетъ это, такъ какъ стремленіе къ образованію въ немъ повсемѣстно проявляется сильнѣе, нежели въ крестьянствѣ. Однако, въ Привисляньѣ дѣло начальнаго образованія и въ городахъ нельзя признать обставленнымъ хотя бы удовлетворительно. Тогда какъ въ десяти губерніяхъ края числится 114 городовъ и 353 посада, городскихъ начальныхъ школъ въ нихъ имѣется всего лишь 351 съ общимъ количествомъ учащихся въ 29.455 дѣтей обоего пола. При общемъ числѣ католическаго населенія городовъ въ 1.111.656 жителей обоего пола, одинъ обучающійся приходится на 37 жителей, то-есть разница съ сельскимъ населеніемъ самая ничтожная.

Правда, что число оканчивающихъ курсъ этихъ школъ нѣсколько выше, нежели въ сельскихъ, достигая 5,6% всего числа учениковъ, и что кромѣ начальныхъ школъ, общихъ по типу съ сельскими, имѣются еще 118, такъ называемыхъ, воскресно-ремесленныхъ училищъ, въ которыхъ учатся по воскреснымъ днямъ 4 869 мальчиковъ; программа послѣднихъ въ общемъ сходна съ принятою начальными училищами называются же они ремесленными лишь потому, что въ нихъ главнымъ образомъ учатся дѣти ремесленниковъ, но собственно ремесла въ нихъ не преподаются.

формы, которыми оно пользуется, то для племенъ, примкнутыхъ къ ней искусственно, они являются наносными и, слѣдовательно, до извѣстной степени чуждыми ихъ естественному характеру. Счастіе же человѣка основывается на возможности удовлетворять всѣ свои законныя, матеріальныя и духовныя потребности; послѣднее же зависитъ отъ степени его подготовленности къ жизненному труду. Воспитать любовь къ труду жизни, вооружить человѣка умѣніемъ съ пользой примѣнять его на дѣлѣ—вотъ главная задача государства, а достижима она лишь съ помощью школы.

Необходимо имѣть въ виду, что если недостаточная распространенность начальнаго образованія среди сельскаго люда и отражается на уровнѣ его умственнаго развитія, то на степень его имущественной обезпеченности почти не вліяетъ; тотъ же фактъ по отношенію къ неимущимъ классамъ городскаго населенія безусловно отзывается, кромѣ того, и на его матеріальномъ бытѣ. Дѣйствительно, хотя никакое ремесло не требуетъ такого разнообразнаго круга познаній и такой доли опытности, какъ сельское хозяйство, на практикѣ всѣ эти познанія и опытность почерпаются сельскимъ рабочимъ исключительно изъ жизни, и школа, по крайней мѣрѣ такъ, какъ она нынѣ существуетъ, играетъ болѣе чѣмъ ничтожную роль въ дѣлѣ ихъ пріобрѣтенія. Въ виду этого главное требованіе, предъявляемое къ сельскому рабочему, это физическая сила на томъ основаніи, что собственно умѣніе развито въ массѣ ихъ почти въ равной степени. Иное дѣло городской рабочій, примкнувшій къ какому-либо ремеслу: высота его заработка находится въ тѣсной зависимости отъ степени развитія его интеллектуальныхъ способностей. Но въ то время, какъ ребенокъ. выросшій въ деревнѣ, съ ранней молодости принимаетъ дѣятельное участіе въ жизни села, которая вся цѣликомъ проходитъ на его глазахъ, и такимъ образомъ исподволь воспринимаетъ всю ту сумму практическихъ знаній, которою обладаютъ его односельчане, ребенокъ, воспитанникъ города находится вдали отъ его жизни, которая лишь шумно проходитъ мимо него, но по сложности своей остается

ему непонятною. Даже тотъ трудъ, которому предаются его родители, ему неизвѣстенъ, такъ какъ онъ обыкновенно происходитъ внѣ дома, и слѣдовательно не на глазахъ ребенка.

Въ виду этого положеніе городскаго подростка-юноши значительно менѣе благопріятно для жизненной борьбы, нежели его сверстника сельчанина. Фактъ этотъ давно подмѣченъ и статистика цѣлымъ рядомъ наблюденій давно указала, что сельскій рабочій, прибывшій въ городъ, постоянно побѣждаетъ своего собрата горожанина, которому неоткуда было почерпнуть его сметки и снаровки къ самымъ разнообразнымъ работамъ.

Все это усугубляетъ значеніе школы въ городѣ, создавая изъ нея почти единственное мѣсто, гдѣ ребенокъ можетъ воспринять необходимыя ему знанія. Низшее городское населеніе несомнѣнно сознаетъ это, такъ какъ стремленіе къ образованію въ немъ повсемѣстно проявляется сильнѣе, нежели въ крестьянствѣ. Однако, въ Привисляньѣ дѣло начальнаго образованія и въ городахъ нельзя признать обставленнымъ хотя бы удовлетворительно. Тогда какъ въ десяти губерніяхъ края числится 114 городовъ и 353 посада, городскихъ начальныхъ школъ въ нихъ имѣется всего лишь 351 съ общимъ количествомъ учащихся въ 29.455 дѣтей обоего пола. При общемъ числѣ католическаго населенія городовъ въ 1.111.656 жителей обоего пола, одинъ обучающійся приходится на 37 жителей, то-есть разница съ сельскимъ населеніемъ самая ничтожная.

Правда, что число оканчивающихъ курсъ этихъ школъ нѣсколько выше, нежели въ сельскихъ, достигая 5,6% всего числа учениковъ, и что кромѣ начальныхъ школъ, общихъ по типу съ сельскими, имѣются еще 118, такъ называемыхъ, воскресно-ремесленныхъ училищъ, въ которыхъ учатся по воскреснымъ днямъ 4 869 мальчиковъ; программа послѣднихъ въ общемъ сходна съ принятою начальными училищами называются же они ремесленными лишь потому, что въ нихъ главнымъ образомъ учатся дѣти ремесленниковъ, но собственно ремесла въ нихъ не преподаются.

Впрочемъ, тѣ познанія, которыя пріобрѣтаются въ низшихъ начальныхъ школахъ, столь незначительны, что сами по себѣ едва ли могутъ сколько-нибудь вліять на степень подготовленности къ жизненному труду окончившихъ даже полный ихъ курсъ. Для этого необходимы другія школы съ болѣе обширною программой, а въ особенности такія, въ коихъ рядомъ съ знаніемъ характера теоретическаго, дѣти могли бы пріобрѣтать и свѣдѣнія практическія. Но, къ сожалѣнію, именно этихъ-то начальныхъ школъ высшаго типа въ краѣ почти не существуетъ. Городскихъ училищъ (По положенію 1887 года) въ Привисляньѣ всего 8 съ 1.500 учащимися, причемъ всѣ онѣ сосредоточены въ 5-ти губерніяхъ, остальныя же пять совершенно лишены ихъ. Что же касается до начальныхъ школъ профессіональнаго характера, то таковыхъ самое ничтожное количество, а именно: одно ремесленное, одно горнозаводское, да три желѣзнодорожныхъ; къ числу промышленныхъ школъ могутъ быть впрочемъ, причислены 6 воскресно-коммерческихъ училищъ, посѣщаемыхъ 819 учениками, гдѣ рядомъ съ предметами общеобразовательными преподаются и нѣкоторыя практическія свѣдѣнія по счетоводству, а равно вексельному и торговому праву, но такъ какъ въ этихъ училищахъ занятія происходятъ лишь по воскресеньямъ, то разумѣется, успѣхи, оказываемые ихъ учениками весьма незначительны.

Между тѣмъ въ Привисляньѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, желательно развитіе такихъ школъ въ широкихъ размѣрахъ. Дѣло въ томъ, что, по свойствамъ національнаго характера, каждый полякъ, пришедшій въ малѣйшее соприкосновеніе съ внѣшнею городскою культурой, проявляетъ неудержимое влеченіе выйти изъ той среды, въ которой онъ родился, а слѣдовательно всячески стремится къ предоставленію своимъ дѣтямъ такого образованія, которое могло бы тому содѣйствовать. Вслѣдствіе этого масса низшаго городскаго населенія не довольствуется начальными училищами, а такъ какъ школъ средняго типа съ законченнымъ курсомъ почти вовсе не существуетъ, то оно и отдаетъ своихъ дѣтей либо въ среднія

учебныя заведенія, и при томъ (за малымъ числомъ реальныхъ училищъ—всего 3 на весь край) въ классическія гимназіи, либо въ частныя училища и пансіоны, что и вызвало громадное развитіе послѣднихъ. Но и то, и другое отнюдь не можетъ быть признано желательнымъ. Ученіе въ частныхъ школахъ и пансіонахъ ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть приравнено къ воспитанію въ школѣ правительственной, которая одна въ краѣ способна дать подростающимъ поколѣніямъ желательное въ русскихъ интересахъ политическое направленіе: частное училище, подъ какимъ бы оно бдительнымъ надзоромъ ни состояло, несомнѣнно, воспитываетъ ихъ въ духѣ противоположномъ. Наконецъ, частныя училища, принадлежа также почти всѣ сплошь къ типу общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и не давая наравнѣ съ существующими правительственными школами никакихъ прикладныхъ знаній, не даютъ даже и тѣхъ общихъ правъ, которыя предоставляются окончившимъ курсъ школы казенной.

Что же касается до получившаго довольно широкое развитіе воспитанія дѣтей низшихъ городскихъ сословій, а въ особенности столь многочисленной въ городахъ домашней прислуги, въ классическихъ гимназіяхъ, то оно въ большинствѣ случаевъ не подъ силу ихъ родителямъ, матеріальныя средства которыхъ рѣдко позволяютъ содержать своихъ дѣтей въ гимназіи до окончанія курса. Вслѣдствіе этого громадное большинство дѣтей неимущихъ родителей, поступивъ въ гимназію, по прошествіи немногихъ лѣтъ выбываютъ изъ нея не воспріявъ въ ней рѣшительно никакихъ полезныхъ въ жизни знаній, ибо наши гимназіи, по существу своему, являются лишь приготовительными заведеніями для высшихъ учебныхъ заведеній; сами по себѣ, кромѣ извѣстныхъ правъ по отношенію къ поступленію на государственную службу, онѣ не только ничѣмъ не обезпечиваютъ въ жизни даже окончившихъ ихъ курсъ дѣтей, происходящихъ изъ низшихъ сословій, но даже лишаютъ ихъ того заработка, который они могли бы получить, оставаясь въ своей средѣ, такъ какъ неизмѣнно вырабатываютъ въ нихъ презрѣніе къ труду ихъ ро-

дителей,— труду, къ которому они и фактически становятся неспособными. Доступъ же на государственную службу для лицъ польскаго происхожденія въ краѣ значительно затрудненъ, а потому дѣти польскаго простолюдина, окончившіе курсъ гимназіи, оставаясь въ привисляньѣ рѣдко имѣютъ возможность воспользоваться тою единственною выгодой, которую представляютъ эти учебныя заведенія. Такимъ образомъ, школа вмѣсто того, чтобы являться самымъ могущественнымъ рычагомъ для увеличенія числа довольныхъ своею судьбой путемъ предоставленія возможности прошедшимъ ее улучшить свой матеріальный бытъ, наоборотъ — порождаетъ массу недовольныхъ, оторванныхъ отъ ихъ природной среды, но не приставшихъ и къ иной, высшей. Несомнѣнно, что раскрыть передъ юношей цѣлый новый кругъ потребностей, хотя бы и высшаго, духовнаго порядка, неизвѣстныхъ той средѣ, изъ которой онъ происходитъ, не предоставивъ ему возможности впослѣдствіи удовлетворять ихъ, значитъ заложить въ немъ прочное основаніе для недовольства своею судьбой. Правда, съ конца 80-хъ годовъ доступъ въ классическія гимназіи значительно затрудненъ для дѣтей неимущихъ родителей, но едва ли это можно признать правильнымъ рѣшеніемъ вопроса, не предоставивъ имъ одновременно возможности поступать въ школы, соотвѣтствующія ихъ положенію. Такой запретъ при отсутствіи школъ промышленныхъ равносиленъ воспрещенію поступать въ какое-либо казенное учебное заведеніе вообще и, съ одной стороны, содѣйствуетъ процвѣтанію столь нежелательныхъ въ краѣ частныхъ училищъ, а съ другой — вызываетъ справедливый ропотъ родителей, выражающихъ законное желаніе по возможности лучше обезпечить будущность своихъ дѣтей.

Такимъ образомъ, все въ Привисляньѣ говоритъ за широкое распространеніе школъ техническихъ, профессіональныхъ. Классическія гимназіи тамъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, должны быть исключительно преддверіемъ для высшихъ учебныхъ заведеній и, въ виду этого, сами по себѣ не должны были бы предоставлять никакихъ рѣшительно правъ. Дѣйствительно, цѣль классической гимназіи состоитъ исключительно въ раз-

витіи въ своихъ воспитанникахъ ихъ умственныхъ способностей, въ укрѣпленіи ихъ силы мышленія, при чемъ онѣ, однако, не обогащаютъ ихъ никакими положительными знаніями. Гимназія, путемъ продолжительной концентраціи всѣхъ способностей развивающагося организма на изученіи одного предмета—древнихъ языковъ,—пріучаетъ его къ сосредоточенному умственному труду, къ умѣнію комбинировать свои отвлеченныя познанія, выводить ихъ изъ состоянія мертваго груза въ состояніе жизнедѣятельное, и тѣмъ вызываетъ въ немъ, можно сказать, способности творческія; но сама по себѣ она практическихъ свѣдѣній не даетъ, предоставляя лишь возможность впослѣдствіи съ помощью искусственно обостренныхъ у него умственныхъ способностей съ легкостью воспринять таковыя. Но если окрѣпшій умъ самъ, безъ помощи преподавателя, способенъ воспринять самыя разнообразныя свѣдѣнія и легко ориентироваться въ нихъ, то все же сами по себѣ эти свѣдѣнія къ нему не приходятъ, онъ долженъ гдѣ-либо заимствовать ихъ. Такимъ образомъ гимназія, не вооружая своихъ воспитанниковъ никакими спеціальными знаніями, выпускаетъ ихъ на жизненный путь, собственно говоря, безоружными и лишь одаряетъ ихъ способностью съ сравнительною легкостью лично выковать себѣ таковое сообразно съ тѣми жизненными условіями, въ которыя онъ будетъ поставленъ. Но повторяю, сама по себѣ классическая гимназія не преподаетъ знаній, пригодныхъ для борьбы за существованіе, а потому ограничиться ею одною невозможно; положиться на то, что прошедшіе ее сами самостоятельно пріобрѣтутъ эти знанія—нельзя. Этому препятствуютъ многія причины: прежде всего—недостатокъ времени у людей, принужденныхъ зарабатывать себѣ насущный хлѣбъ, а о нихъ-то и идетъ рѣчь.

Аттестатъ объ окончаніи курса гимназіи, давая извѣстныя права, вводитъ въ заблужденіе какъ родителей учениковъ, такъ и ихъ самихъ; тѣ и другіе справедливо полагаютъ, что государство, давая извѣстныя права окончившимъ гимназическій курсъ, тѣмъ самымъ признаетъ этотъ курсъ за нѣчто самодовлѣющее, законченное, а лицъ, прошедшихъ его,—людьми

эта потребность сознана давно какъ населеніемъ, такъ и администраціей, съ которою, повидимому, не расходятся въ этомъ вопросѣ и мѣстныя учебныя власти; но впередъ это дѣло все же не подвигается, хотя ради предоставленія средствъ для открытія промышленныхъ училищъ по типу, утвержденному въ 1888 году и послѣдовало уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ закрытіе нѣкоторыхъ прогимназій.

ГЛАВА XVII.

СРЕДНІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Какое бы громадное значеніе ни имѣла въ Привисляньѣ правительственная школа, предназначенная для низшихъ классовъ мѣстнаго населенія, но все же неизмѣримо большее слѣдуетъ признать тамъ за средними учебными заведеніями, воспитывающими интеллигенцію края.

Дѣйствительно, тогда какъ національно-государственная задача сельской и городской начальной школы — преслѣдовать лишь зло отрицательное: недостаточное духовное единство массы польскаго народа съ русскимъ, — задача гимназіи — искоренить зло положительное: явную враждебность образованныхъ классовъ польскаго общества къ русской культурѣ, самое существованіе которой эти классы рьяно отрицаютъ; понятно, второе неизмѣримо важнѣе перваго.

Соразмѣрно съ различною степенью важности задачъ, преслѣдуемыхъ этими двумя категоріями школъ, несомнѣнно возрастаетъ и доля трудности ихъ, ибо если сравнительно легко развить въ ребенкѣ и юношѣ чувства и убѣжденія, хотя и не вполнѣ раздѣляемыя окружающею его средой, но во всякомъ случаѣ и не отвергаемыя ею, то крайне трудно возбудить такія, которыя безусловно противорѣчатъ основнымъ тенденціямъ воспитавшаго его общественнаго круга, — тен-

денціямъ, которыми онъ незамѣтно для самого себя всецѣло проникся

Задача эта въ такой степени трудна, что даже можетъ возникнуть вопросъ — исполнима ли она вообще; для разрѣшенія же его необходимо поставить другой, съ разрѣшеніемъ котораго самъ собою разрѣшится и первый, а именно: основательна ли [illegible]. Зиждется ли она на почвѣ [illegible] заслуженныхъ [illegible] [illegible]

[illegible]

неустанно, въ теченіе цѣлаго вѣка, обращенныхъ противъ Россіи козней ея, причемъ степень ихъ зловредности для обще-русскихъ интересовъ была въ постоянной зависимости отъ степени благодушія русскаго правительства; чѣмъ мягче было правительство, тѣмъ яростнѣе нападала на него шляхта. Естественно, что первое вынуждено было окончательно отрѣшиться отъ кротости по отношенію ко второй.

Что же касается до тѣхъ качествъ, которыми надѣляетъ насъ польская шляхта и во главѣ которыхъ слѣдуетъ поставить грубость, дикость и жестокость, то, вполнѣ сознавая всю нашу отсталость отъ западно-европейской цивилизаціи, мы по совѣсти можемъ сказать, что если наша культурность не обладаетъ тѣмъ внѣшнимъ лоскомъ, которымъ столь щеголяетъ польская шляхта, то высшими обще-человѣческими качествами, какъ-то правдивостью, прямодушіемъ и безконечною незлобливостью, мы несомнѣнно во много разъ превосходимъ какъ эту самую шляхту, такъ и тѣ народы, которые нынѣ главенствуютъ въ не включенныхъ въ русскую державу земляхъ бывшей Рѣчи Посполитой.

Но если это такъ, если представленіе о Россіи, сложившееся съ малолѣтства въ душѣ ребенка польскаго шляхтича, какъ о дикой варварской странѣ, по какому-то непостижимому Божьему попустительству завоевавшей родной его край, принесшей ему неисчислимыя бѣды и не перестающей, попирая всѣ человѣческія права его обитателей, безгранично угнетать его,—если это представленіе не только не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но безусловно противорѣчитъ ей, то и указанная нами задача русской школы въ Привисляньѣ несомнѣнно достижима, а при умѣломъ веденіи въ ней дѣла воспитанія—сравнительно даже легка. Съ этою цѣлью ей нужно лишь раскрыть передъ польскимъ ребенкомъ дѣйствительность, раскутать образъ русскаго народа отъ тѣхъ несвойственныхъ ему качествъ, которыя приписала ему шляхетская злоба; для достиженія же этого въ рукахъ опытнаго педагога существуетъ не одно средство: ознакомленіе польскаго ребенка со всѣми проявленіями русскаго народнаго

духа, его литературой, искусствомъ и богатою примѣрами высокой доблести исторіей облегчить ему эту задачу.

Несомнѣнно, однако, что прежде всего обязанъ русскій воспитатель приложить всѣ свои усилія къ тому, чтобы завоевать себѣ довѣріе и если не любовь, то по меньшей мѣрѣ уваженіе своихъ воспитанниковъ. Въ лицѣ русскаго школьнаго учителя польскій ребенокъ обыкновенно впервые встрѣчается съ тѣмъ русскимъ человѣкомъ, котораго его воображеніе, подъ вліяніемъ всего слышаннаго въ семьѣ, рисовало въ столь мрачныхъ краскахъ. Необходимо, чтобы дѣйствительность стерла безъ слѣда это фальшивое представленіе. Первыя впечатлѣнія юности налагаютъ неизгладимую печать на всѣ послѣдующія воззрѣнія человѣка, и вотъ это первое впечатлѣніе польскаго ребенка должно быть въ пользу русскаго человѣка. Никакія послѣдующія отвлеченныя разсужденія и велерѣчивыя разглагольствованія на тему о братской любви двухъ родственныхъ племенъ не замѣнятъ и не изгладятъ впечатлѣнія, полученнаго отъ перваго столкновенія съ дѣйствительностью. Да и какимъ образомъ можетъ польскій ребенокъ убѣдиться въ возможности этой братской любви, если не удостовѣрится въ ней на дѣлѣ. Школьныя сентенціозныя нравоученія, да еще произносимыя съ каѳедры, то-есть огуломъ цѣлому классу, независимо отъ того, по скольку они соотвѣтствуютъ индивидуальнымъ особенностямъ каждаго изъ учениковъ въ отдѣльности, никогда не осилятъ вліянія семьи и общественной среды воспитуемыхъ.

Гуманнымъ, исполненнымъ любви и даже ласки обращеніемъ обязанъ русскій воспитатель привлечь довѣріе и уваженіе къ себѣ польскаго ребенка. Разъ это первое будетъ достигнуто, все остальное дастся ему легко. Въ лицѣ русскаго преподавателя польскій ребенокъ увидитъ первое неотразимое доказательство ложности созданнаго имъ представленія о русскомъ народѣ, а тѣмъ самымъ будутъ подорваны въ основаніи тѣ нелѣпыя росказни про русскую жестокость и дикость, о которыхъ онъ наслышался дома и въ обществѣ. Мало того, и сами родители несомнѣнно пріобрѣтутъ болѣ ши

уваженіе къ русскимъ дѣятелямъ въ краѣ, если убѣдятся, что на отношеніяхъ къ ихъ дѣтямъ не отражаются тѣ политическія страсти, которыя волнуютъ край, одинаково захватывая обѣ стороны, какъ польскую, такъ и русскую,—если увидятъ что эти дѣятели не только не вымещаютъ на неповинныхъ дѣтяхъ грѣхи отцовъ, а, наоборотъ, стремятся въ отношеніяхъ къ нимъ какъ бы искупить свои подчасъ, въ интересахъ русскаго дѣла, суровыя требованія къ людямъ уже умственно зрѣлымъ.

Приласкайте ребенка—и вы завоюете сердца его родителей.

Если проявленія злобы и ненависти въ столь несовершенномъ строѣ человѣческой жизни немыслимо прекратить однѣми мѣрами кротости и любви, то самыя эти чувства можно вырвать изъ сердца не только ребенка и юноши, но и человѣка зрѣлаго исключительно этими высшими двигателями культуры.

Итакъ, существуютъ всѣ данныя утверждать, что правительственная школа въ Привисляньѣ, находясь въ надежныхъ, всецѣло русскихъ рукахъ, можетъ оказать громадное вліяніе на обновленіе польской интеллигенціи элементомъ, если и не безусловно намъ преданнымъ, то по крайней мѣрѣ, отрѣшившимся отъ той слѣпой и несомнѣнно эгоистической ненависти, которою пропитана къ намъ шляхта. Очевидно, что та же школа, оставаясь въ польскихъ рукахъ, будетъ лишь способствовать дальнѣйшему ожесточенію польскаго ребенка противъ Россіи, не только не парализуя вліянія семьи и общества, но служа имъ лучшимъ дополненіемъ.

Чрезвычайная важность воспитанія интеллигенціи подъ непосредственнымъ вліяніемъ русскихъ элементовъ, очевидно, давно сознана правительствомъ, что выразилось въ повсемѣстномъ учрежденіи въ краѣ содержимыхъ на средства казны среднихъ учебныхъ заведеній.

Дѣйствительно, въ то время, какъ на дѣло начальнаго образованія сельскихъ массъ казна отпускаетъ лишь самыя незначительныя суммы, а предназначенная для низшихъ слоевъ городскаго населенія начальная школа высшаго типа и совершенно лишена такой помощи, дѣло воспитанія интелли-

генціи въ Привислиньѣ поставлено на столь широкую ногу, и средства, отпускаемыя для этого, столь значительны, что во много разъ превосходятъ такіе же расходы казны въ центральныхъ губерніяхъ Имперіи. Одинхъ мужскихъ учебныхъ заведеній обще-образовательнаго характера въ 1891 г. въ краѣ было 31, а именно 21 гимназія, 7 прогимназій и 3 реальныхъ училища *), при чемъ количество учащихся въ въ нихъ достигало 9.129. Такимъ образомъ, въ Варшавскомъ учебномъ округѣ одно учебное заведеніе этого типа приходится на 278 тысячъ душъ, а одинъ учащійся на 940 душъ обоего пола, тогда какъ въ Московскомъ, сравнительно лучше обставленномъ, нежели большинство остальныхъ, и при томъ по существу, какъ созидательный центръ Имперіи, имѣющемъ больше правъ на правительственныя заботы, одно учебное заведеніе того же типа приходится на 325 тысячъ, а одинъ учащійся на 1.385 жителей обоего пола. По отношенію къ территоріи этихъ двухъ округовъ разница въ пользу Варшавскаго столь же ощутительна: въ Московскомъ округѣ одно среднее учебное заведеніе приходится на 8.300 квадратныхъ верстъ, въ Привислиньѣ же всего на 3.600 **). Эта разница въ пользу польской окраины тѣмъ болѣе поразительна, что тогда какъ въ центральныхъ губерніяхъ въ расходахъ на содержаніе гимназій и реальныхъ училищъ участвуютъ и дворянство, и земство, и городскія общества, и многія частныя лица-благотворители, въ нашей Западной окраинѣ расходы на эти заведенія почти цѣликомъ ложатся на государственное казначейство, такъ какъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ городовъ да богатыхъ фабрикантовъ нѣмцевъ, такъ на помощь этому дѣлу никто не является. Въ процентномъ отношеніи участіе казны въ общей стоимости содержанія этихъ учебныхъ заведеній выражается въ 80 для Привислинья

---

*) Съ тѣхъ поръ, [illegible] 2 про-[illegible].

**) Свѣдѣнія, [illegible] Учебн. Округа, [illegible] „Производительныя силы Россіи".

и лишь въ 57 для остальной части европейской Россіи *). Изъ этихъ данныхъ съ очевидностью явствуетъ, что государство не жалѣетъ средствъ на воспитаніе подъ своимъ непосредственнымъ наблюденіемъ польской интеллигенціи.

Но оправдались ли надежды правительства, окупились ли матеріальныя жертвы страны, достигли ли мы желанной цѣли въ этихъ воспитательныхъ заведеніяхъ? Привлекли ли мы путемъ школы интеллигенцію на правительственную сторону? Съумѣли ли мы привить ей тѣ чувства единства съ Имперіей, которыя должны составлять нашу конечную цѣль въ этомъ направленіи? Растворили ли мы ее новыми элементами, почерпнутыми изъ низшихъ сословій и искусственно введенными въ образованное общество края,—элементами, намъ тѣмъ болѣе преданными, что намъ однимъ обязаны они своимъ возвышеніемъ? А численный составъ послѣднихъ весьма значителенъ, ибо гимназіи Привислянья, какъ мы уже указывали, посѣщаются отнюдь не исключительно дѣтьми интеллигентныхъ классовъ: здѣсь еще значительно болѣе чѣмъ въ Россіи, привлекли они въ свои стѣны и дѣтей низшихъ сословій **).

Къ сожалѣнію, на все это приходится отвѣчать отрицательно. Едва ли найдется хоть одинъ мало-мальски безпристрастный человѣкъ, способный утверждать, что русская правительственная гимназія въ Привисляньѣ примирила хотя бы незначительнѣйшій процентъ прошедшихъ въ части или въ цѣломъ ея курсъ,—съ существующимъ въ краѣ положеніемъ, обновила польскую интеллигенцію хотя бы десяткомъ

*) По изд. Центр. Статист. Комит. „Университеты и среднія учебныя заведенія". Спб. 1888 г.

**) По свѣдѣніямъ, относящимся, правда, еще къ 1880 году „Университеты и среднія учебныя заведенія по переписи 20-го марта 1880 г." (Изд. Центральнаго Статистическ. Комитета), въ то время какъ во всей европейск. Россіи со включеніемъ Привислянья процентъ учениковъ, принадлежащихъ къ низшимъ сословіямъ (мѣщане, цеховые, крестьяне) равнялся 25,6, въ Привисляньѣ, взятомъ отдѣльно, онъ равнялся 31,6. Что же касается до прогимназій, то въ нихъ эта разница выступаетъ еще рѣзче, а именно то же отношеніе составляло 38,8 для всей Имперіи, достигая 52,23 въ Привисляньѣ.

своихъ воспитанниковъ, благодаря ей превратившихся въ искреннихъ и убѣжденныхъ сторонниковъ Россіи, мало того— хотя бы въ ничтожной долѣ ихъ, успокоила національныя вожделѣнія, убѣдивъ ихъ въ необходимости ради собственной выгоды преклониться передъ безповоротно совершившимся фактомъ политической смерти самостоятельной Польши.

Не только не имѣла и не имѣетъ этого вліянія правительственная гимназія въ краѣ на воспитывающіеся въ ней враждебные намъ интеллигентные классы Польскаго народа, не только не обращала и не обращаетъ она вышедшихъ изъ простонародія индифферентовъ въ приверженцевъ къ Россіи, но, наоборотъ, усиливала и усиливаетъ ненависть къ намъ первыхъ, пріобщала и пріобщаетъ къ этой ненависти послѣднихъ.

Значитъ ли это, однако, что гимназіи въ краѣ не имѣютъ никакого вліянія на единеніе Польскаго народа съ русскимъ, или что онѣ даже оказываются въ этомъ смыслѣ учрежденіями вредными? Отрицать всякое значеніе гимназій въ краѣ немыслимо, но состоитъ оно исключительно въ томъ, что въ нихъ польскій юноша научается основательному знакомству съ русскимъ языкомъ, а это, помимо его воли и вопреки его ненависти къ Россіи, все же роднитъ его съ ней и притомъ способами весьма разнообразными. Кромѣ того огромнаго значенія, которое имѣетъ основательное изученіе языка народа для знакомства съ его духомъ, такъ какъ первый неизмѣнно является вѣрнѣйшимъ выразителемъ втораго, въ которомъ онъ и отражается какъ въ зеркалѣ, знакомство поляковъ съ русскимъ языкомъ безгранично способствуетъ матеріальному общенію ихъ съ русскимъ народомъ, который и является главнымъ ихъ воспитателемъ. Болѣе чѣмъ ошибочно думать, что воспитаніе человѣка прекращается съ момента оставленія имъ школьной скамьи. Несомнѣнно, наши взгляды, убѣжденія и вѣрованія съ годами подвергаются значительнымъ измѣненіямъ, а иногда и полному превращенію, и является это преимущественно слѣдствіемъ общенія съ людьми. Среда— вотъ кто главнымъ образомъ воспитываетъ человѣка, отъ

самой его колыбели и вплоть до могилы. Научивъ поляка владѣть русскою рѣчью, гимназія тѣмъ самымъ предоставила ему свободный доступъ въ русскую среду, чѣмъ онъ часто и пользуется, а послѣдняя, хотя и не преднамѣренно, воспитываетъ его въ русскомъ духѣ, воспитываетъ его тѣмъ лучше, чѣмъ меньше она прилагаетъ къ тому стараній. Дѣйствительно, какое множество поляковъ, получившихъ образованіе въ Привисляньѣ, впослѣдствіи разъѣзжаются по центральнымъ губерніямъ Россіи, гдѣ, какъ извѣстно, они находятъ себѣ не одно прибыльное занятіе, можетъ быть, даже въ ущербъ кореннымъ ихъ жителямъ, и вотъ тутъ-то русская среда начинаетъ на нихъ неотразимо дѣйствовать. Русское добродушіе первоначально сближаетъ ихъ съ отдѣльными личностями, въ которыхъ по началу готовы они видѣть лишь счастливое исключеніе среди дикихъ варваровъ, какими съ дѣтства представляли себѣ русскихъ и въ чемъ правительственная школа ихъ не разубѣдила, но затѣмъ дѣйствительность убѣждаетъ ихъ, что это исключеніе есть правило. Понемногу знакомятся они на дѣлѣ со всѣми свѣтлыми, можно сказать, притягательными сторонами русской общественности, тѣми ея сторонами, которыя столь плѣняютъ иностранцевъ, долго прожившихъ среди насъ, что заставляютъ ихъ тосковать по Россіи, по возвращеніи къ себѣ на родину. Сохраняя въ душѣ своей всѣ свои національныя вожделѣнія, эти поляки однако окончательно утрачиваютъ ненависть къ русскимъ людямъ. Не говоримъ про второе поколѣніе,—про дѣтей ихъ, родившихся и воспитанныхъ въ Россіи: они не сохраняютъ и десятой доли той польской заядлости, которая первоначально характеризовала ихъ отцовъ. Тому, что поляки, прожившіе долгіе годы въ Россіи, безусловно роднятся съ ней, имѣется много примѣровъ, но самымъ убѣдительнымъ является тотъ несомнѣнный фактъ, что многіе изъ сосланныхъ въ столь и не столь отдаленныя мѣста за участіе въ послѣднемъ возстаніи, несмотря на свою несомнѣнную, можно сказать патентованную, первоначальную ненависть къ Россіи и весьма относительную прелесть тѣхъ мѣстъ, гдѣ они были

поселены, по помилованіи даже не возвратились на родину, за которую нѣкогда столь безумно рисковали своею жизнью. Между ними были и такіе, которые первоначально воспользовались дозволеніемъ вернуться въ родное гнѣздо, но затѣмъ вновь, уже добровольно, переселились въ чисто русскія мѣстности,—такъ сжились они съ русскимъ народомъ. Можно было бы возразить, что такое засасывающее вліяніе оказываетъ всякая среда при долголѣтнемъ ея вліяніи, но факты однако опровергаютъ это. Изъ тѣхъ многочисленныхъ эмигрантовъ, которые послѣ возстанія 63-го года разбрелись по Европѣ, нѣтъ ни одного, который не стремился бы обратно въ Привислянье, чему служатъ яснымъ свидѣтельствомъ безчисленныя просьбы ихъ о томъ, обращенныя къ русскому правительству; вернувшіеся же плотно засѣдали въ Россіи, не чувствуя, повидимому, ни малѣйшаго влеченія къ возвращенію на Западъ.

Нѣтъ, не всякая среда плѣняетъ и притягиваетъ, но эта особенность безусловно присуща русской общественной средѣ, и главнымъ образомъ благодаря ея безконечному благодушію. Намъ скажутъ, что мы же доказывали въ предъидущемъ безусловную непригодность этого добродушія въ примѣненіи къ полякамъ, въ земляхъ, населенныхъ ими. Но иное дѣло—добродушіе общественное, добродушіе среды и добродушіе правительственное, выражающееся въ безнаказанности направленныхъ противъ него дѣйствій; послѣднее и именуется иначе, справедливо называясь попустительствомъ. Поляки Привислянья находятся внѣ вліянія русской среды, которая остается имъ не только чуждою, но и вполнѣ неизвѣстною. Попустительство власти они справедливо принимаютъ за слабость, а послѣдняя никогда обаятельно ни на кого не дѣйствовала; естественно, что она придаетъ имъ смѣлости въ преслѣдованіи своихъ крайнихъ вожделѣній, что они стремятся воспользоваться ею для полнаго сверженія власти.

Итакъ польза, приносимая нашими гимназіями, безспорна, но заключается она исключительно въ томъ свободномъ доступѣ, который онѣ открываютъ своимъ воспитанникамъ въ

русскую среду путемъ ознакомленія ихъ съ русскою рѣчью. Но можно ли удовольствоваться этою долей пользы, приносимой долголѣтнимъ воспитаніемъ въ гимназіяхъ?

Казалось бы, что кромѣ этой посредственной пользы приносимой русскому дѣлу, гимназія въ Привисляньѣ должна была бы приносить и пользу непосредственную, вырабатывая въ своихъ ученикахъ вѣрноподданность Русскому царю и вѣрнопреданность русскимъ интересамъ. Вѣдь перваго можетъ достигнуть съ такимъ же приблизительно успѣхомъ и школа съ менѣе продолжительнымъ курсомъ, съ меньшими средствами воздѣйствія на учениковъ, чѣмъ широко обставленная въ научномъ отношеніи гимназія. Низшая школа къ тому же не отрываетъ отъ ихъ природной среды принадлежащихъ къ низшимъ сословіямъ учениковъ своихъ, не сплочиваетъ ихъ интересовъ съ интересами польской интеллигенціи, вслѣдствіе своей враждебности къ намъ несомнѣнно нами стѣсняемой въ свободѣ ея дѣйствій, а слѣдовательно естественно нами недовольной. Нынѣ же оказывается, что, усердно умножая количество гимназій въ Привисляньѣ и совершенно не заботясь о предоставленіи дѣтямъ среднихъ и низшихъ слоевъ городскаго населенія образованія, соотвѣтствующаго имущественному состоянію и умственному уровню ихъ природной среды, мы, не измѣнивъ характера интеллигенціи края, лишь искусственно увеличили въ немъ число лицъ враждебно къ намъ настроенныхъ. Ясно для каждаго, что русская школа въ Привисляньѣ, какъ и во всей Россіи, должна преслѣдовать прежде всего русскіе интересы, но искусственно умножать число нашихъ недруговъ—очевидно не можетъ входить въ таковые. Для свободнаго допущенія въ среднія учебныя заведенія лицъ всѣхъ сословій необходимо прежде всего такъ поставить въ нихъ дѣло воспитанія, чтобы они, численно увеличивая польскую интеллигенцію, вводили бы въ нее элементъ, если не безусловно намъ преданный, то по крайней мѣрѣ безвредный, каковымъ эти лица были бы, оставаясь въ своей природной средѣ.

Но, спрашивается, почему же это нынѣ не достигается?

Если мы обратимся къ части чисто учебной, то должны признать, что она въ Привисляньѣ поставлена на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ центральныхъ губерніяхъ Имперіи. Способъ преподаванія древнихъ языковъ, этой альфы и омеги классическаго образованія, за послѣднее десятилѣтіе измѣнился несомнѣнно въ хорошую сторону. Система заучиванія наизусть, такъ называемаго зубренія грамматическихъ правилъ, совершенно оставлена и замѣнена ихъ мотивированнымъ изученіемъ, причемъ самое широкое поле предоставляется личному соображенію ученика, что, вызывая у него самостоятельное мышленіе, и составляетъ цѣль общеобразовательной школы. Столь же разработана и система преподаванія математическихъ познаній. Наконецъ успѣхи оказываемые учениками польскаго происхожденія по русскому языку убѣдительно доказываютъ что преподаваніе и этого предмета въ гимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа соотвѣтствуетъ предъявляемымъ къ нему требованіямъ.

Иное, къ сожалѣнію, увидимъ мы, если обратимся къ системѣ воспитанія. Въ ней-то усмотримъ мы причины тѣхъ въ высшей степени грустныхъ результатовъ, получаемыхъ нашими гимназіями Привислянья въ ихъ коренной задачѣ сродинть интеллигенцію края съ Россіей. Кроются онѣ прежде всего въ той черезчуръ широкой и безусловно недостижимой цѣли, которую поставило учебное начальство—не только примирить порученную ихъ воспитанію польскую молодежь съ Россіей, но превратить ихъ въ русскихъ, да мало того въ русскихъ—въ ненавистниковъ всего своего, роднаго, польскаго.

Живучесть народовъ, даже самыхъ слабыхъ, самыхъ неразвитыхъ во много разъ превышаетъ живучесть отдѣльныхъ лицъ. Можно уничтожить государство какъ политическій организмъ, но уничтожить народъ иначе, какъ поголовнымъ его истребленіемъ, немыслимо: нація неизмѣнно переживаетъ государство, національный духъ переживаетъ его политическое тѣло. Болѣе того, народъ можетъ утерять способность къ самостоятельному политическому существованію, какъ это безусловно давно утерялъ народъ польскій, но тѣмъ не ме-

нѣе сохранить всѣ свои отличительные расовые признаки и духовно жить полною жизнью.

Уничтожить же народъ, имѣющій свою многовѣковую, не лишенную славы исторію, свой вполнѣ выработанный языкъ, свои, достигнувшіе высокаго развитія литературу и искусство — затѣя безумная. Но если даже допустить осуществимость ея, то уже во всякомъ случаѣ не образованіемъ достигнуть ее. Между тѣмъ мы всячески покровительствуемъ образованію польской интеллигенціи, и одновременно желаемъ порвать въ ней всѣ связи съ ея прошлымъ, превратить ее въ чисто русскую, какъ будто первое не противорѣчитъ второму, какъ будто не извѣстно всѣмъ и каждому, что у народовъ порабощенныхъ, чѣмъ образованнѣе человѣкъ, тѣмъ сильнѣе въ немъ развитъ его національный духъ, тѣмъ полнѣе чувствуетъ онъ принадлежность къ своему племени, свою неразрывную, сотканную изъ тысячи нитей, связь съ нимъ.

Да, наконецъ, что̀ собственно мѣшаетъ нормальнымъ отношеніямъ поляковъ къ русскимъ? Неужели ихъ принадлежность къ польскому племени? Но если это такъ, то придется разъ навсегда оставить всякую надежду на духовное родство между этими двумя племенами и, пользуясь правомъ сильнаго, безжалостно, во имя нашихъ собственныхъ жизненныхъ интересовъ, душить этотъ народъ, и ради этого прежде всего лишить его всякихъ средствъ къ образованію. Это—жестоко, но по крайней мѣрѣ логично.

Однако, къ счастію, это не такъ—полякъ, оставаясь полякомъ, по вѣрѣ, по языку, по нравамъ, безусловно можетъ быть русскимъ вѣрноподданнымъ. Преданность мѣстнымъ интересамъ его родины не только не противорѣчитъ ей, но вполнѣ совпадаетъ съ ней, такъ какъ Россія, кромѣ благодѣяній по отношенію къ массѣ польскаго населенія, за все время своего владычества ничего не предприняла. При этомъ владычествѣ страна, мы уже не разъ указывали, получила такое развитіе своихъ экономическихъ силъ, достигла такой степени культурности, до которой болѣе чѣмъ далеко оторваннымъ къ Австріи и Германіи частямъ ея. Въ первой поль-

ская шляхта и магнатерія ограничиваютъ свои заботы о народѣ лукавыми, медоточивыми рѣчами по адресу меньшей братіи, которая подъ ихъ сладкіе звуки идетъ быстрыми шагами къ полнѣйшему обнищанію и нравственному развращенію; во второй,—тевтонецъ вытѣснилъ поляка изъ его роднаго дома, отбилъ у него всѣ заработки, и также ведетъ его къ окончательному разворенію. Наконецъ, и на дѣлѣ мы видимъ, что поляки самымъ мирнымъ образомъ уживаются съ русскими, что нѣтъ губернскаго города, гдѣ бы ихъ не было, какъ на государственной службѣ, такъ и во всевозможныхъ частныхъ предпріятіяхъ, и что тамъ ихъ принадлежность къ другому племени даже вовсе не замѣчается мѣстными жителями,—такъ тѣсно сливаются они съ ними.

Приверженцы обрусѣнія во чтобы то ни стало обыкновенно указываютъ на примѣръ Германіи, которая де съ помощью школы совершенно онѣмечила Познань, но это безусловно невѣрно. Не школа лишила Познань ея польскаго характера, а тотъ германскій элементъ, который плотно и густо засѣлъ въ ней; этотъ-то элементъ съ присущею тевтонской расѣ стойкостью, послѣдовательностью и педантичностью немилосердно давитъ аборигеновъ, не отрекшихся окончательно отъ своей національности, давитъ ихъ живою силою общества, каждымъ изъ его отдѣльныхъ членовъ, независимо отъ того—принадлежитъ ли таковой къ составу правительственныхъ дѣятелей или представляетъ простаго обывателя.

Школа является лишь однимъ изъ тѣхъ факторовъ, которые дѣйствуютъ тамъ въ этомъ направленіи. Факторъ этотъ, несомнѣнно, могущественный, но сила его въ томъ именно и состоитъ, что характеръ его дѣятельности во всѣхъ своихъ частяхъ соотвѣтствуетъ характеру дѣятельности германскихъ колонизаторовъ, такъ что полякъ, вышедшій изъ подъ вліянія нѣмецкой школы, продолжаетъ испытывать совершенно тождественное съ ней вліяніе, со всѣхъ сторонъ его стиснувшей, нѣмецкой среды.

Силоченность германцевъ, какъ въ земляхъ составляющихъ ихъ исконное достояніе, такъ и въ тѣхъ, которыя они лишь

сравнительно недавно колонизировали своими выходцами, столь велика, что поляки Познани, несмотря на отсутствіе въ Германіи всякихъ юридическихъ ограниченій ихъ политическихъ правъ, не только не въ состояніи достигнуть какого-либо положенія на государственной службѣ, но даже въ области либеральныхъ профессій и торговыхъ предпріятій принуждены ежечасно испытывать свою обособленность и безпомощность*). Но достаточно имъ отрѣшиться отъ своей національности, сохраняя даже свою вѣру, дабы вступить на правахъ равнаго въ германскую семью.

Такимъ образомъ все побуждаетъ поляковъ въ Германіи измѣнить своему происхожденію, которое само по себѣ, безъ того чтобы они сами его выставляли, не служитъ имъ препятствіемъ въ жизни: германскій законъ его игнорируетъ. При такимъ условіяхъ нѣмецкая школа въ Познани дѣйствительно способна германизировать поляковъ, что съ успѣхомъ и дѣлаетъ до такой степени, что даже польскія фамиліи учениковъ передѣлываетъ на нѣмецкій ладъ.

Но если въ Германіи полякъ отказавшись отъ своей народности, немедленно испытываетъ всѣ выгоды этого, то у насъ онъ, наоборотъ, можетъ испытать лишь обратное. Дѣйствительно, самое полное и искреннее обрусѣніе поляка не избавляетъ его отъ правоограниченій, которымъ онъ подверженъ въ качествѣ лица польскаго происхожденія,—происхожденія, которое, если онъ и забудетъ лично, то ему его напомнитъ законъ**). Съ другой стороны, оставаясь полякомъ, онъ

*) Яркимъ образчикомъ нѣмецкой солидарности можетъ послужить слѣдующій фактъ. Существующій въ Берлинѣ союзъ германизаціи обратился въ 1896 году къ берлинскимъ дамамъ „съ самою сердечною просьбой“ способствовать сбыту предметовъ домашняго обихода фабрикуемыхъ нѣмецкими фирмами Познани; при этомъ прилагался и списокъ этихъ фирмъ. И этотъ призывъ не остался безплоднымъ: фирмы эти получили солидные заказы. Невольно напрашивается сравненіе съ Москвой, заваленной произведеніями Лодзи въ явный ущербъ русскимъ фабрикатамъ.

**) Мы, разумѣется, не хотимъ этимъ сказать, что эти правоограниченія вообще вредоносны для русскаго дѣла. Отсутствіе у насъ об-

не испытываетъ никакой непріязненности со стороны русской общественной среды, не подвергается ни малѣйшимъ попыткамъ къ насильственному обрусѣнію; превратившись же въ русскаго, онъ не только тотчасъ лишается всякой поддержки своихъ сородичей, но неизмѣнно подвергается и всевозможнымъ съ ихъ стороны гоненіямъ, отъ которыхъ мы не только безсильны его оградить, но даже и не стремимся къ этому; болѣе того, по какому-то особенному нашему свойству мы сами начинаемъ на него смотрѣть, какъ на ренегата, тотчасъ рѣшая, что онъ измѣнилъ своему народу по какимъ-либо корыстнымъ побужденіямъ, хотя, какъ мы видѣли, такихъ побужденій у него въ громадномъ большинствѣ случаевъ положительно быть не можетъ. Такъ поступили мы со всѣми поляками, рѣшившимися громко заявить о своей приверженности къ нашимъ интересамъ, какъ, напримѣръ, съ наиболѣе преданными намъ римско-католическими ксендзами сѣверозападнаго края *), а также авторами тѣхъ произведеній польскаго пера, въ коихъ высказывалась мысль о необходимости полякамъ помириться съ политическою смертью ихъ государства; всѣ они такъ или иначе испытали на себѣ и силу польской справы и наше равнодушіе къ ихъ гибели за русское дѣло. Ясно, что нѣмецкая школа Познани дѣйствуетъ въ совершенно иныхъ условіяхъ: составляя лишь одно изъ звеньевъ той нѣмецкой кольчуги, которая со всѣхъ сторонъ сжимаетъ поляковъ въ Познани, она тамъ достигаетъ такихъ результатовъ, какихъ наша школа, являясь единоборцемъ, достигнуть въ Привисляньѣ не въ состояніи.

щественной самозащиты пока еще вызываетъ ихъ безусловную необходимость.

*) Мы, имѣемъ въ виду тѣхъ римско-католическихъ ксендзовъ, которые упорно боролись въ сѣверо-западномъ краѣ за введеніе въ дополнительное богослуженіе вмѣсто польскаго — русскаго языка. О постигшей ихъ участи любопытныя подробности сообщилъ г. Владиміровъ въ помѣщенной въ 1896 г. въ журналѣ *Русское Обозрѣніе* чрезвычайно-обстоятельной „Исторіи расположенія западно-русскаго костела.

Но если задача, поставленная нашими средними учебными заведеніями, фантастична, то что же сказать про способъ, избранный ихъ руководителями для достиженія ея?

Дѣйствительно, по какой-то непостижимой умственной аберраціи, вѣрнѣйшимъ средствомъ для перевоплощенія поляковъ въ русскихъ учебное начальство Привислянья признало не возбужденіе въ нихъ любви къ Россіи, а какъ мы уже указали, искорененіе привязанности ко всему родному. И вотъ съ этою цѣлью все польское въ гимназіяхъ обречено усиленному гоненію и осмѣянію. Языкъ и народъ, воспитуемыхъ подвергаются постояннымъ насмѣшкамъ, ученикамъ внушается, что полякъ—существо низшее, презрѣнное. Усиленно вдалбливая въ голову польскаго ребенка, что онъ — русскій, что край, городъ, все его окружающее—русское, одновременно. по какой-то удивительной логикѣ, всячески противится школьное начальство малѣйшему сближенію между этими, имъ же признаваемыми, всецѣло принадлежащими къ русскому народу учениками съ тѣми изъ нихъ, которые дѣйствительно по плоти и крови родились таковыми. Послѣдняго вѣдь не дѣлаетъ и та нѣмецкая школа, на которую любятъ ссылаться наши обрусители: признавъ всѣхъ своихъ учениковъ за нѣмцевъ, она уже не дѣлитъ ихъ на нѣмцевъ природныхъ и, вслѣдствіе этого, покровительствуемыхъ, и нѣмцевъ, такъ сказать, искусственныхъ и угнетаемыхъ. Но это различіе безусловно существуетъ въ гимназіяхъ Привислянья, гдѣ русскіе ученики пользуются явнымъ фаворомъ и, не взирая на степень развитія ихъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ, неизмѣнно ставятся образцомъ, примѣромъ для всего класса, при чемъ и имъ также внушается не только презрѣніе ко всему польскому, но и презрѣніе къ ихъ польскимъ товарищамъ. Несправедливость такого образа дѣйствій столь очевидна, что сознается она не только угнетаемыми польскими учениками, но даже и покровительствуемыми русскими воспитанниками, изъ которыхъ наиболѣе порядочные кончаютъ тѣмъ, что сами проникаются убѣжденіемъ въ справедливости польскихъ нареканій на русское владычество.

Ложность пути, ка которомъ стоитъ гимназическое воспитаніе въ Привисляньѣ, настолько очевидна, что легко можно усомниться въ истинѣ сказанаго, но, къ крайнему сожалѣнію, оно безусловно соотвѣтстуетъ дѣйствительности. Въ доказательство можно было бы привести много мелкихъ фактовъ, но, взятые въ отдѣльности, они могутъ показаться случайными и не значущими. Всю свою силу пріобрѣтаютъ они лишь въ массѣ другихъ однородныхъ и безпрестанно повторяющихся, которые въ общемъ и составляютъ систему, духъ учрежденія. Послѣднее же можно только охарактеризировать, доказать его нельзя. Мы сказали систему, ибо, къ сожалѣнію, способъ воспитанія, господствующій въ гимназіяхъ Привислянья, не является слѣдствіемъ неизбѣжныхъ въ каждомъ человѣческомъ дѣлѣ недочетовъ и отступленій отъ нормы, а безусловно отвѣчаетъ вполнѣ выработанной и со стойкостью, достойною лучшаго дѣла, неуклонно проводимой программѣ.

Вслѣдствіе этого, именно тѣ предметы гимназическаго курса, изученіе которыхъ могло бы наиболѣе содѣйствовать сближенію учениковъ съ русскою жизнью, на дѣлѣ способствуютъ ихъ разъединенію съ ней. Къ такимъ принадлежатъ, прежде всего, русская словесность и исторія. Всякому ясно, что преподаваніе этихъ предметовъ въ гимназіяхъ съ польскимъ элементомъ учащихся можетъ представить широкое поле, какъ для ознакомленія воспитанниковъ съ свѣтлыми сторонами русской культуры, такъ и для насмѣшекъ надъ польскимъ народомъ. О способѣ преподаванія русской исторіи каждый можетъ составить себѣ точное понятіе; для этого достаточно ознакомиться съ тѣми учебниками, которые приняты въ гимназіяхъ Варшавскаго округа — среди нихъ наиболѣе употребительный учебникъ Рождественскаго („Отечественная исторія, — курсъ среднихъ учебныхъ заведеній.“) Изъ этого руководства тщательно исключены всѣ выдающіяся явленія историческаго прошлаго Польши, всѣ побѣдоносныя войны Рѣчи Посполитой въ эпоху ея могущества, — эпоху, самое существованіе которой замалчивается, но зато выпукло представлены всѣ внутреннія безурядицы Польши, причемъ не только

шляхта, но и католическое духовенство награждаются далеко не лестными эпитетами. Встрѣчаются въ этомъ учебникѣ и такія фразы: „поляки право срывать сеймы называли зеницею шляхетской вольности и какъ бы хвастались своими безпорядками. Они говорили: „Польша безпорядкомъ существуетъ“ (стр. 63, 2-й части). А вотъ описаніе конфедераціи въ Барѣ: „Вожди конфедератовъ ссорились между собою, шляхтичи проводили время въ пирахъ и въ удовольствіяхъ, употребляя на это большія издержки *), между тѣмъ не было ни крѣпостей, ни пушекъ; конфедераты, вмѣсто того чтобы вести правильную войну, занимались грабежомъ, нападали на имѣнія богатыхъ землевладѣльцевъ и истязаніями вымогали у нихъ деньги, били и увѣчили крестьянъ, лишая ихъ послѣдняго достоянія“ (стр. 64, 2-й части). Далѣе, при описаніи событій предшествовавшихъ третьему раздѣлу Польши, поляки уже впередъ именуются заговорщиками и мятежниками (стр. 67). И вотъ такіе-то отзывы объ историческомъ прошломъ своего народа принуждены польскіе ученики не только выслушивать, но заучивать и затѣмъ, отвѣчая заданный урокъ, пересказывать учителю. Легко можно себѣ представить, какія при этомъ овладѣваютъ ими чувства.

Такой способъ преподаванія исторіи по меньшей мѣрѣ безцѣленъ, ибо не можетъ же учебное начальство не знать, что если въ его власти излагать въ гимназіяхъ польскую исторію съ какими угодно урѣзками, то безусловно внѣ его власти совершенно скрыть эту исторію отъ польской учащейся молодежи, которая тѣмъ съ бо́льшимъ увлеченіемъ зачитывается ею дома, чѣмъ односторонѣе и въ меньшемъ объемѣ преподается она въ школѣ. Послѣднее придаетъ ей даже особую притягательную силу, какъ бы запретнаго плода.

Изученіе исторіи какъ Польши, такъ и Россіи несомнѣнно можетъ содѣйствовать тому, чтобы польскій юноша сознательно пришелъ къ убѣжденію, что расчлененіе его отечества яви-

*) „Употреблять издержки“ также прелестно; впрочемъ, такими образцами безграмотности изобилуетъ весь учебникъ.

лось естественнымъ послѣдствіемъ всего его прошлаго, что къ этому роковымъ образомъ привели какъ внутренній строй, такъ и географическое положеніе его между Германскими племенами и представителемъ Славянства—Россіей. Но для этого необходимо умѣлое, а главное—безпристрастное изложеніе ея. Съ помощью лжи, хотя бы и самой благонамѣренной, путей правды не обрѣсти.

Но на бѣду именно преподаваніе исторіи въ нашихъ гимназіяхъ отличается не только односторонностью, но и поверхностью, механичностью, а потому и не можетъ возбудить къ этому предмету интересъ учащихся. Учебники этому способствовать не въ состояніи, отличаясь сухимъ, лишеннымъ жизненности изложеніемъ событій, даже безъ ясно проведенной причинной связи между ними; учителя же ограничиваютъ свою роль задаваніемъ уроковъ по книжкѣ „отсюда и досюда“ и выслушиваніемъ заданнаго, что̀, однако не мѣшаетъ „обрусителямъ“ особенно подчеркивать тѣ мѣста курса, которыя способны уколоть національное самолюбіе польскаго элемента учащихся.

Изученіе русской литературы служитъ новымъ источникомъ незаслуженныхъ обидъ, наносимыхъ національному чувству польскихъ учениковъ; такъ, между стихотвореніями, подлежащими обязательному заучиванію наизусть, находится и „Клеветникамъ Россіи“ Пушкина, въ коемъ, какъ всякому извѣстно, „кичливый ляхъ“ противопоставляется „вѣрному Россу“.

Наконецъ, мѣсто, отведенное польскому языку, также не можетъ не оскорблять національное самолюбіе учениковъ. Независимо отъ того, что этотъ предметъ не обязательный, что̀ понятно, его даже не приравняли къ иностраннымъ языкамъ—нѣмецкому и французскому: каждому изъ послѣднихъ отводится по 2½ часа въ недѣлю, а польскому до V-го класса гимназіи по 2 часа, а съ V-го всего одинъ часъ. Намъ могутъ возразить, что польскій языкъ и безъ того усердно изучается учениками дома, и въ особенности, что Россіи нѣтъ надобности развивать его знаніе. Съ послѣднимъ

мы охотно согласимся, но тутъ дѣло идетъ не объ обученіи польскому языку, а о томъ явномъ пренебреженіи, которое выказывается къ нему со стороны школы. Во сто кратъ предпочтительнѣе совершенно исключить польскій языкъ изъ числа предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназіяхъ, нежели удѣлять ему мѣсто, безусловно не соотвѣтствующее значенію, которое, естественно, придаютъ ему тѣ, для которыхъ онъ составляетъ языкъ природный. Русская правительственная школа призвана преслѣдовать исключительно обще-государственные интересы, а потому и не обязана обучать своихъ иноплеменныхъ учениковъ ихъ мѣстнымъ идіомамъ: послѣдніе по отношенію къ языку русскому и въ предѣлахъ русской державы, какъ бы они сами по себѣ не были развиты, являются не болѣе, какъ нарѣчіями; но выказывать къ нимъ презрѣніе школѣ тоже нѣтъ надобности. Нынѣ же преподаваніе польскаго языка въ гимназіяхъ края служитъ неисчерпаемымъ источникомъ для всяческихъ издѣваній, какъ надъ нимъ, такъ и надъ обучающимися ему. Прекратить его преподаваніе тѣмъ болѣе желательно, что оно служитъ къ усиленію той демаркаціонной черты, которую усиленно проводитъ школьное начальство между учениками польскими и русскими, тогда какъ именно къ ея уничтоженію нужно стремиться.

Но довольно и этихъ примѣровъ, дабы вполнѣ убѣдиться, что политика, которою какъ бы насыщенъ весь воздухъ Привислянья, проникла и въ школу; послѣдняя, вмѣсто того, чтобы служить наглядным фактическимъ опроверженіемъ тѣхъ ходячихъ въ польскомъ обществѣ мнѣній о русской дикости и грубости, является до извѣстной степени ихъ подтвержденіемъ.

Ясно, что чѣмъ усерднѣе ставитъ гимназія въ вину своимъ воспитанникамъ ихъ принадлежность къ польскому народу, чѣмъ сильнѣе сдерживаетъ въ нихъ всякое наружное проявленіе этой принадлежности, тѣмъ глубже сознаютъ они ее, тѣмъ шире разверзается пропасть, отдѣляющая ихъ отъ Россіи. И такія насильственныя искорененія считаютъ эти не въ мѣру рьяные обрусители служеніемъ русскому дѣлу. Но

неужели же не понимаютъ они, что такимъ путемъ ихъ дѣятельность изъ созидательной превращается въ разрушительную, что сердце человѣческое не выноситъ пустоты, что чѣмъ-нибудь оно заполнено должно быть?

Не трогайте въ польскомъ юношѣ его любви ко всему родному и національному, пускай невозбранно въ немъ процвѣтаютъ они, а приложите всѣ усилія совмѣстить въ немъ эту любовь съ преданностью обще-славянскому дѣлу, представительницей коего была, есть и будетъ Россія.

Эти господа, очевидно, забываютъ, что ненависть порождаетъ лишь злобу, а презрѣніе вызываетъ обиду. Выказывая ненависть и презрѣніе ко всему польскому, они тѣмъ самымъ удесятеряютъ въ польскомъ ребенкѣ и юношѣ ихъ ненависть ко всему русскому,—мало того, порождаютъ ее въ тѣхъ, у кого ея вовсе не было; не слѣдуетъ забывать, что далеко не всѣ ученики Привислянскихъ гимназій вступаютъ въ нихъ съ рѣзко выраженными антирусскими чувствами. Къ категоріи учениковъ, относящихся къ Россіи безразлично, можно причислить не только принадлежащихъ по рожденію къ низшимъ сословіямъ—въ ней встрѣчаются и дѣти интеллигенціи, коихъ родители изъ понятнаго желанія не отравлять ихъ жизни горькими, безплодными мечтаніями, избѣгаютъ возстанавливать ихъ противъ положенія края, измѣнить которое, они хорошо понимаютъ, не въ ихъ власти. Но не проходитъ и года по вступленіи этихъ индифферентовъ въ гимназію, какъ въ нихъ уже ясно обнаруживается племенная ненависть, которая съ годами все ростетъ и увеличивается, такъ что къ моменту окончанія ими гимназическаго курса они уже настолько пропитаны ею, что далеко обогнали въ этомъ направленіи своихъ родителей, которыхъ практика жизни обломала, успокоила, заставила пойти на неизбѣжные компромиссы.

Но неужели, спросятъ насъ, такимъ характеромъ обладаетъ весь русскій учительскій составъ среднихъ учебныхъ заведеній Привислянья?

Несомнѣнно, нѣтъ,—въ немъ существуютъ исключенія, и даже весьма многочисленныя, но сколько бы ихъ ни было,

при наличности „обрусителей“, дѣятельность тѣхъ, которые одни достойны носить званіе наставника, пропадаетъ безплодно: достаточно одной ложки злобы этихъ обрусителей, дабы испортить весь запасъ любви гуманныхъ, истино русскихъ преподавателей.

Молодые учителя, только что пріѣхавшіе изъ Россіи, въ громадномъ большинствѣ относятся къ своимъ ученикамъ безпристрастно, не дѣлятъ ихъ на черныхъ и бѣлыхъ, смотря по ихъ національности. Но вскорѣ по пріѣздѣ и изъ нихъ многіе заражаются страстью къ обрусѣнію и они превращаются изъ педагоговъ въ политическихъ „дѣятелей“, ставятъ себя на пьедесталъ и весьма быстро вносятъ въ свою учительскую дѣятельность характеръ политическій. Вмѣсто того чтобы стремиться образовать изъ воспитуемыхъ — честныхъ людей, и они ищутъ передѣлать ихъ изъ поляковъ въ русскихъ; вмѣсто того чтобы посвятить свою дѣятельность исключительно насажденію понятій о долгѣ и чести, и они занимаются „искорененіемъ“ въ воспитуемомъ его національности.

Не задавайтесь, господа, такими непосильными для васъ задачами, сузьте вашу программу, сведите ее къ тому, чтобы воспитать изъ польскаго юноши честнаго и полезнаго человѣка, а остальное само придастся! Не въ перевоплощеніи Поляковъ въ Русскихъ, а въ образованіи изъ нихъ честныхъ гражданъ нуждается Россія, а первымъ и неотъемлемымъ признакомъ человѣка честнаго есть правдивость. Не Поляки вредны для Россіи, а та двуличность и лживость, которая, отчасти подъ вліяніемъ чужеземнаго владычества, выработалась въ большинствѣ изъ нихъ. Искорените въ нихъ ложь,— и они, несомнѣнно, превратятся въ полезныхъ членовъ русской семьи.

Природа даетъ жизнь, воспитываютъ же страсти. Отъ степени ихъ возвышенности и зависитъ вся нравственная устойчивость человѣка. Политическія страсти шляхты, ея стремленіе къ неограниченному самовольству привели ее къ полнѣйшему помутнѣнію своего сознанія, къ невозможности

различать правду отъ лжи. Возбудите въ ея юныхъ представителяхъ безкорыстную любовь къ человѣку независимо отъ его общественнаго положенія и національности — и вы уже многаго достигнете.

Но не слѣдуетъ забывать, что всякая страсть ослѣпляетъ. „Нѣтъ тьмы болѣе неодолимой, какъ тьма, исходящая на предметы изъ насъ самихъ, когда зрѣніе самаго сознанія нашего затемняется страстью," говоритъ Ушинскій въ своемъ замѣчательномъ трудѣ „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія." Но если страсть необходима для умственнаго воспитанія человѣка, для усиленія его разсудочнаго процесса, а съ другой стороны—она же затемняетъ разсудокъ, то какъ-же выйти изъ этой дилеммы? Тотъ же Ушинскій указываетъ на единственный выходъ изъ нея, справедливо утверждая, что существуетъ страсть, но только одна единственная, не ослѣпляющая разсудка, а именно *страстная любовь къ истинѣ*. Вотъ эту-то страсть необходимо внѣдрить въ польскомъ юношѣ, а съ ея помощью онъ, несомнѣнно, разберется въ той фальши, лжи и клеветѣ про все и на все русское, которую такъ усиленно распространяютъ среди своихъ единоплеменниковъ польскіе политиканы. Она же ему дастъ силу вырваться изъ-подъ того нравственнаго гнета, изъ-подъ того террора, съ помощью котораго эти же политиканы заставляютъ до сихъ поръ безмолствовать тѣхъ сородичей своихъ, которые безъ ихъ запугиваній давно бы перешли на русскую сторону; она же заставитъ его громко заявить объ ошибочности мнѣнія, сложившагося среди шляхты о русскомъ народѣ.

Рядомъ съ развитіемъ умственныхъ способностей ученика да займется школьное начальство воспитаніемъ его характера, а для этого необходимо прежде всего пріучить его къ повиновенію, къ дисциплинѣ. Любовное отношеніе къ ученикамъ этому отнюдь не противорѣчитъ, а лишь превращается за отсутствіемъ дисциплины въ слабость. Дѣти, не привыкшіе къ подчиненію въ школѣ, и въ жизни не будутъ никому и ничему подчиняться. Лишь съ помощью дисциплины, этого существеннаго элемента воспитанія, можно выработать въ

юношѣ силу характера, а послѣдняя одна способна обезпечить ему успѣхъ въ жизни, удерживая его страсти въ предѣлахъ законности и одаряя его стойкостью въ преслѣдованіи намѣченныхъ цѣлей. Развить стойкость въ польскомъ юношѣ тѣмъ болѣе необходимо, что именно отсутствіемъ ея искони страдаетъ шляхта; представители ея въ высшей степени обладаютъ, если можно такъ выразиться, силой удара, но сила тяги, требующая напряженія постояннаго, имъ совершенно неприсуща.

Выражаясь яснѣе, необходимо политическое воспитаніе польскихъ дѣтей замѣнить ихъ воспитаніемъ нравственнымъ. Но дѣло въ томъ, что если чисто учебное дѣло сдѣлало за послѣднее десятилѣтіе въ нашихъ гимназіяхъ нѣкоторый прогрессъ, то воспитаніе остается въ прежнемъ пренебреженіи.

Нравственно-воспитательная сторона дѣятельности нашихъ гимназій въ Привисляньѣ, какъ и во всей Имперіи, правда, критикѣ не подлежитъ, но лишь по той причинѣ, что она тамъ, какъ дѣятельность активная, преднамѣренная, безусловно отсутствуетъ. Осмысленнаго, предначертаннаго и стойко проводимаго воздѣйствія на ходъ образованія въ воспитанникахъ ихъ душевныхъ чувствъ и характера—въ гимназіяхъ вовсе не существуетъ.

По прежнему остаются требованія, предъявленныя Пироговымъ къ наставникамъ, въ бытность его попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа, и изложенныя имъ въ своей автобіографіи, не только недосягаемымъ идеаломъ, по такимъ, къ которому мы и стремиться перестали.

„Я былъ убѣжденъ,“ пишетъ Пироговъ, „что уваженіе и любовь къ святому, высокому и прекрасному не могутъ быть иначе развиты въ душѣ ребенка какъ слѣдя за развитіемъ его индивидуальнаго быта, его воспріимчивости и склонности къ этимъ чувствамъ. Притворство и поддѣльность, такъ легко усвоиваемыя дѣтьми при одномъ внѣшнемъ надзорѣ за школьнымъ порядкомъ и дисциплиной, не могутъ быть иначе искоренены, какъ откровеннымъ и болѣе свободнымъ обращеніемъ съ ними наставниковъ, слѣдящихъ за ихъ индивидуальностью,

и я настаивалъ, чтобы они слѣдили не столько за соблюденіемъ внѣшняго порядка, сколько пріучали бы дѣтей къ откровенности, устраняя все, что̀ пріучаетъ ихъ къ притворству."

Золотыя слова, которыя каждый педагогъ долженъ начертать въ своемъ сердцѣ; но, къ сожалѣнію, эти правила до сихъ поръ на дѣлѣ не примѣняются, да и зачѣмъ ихъ примѣнять, если самая цѣль, которую они преслѣдуютъ, вполнѣ чужда преподавательскому составу, и во снѣ не помышляющему о развитіи въ своихъ ученикахъ любви къ „высокому, святому и прекрасному?"

Правда, въ гимназіяхъ съ помощью преподавательскаго состава составляется такъ называемый кондуитный журналъ ученика, гдѣ съ большею или меньшею точностью описываются его характеръ, естественныя наклонности, нравственный обликъ и степень развитія его умственныхъ способностей. Но единственное практическое примѣненіе этихъ журналовъ состоитъ лишь въ томъ, что когда въ педагогическомъ совѣтѣ возникаетъ вопросъ объ исключеніи ученика изъ заведенія, либо о переводѣ его въ слѣдующій классъ, то при рѣшеніи его совѣтомъ принимается во вниманіе и помѣщенная въ журналахъ общая характеристика его. Такимъ образомъ, подмѣченныя, да и то поверхностно, на лету, индивидуальныя особенности ученика признаются за нѣчто незыблемое, не подлежащее измѣненію; съ ними-де необходимо считаться лишь какъ съ мѣраломъ допустимыхъ по отношенію къ нему льготъ, но чтобы изученіе ихъ служило основаніемъ для нравственнаго перевоспитанія ученика, для болѣе успѣшнаго развитія въ немъ чувствъ долга и чести, для лучшаго выясненія ему, что трудъ есть главная цѣль жизни, что онъ одинъ, направленный на пользу ближняго, обезпечиваетъ счастіе человѣка, объ этомъ и въ помыслахъ нѣтъ у нашихъ преподавателей, такъ какъ никто изъ нихъ не даетъ себѣ труда воспитывать учениковъ: вся ихъ забота ограничивается тѣмъ, чтобы научить своему предмету.

Отсутствіе живаго общенія между учителемъ и учениками отражается не только на воспитательной дѣятельности школы,

оно касается и учебной его части. Мы выше сказали, что методъ преподаванія главныхъ предметовъ гимназическаго курса значительно усовершенствовался, изъ чего можно, пожалуй, заключить, что улучшился преподаватель, но на дѣлѣ это не такъ. Преподаватель остался прежній, измѣнился лишь учебникъ. Вотъ этотъ-то мертвый источникъ знанія дѣйствительно достигъ большого совершенства (однако, исключительно благодаря трудамъ германскихъ педагоговъ; наши учебники—сколокъ съ нѣмецкихъ), но радоваться этому наврядъ ли слѣдуетъ. Дѣло въ томъ, что одновременно съ усовершенствованіемъ учебника неимовѣрно возросло и значеніе его въ ущербъ значенію учителя; послѣдній изъ преподавателя предмета, т. е. умѣлаго истолкователя, превратился лишь въ контролера знанія учениковъ. Въ былые годы учебниковъ совсѣмъ не было, и учитель былъ—все; затѣмъ учебники были плохи, и учитель былъ многимъ; нынѣ учебники—совершенство, учитель же—почти нуль. Но буква мертвитъ: книга не въ состояніи замѣнить живой источникъ знанія—педагога, который одинъ можетъ одухотворить эти знанія путемъ разосторонняго, жизненнаго освѣщенія ихъ. Нынѣ же учитель, благодаря совершенству учебника, ограничивается ежедневнымъ экзаменаторствомъ своихъ учениковъ. Посѣщеніе школы вслѣдствіе этого превратилось почти въ одну формальность.

Устное разъясненіе наставникомъ преподаваемаго предмета, какъ въ его сущности, такъ и въ деталяхъ, однако нисколько не требуетъ чтенія имъ самостоятельныхъ лекцій. Наоборотъ лекціи почти въ такой же степени устраняютъ возможность живаго общенія между учителемъ и учащимся, какъ и книга. Для послѣдняго необходима *бесѣда*, умѣнье спрашивать а въ особенности умѣніе вызывать обучающихся на вопросы, возбудивъ въ нихъ интересъ къ изучаемому предмету. Этотъ интересъ при свободномъ обращеніи съ преподавателемъ неизмѣнно вызоветъ у учениковъ стремленіе уяснить себѣ не вполнѣ понятое, дополнить свои знанія тѣми частностями предмета, которыя по субъективному его способу мышленія необходимы ему для полнаго постиженія смысла пре-

подаваемаго. Предвидѣть эти частности педагогъ не въ состояніи: почти для каждаго изъ учениковъ они будутъ свои особенныя, вполнѣ зависящія отъ индивидуальнаго склада его ума.

Для подтвержденія сказаннаго мы обратимся къ авторитету, несокрушимое вліяніе котораго, въ теченіи столькихъ вѣковъ, на всю работу человѣческой мысли, доказало его безсмертное значеніе,—къ Платону. Наравнѣ съ книгами, сравниваемыми имъ съ картинами, которыя „кажутся живыми, пока ихъ не спрашиваютъ, а если спросятъ, то онѣ торжественно молчатъ или постоянно говорятъ одно и тоже“ Платонъ отрицаетъ педагогическое значеніе длинныхъ связныхъ поученій. Про учителей не умѣющихъ вопрошать и кратко отвѣчать на вопросы, а на „каждую малость отвѣчающихъ безконечными рѣчами“, Платонъ говоритъ что они подобны „мѣднымъ сосудамъ, которые, разъ по нимъ ударили, продолжаютъ протяжно звучать пока ихъ не остановятъ прикосновеніемъ руки“ *).

Не таковы ли наши профессора, усвоившіе въ университетахъ проповѣдническій способъ чтенія пространныхъ, но за частую безсодержательныхъ и всегда односторонніхъ курсовъ? Способны ли они выработать изъ своихъ слушателей—дѣльныхъ педагоговъ? Гдѣ могутъ послѣдніе пріобрѣсти малѣйшій навыкъ къ преподаванію или хотя бы понятіе о методикѣ и дидактикѣ, и удивительно ли послѣ того, что большинство изъ нихъ, ставши учителями ограничивается задаваніемъ уроковъ по книгѣ и пассивнымъ выслушиваніемъ исключительно въ ней же заключающагося?

У насъ постоянно твердятъ о переутомленіи обучающихся въ гимназіяхъ, между тѣмъ происходитъ лишь п е р е т о м л е н і е ихъ. Ученика ежедневно въ теченіи 4—5 часовъ не утомляютъ, а томятъ въ классической школѣ, не захватывая его вниманія, не увлекая его одухотвореннымъ живымъ словомъ, устнымъ изложеніемъ преподаваемыхъ предметовъ: вся работа по воспріятію знаній происходитъ внѣ стѣнъ школы—

*) Протагоръ гл. 49.

дома; но не всѣ ученики способны къ работѣ самостоятельной, что̀ и вызвало непомѣрное развитіе такъ называемаго репетиторства между учениками низшихъ классовъ (до четвертаго включительно). Не слѣдуетъ однако думать, что извращеніе роли учителя гимназіи облегчило ему его трудъ; нѣтъ, оно лишь превратило этотъ трудъ изъ творческаго въ мертвый, до тошноты однообразный, одуряющій.

Говорить о трудности гимназическаго курса, въ особенности во второй его половинѣ, смѣшно. Всякій мало-мальски способный ученикъ, окончившій четыре класса гимназіи, съ легкостью пройдетъ остальные въ два, много три года вмѣсто положенныхъ четырехъ. Въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ происходитъ топтаніе на мѣстѣ а это отнимаетъ энергію у юноши способнаго и выдвигаетъ исключительно тупицъ. Первый, именно вслѣдствіе недостаточной работы для его ума, утрачиваетъ интересъ къ дѣлу, кончаетъ тѣмъ, что ничего не дѣлаетъ: tendit ad ardua robur. Не приноситъ продолжительность курса пользы и воспитанникамъ неспособнымъ; вѣдь школа чудесъ не творитъ: она можетъ лишь развить способности ученика но одарить его таковыми не въ ея власти.

Ускорьте ходъ обученія, усильте программу гимназіи во второй ея половинѣ, и вы увидите, что произойдетъ странное перемѣщеніе: многіе изъ послѣднихъ учениковъ сдѣлаются первыми, и наоборотъ; всякому учителю извѣстно, что множество способныхъ учениковъ — среди „единичниковъ“. Тутъ мы опять таки сталкиваемся съ необходимостью широкаго распространенія школъ профессіональныхъ: онѣ-то обязаны подбирать тѣхъ учениковъ гимназіи, сила разума коихъ никогда не дозволитъ имъ плодотворно работать на поприщѣ чистаго званія, на поприщѣ науки. Усиленное медленное вдалбливаніе въ нихъ познаній, анализировать которыя они не въ состояніи, лишь убиваетъ въ нихъ послѣдніе задатки къ самостоятельному критеріуму, къ малѣйшему творчеству. Это вдалбливаніе иногда разбиваетъ ихъ окончательно, какъ сосудъ, въ который силятся втѣснить больше его вмѣстимости.

Но возвратимся къ воспитанію въ гимназіяхъ.

Нѣтъ дѣятельности возвышеннѣе, благороднѣе дѣятельности наставника: на воспитаніи юныхъ поколѣній основано все будущее благополучіе страны, ея умственный и нравственный ростъ. Но въ это дѣло нужно вложить душу свою; при формальномъ, хотя бы и добросовѣстномъ, отношеніи къ нему, оно неизмѣнно превращается во вредное. Тутъ середины нѣтъ. Дѣятельность наставника не можетъ быть безрезультатною: или она безусловно полезна и благотворна, или она безусловно вредна. Сердце ребенка и юноши, ихъ юный, едва складывающійся характеръ—такой мягкій воскъ, который при малѣйшемъ прикосновеніи уже запечатлѣваетъ слѣды его. Дѣтское сердце, одинаково отзывчивое ко всякой ласкѣ и знаку вниманія, какъ и чуткое ко всякой незаслуженной обидѣ и оскорбленію, готово пойти на встрѣчу на первый призывъ сердечный, но неизмѣнно отвернется отъ всякаго грубаго насилія.

Не всякій можетъ быть воспитателемъ—это несомнѣнно, и требовать этого отъ всего учительскаго состава, хотя и крайне желательно, но навряд ли мыслимо. Поэтому-то учебное дѣло должно быть непремѣнно раздѣлено на двѣ части: чисто учебное и воспитательное. Если отъ завѣдывающихъ первою частью достаточно требовать безусловнаго безпристрастія къ своимъ ученикамъ, строжайше запретивъ имъ всякій мало-мальски оскорбительный отзывъ объ ихъ національности, объ ихъ религіи,—словомъ, о священнѣйшихъ въ каждомъ человѣкѣ внутреннихъ убѣжденіяхъ и сердечныхъ порывахъ, то по отношенію къ тѣмъ лицамъ, которыя завѣдуютъ воспитательною частью, и этого недостаточно. Тутъ уже требуются качества высшаго порядка: высокая личная нравственность, сердечность, врожденная любовь къ юношеству. Службы тутъ недостаточно, необходимо служеніе. Посвятить себя всецѣло этому дѣлу, проникнуться его святостью—вотъ чего необходимо требовать отъ воспитателя. Учителей-чиновниковъ, видящихъ въ педагогической дѣятельности лишь заработокъ, къ этому дѣлу допустить нельзя.

Живой, наглядный примѣръ на каждаго человѣка дѣй-

ствуетъ во сто кратъ сильнѣе, нежели отвлеченныя разсужденія. Чуткая же дѣтская природа, еще не извращенная воспріятіемъ тысячей искусственно созданныхъ человѣкомъ условностей, кромѣ того отличается необыкновенною примѣтливостью ко всему совершающемуся вокругъ. Ребенокъ подмѣчаетъ то, мимо чего человѣкъ обтертый жизнью проходитъ безъ всякаго вниманія. Нравственная высота окружающей его среды неизмѣнно отражается на немъ,—и какъ бы искусно ни скрывалъ воспитатель или учитель свое нравственное *я* во всѣхъ его матеріальныхъ и духовныхъ проявленіяхъ, оно тѣмъ не менѣе проявится въ немъ, невидимо для него самаго, но вполнѣ ясно для воспитуемыхъ, на которыхъ несомнѣнно окажетъ могущественное вліяніе.

Вспомнимъ, что Нерона воспитывалъ Сенека. Проповѣдникъ высокой нравственности, не смотря на всю силу своего, ума, очевидно былъ не въ состояніи скрыть всей гибкости своей совѣсти, одинаково позволявшей ему писать возвышенныя по духу письма къ Люцилію и, въ сочиненномъ для того же Нерона, посланіи къ сенату, объясняя причины смерти Агриппины, подъискивать оправданія для матереубійства. Но если не подкрѣпленныя живымъ примѣромъ высокія сентенціи Сенеки остались безплодными, не отразились на нравственномъ обликѣ его ученика, то какъ же можетъ заурядный воспитатель словомъ не только скрыть, но и замѣнить для своихъ воспитанниковъ представляемую имъ самимъ живую дѣйствительность? Наученный этимъ опытомъ не сказалъ ли тотъ же Сенека—longum iter est per praecepta, breve et efficax per exempla. Моральная проповѣдь безъ живаго примѣра, если и способна вліять на ребенка, то развѣ въ томъ случаѣ, когда она исходитъ отъ опытныхъ сердцевѣдовъ, предварительно столь хорошо ознакомившихся съ психическимъ міромъ воспитуемаго, что для нихъ не остается закрытымъ ни одинъ изъ тайниковъ его души. Мыслимо ли ожидать отъ нашихъ преподавателей такихъ необычайныхъ качествъ? Иное дѣло требовать отъ нихъ личной высокой нравственности, этой самой существенной принадлежности воспитателя.

Однако, и этимъ качествомъ не блещетъ преподавательскій составъ гимназій Привислянья. Карьеризмъ и интриги, интриги безъ конца развиты въ немъ значительно болѣе, нежели гдѣ-либо въ Россіи. Къ сожалѣнію, встрѣчаются въ немъ и усердные поклонники Бахуса. То и другое не остается незамѣтнымъ для воспитанниковъ и естественно лишаетъ преподавателей того нравственнаго ореола, которымъ долженъ быть окруженъ наставникъ. Задача высшаго учебнаго начальства состоитъ именно въ томъ, чтобы умѣлымъ выборомъ директоровъ и инспекторовъ обезпечить въ школахъ дѣло воспитанія. Класный наставникъ—званіе, нынѣ почти не влекущее за собой ни какихъ либо особенныхъ, по сравненію съ остальными учителями, обязанностей, ни особенныхъ по отношенію къ воспитанникамъ правъ. Эти класные наставники къ тому же ежегодно мѣняются, такъ что рѣдко кто изъ нихъ ведетъ классъ дольше, чѣмъ въ теченіи одного учебнаго года. Ближайшій надзоръ за воспитанниками внѣ уроковъ, и притомъ какъ посѣщающими гимназію лишь въ часы занятій, такъ и живущими въ нихъ, ввѣренъ такъ называемымъ помощникамъ класныхъ наставниковъ, которые набираются изъ лицъ, не только не прошедшихъ высшаго образованія, но даже зачастую и средняго. Очевидно, въ ихъ рукахъ надзоръ этотъ—исключительно полицейскій, внѣшній, ограничивающійся наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы ученики не вступали въ драки, не производили безчинствъ, не читали недозволенныхъ учебнымъ начальствомъ книгъ.

Кстати о книгахъ. Внѣклассное чтеніе, играющее такую огромную роль въ развитіи ребенка, хотя и обязательно по гимназической программѣ, но на дѣлѣ никакого вниманія на это не обращается. Ученики читаютъ что попало, и многіе изъ нихъ, выходятъ изъ гимназіи, совершенно не ознакомившись съ корифеями русской литературы. Гимназическіе библіотеки, откуда должны бы выдаваться рекомендуемыя книги, отличаются бѣдностью, да и пользуются ими исключительно преподаватели.

Вслѣдствіе всего этого наши учебныя заведенія остаются

по прежнему „чистилищемъ, черезъ всѣ степени котораго надо пройти человѣку чтобы добиться того или другаго положенія въ свѣтѣ, а дѣйствительнымъ воспитателемъ по прежнему остается жизнь со всѣми своими безобразными случайностями". Такъ говорилъ 30 лѣтъ тому назадъ тотъ почти единственный педагогъ-мыслитель, котораго до сихъ поръ дала намъ русская школа — Ушинскій, и такъ несомнѣнно будетъ продолжаться и впредь, пока не осуществится имъ же впервые высказанная мысль о необходимости особыхъ педагогическихъ факультетовъ при нашихъ университетахъ, въ которыхъ будущіе наставники могли бы научиться тому обширному циклу наукъ, на которыхъ зиждется педагогія. Нынѣ же всѣ эти науки остаются внѣ изученія, и притомъ науки, не только относящіяся къ уразумѣнію психическаго міра человѣка, но и практически указывающія, какъ воздѣйствовать на него.

Психологія, это основаніе педагогіи, преподается въ такомъ объемѣ, а главное, до такой степени механически, безъ всякаго стремленія къ осмысленному ея познанію обучающимися, что не оказываетъ ни малѣйшаго содѣйствія къ развитію педагогическихъ способностей и умѣнія. Остальныя же науки характера дидактическаго и вовсе исключены изъ программы нашихъ филологическихъ факультетовъ, служащихъ однако разсадниками учителей. Между тѣмъ, если дѣятельность наставника требуетъ врожденной любви къ юношеству, то она же требуетъ и особыхъ спеціальныхъ знаній. Воспитаніе есть искусство, которое, какъ всякое искусство, безъ труда и подготовки не дается.

Ясно, что такъ какъ преподавательскій составъ гимназій Привисланья почерпается изъ того же источника, какъ и въ гимназіяхъ чисто русскихъ мѣстностей, то и педагогическія его способности и познанія равносильны.

Но если въ центральныхъ губерніяхъ Имперіи можно до извѣстной степени помириться съ гимназіей, какъ чисто учебнымъ заведеніемъ, всецѣло полагаясь въ воспитательномъ дѣлѣ на семью, то на нашихъ окраинахъ, гдѣ школа должна явиться передовымъ двигателемъ русскаго дѣла, такая ея роль, оче-

видно, недостаточна. Силой вещей учебныя учрежденія въ мѣстностяхъ съ элементомъ не чисто русскимъ стремятся такъ или иначе воздѣйствовать на своихъ воспитанниковъ въ смыслѣ ихъ полнѣйшаго сліянія съ нами, недостаточная же подготовленность къ этому дѣлу ихъ руководителей оставляетъ всѣ ихъ стремленія безплодными, что́ и вызываетъ среди многихъ изъ нихъ озлобленіе, зачастую обязанное своимъ происхожденіемъ сознанію собственнаго безсилія.

Съ горестью приходится сознаться, что нашъ умственный уровень, наши духовныя силы недостаточно развиты, чтобы съ успѣхомъ вести дѣятельность на почвѣ пропаганды словомъ и убѣжденіемъ, и мы вслѣдствіе этого возлагаемъ всѣ свои надежды на нашу матеріальную мощь. Но существуютъ области, въ которыхъ Давидъ всегда явится побѣдителемъ Голіаѳа; къ нимъ относятся всѣ области человѣческаго духа и разума, и распространять на нихъ пріемы, успѣшно примѣняемые въ области активныхъ проявленій человѣческой воли, по меньшей мѣрѣ безцѣльно: кромѣ ожесточенія они ничего вызвать не могутъ. Еще разъ скажу, „лошадь можно привести къ водѣ, но заставить ее пить нельзя“. Можно заставить польскую молодежь въ совершенствѣ ознакомиться съ русскимъ языкомъ, но силкомъ заставить ее по-русски мыслить, воспринять русскіе идеалы—нельзя. Дѣло воспитанія юношества, какъ оно нынѣ поставлено въ Привисляньѣ, не только не способно приблизить время духовнаго единенія Польши съ Россіей, но, наоборотъ, отдаляетъ его.

Горько и обидно останавливаться на тѣхъ многочисленныхъ ошибкахъ, которыя допущены въ дѣлѣ воспитанія польскаго народа. Мы съ охотой обошли бы молчаніемъ эту сторону русской дѣятельности въ краѣ, еслибы не ея первостепенная важность. Стремясь выяснить тѣ причины, которыя тормозятъ единеніе по духу польской интеллигенціи съ Россіей, мы не могли обойти молчаніемъ одинъ изъ несомнѣнныхъ факторовъ содѣйствующихъ этому. Описавъ, по мѣрѣ разумѣнія, тѣ внутреннія силы, которыя дѣйствуютъ въ этомъ направленіи въ самомъ польскомъ народѣ, мы обязаны указать и на

причины, исходящія извнѣ, виновниками коихъ являемся мы сами: amicus Plato, sed magis amica veritas. Найдутся люди, которыя скажутъ, что въ интересахъ русскаго дѣла мы обязаны скрывать свои недостатки, что такими обвиненіями мы даемъ оружіе въ руки пановъ и ксендзовъ для нападенія на все прочее хорошее; польская закордонная пресса подхватитъ-де всѣ эти факты и, откинувъ критику дурныхъ сторонъ польской жизни, начнетъ махать ими, какъ дубиной, въ нашемъ направленіи.

На это мы возразимъ, что новаго для поляковъ въ томъ что мы говоримъ, рѣшительно нѣтъ ничего, что если сообщаемое нами для кого-нибудь и ново, то развѣ для русскихъ.

Но кромѣ того, спросимъ мы: что́ больше содѣйствуетъ польской непримиримости: оглашеніе какого-либо факта, способствующаго ей, или этотъ фактъ самъ по себѣ? Очевидно, второе, а на уничтоженіе его только и направлено первое.

Для того, чтобы исправить какую-либо ошибку, нужно прежде всего сознать ее, а вотъ этого-то мы и добиваемся. Ошибка, сознанная всѣмъ обществомъ, неминуемо будетъ сознана и тѣми, отъ кого непосредственно зависитъ ея исправленіе, ибо и они составляютъ часть того же общества, съ которымъ сплетены тысячами нитей.

Этотъ путь тѣмъ болѣе единственный, что ложность и пагубность системы обученія польскаго юношества не сознается мѣстными руководителями этого дѣла, несмотря на стойкое воздѣйствіе на нихъ въ этомъ направленіи со стороны высшей администраціи края, не переставшей неустанно убѣждать ихъ, что не отталкивать отъ себя призваны они обучающихся въ учебныхъ заведеніяхъ, а всемѣрно привлекать ихъ гуманнымъ, исполненнымъ любви обращеніемъ съ ними. „Это задача трудная, но благодарная“, говорила администрація, „за ея достиженіе, хотя бы первоначально въ размѣрахъ минимальныхъ, вамъ скажутъ большое спасибо не только русскіе люди, но и сами поляки“. Она указывала, что „юное, пылкое сердце не можетъ быть свободно, оно должно имѣть свои кумиры и съ дѣтства выработать тѣ идеалы, которые останутся для

него путеводною звѣздой въ теченіе всей его послѣдующей жизни." Признавая правительственную школу за единственное орудіе, съ помощью котораго мы можемъ достигнуть того, чтобы идеалы и стремленія польскаго юношества согласовались съ обще-русскими интересами, администрація указывала и на то, что „задача педагога — широко распахнуть двери школы, а не заставить бѣжать отъ нея ребенка и отворачиваться со страхомъ родителя. Онъ долженъ ежеминутно помнить, что въ его дѣлѣ сила не въ силѣ, а сила въ любви. Нынѣ же, задавшись неисполнимою задачей — силой обрусить цѣлый народъ, мы тѣмъ самымъ оказываемся несостоятельными сдѣлать поляковъ русскими вѣрноподданными, сознающими хотя бы матеріальную выгоду отъ искренняго союза съ Имперіей."

Убѣдясь въ безплодности своихъ увѣщаній, администрація перенесла и этотъ вопросъ, подобно вопросу объ участіи католическихъ ксендзовъ въ дѣлѣ народнаго образованія, на разсмотрѣніе высшихъ инстанцій, которыя и здѣсь вполнѣ согласились съ нею въ принципѣ и предложили мѣстному учебному начальству впредь придерживаться того образа дѣйствій, который единственно отвѣчаетъ преслѣдуемой цѣли.

Но на этомъ дѣло и остановилось *); да иначе и быть не могло. Воспитаніе, какъ нравственное воздѣйствіе одного лица на другое, тѣмъ и отличается отъ всякой другой дѣятельности, что проводники его руководствоваться чужими мнѣніями и убѣжденіями, если они не раздѣляются всецѣло ими самими, не въ состояніи. Никакими предписаніями тутъ дѣлу не поможешь. Эти предписанія вполнѣ исполнимы въ сферѣ дѣятельности административной, даже экономической, то-есть финансовой, но въ дѣлѣ воспитанія совершенно безсильны. Перемѣнить образъ дѣйствій этихъ лицъ можно лишь

*) Едва ли не единственнымъ послѣдствіемъ той санкціи, которую получили взгляды администраціи на дѣло воспитанія въ гимназіяхъ Привислянья, было разрѣшеніе польскому языку впредь именоваться таковымъ; до тѣхъ поръ онъ оффиціально именовался не иначе, какъ языкомъ „туземнымъ"!

перемѣнивъ ихъ образъ мыслей, что̀ равносильно ихъ собственному перевоспитанію. Но эти люди давно уже вышли изъ того возраста, когда сложившіяся убѣжденія легко поддаются измѣненію. За свое многолѣтнее пребываніе въ краѣ они, благодаря той ненависти, которою окружены со всѣхъ сторонъ, озлобились, потеряли необходимое хладнокровіе, необходимую ясность и безпристрастность взгляда.

Измѣнить существующее направленіе можно, слѣдовательно, лишь замѣнивъ руководителей учебнаго дѣла другими, свѣжими людьми, не утратившими способности ратовать безъ злобы, преслѣдовать намѣченныя цѣли безъ страстности.

Точно также, какъ устраненіе ксендзовъ отъ начальнаго образованія сельскихъ массъ дало возможность польскимъ политиканамъ привлечь населеніе въ устраиваемые ими тайныя школы, такъ ненормальныя отношенія, установившіяся между учащими и учащимися въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, вызвали развитіе множества частныхъ училищъ, которыя несмотря на то, что ученіе въ нихъ ведется плохо, а стоитъ дорого, переполнены учениками. Одновременно съ этимъ число учащихся въ правительственныхъ гимназіяхъ замѣтно падаетъ, и если бы не права, предоставляемыя окончившимъ ихъ курсъ (въ особенности по отбыванію воинской повинности),—права, которыхъ частныя училища края не даютъ, то это число стало бы совсѣмъ незначительнымъ *). Впрочемъ, и нынѣ многіе состоятельные поляки предпочитаютъ, хотя бы цѣной разлуки съ своими дѣтьми, посылать ихъ въ учебныя заведенія другихъ округовъ, нежели подвергать тѣмъ оскорбленіямъ національнаго чувства, которыя ожидаютъ ихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ края.

*) Число учащихся въ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ края въ 1880 году достигало 10.205 челов.; въ 1891 году, несмотря на то, что число гимназій увеличилось на 3, путемъ открытія двухъ новыхъ и превращенія одной прогимназіи въ гимназію, число учащихся равнялось лишь 9.129, то-есть уменьшилось болѣе нежели на 10%.

ГЛАВА XVIII.

РУССКІЕ ЛЮДИ ВЪ КРАѢ.

Стремленіе учебнаго начальства Привислянья обрусить воспитывающуюся въ подвѣдомственныхъ ему среднихъ учебныхъ заведеніяхъ польскую интеллигенцію, въ особенности если принять во вниманіе избранные имъ способы дѣйствія, по справедливости подходитъ подъ юридическій терминъ „покушеніе съ негоднымъ средствами."

„Не влѣзешь силой въ совѣсть никому и никого дубиной въ рай не вгонишь," образно и мѣтко выразился А. Толстой въ Донъ-Жуанѣ. Но если дубиной человѣка и въ рай не вгонишь, то какъ-же вогнать его съ помощью этого орудія въ русскую семью, обладающую все же не райскими, а земными качествами, а слѣдовательно, и всѣми присущими роду человѣческому слабостями и недостатками.

Всякому ясно, что привить народу чуждые ему идеалы, насадить въ его интеллигентныхъ слояхъ иноземную культуру [illegible] правительственными мероприятіями — немыслимо. Для достиженія этой цѣли [illegible] необходимо содѣйствіе жизни [illegible] элементовъ, дѣйствующихъ не на основаніи данныхъ имъ инструкцій и приказаній, а силой вну-

треннею, органическою. Но именно этихъ живыхъ общественныхъ элементовъ нашей родины почти совершенно не существуетъ въ Привисляньѣ. Дѣйствительно, хотя число русскихъ въ краѣ весьма значительно, но все же органической части мѣстнаго населенія они тамъ не составляютъ; принадлежатъ они исключительно къ разряду людей служилыхъ, никакими прочными, живыми узами, не только родственными, но даже и имущественными, съ краемъ и его жителями не связанныхъ. Попадая на службу въ польскую окраину, русскій человѣкъ, обыкновенно, смотритъ на жизнь и службу тамъ, какъ на этапный пунктъ и естественно стремится сколь можно скорѣе вернуться въ тѣ исконно русскія мѣстности, весь строй которыхъ ему близокъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ; вслѣдствіи этого никакихъ частныхъ сношеній съ мѣстными жителями онъ не заводитъ, живетъ исключительно въ русскомъ кругу, опять-таки чиновничьемъ, служиломъ, и поэтому зачастую края совершенно не знаетъ.

Такимъ образомъ жизнь двухъ элементовъ, мѣстнаго—польскаго и пришлаго—русскаго, течетъ въ Привисляньѣ по двумъ совершенно разнымъ русламъ, нигдѣ органически не сливаясь. Всѣ отношенія между этими двумя элементами исключительно внѣшнія, формальныя. Можно смѣло сказать, что поляки въ Привисляньѣ видятъ русскихъ людей почти исключительно облеченными въ тотъ или иной вицъ-мундиръ и притомъ въ стѣнахъ того или другаго присутственнаго мѣста.

Не только наши землевладѣльческіе классы, но и промышленное сословіе, люди торговые въ краѣ представлены отдѣльными единицами; дабы перечесть ихъ, достаточно пальцевъ одной руки. Попытка насадить русское землевладѣніе въ краѣ окончилась, какъ извѣстно, полнѣйшей неудачей, несмотря на сдѣланныя казной съ этою цѣлью значительныя матеріальныя жертвы. Дѣйствительно, правительство въ два пріема (въ 1835 г. и въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ) роздало въ Привисляньѣ въ маіоратное владѣніе до 800 тысячъ морговъ земли, общая доходность которыхъ была исчислена при

пожалованiи ихъ въ слишкомъ 350 тыс. руб. сер., въ дѣйствительности же значительно превышала эту сумму *).

Самое пожалованiе этихъ имѣнiй лицамъ съ виднымъ служебнымъ положенiемъ уже заранѣе исключало всякую надежду на то, что ихъ владѣльцы лично поселятся въ нихъ. Покинуть службу по достиженiи степеней извѣстныхъ, дабы заняться сельскимъ хозяйствомъ въ чуждомъ краю съ цѣлью насажденiя въ немъ русской гражданственности—такая жертва, которую наврядъ ли можно было по справедливости налагать на нихъ. Правда, господа маiоратисты не только не пошли на эту жертву, но въ большинствѣ случаевъ даже пренебрегли единственнымъ наложеннымъ на нихъ обязательствомъ—не сдавать полученную ими землю въ аренду, а вести самостоятельное хозяйство, если не лично, то черезъ управляющихъ. На дѣлѣ почти всѣ маiоратныя имѣнiя находятся въ арендѣ, разумѣется, исключительно въ рукахъ мѣстныхъ жителей—поляковъ или и того хуже—евреевъ. Съ цѣлью обойти это правоограниченiе былъ придуманъ чрезвычайно ловкiй фортель: имѣнiя сдаются не въ аренду, а въ *посредническую администрацiю*, при которой арендаторъ состоитъ какъ бы управляющимъ (администраторомъ) его, но такимъ, который обязался ежегодно извлекать изъ имѣнiя въ пользу владѣльца точный, впередъ опредѣленный доходъ: хозяйство при этомъ ведетъ онъ собственными средствами при помощи собственнаго инвентаря, на свой личный страхъ и никакого отчета въ немъ помѣщику не отдаетъ. Въ такой

*) Впрочемъ, были отдѣльные случаи, когда доходность маiората не достигала опредѣленной закономъ суммы: пожалованные тогда не замедлили обратиться, къ кому надлежало, съ просьбой о возвращенiи имъ взамѣнъ имѣнiй денежными непрерывными выдачами, что и было уважено, не взирая на то, что пожалованiе маiоратовъ, хотя и являлось наградой за государственную службу, но одновременно преслѣдовало и цѣли нацiональныя, а дѣйствительное пользованiе доходами съ нихъ было связано [illegible].

Такихъ случаевъ возвращенiя взамѣнъ пожалованныхъ имѣнiй было однако весьма мало—всего 5, что ясно указываетъ на хорошую доходность большинства ихъ.

поручительной администраціи находятся почти съ момента пожалованія ихъ болѣе 75% всѣхъ маіоратовъ въ краѣ. Въ остальныхъ же владѣльцы, правда, ведутъ хозяйство на свой рискъ, но опять-таки при помощи исключительно мѣстныхъ элементовъ, да иначе и быть не можетъ:—откуда взять въ Привисляньѣ хотя бы сноснаго русскаго управляющаго, когда таковой и на Руси-то почти невиданная рѣдкость?!

Не бо́льшее значеніе, въ смыслѣ насажденія осѣдлаго русскаго элемента въ краѣ, имѣла распродажа части земель, отобранныхъ въ силу указа отъ 27 октября 1864 года у римско-католическаго духовенства въ русскія руки съ воспрещеніемъ покупщикамъ продавать или закладывать ихъ иначе, какъ лицамъ православнымъ, русскаго происхожденія (впрочемъ, сдѣлано исключеніе въ пользу нѣмцевъ-лютеранъ, состоящихъ на государственной службѣ).

Первоначально изъ земель этихъ предполагалось также образовать маіораты числомъ до трехсотъ, но по настоянію Милютина, указавшаго, что изъ 128 лицъ, пожалованныхъ маіоратами въ тридцатыхъ годахъ, на мѣстѣ поселилось лишь 12, да и тѣ принадлежали, почти исключительно, къ мѣстнымъ уроженцамъ (изъ числа поляковъ, проявившихъ при возстаніи 1830 года свою преданность русскому престолу, нѣкоторые также были награждены маіоратами), рѣшено было продать ихъ на льготныхъ условіяхъ русскимъ чиновникамъ, надѣясь такимъ способомъ образовать въ краѣ прочный осѣдлый русскій элементъ. Съ этою цѣлью были выработаны Высочайше утвержденныя 1 іюля 1871 года правила, на основаніи которыхъ казенныя палаты и приступили въ 1873 году къ распродажѣ съ торговъ этихъ поцерковныхъ земель.

Условія были дѣйствительно льготныя, или, по крайней мѣрѣ, казались таковыми покупщикамъ: послѣдніе обязывались уплатить лишь одну десятую долю покупной стоимости заторгованнаго имѣнія, а остальныя $^{9}/_{10}$ выплачивать въ теченіи 42 лѣтъ изъ 5%, считая въ томъ числѣ и погашеніе.

Перспектива сдѣлаться собственникомъ имѣнія на такихъ заманчивыхъ условіяхъ соблазнила множество русскихъ чи-

новниковъ края. Не имѣя никакого понятія о сельскомъ хозяйствѣ, не подозрѣвая, что оно всегда сопряжено съ значительнымъ рискомъ, эти чающіе недвижимой собственности не останавливались даже передъ полнымъ отсутствіемъ свободныхъ наличныхъ средствъ, хотя бы на уплату десятой доли цѣны имѣнія. Занявъ, безъ сомнѣнія, подъ высокій процентъ, необходимую сумму, съ жадностью устремились они на торги, надѣясь изъ ничего создать не только нѣчто, но даже многое, сразу сдѣлаться изъ бѣдняковъ людьми состоятельными. Многіе изъ нихъ даже не осматривали имѣній, которыя собирались покупать; при этихъ условіяхъ торги прошли дѣйствительно блестяще: имѣнія были распроданы по цѣнамъ, значительно превышавшимъ какъ дѣйствительную стоимость, такъ и казенную ихъ оцѣнку. Такимъ образомъ было продано 392 имѣнія пространствомъ всего въ 91.598 морговъ; общая продажная цѣна ихъ достигла 4.553.796 р.; въ среднемъ моргъ земли обошелся покупателямъ въ 50 р. (100 р. десятина); цѣна эта, превыщая вообще существовавшую въ то время стоимость земли въ Привисляньѣ, совершенно не соотвѣтствовала цѣнности покупаемыхъ земель, и это по многимъ причинамъ. Изъ нихъ первая, и самая главная, заключалась въ томъ, что земли эти въ періодъ времени отъ поступленія ихъ въ казну и до момента продажи, то-есть, въ теченіе 8 лѣтъ, сдавались въ годовыя аренды; съемщики, какъ всякій временный обладатель имущества, стремились лишь урвать изъ имѣнія какъ можно больше за время своего хозяйничанья, нисколько не заботясь о сохраненіи его основной цѣнности. Вслѣдствіе этого земли были истощены до крайности, пашня отъ плохой обработки засорилась, а луга, за непрочисткой сточныхъ канавъ, заросли мохомъ. Полное отсутствіе во всѣхъ этихъ имѣніяхъ какого-либо инвентаря, а въ большинствѣ ихъ и построекъ, при чемъ существовавшія въ теченіе всего времени владѣнія казны не ремонтировались и пришли въ ветхость—все это уменьшало какъ доходность имѣній, такъ и стоимость ихъ. Наконецъ, самый размѣръ имѣній (въ среднемъ 233 морга, или около 120 де-

сятинъ) не позволялъ бы ихъ владѣльцамъ существовать исключительно съ ихъ доходовъ, даже если бы таковые всецѣло поступали въ ихъ распоряженіе, а не шли бы цѣликомъ на уплату процентовъ по разсроченной части покупной цѣны, нерѣдко даже не покрывая ихъ. Единственнымъ источникомъ существованія купившихъ эти земли по прежнему осталась служба, а слѣдовательно о личномъ веденіи хозяйства не могло быть и рѣчи; этотъ же ничтожный размѣръ имѣній не позволяетъ имъ вести хозяйство черезъ управляющихъ, такъ какъ расходы управленія поглотили бы большую часть доходовъ. Наконецъ, тому же въ высшей степени препятствуетъ отсутствіе у владѣльцевъ наличныхъ средствъ, какъ на пріобрѣтеніе необходимаго инвентаря, такъ и на оборотные расходы. Такимъ образомъ покупатели поцерковныхъ земель силой вещей поставлены въ необходимость прибѣгать къ тому способу эксплуатаціи ихъ, къ которому обратилось большинство маіоратистовъ лишь ради большей выгоды, а именно сдавать ихъ въ аренду тѣмъ же мѣстнымъ, уроженцамъ-полякамъ и евреямъ. Но арендная сумма въ большинствѣ случаевъ также едва покрываетъ платежъ въ казну и подати, а потому положеніе этихъ псевдо-землевладѣльцевъ самое незавидное.

Эта вторая попытка насадить русское землевладѣніе осталась, слѣдовательно, столь же безплодною, какъ и первая. Существуетъ, правда, въ краѣ еще третья категорія русскихъ землевладѣльцевъ, но о нихъ лучше бы и не упоминать, хотя именно они-то живутъ въ своихъ помѣстьяхъ и ведутъ въ нихъ собственное хозяйство. Состоитъ эта категорія также преимущественно изъ бывшихъ чиновниковъ въ краѣ; это тѣ изъ нихъ, которые успѣли за свою службу, путями болѣе или менѣе сомнительными, сколотить себѣ нѣкоторый капиталъ; сдѣлались они собственниками имѣній зачастую путемъ предварительнаго пріема ихъ въ залогъ по вторымъ и третьимъ закладнымъ.

Люди это практическіе, не поддавшіеся соблазну купить будто бы за даромъ, а на дѣлѣ за дорогую цѣну распродан-

Тѣмъ не менѣе за военнымъ элементомъ слѣдуетъ признать выдающееся значеніе въ смыслѣ поднятія ореола русскаго имени въ краѣ, и это значеніе пріобрѣлъ онъ въ особенности въ годы царствованія Императора Александра III. Подъ вліяніемъ либеральныхъ теченій, господствовавшихъ въ Россіи въ третью четверть нынѣшняго вѣка, на военную службу, какъ извѣстно, начали смотрѣть, какъ чуть ли не на позорную; представители войска не только не пользовались безусловно довлѣющимъ имъ почетомъ среди чуждыхъ племенъ, населяющихъ наши окраины, но положеніе офицерства и въ коренныхъ губерніяхъ Россіи было далеко незавидное. Наиболѣе же печальнымъ явленіемъ былъ тотъ фактъ, что и сами офицеры начинали пренебрежительно относиться къ своей службѣ, къ значенію и чести носимаго ими мундира. То было время, съ одной стороны, торжества отвлеченныхъ идей о верховенствѣ разума надъ грубою силой, братствѣ народовъ, интернаціонализмѣ, а съ другой—возрастающихъ значенія и силы денегъ. Понятно, что армія съ ея бѣднымъ матеріальными средствами офицерствомъ, при господствѣ такого теченія, теряла всякое общественное значеніе. Любой купецъ съ туго набитою мошной считалъ себя вправѣ относиться пренебрежительно къ ея представителямъ, забывая, что на самоотверженности арміи основана не только наша народная сила, но и цѣлость той самой мошны, содержаніемъ которой онъ такъ гордится; забывала и интеллигенція, что войско является стражемъ нашей національной гордости, что ея представители призваны къ величайшей жертвѣ, которую только можетъ принести человѣкъ своей родинѣ, - къ жертвѣ своею жизнью, и что въ ихъ готовности къ этой жертвѣ Россія еще столь недавно имѣла случай убѣдиться на дѣлѣ.

Поднять значеніе арміи въ глазахъ общества и тѣмъ возвысить ее въ собственномъ мнѣніи являлось дѣломъ неотложнымъ и этого безусловно достигло минувшее царствованіе. Первое качество арміи—самоувѣренность,—она лучшій залогъ успѣшности ея дѣйствій въ военное время; самоувѣренность же безъ самоуваженія немыслима. Стремясь поднять

престижъ арміи въ странѣ, необходимо было прежде всего возвысить нравственный уровень офицеровъ, возбудивъ въ нихъ самихъ чувство собственнаго достоинства.

Мѣры, принятыя въ этомъ направленіи въ восьмидесятыхъ годахъ, несомнѣнно, возымѣли свои благотворныя послѣдствія: корпусъ офицеровъ выкинулъ изъ своей среды большинство лицъ, недостойныхъ чести носить военный мундиръ; лица же, облеченныя имъ, вновь пріобрѣли подобающее значеніе въ глазахъ общества.

Войска Варшавскаго округа испытали, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ остальная часть русской арміи, возрастающій почетъ и уваженіе къ себѣ со стороны мѣстнаго населенія.

Дѣйствительно, положеніе русскаго офицера въ Привислинькѣ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ было подчасъ невыносимое. Главная власть края, несмотря на то, что она совмѣщала въ себѣ и начальство надъ войсками, въ немъ расположенными, благодаря стремленію покорить мѣстную интеллигенцію любезнымъ къ ней отношеніемъ, не только не прилагала никакихъ стараній поднять общественное значеніе представителей русскаго воинства, но даже не карала открыто и публично высказываемаго имъ пренебреженія. Самыя дерзкія выходки какъ интеллигенціи, такъ даже людей простого званія по отношенію къ войску оставались безнаказанными, что, естественно, нерѣдко побуждало представителей послѣдняго прибѣгать къ самосуду, къ столь нежелательному въ культурномъ обществѣ самоуправству. Послѣднее, не всегда [illegible] отъ [illegible] [illegible], [illegible] въ тому, что [illegible] такъ [illegible] [illegible] «des gamins de salon» и, естественно, [illegible] [illegible] въ войску со стороны [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] между ними [illegible].

[illegible]

было избавлено отъ грустной необходимости обращать свое оружіе противъ своихъ же, хотя и иного племени, сограждан. Оказывать содѣйствіе гражданскимъ властямъ, или чинамъ полиціи, ради прекращенія какихъ-либо безпорядковъ въ Привисляньѣ, войскамъ почти не приходилось за все время минувшаго царствованія, и это столько же отъ ничтожнаго количества этихъ безпорядковъ вообще, сколько вслѣдствіе стремленія администраціи справляться съ ними безъ участія вооруженной силы. Военное начальство, очевидно, придерживалось того мнѣнія, что армія создана для дѣйствія оружіемъ и что ея участіе въ усмиреніи народныхъ страстей должно выражаться въ дѣйствіяхъ рѣшительныхъ: войску столь же мало приличествуетъ быть безмолвнымъ свидѣтелемъ совершающихся на его глазахъ безчинствъ, какъ подвергаться малѣйшимъ оскорбленіямъ со стороны уличной толпы. Его участіе въ народныхъ безпорядкахъ должно быть всегда рѣшительное, въ особенности вслѣдствіе необходимости воспитать въ толпѣ убѣжденіе, что сопротивленіе ему столь же преступно, какъ безсмысленно. Тѣмъ болѣе необходимо это въ мѣстностяхъ пограничныхъ съ населеніемъ иноплеменнымъ. Лишь вселивъ въ этомъ населеніи въ мирное время убѣжденіе, что русское войско непобѣдимо, и что всякія попытки такъ или иначе выказывать ему не только сопротивленіе, но даже непріязнь неизмѣнно и безпощадно караются, можно надѣяться на безусловное спокойствіе этого населенія въ моментъ возможнаго превращенія этихъ пограничныхъ мѣстъ въ театръ военныхъ дѣйствій.

Естественно, что при такомъ взглядѣ на образъ дѣйствій войска въ усмиреніи народныхъ волненій, къ его содѣйствію въ этомъ дѣлѣ можно прибѣгать лишь въ крайнихъ случаяхъ. Это правило строго соблюдалось въ краѣ, было хорошо извѣстно представителямъ гражданской власти и избавляло войско отъ несвойственной ему полицейской роли.

Какъ поднятіе нравственнаго уровня офицерства, такъ и возстановленіе его почетнаго положенія въ краѣ несомнѣнно содѣйствовали установленію между нимъ и мѣстными жите-

[illegible] ныхъ и даже подчасъ пріяз-
[illegible] лагерныхъ переходовъ войскъ ши-
[illegible] гостепріимство часто встрѣчаютъ
[illegible] помѣщиковъ, черезъ владѣнія ко-
[illegible] Но все же близкихъ, постоянныхъ
[illegible] и культурными слоями польскаго об-
[illegible] Объясняется это, впрочемъ, и тѣмъ
[illegible] обыкновенно представляютъ достаточно
[illegible] дабы отдѣльные его члены удовле-
[illegible] семьей и не стремились завязывать
[illegible] ея, въ собственности среди общест-
[illegible] имъ чуждыхъ, какъ по языку такъ и
[illegible]

[illegible] военные элементы въ краѣ не пользуются
[illegible] продолжающей чуждаться ихъ, то какъ
[illegible] ее чины гражданскіе? Присутственныя
[illegible] мірѣ не пользуются особою симпатіей про-
[illegible] Неизбѣжно присущая имъ медленность и
[illegible] вершеніе дѣлъ на основаніи буквы закона,
[illegible] не поспѣвающаго услѣдить за всѣми безчи-
[illegible] измѣненіями и изгибами дѣйствительной жизни,—
[illegible] превращаетъ эти учрежденія въ глазахъ обывателя
[illegible] чистилища, по которымъ онъ принужденъ маяться,
[illegible] въ нихъ въ недруговъ, которыхъ необходимо
[illegible] ради достиженія желаемыхъ результатовъ. И въ
[illegible] Россіи мы постоянно ропщемъ и ворчимъ на наши
[illegible] мѣста, царящіе въ нихъ порядки и на кажу-
[illegible] придирчивость и равнодушіе чиновниковъ,—какъ же
[illegible] относиться къ нимъ польское населеніе Привислянья
[illegible] какъ съ нѣкоторою непріязнью? Это отнюдь не проис-
[illegible] отъ личныхъ качествъ русскаго состава правитель-
[illegible] учрежденій въ краѣ,—этотъ составъ слѣдуетъ
[illegible] болѣе чѣмъ удовлетворительнымъ.

Впрочемъ, въ русскомъ служиломъ элементѣ Привислянья
[illegible] различать двѣ рѣзко разграниченныя категоріи. Къ
[illegible] изъ нихъ принадлежатъ лица, занимающія болѣе или

менѣе замѣтное служебное положеніе, находящіяся во главѣ отдѣльныхъ губернскихъ или уѣздныхъ управленій, состоящія членами учрежденій коллегіальныхъ, либо ютящіяся вокругъ центральнаго управленія краемъ. Ко второй—мелкихъ чиновниковъ, занимающихъ низшія канцелярскія должности или служащихъ по вольному найму. Большинство первой категоріи получило если не высшее, то во всякомъ случаѣ законченное среднее образованіе, многіе вышли изъ рядовъ арміи. Этою категоріей русскихъ людей въ краѣ Россія можетъ справедливо гордиться. На ихъ плечахъ покоится все бремя управленія краемъ, ими создано его благоустройство, они же прилагаютъ всѣ старанія къ дальнѣйшему его процвѣтанію. Они несутъ тяжелую отвѣтственную службу и ихъ усилія несомнѣнно находятся на уровнѣ ихъ задачи. Какъ по умственному, такъ и по нравственному уровню они въ громадномъ большинствѣ вполнѣ отвѣчаютъ предъявляемымъ къ нимъ особыми условіями службы въ краѣ требованіямъ. Съ гордостью и достоинствомъ несутъ они русское знамя и не жалѣютъ силъ своихъ для исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей. Они, конечно, нуждаются въ умѣломъ руководствѣ и направленіи со стороны главной власти, но при наличности такого руководства большинство изъ нихъ—полезные и вполнѣ разумные труженики. А трудъ ихъ сложный, тяжелый, требующій и много усидчивости, и много такта.

Необходимо имѣть въ виду, что работа правительственныхъ учрежденій въ краѣ, въ особенности административныхъ, во много разъ превосходитъ работу тѣхъ же учрежденій въ центрѣ Россіи. Происходитъ это какъ вслѣдствіе того, что въ этихъ учрежденіяхъ вѣдаются всѣ дѣла, лежащія во внутреннихъ губерніяхъ на попеченіи земствъ и городскихъ выборныхъ учрежденій, такъ и отъ множества работы, происходящей отъ сосредоточенія въ краѣ массы войскъ; заботы объ ихъ расквартированіи, а равно объ удовлетвореніи нѣкоторыхъ изъ ихъ хозяйственныхъ потребностей возложены, какъ извѣстно, на администрацію.

Въ упрекъ этимъ дѣятелямъ можно поставить лишь одинъ недостатокъ, безусловно общій у нихъ съ администраціей въ центральныхъ губерніяхъ, а именно: преувеличенное значеніе, придаваемое ими дѣламъ не только государственнымъ, но вообще казеннымъ, безличнымъ и недостаточная внимательность къ частнымъ интересамъ.

Самый механизмъ правительственныхъ учрежденій такъ приспособленъ, что дѣламъ безличнымъ, касающимся интересовъ учрежденій общественныхъ,—казенныхъ, обезпеченъ правильный, такъ сказать, непрерывный ходъ: для большинства дѣлъ этого рода существуетъ разъ навсегда опредѣленные сроки, къ которымъ они должны быть такъ или иначе порѣшены, разсмотрѣны. Иное представляютъ дѣла частныя: какъ характеръ, такъ и самое возникновеніе ихъ заранѣе предвидѣно быть не можетъ, слѣдовательно и срока ихъ разрѣшенія впередъ указать нельзя. Этимъ прежде всего пользуются всѣ мелкіе чиновники, дабы оставить ихъ разсмотрѣніе напослѣдокъ. Происходитъ это отчасти вслѣдствіе непомѣрнаго количества работы, которою они вообще завалены, отчасти же въ надеждѣ получить отъ лицъ, заинтересованныхъ въ быстрѣйшемъ ходѣ дѣла, легкой мзды для ускоренія ихъ.

Взятка, какъ побужденіе для неправильнаго рѣшенія дѣла, а тѣмъ болѣе какъ вымогательство, составляетъ нынѣ явленіе единичное, крайне рѣдкое, но ублаженіе мелкихъ канцелярскихъ сошекъ для скорѣйшаго заготовленія дѣлъ къ докладу до сихъ поръ держится крѣпко, и вотъ за ходомъ этихъ-то дѣлъ не всегда достаточно внимательно слѣдятъ начальствующія лица. Представители администраціи, повидимому, не всегда сознаютъ, что частные интересы въ сущности являются неразрывною частью интересовъ общественныхъ—послѣдніе лишь составляютъ сумму первыхъ, слагаясь изъ отдѣльныхъ интересовъ массы обывателей страны. Между тѣмъ въ Привисляньѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, обязаны представители власти относиться къ частнымъ интересамъ со всевозможною заботливостью, можно сказать предупредительно-

стью. Лишивъ край всякихъ мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, правительство въ учрежденіяхъ, замѣнившихъ ихъ, должно стремиться къ тому, чтобы сдѣлать это отсутствіе сколь можно менѣе чувствительнымъ, ежеминутно помня, что взявъ въ опеку всю экономическую жизнь края, до мельчайшихъ ея развѣтвленій, оно тѣмъ самымъ взяло на себя и отвѣтственность въ правильномъ ея ходѣ и что, слѣдовательно, исключительно на его счетъ отнесетъ населеніе всѣ несовершенства мѣстнаго благоустройства. Не слѣдуетъ однако думать, что недостаточная внимательность нѣкоторыхъ членовъ администраціи къ частнымъ интересамъ мѣстныхъ жителей происходитъ отъ ихъ недоброжелательства къ нимъ. Послѣднее безусловно принадлежитъ къ области фантазіи. Воинствующая руссификація, какъ дѣятельность постоянная, активная, совершенно чужда огромному большинству русской администраціи въ краѣ; самое большее, чего мы достигли въ этомъ направленіи, это стойкаго отпора всевозможнымъ польскимъ выходкамъ, направленнымъ противъ русскаго владычества, противъ чести русскаго имени. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ мѣстные жители, если они только сохраняютъ внѣшній decorum при сношеніяхъ съ представителями власти, встрѣчаютъ съ ихъ стороны пріемъ вполнѣ вѣжливый, безпристрастный. Русскіе люди въ Привисляньѣ не являются исключеніемъ среди русской семьи: они столь же мало способны къ систематическому, безпрерывному долбленію въ одну точку, какъ вообще весь русскій народъ. Выведенный изъ терпѣнія какою-либо дерзкою выходкой поляка, русскій чиновникъ способенъ иногда потерять хладнокровіе, выразиться рѣзче, поступить жестче, нежели этого безусловно требуетъ данный случай, но упорно и стойко изо дня въ день не только активно воздѣйствовать въ русскомъ смыслѣ на мѣстныхъ жителей, но даже отстаивать свою русскую цѣлостность онъ не въ состояніи. Такъ, напримѣръ, давно существуетъ правило, чтобы лица, обращающіяся въ присутственныя мѣста, изъяснились либо по-русски, либо черезъ переводчиковъ, но на дѣлѣ значительное большинство изъясняется

все же по-польски, и русскіе чиновники не только не препятствуютъ имъ въ этомъ, но и сами нерѣдко отвѣчаютъ имъ на томъ же польскомъ языкѣ.

Этотъ недостатокъ выдержки, составляющій, какъ извѣстно, отличительную черту всѣхъ славянскихъ племенъ, и явился одною изъ главныхъ причинъ ненормальныхъ отношеній между русскими учителями и польскими учащимися въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. По волѣ учебнаго начальства, учителямъ вмѣнено въ обязанность руссифицировать порученную имъ молодежь, но необходимымъ на то хладнокровіемъ, безстрастностью они не обладаютъ. Видя безплодность своихъ усилій, они скоро раздражаются, вносятъ въ свою дѣятельность личную непріязнь, во многомъ происходящую отъ несвойственности ихъ русскому складу навязаннаго имъ образа дѣйствій. Всякая дѣятельность для успѣшности своей должна быть строго согласована съ наличными средствами, имѣющимися въ распоряженіи ихъ инициатора или руководителя. Но средства, имѣющіяся въ распоряженіи учебнаго начальства края, безусловно не соотвѣтствуютъ предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ.

Въ рускомъ человѣкѣ слишкомъ много душевнаго пыла, сердечности, дабы онъ могъ, подобно своему сосѣду-нѣмцу, бездушно давить окружающую его среду. Невольно отпечатлѣвается на всѣхъ его поступкахъ либо любовь, либо злоба. Въ дѣлѣ воспитанія именно съ первымъ можно сдѣлать чудеса, мы же обратились ко второму. Отъ этого-то дѣятельность учебнаго вѣдомства въ Привисляньѣ звучитъ рѣзкимъ диссонансомъ среди остальныхъ проявленій тамъ какъ русской власти, такъ и русскаго духа.

Вторымъ серьезнымъ недостаткомъ русскаго служилаго элемента въ краѣ слѣдуетъ признать недостаточное единство въ его средѣ. Представляя случайную амальгаму лицъ, принадлежащихъ по рожденію и имущественному состоянію къ разнымъ общественнымъ слоямъ, наконецъ съѣзжаясь въ край изо всѣхъ концовъ Россіи, русскіе дѣятели тамъ зачастую недостаточно сознаютъ необходимость сплоченности между

собой,—солидарности. Чиновники, принадлежащіе къ разнымъ вѣдомствамъ, случается, по причинамъ чрезвычайно мелочнымъ, ведутъ между собой ожесточенную бумажную войну, отражающуюся иногда и на ихъ частныхъ личныхъ сношеніяхъ. Антагонизмъ, подчасъ проявляющійся между чиновниками фиска, контроля, прокуратуры и администраціи, безспорно мѣшаетъ правильному, а въ особенности скорому разрѣшенію отдѣльныхъ дѣлъ,вліяетъ кромѣ того на весь ходъ правительственнаго механизма. Послѣдствіемъ этого является даже непріязненное отношеніе между лицами, состоящими во главѣ отдѣльныхъ управленій, порождаетъ цѣлые враждующіе лагери, каждый изъ которыхъ пускаетъ въ ходъ всевозможныя средства, дабы побѣдить лагерь противоположный; отсюда интриги и сплетни, сплетни безъ конца. Съ грустью приходится сознаться, что изъ той массы нелѣпыхъ слуховъ и дикихъ розсказней, распускаемыхъ какъ по всему краю, такъ въ особенности по средоточію всей чиновничьей жизни его — Варшавѣ, добрая половина, если не большинство, исходитъ изъ русскихъ источниковъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что поляки такихъ слуховъ не распускаютъ, но дѣло въ томъ, что эти польской фабрикаціи слухи циркулируютъ преимущественно въ польскихъ же кругахъ; въ русское общество проникаютъ сравнительно немногіе изъ нихъ, если же недостатка въ нихъ, въ этихъ кругахъ, все же нѣтъ, то лишь вслѣдствіе того, что они съ избыткомъ пополняются сплетнями самодѣльными.

Разладъ между различными вѣдомствами въ особенности усиливается, когда главная власть въ краѣ обнаруживаетъ признаки слабости, признаки колебанія въ своихъ дѣйствіяхъ. Чѣмъ послѣдовательнѣе эта власть, чѣмъ большею обладаетъ она нравственною силой, тѣмъ пристальнѣе обращены къ ней взоры всѣхъ и каждаго изъ русскихъ дѣятелей въ краѣ, тѣмъ большая проявляется между ними сплоченность, тѣмъ меньшее остается имъ поле для взаимныхъ пререканій, и тѣмъ яснѣе становятся какъ цѣли, къ которымъ они обязаны стремиться, такъ и пути, по которымъ они должны слѣдовать.

[illegible] нужно сказать, что зна-
[illegible] ляетъ вѣрное пониманіе на-
[illegible] задачъ Россіи. Они быстро за-
[illegible] отъ правильнаго выполненія
[illegible] особенности, несоотвѣтствіе дѣятель-
[illegible] телей въ краѣ съ программой начер-
[illegible] государственною властью.

Въ [illegible] обнаружилось это въ приснопамятное прав-
[illegible] Альбединскаго. Назначеніе этого начальника
[illegible] въ эпоху, когда и въ высшихъ правитель-
[illegible] господствовало убѣжденіе о необходимо-
[illegible] обществу, независимо отъ степени его зрѣ-
[illegible] политической благонадежности, бо́льшаго участія
[illegible] какъ мѣстныхъ, такъ даже общегосударственныхъ.
[illegible] выразителемъ этого направленія явился въ Привис-
[illegible] П. П. Альбединскій, и хотя оно шло въ разрѣзъ со
[illegible] коренными русскими интересами въ этой окраинѣ, но
все же русскіе дѣятели тамъ, отчасти также захваченные ум-
ственною смутой, господствовавшею въ то время въ нашемъ
обществѣ, скрѣпя сердце повиновались этому направленію,
чувствуя, что оно вполнѣ гармонируетъ съ общею государ-
ственною политикой. Но съ воцареніемъ Императора Алек-
сандра III русская политика вновь вернулась къ своему тра-
диціонному національному направленію. „Министерство" Ло-
рисъ-Меликова пало. Русское общество въ Привисляньѣ, на-
пряженно слѣдившее за ходомъ этихъ событій, радостно вер-
тало совершившійся переворотъ, справедливо ожидая, что онъ
не замедлитъ отразиться на управленіи Привисляньемъ. Но
не такъ отнесся къ этому генералъ-губернаторъ: вѣрный сво-
ему взгляду, не понимая, что ему лишь оставалось se sou-
mettre, [illegible] — онъ призналъ возможнымъ остаться
[illegible] политику
[illegible] Но у рус-
[illegible] уже не было причины под-
[illegible] субъективность ко-
[illegible] почувствовали подъ

собой твердую почву и тотчасъ проявили почти открытое противодѣйствіе этой власти. Естественнымъ послѣдствіемъ этого явилось паденіе значенія власти въ краѣ, что и привело къ полнѣйшему разладу въ образѣ дѣйствій какъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, такъ даже отдѣльныхъ частей ихъ.

Фактъ этотъ самъ по себѣ, независимо отъ того, какъ онъ въ то время отразился на ходѣ дѣлъ въ Привисляньѣ, несомнѣнно отрадный; онъ свидѣтельствуетъ о чуткости русскаго служилаго элемента, объ его умѣніи распознавать и вѣрно угадывать, по скольку направленіе органовъ власти совпадаетъ съ взглядами Верховнаго Главы государства; одни эти послѣдніе признаетъ онъ для себя обязательными, какъ бы они ни мало соотвѣтствовали его личнымъ мнѣніямъ, и безпрекословно имъ подчиняется, но субъективныя воззрѣнія органовъ правительства, хотя бы даже и облеченныхъ властью обширной, онъ признаетъ лишь въ томъ случаѣ, если они случайно согласуются съ его личными убѣжденіями. Попытка генерала Альбединскаго продолжать за свой страхъ политику заигрываній съ польскою интеллигенціей и мирволенія всѣмъ ея злобнымъ выходкамъ ясно указала, какъ сильно она не симпатична русскимъ дѣятелямъ въ краѣ; да и можетъ ли быть иначе? Гдѣ тѣ люди, которые бы находили удовольствіе въ томъ, чтобы ихъ въ собственной странѣ считали за паріевъ и безнаказанно оскорбляли?

Но разъ исчезло руководящее начало въ управленіи краемъ—естественно улетучилась и солидарность между отдѣльными его органами, а извѣстно, что разрушить что-либо безъ мѣры легче, нежели создать или хотя бы возстановить, и не мало стоило впослѣдствіи труда и энергіи, дабы хотя отчасти воскресить необходимую гармонію среди многочисленныхъ развѣтвленій правительственной власти въ нашей польской окраинѣ.

Гармонія эта тѣмъ болѣе трудно достижима, что русская общественная жизнь вообще слабо развита въ Привисляньѣ, а слѣдовательно, живаго обмѣна мыслей, могущаго содѣйствовать ихъ большей духовной сплоченности, между отдѣльными

членами этого общества почти вовсе не происходитъ. Да и мудрено, что бы было иначе: едва лишь успѣетъ образоваться какой-либо кружокъ близкихъ знакомыхъ, какъ, смотришь, большинство его членовъ вслѣдствіе перемѣщеній по службѣ разъѣхались въ другія мѣстности края или Имперіи—и кружокъ распадается. Такимъ образомъ случается, что старожилы въ концѣ-концовъ знакомы съ меньшимъ кругомъ, нежели лица, пріѣхавшія въ край недавно. Послѣднія по пріѣздѣ знакомятся съ большинствомъ наличнаго состава русскаго общества, первые же лишены этой возможности; самолюбіе не позволяетъ имъ первымъ заводить сношенія со вновь пріѣхавшими. Недостатокъ средствъ у людей, живущихъ исключительно 20-мъ числомъ каждаго мѣсяца, также мѣшаетъ какимъ-либо общественнымъ собраніямъ и пріемамъ; все это вылываетъ жизнь поразительно замкнутую, знакомство поддерживается лишь между ближайшими сослуживцами того же учрежденія, всѣ сношенія съ остальными ограничиваются оффиціальными визитами, которымъ придаютъ столь же преувеличенное значеніе, сколько тяготятся ими, справедливо почитая ихъ за скучную повинность.

Правда, въ губернскихъ, а въ особенности уѣздныхъ городахъ близость между отдѣльными членами русскаго общества бо́льшая нежели въ Варшавѣ (исключая тѣхъ случаевъ, когда они находятся въ явной враждѣ между собой, что тоже, къ несчастью, не рѣдкость); этому, конечно, способствуетъ отсутствіе тамъ всякихъ публичныхъ увеселеній—театровъ, концертовъ, отчасти замѣняющихъ въ Варшавѣ увеселенія домашнія.

Существующее въ Варшавѣ „Русское Собраніе“ не оправдало возлагавшихся на него надеждъ, понемногу превратившись въ простой, заурядный клубъ, посѣщаемый въ обыкновенные дни исключительно записными любителями карточной игры, тогда какъ по мысли учредителей его оно должно было стать центромъ русской жизни не только города, но и всего края, во всѣхъ ея духовныхъ проявленіяхъ.

Не лишена нѣкотораго интереса исторія этого общественнаго учрежденія.

Возникновеніе его подъ именемъ Общественнаго Собранія относится къ 1860 году, а основателемъ его слѣдуетъ признать генералъ-лейтенанта князя Бебутова. По его мысли оно должно было быть собраніемъ чисто-русскимъ, а потому военнымъ: гражданскихъ чиновниковъ русскаго происхожденія въ то время въ краѣ вовсе не было. Однако, утвержденнымъ намѣстникомъ уставомъ его въ число членовъ „допускались“ и лица гражданскихъ вѣдомствъ. Поляки, зорко слѣдившіе въ то время за тѣмъ, чтобы въ краѣ не возникало какихъ-либо исключительно русскихъ учрежденій, немедлено воспользовались этимъ правомъ, дабы заполонить народившееся собраніе съ цѣлію придать ему если не чисто польскій, то по крайней мѣрѣ космополитическій характеръ. Это, однако, имъ не удалось: русскій элементъ взялъ въ немъ рѣшительный перевѣсъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что старшины собранія, назначенные на одну половину прямою властью намѣстника, а на другую—его вліяніемъ, были почти всѣ военные—и русскіе. Коль скоро поляки убѣдились, что ихъ замыселъ не удался, поспѣшили они покинуть это учрежденіе, что̀ рѣзко отразилось на числѣ его членовъ. Ко дню его открытія (1 іюня 1860 г.) ихъ было 263, а черезъ полтора года (къ 1 января 1862 г.) ихъ оставалось всего 164; сравнивая списокъ членовъ, легко усмотрѣть, что выбыли исключительно обладатели польскихъ фамилій.

Въ 1863 г., когда скрытая враждебность къ намъ поляковъ стала выказываться явно, наконецъ постигли тщетность и безсмысленность всякихъ заигрываній съ ними и собраніе получило право именоваться „Русскимъ“; до того времени названіе „русскій“ въ краѣ вовсе не допускалось.

Съ приливомъ русскихъ людей въ 1863 и 64 годахъ замѣтно увеличился и численный составъ собранія, достигнувъ къ 1865 году 311 постоянчыхъ членовъ и до 150 временныхъ. То было время исключительнаго процвѣтанія его. Въ эту эпоху реформъ, слѣдовавшую за послѣднимъ возстаніемъ, русскіе люди, дѣйствительно, сближались въ стѣнахъ собранія; тамъ происходилъ между ними живой обмѣнъ мыслей, тамъ горячо

[illegible] многочисленные вопросы, волновавшіе край. [illegible] признавалось и главною властью: намѣст- [illegible] Бергъ, желая обезпечить его матеріальное су- [illegible] предоставилъ ему даровое помѣщеніе въ казен- [illegible] и даже неходатайствовалъ на приспособленіе этого [illegible] пособіе отъ казны въ размѣрѣ 25 тысячъ рублей. [illegible] къ Военному Министру отъ 9-го марта 1865 г. [illegible] писалъ, что „поддержаніе этого учрежденія и даль- [illegible] развитіе равно необходимо какъ въ интересѣ пра- [illegible], такъ въ особенности въ видѣ поддержанія [illegible] русскаго общества среди несравненно многолюднѣй- [illegible] и осѣдлаго въ Варшавѣ польскаго эле- [illegible] большая часть русскихъ, находящихся въ Варшавѣ [illegible], не имѣютъ ни достаточно времени, ни довольно [illegible] средствъ, чтобы образовать около себя обширные [illegible] кружки, а непостоянство служебнаго положенія каж- [illegible] прочному поддержанію сихъ кружковъ даже и [illegible], когда они случайно успѣваютъ образоваться.“

Условія эти, какъ мы указали, сохранились вполнѣ и [illegible], но общественное значеніе собранія все же пало со- [illegible]. По мѣрѣ того, какъ горячая и несомнѣнно нѣ- [illegible] нервная созидательная дѣятельность русской власти [illegible] краѣ переходила въ болѣе спокойную, рутинную ежедневную работу, улегалось и приподнятое этою реформаторскою [illegible] настроеніе русскаго общества, и въ русскомъ собраніи въ Варшавѣ если нынѣ и происходитъ обмѣнъ чего- [illegible], то развѣ денегъ въ карманахъ игроковъ да текущихъ [illegible] между ними же во время сдачи картъ.

Еще менѣе оправдало русское собраніе возлагавшуюся на него одно время надежду объединить русское общество съ польскимъ. Дѣйствительно, гр. Бергъ, въ упомянутомъ уже письмѣ его къ Военному Министру, между прочимъ писалъ, что собраніе „необходимо довести до такой степени процвѣтанія, чтобы здѣсь русское общество могло со временемъ встрѣтиться съ польскимъ на ногѣ по крайней мѣрѣ полнѣйшаго равенства во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ матеріаль-

номъ, и могло бы прилично принимать польскихъ гостей, имѣющихъ въ Варшавѣ отлично устроенные два клуба."

Но въ этомъ дѣлѣ члены собранія не виноваты. По скольку при возникновеніи этого собранія польское общество стремилось не дать въ немъ развиться національному русскому характеру, по стольку нынѣ упорно игнорируетъ оно его. Ради этого придумало оно даже спеціальную причину, будто бы не позволяющую членамъ его ни подъ какимъ предлогомъ посѣщать это собраніе, а именно, что оно-де помѣщается въ домѣ, будто бы незаконно конфискованномъ у гр. Замойскаго. По существу это заявленіе даже не согласуется съ истиной. Дѣло въ томъ, что постановленіемъ намѣстника въ 1863 г. было объявлено, что всякій домъ, изъ котораго будетъ произведено какое-либо покушеніе на русское должностное лицо, будетъ разрушенъ и срытъ до основанія. Когда изъ дома Замойскаго было произведено покушеніе на жизнь самого намѣстника гр. Берга, то домъ этотъ былъ взятъ въ казну и переданъ въ военное вѣдомство. Владѣлецъ, по прошествіи нѣкотораго времени, предъявилъ къ казнѣ искъ, требуя, чтобы было исполнено въ точности постановленіе намѣстника, а именно—домъ срытъ, площадь-же изъ-подъ него ему возвращена. Тогда казна вошла съ нимъ въ соглашеніе, и площадь была пріобрѣтена у гр. Замойскаго—притомъ по цѣнѣ, равняющейся стоимости не ея одной, а и самого дома. Поляки однако упорно отрицаютъ это, настаиваютъ на незаконности конфискаціи дома, и ни одинъ членъ польскаго общества не посѣщаетъ Русскаго собранія, хотя бы на правахъ гостя. Конечно, это одна лишь отговорка, но однако она постоянно выставляется причиной. Впрочемъ, отговорка или причина, но она не помѣшала тому же польскому обществу Варшавы устремиться въ это собраніе, когда въ 1867 г. въ немъ состоялся балъ въ честь Императора Александра II, удостоившаго его своимъ присутствіемъ. Желаніе выказать свою показную „лойяльность," какъ всегда, побѣдило всякія иныя соображенія у членовъ этого общества.

Кромѣ русскаго собранія въ Варшавѣ существуетъ еще

обсуждались всѣ многочисленные вопросы, волновавшіе край. Значеніе собранія признавалось и главною властью: намѣстникъ, графъ Бергъ, желая обезпечить его матеріальное существованіе, предоставилъ ему даровое помѣщеніе въ казенномъ домѣ и даже исходатайствовалъ на приспособленіе этого помѣщенія пособіе отъ казны въ размѣрѣ 25 тысячъ рублей. Въ письмѣ къ Военному Министру отъ 9-го марта 1865 г. гр. Бергъ писалъ, что „поддержаніе этого учрежденія и дальнѣйшее его развитіе равно необходимо какъ въ интересѣ правительственномъ, такъ въ особенности въ видѣ поддержанія значенія русскаго общества среди несравненно многолюднѣйшаго, зажиточнаго и осѣдлаго въ Варшавѣ польскаго элемента. Бо̀льшая часть русскихъ, находящихся въ Варшавѣ на службѣ, не имѣютъ ни достаточно времени, ни довольно денежныхъ средствъ, чтобы образовать около себя обширные русскіе кружки, а непостоянство служебнаго положенія каждаго вредитъ прочному поддержанію сихъ кружковъ даже и тогда, когда они случайно успѣваютъ образоваться."

Условія эти, какъ мы указали, сохранились вполнѣ и понынѣ, но общественное значеніе собранія все же пало совершенно. По мѣрѣ того, какъ горячая и несомнѣнно нѣсколько нервная созидательная дѣятельность русской власти въ краѣ переходила въ болѣе спокойную, рутинную ежедневную работу, улегалось и приподнятое этою реформаторскою дѣятельностью настроеніе русскаго общества, и въ русскомъ собраніи въ Варшавѣ если нынѣ и происходитъ обмѣнъ чего-либо, то развѣ денегъ въ карманахъ игроковъ да текущихъ сплетень между ними же во время сдачи картъ.

Еще менѣе оправдало русское собраніе возлагавшуюся на него одно время надежду объединить русское общество съ польскимъ. Дѣйствительно, гр. Бергъ, въ упомянутомъ уже письмѣ его къ Военному Министру, между прочимъ писалъ, что собраніе „необходимо довести до такой степени процвѣтанія, чтобы здѣсь русское общество могло со временемъ встрѣтиться съ польскимъ на ногѣ по крайней мѣрѣ полнѣйшаго равенства во [illegible]ъ отношеніяхъ, даже въ матеріаль-

номъ, и могло бы прилично принимать польскихъ гостей, имѣющихъ въ Варшавѣ отлично устроенные два клуба."

Но въ этомъ дѣлѣ члены собранія не виноваты. По скольку при возникновеніи этого собранія польское общество стремилось не дать въ немъ развиться національному русскому характеру, по стольку нынѣ упорно игнорируетъ оно его. Ради этого придумало оно даже спеціальную причину, будто бы не позволяющую членамъ его ни подъ какимъ предлогомъ посѣщать это собраніе, а именно, что оно-де помѣщается въ домѣ, будто бы незаконно конфискованномъ у гр. Замойскаго. По существу это заявленіе даже не согласуется съ истиной. Дѣло въ томъ, что постановленіемъ намѣстника въ 1863 г. было объявлено, что всякій домъ, изъ котораго будетъ произведено какое-либо покушеніе на русское должностное лицо, будетъ разрушенъ и срытъ до основанія. Когда изъ дома Замойскаго было произведено покушеніе на жизнь самого намѣстника гр. Берга, то домъ этотъ былъ взятъ въ казну и переданъ въ военное вѣдомство. Владѣлецъ, по прошествіи нѣкотораго времени, предъявилъ къ казнѣ искъ, требуя, чтобы было исполнено въ точности постановленіе намѣстника, а именно—домъ срытъ, площадь-же изъ-подъ него ему возвращена. Тогда казна вошла съ нимъ въ соглашеніе, и площадь была пріобрѣтена у гр. Замойскаго—притомъ по цѣнѣ, равняющейся стоимости не ея одной, а и самого дома. Поляки однако упорно отрицаютъ это, настаиваютъ на незаконности конфискаціи дома, и ни одинъ членъ польскаго общества не посѣщаетъ Русскаго собранія, хотя бы на правахъ гостя. Конечно, это одна лишь отговорка, но однако она постоянно выставляется причиной. Впрочемъ, отговорка или причина, но она не помѣшала тому же польскому обществу Варшавы устремиться въ это собраніе, когда въ 1867 г. въ немъ состоялся балъ въ честь Императора Александра II, удостоившаго его своимъ присутствіемъ. Желаніе выказать свою показную „лойяльность," какъ всегда, побѣдило всякія иныя соображенія у членовъ этого общества.

Кромѣ русскаго собранія въ Варшавѣ существуетъ еще

общество любителей сценическаго искусства, возникшее въ 1884 г. Въ помѣщеніи этого кружка въ теченіе зимы не безъ успѣха разыгрываются членами его многія пьесы русскаго драматическаго репертуара. Здѣсь идейный интересъ до извѣстной степени преобладаетъ надъ карточнымъ, хотя, можетъ быть, наружный лоскъ, внѣшняя культурность среди его постоянныхъ посѣтителей и не вполнѣ достигаютъ желательнаго уровня.

Но если образованные слои русскаго чиновничества въ краѣ и не лишены нѣкоторыхъ недостатковъ, то все же, несомнѣнно, обладаютъ они, какъ мы видѣли, и многими положительными качествами. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать про мелкихъ чиновниковъ русскаго происхожденія: отъ удаленія большинства ихъ изъ края русское дѣло могло бы только выиграть. Мы говоримъ про ту категорію чиновниковъ, которые занимаютъ низшія должности въ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ, съ окладомъ жалованья, не превышающимъ въ среднемъ 400 р. достигая максимально 600 р. въ годъ, а иногда опускающимся до 180 и даже 150 р., и которые по умственному развитію, по полученному образованію обречены остаться на этомъ скудномъ содержаніи въ теченіе всего своего служебнаго поприща. Условія ихъ жизни далеко не радостныя,—нищета—вотъ ихъ удѣлъ, нищета, тѣмъ болѣе тяжелая, что отъ мѣстнаго населенія они никогда не встрѣчаютъ поддержки, ни матеріальной, ни нравственной, не находятъ у него побочныхъ заработковъ. Привлечь при такихъ условіяхъ на эти должности людей не то что способныхъ, но хотя бы мало-мальски порядочныхъ, нравственно устойчивыхъ, не представляется никакой возможности. Люди этого закала всегда найдутъ себѣ, если не лучшій, то во всякомъ случаѣ и не худшій заработокъ въ своихъ родныхъ мѣстахъ, въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, гдѣ существованіе ихъ вслѣдствіе знакомства со всѣми условіями мѣстной жизни, вслѣдствіе связей, которыя у каждаго человѣка образуются среди родственнаго по племени общества, болѣе обезпечено, менѣе тяжело, а слѣдовательно ни-

что ихъ не заставляетъ искать службы на окраинахъ. Сюда устремляются на низшія должности почти исключительно люди, потерявшіе всякую надежду на самый ничтожный заработокъ въ родныхъ мѣстахъ, такъ какъ успѣли уже составить себѣ тамъ прочную репутацію полной непригодности для несенія какой-либо службы, какъ государственной, такъ и частной. Случается, что пріѣзжаютъ въ край по вызову начальства и люди порядочные, соблазненные значительными прогонными деньгами; но эти остаются не долго—годъ, много два—и возвращаются во-свояси. Вслѣдствіе этого контингентъ этихъ низшихъ чиновниковъ русскаго происхожденія состоитъ изъ элементовъ крайне ограниченнаго образованія и лишенныхъ всякой нравственной устойчивости. Дѣйствительно, среди нихъ проявляются самыя несимпатичныя черты: недобросовѣстность въ исполненіи служебныхъ обязанностей, пьянство, мелкое взяточничество — всѣмъ этимъ обладаютъ они въ изобиліи, что̀ не мѣшаетъ, однако, и имъ предъявлять требованія на особое покровительство со стороны своего начальства, на томъ-де основаніи, что они русскіе. Безъ преувеличенія можно сказать, что эта категорія русскихъ чиновниковъ не только не приноситъ никакой пользы русскому дѣлу, но въ высшей степени вредитъ ему. Нельзя сказать, чтобы среди польскихъ чиновниковъ этой категоріи не попадались лица, столь же мало отвѣчающія всѣмъ требованіямъ государственной службы, хотя бы и на низшихъ ступеняхъ ея: и между ними встрѣчаются мелкіе взяточники (польскій мелкій чиновникъ вообще имѣетъ прирожденную склонность къ „лапувкѣ,“) но эти если не способствуютъ правильному ходу правительственнаго механизма, то по крайней мѣрѣ не позорятъ русскаго имени, не способствуютъ тому, чтобы нелѣпыя польскія росказни о русской дикости находили себѣ подтвержденіе въ реальной жизни. Всякому ясно, что отъ русскаго служащаго элемента въ Привисляньѣ мы должны требовать бо́льшаго, нежели отъ него же въ коренной Россіи. Здѣсь онъ своими пороками пятнаетъ лишь самого себя, тамъ же онъ позоритъ Россію какъ цѣлое. Каждый русскій человѣкъ въ краѣ долженъ про-

никнуться мыслью, что онъ составляетъ хотя и малую, но нѣлимую часть русскаго народа, что по степени его нравственной чистоты, его стойкости въ исполненіи долга службы и присяги мѣстное населеніе судитъ о нравственномъ уровнѣ всего русскаго народа въ его совокупности. Если намъ нечего добиваться любви отъ поляковъ, то заставить ихъ уважать себя мы обязаны. Первое неосуществимо, ибо любовь есть дѣло сердца, которое никакой логикѣ не повинуется: оно порой возгорается яркимъ пламенемъ любви къ людямъ, казалось бы, того недостойнымъ, и часто остается вполнѣ холоднымъ къ наисовершеннѣйшимъ представителямъ рода людскаго. Но уваженіе есть дѣло разума, невольно подчиняющагося неотразимой логикѣ фактовъ, краснорѣчивѣе опровергающихъ всякія невѣрныя сужденія и пристрастныя заключенія, нежели самыя горячія проявленія любви и дружбы.

Отрѣшиться разъ навсегда отъ мысли, что намъ необходимо во что бы то ни стало заполнить всѣ правительственныя учрежденія края русскими чиновниками, безусловно необходимо. Не за количествомъ ихъ тамъ должны мы гоняться, а за качествомъ. Безупречный подборъ русскихъ служилыхъ людей въ краѣ—вотъ что должно составлять одну изъ важнѣйшихъ заботъ администраціи. Но на низшія должности, при нищенскомъ окладѣ жалованія имъ положеннаго, мы такого подбора никогда не получимъ, а потому лучше и отказаться совершенно отъ мысли видѣть на этихъ мѣстахъ русскихъ чиновниковъ, всецѣло предоставивъ ихъ, какъ правило, лицамъ мѣстнаго происхожденія. Послѣдняго требуетъ и справедливость. Лишить всякаго заработка мѣстное населеніе столь же безцѣльно, какъ непрактично; человѣкъ, поставленный въ невозможность зарабатывать себѣ честнымъ путемъ необходимыя средства для существованія, либо прибѣгаетъ къ путямъ нечестнымъ, либо стремится измѣнить существующій общественно-правовой порядокъ; обыкновенно же эти дѣйствія идутъ рука объ руку.

Но именно этого-то правила, къ сожалѣнію, придерживаются не всѣ начальствующія лица въ Привисляньѣ. Нѣко-

торыя изъ нихъ, въ стремленіи блеснуть въ своихъ отчетахъ внезапнымъ увеличеніемъ процентнаго отношенія русскихъ служащихъ въ подвѣдомственныхъ имъ учрежденіяхъ, вызываютъ изъ Россіи желающихъ поступить на службу въ край безъ всякаго разбора, не обращая никакого вниманія на ихъ антецеденты, на ихъ нравственный уровень.

Говоря о русскихъ служащихъ элементахъ въ Привислянь'ѣ, нельзя не упомянуть про людей простого званія, служащихъ преимущественно въ полиціи, какъ городской, такъ и сельской, именуемой тамъ земскою стражей, а отчасти въ качествѣ курьеровъ и сторожей присутственныхъ мѣстъ. Вербуются они почти исключительно среди запасныхъ нижнихъ чиновъ, отбывшихъ срокъ дѣйствительной службы въ войскахъ, расположенныхъ въ краѣ. Эта категорія русскихъ людей въ общемъ безусловно достойна самаго лестнаго отзыва. Службу свою они исполняютъ ревностно, съ толкомъ и знаніемъ, къ мѣстному элементу никакой вражды не выказываютъ и одновременно въ большинствѣ случаевъ умѣютъ сохранить свою національную окраску. Это, несомнѣнно, одни изъ лучшихъ піонеровъ русскаго дѣла въ краѣ.

ГЛАВА XIX.

ГЛАВНАЯ ВЛАСТЬ ВЪ КРАѢ.

Чѣмъ обширнѣе государство, чѣмъ многочисленнѣе и сложнѣе его задачи, тѣмъ яснѣе должна быть начертана его программа, тѣмъ сплоченнѣе и дружнѣе обязаны дѣйствовать отдѣльные его органы; но въ особенности необходимы единство и стойкость въ управленіи мѣстностей, не составляющихъ органическаго цѣлаго съ созидательнымъ центромъ страны,—мѣстностей, значительная часть населенія которыхъ, не будучи проникнута тѣми стремленіями и одушевлена тѣми культурными идеалами, которыми живетъ и зиждется національное ядро государства, неизбѣжно проявляетъ въ той или иной формѣ извѣстное противодѣйствіе ея исторической миссіи.

Изъ всѣхъ нашихъ окраинъ Привисланье несомнѣнно представляетъ наибольшее количество элементовъ, намъ недружелюбныхъ, скажемъ даже, имѣетъ наибольшее основаніе отстаивать свою обособленность, упрямо держаться своихъ національныхъ традицій; въ этомъ ее укрѣпляетъ, какъ ея многовѣковое самостоятельное прошлое, такъ въ особенности, встрѣчаемыя ею поднесь со стороны нѣкоторыхъ иноземныхъ державъ поддержка и одобреніе ея сепаратистическихъ стремленій. Какъ бы ни были туманны обѣщанія этихъ державъ, сколь ни мало согласуются они подчасъ съ ихъ собственными

интересами, но все же они несомнѣнно дѣйствуютъ на горячія головы шляхты.

Ко всему этому необходимо еще постоянно имѣть въ виду, что окраина эта клиномъ врѣзалась во владѣнія нашихъ болѣе могущественныхъ, нежели дружелюбныхъ, сосѣдей—Германіи и Австріи; понятно, что послѣдніе въ случаѣ возможнаго и даже вѣроятнаго совмѣстнаго вооруженнаго столкновенія съ нами не преминутъ приложить всѣ усилія дабы подать себѣ руку именно на поляхъ Привислянья. Все это принуждаетъ Россію имѣть постоянно бдительный надзоръ за всѣмъ творящимся въ краѣ, твердо памятуя, что многое, кажущееся въ мирное время малозначущимъ и ничтожнымъ, пріобрѣтетъ въ военное—значеніе громадное, чреватое грозными послѣдствіями. Ради же столь необходимаго спокойствія въ краѣ въ моментъ превращенія его въ театръ военныхъ дѣйствій, главнѣе всего утвердить это спокойствіе при положеніи нормальномъ. Неотразимая въ своей очевидности крѣпость тамъ русской власти, одна способна, если не успокоить, то по крайней мѣрѣ удержать въ границахъ безмолвнаго повиновенія находящіяся до сихъ поръ въ броженіи враждебныя намъ силы Привислянья.

Но крѣпость безъ единства немыслима; власть, раздробленная между многими, всегда отличается шаткостью и противорѣчивостью; какъ бы представители этой власти ни стремились къ однообразію и стойкости, но все же ихъ дѣйствія, истекая изъ различныхъ, сообразно внутренней природѣ каждаго изъ нихъ, воззрѣній и убѣжденій, будутъ зачастую сталкиваться между собой и другъ другу противорѣчить.

Все это ставитъ нашу польскую окраину въ положеніе исключительное, не дозволяющее примѣнять къ ней тѣ нормальные пріемы управленія, которые выработались по отношенію къ внутреннимъ мѣстностямъ Имперіи. Особыя, чрезвычайныя явленія, требуютъ и особыхъ чрезвычайныхъ мѣръ.

Сосредоточить власть въ одномъ лицѣ, все объединяющемъ и все направляющемъ къ одной цѣли, наблюдающемъ за тѣмъ, чтобы всѣ вѣдомства, представляющія органы единой

власти самодержавной, точно и неуклонно руководствовались исключительно закономъ и начертаніями Царскими, а отнюдь не собственными убѣжденіями въ Привисляньѣ въ высшей степени необходимо. Такимъ лицомъ равно по буквѣ, какъ и по духу закона долженъ быть главный начальникъ края— представитель власти государственной, политической, а не мѣстной административной. Но такимъ ли онъ является на дѣлѣ? Къ сожалѣнью нѣтъ; на практикѣ значеніе и власть ген.-губернатора во многомъ отошла отъ прямыхъ начертаній закона.

Уже съ начала истекающаго столѣтія въ порядкѣ внутренняго управленія нашимъ обширнымъ государствомъ все рѣзче выступаетъ стремленіе стянуть въ центральныя учрежденія Имперіи разрѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ и отнять всякій починъ у учрежденій провинціальныхъ. Съ момента своего основанія наши министерства проявляютъ необыкновенную ревность въ обереганіи своего исключительнаго права на какія бы то ни было начинанія, клонящіяся къ измѣненію установленнаго административнаго порядка. Стѣсненныя по началу въ этомъ стремленіи все подвергнуть своему контролю и санкціи, существованіемъ сильной, помѣстной власти въ лицѣ облеченныхъ личнымъ Царскимъ довѣріемъ генер.-губернаторовъ, они естественно прилагаютъ всѣ усилія къ уничтоженію этой власти въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ центру, и всемѣрному умаленію ея на окраинахъ. Перваго нетрудно было достигнуть: генер.-губернаторская должность въ центрѣ Россіи, какъ установленіе нормальное, съ учрежденіемъ министерствъ дѣйствительно утратила всякій смыслъ, оказалась безусловно лишней, посредствующей инстанціей и уже въ тридцатыхъ годахъ была окончательно упразднена. Значительно труднѣе было не только уничтожить, но даже сократить генер.-губернаторскую власть на окраинахъ. Самая отдаленность этихъ окраинъ отъ правящаго центра и крайняя медленность сообщеній съ ними вызывала необходимость сохраненія въ нихъ власти, облеченной широкими полномочіями. Однако и по отношенію къ поневолѣ сохраненной

на окраинахъ генер.-губернаторской власти Министерства не переставали относиться съ нескрываемой враждебностью, можно сказать, завистью. Отсутствіе точныхъ указаній въ законѣ, опредѣляющихъ власть генер.-губернатора и отношеніе его къ министерствамъ порождало постоянныя столкновенія между этими правительственными органами и, конечно, не способствовало своевременному удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ и процвѣтанію областной жизни.

Для устраненія всѣхъ возникавшихъ вслѣдствіе этой неопредѣленности недоразумѣній, въ 1853 г. была сдѣлана попытка вполнѣ точно формулировать кругъ дѣятельности генер.-губернаторовъ. Съ этой цѣлью Министромъ внутреннихъ дѣлъ Бибиковымъ была составлена подробная, удостоенная Высочайшаго утвержденія инструкція генер.-губернаторамъ и хотя она страдала нѣкоторой туманностью и расплывчатостью въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ, но все же главное значеніе власти генер.-губернатора, какъ власти государственной, а не мѣстной, административной, выступаетъ въ ней вполнѣ рельефно. Красной нитью проведено черезъ всю инструкцію то основное положеніе, что генер.-губернаторское управленіе, есть дѣйствующее на мѣстѣ управленіе министерское, зависящее непосредственно отъ власти верховной, отъ нея получающее свою инвеституру и ею же лично руководимое. Центральныя управленія однако этимъ не удовольствовались и продолжали всемѣрно стремиться къ сведенію роли генер.-губернаторовъ какъ бы на степень генералъ-прокуроровъ ввѣренныхъ ихъ управленію областей. По мѣрѣ того, какъ быстрота сообщеній съ постройкой желѣзныхъ дорогъ и проведеніемъ телеграфа до крайности сокращала разстоянія отдѣляющія центръ отъ окраинъ, становилось все легче осуществить эти стремленія и дѣйствительно зависимость генер.-губернаторской власти отъ центральныхъ учрежденій становилась все сильнѣе, все ощутительнѣе.

Явилась возможность перенести въ министерскія канцеляріи не только всякій личный починъ по новымъ мѣропріятіямъ, но даже стянуть туда окончательное разрѣшеніе мно-

гихъ текущихъ административныхъ дѣлъ. Такая централизація, казалось, должна была въ высшей степени способствовать какъ строгому согласованію между собой всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій и дѣйствій, такъ и объединенію разныхъ частей Имперіи въ одно слитное цѣлое. На дѣлѣ однако произошло скорѣе обратное. Дѣйствительно стянувъ въ Петербургъ разсмотрѣніе всѣхъ важнѣйшихъ текущихъ дѣлъ и предоставивъ ему одному починъ всякаго переустройства мѣстнаго строя, разсмотрѣніе ихъ не было однако объединено и сосредоточено въ самомъ Петербургѣ въ какомъ-либо одномъ учрежденіи. Такимъ образомъ Петербургъ сдѣлался объединителемъ лишь какъ извѣстный географическій пунктъ, но въ немъ самомъ дѣла распредѣляются по категоріямъ въ различныхъ министерствахъ, въ своемъ образѣ дѣйствій, не только строго между собой не согласованныхъ, но даже находящихся подчасъ въ явномъ между собою антагонизмѣ.

Разнородность воззрѣній и убѣжденій даже по самымъ кореннымъ вопросамъ государственнаго управленія, столь часто проявляющаяся между лицами, стоящими во главѣ отдѣльныхъ министерствъ, извѣстна всѣмъ и каждому; это различіе неминуемо отражается не только на дѣйствіяхъ ихъ личныхъ, но и на дѣйствіяхъ, зависящихъ отъ нихъ и разбросанныхъ по всей Имперіи многочисленныхъ мѣстъ и лицъ. Столкновеніе между главами министерствъ приводитъ къ столкновенію между подчиненными имъ мѣстными учрежденіями. Такимъ образомъ доведенная до крайности централизація привела не къ объединенію мѣстныхъ властей, а къ ихъ разъединенію. Министерства, принимая каждое въ предѣлахъ своего вѣдомства, однообразныя мѣры и рѣшенія по отношенію ко всей Имперіи, соединяютъ несоединимое, безразлично распространяя тѣ же мѣропріятія и распоряженія на Тулу и Тифлисъ, Воронежъ и Варшаву, нерѣдко съ полнѣйшимъ презрѣніемъ къ ихъ мѣстнымъ особенностямъ, но при этомъ не объединяются дѣйствія различныхъ вѣдомствъ въ самой Тулѣ или Воронежѣ, а въ особенности въ самой Варшавѣ или

Тифлисѣ; говоримъ въ особенности, потому что въ центральныхъ губерніяхъ такимъ объединяющимъ элементомъ является само населеніе, къ тому же призванное лично пещись о многихъ мѣстныхъ нуждахъ; иное происходитъ въ населенныхъ инородными племенами окраинахъ, гдѣ вся забота о мѣстномъ благоустройствѣ лежитъ на обязанности учрежденій правительственныхъ; тамъ населеніе этимъ связующимъ звеномъ между различными органами правительственной власти не только не служитъ, но наоборотъ въ лицѣ тѣхъ его членовъ, которые проникли въ правительственныя учрежденія подчасъ дѣятельно способствуетъ разладу между ними, хорошо сознавая, что гдѣ разъединеніе, тамъ слабость, а ее-то они и желаютъ видѣть въ правительствѣ.

Всѣхъ гибельныхъ послѣдствій всеобщей централизаціи не перечесть: она искусственно стягиваетъ въ столицу всѣ лучшія мѣстныя силы, многихъ изъ нихъ безвозвратно губитъ въ столичномъ водоворотѣ, непроизводительно лишая провинцію людей дѣльныхъ и тѣмъ замѣтно понижая ея умственный уровень. Извѣстныя слова Lamennais „la centralisation amène à l'apoplexie du centre et à la paralysie des extremités“ получаютъ на практикѣ яркое подтвержденіе.

Наконецъ, если Петербургъ со своими канцеляріями и можетъ быть до извѣстной степени ознакомленнымъ, какъ со всѣмъ строемъ, такъ и со всѣми матеріальными и духовными потребностями коренныхъ русскихъ мѣстностей, такъ какъ лица, заполняющія его учрежденія, принадлежа къ нимъ по плоти и крови, сами составляютъ недѣлимую часть ихъ, то всестороннее ознакомленіе съ нуждами и даннымъ состояніемъ всѣхъ окраинъ Имперіи ему положительно не подъ силу. На это могутъ возразить, что многіе изъ служащихъ въ этихъ канцеляріяхъ провели нѣкоторую часть своей службы именно на окраинахъ, и, слѣдовательно, тамъ имѣли случай и возможность вполнѣ ознакомиться со всѣми ихъ племенными и экономическими особенностями. Но вѣдь жизнь идетъ впередъ, жизненный строй, духовное настроеніе населенія, волнующіе его вопросы подвергаются постояннымъ и значитель-

нымъ измѣненіямъ; появляются на сцену новые факторы, и это происходитъ какъ подъ вліяніемъ естественнаго національнаго развитія, такъ и подъ вліяніемъ принимаемыхъ властью мѣропріятій. Судить о пригодности и пользѣ какой-либо реформы по состоянію края не только двадцать, тридцать лѣтъ, тому назадъ, но даже и одного десятилѣтія немыслимо. Между тѣмъ, если на низшихъ должностяхъ въ Петербургѣ и служатъ лица, недавно жившія въ той или другой окраинѣ, то на высшихъ находятся лица въ большинствѣ случаевъ, если и знакомыя съ какой-либо изъ нихъ, то лишь въ ея давно прошедшемъ.

Для каждаго ясно, что человѣку тѣмъ труднѣе ознакомиться со страной, чѣмъ бо́льшая разница существуетъ въ условіяхъ быта и духовнаго строя ея съ бытомъ и строемъ его родины. Послѣднюю онъ незамѣтно для самого себя всесторонне изучалъ съ самаго дѣтства, она сказывается въ немъ самомъ, тогда какъ первая является для него чѣмъ-то не только совершенно новымъ, но и вполнѣ чуждымъ, при изученіи которой на разстояніи, теоретически, книжно, возможны самыя грубыя ошибки. Еще менѣе можно составить себѣ о нихъ правильное представленіе по канцелярскимъ отношеніямъ и донесеніямъ, всегда касающимся какого-либо отдѣльнаго вопроса, часто лишь подробностей его, но не дающимъ понятія объ общемъ состояніи края, объ его основныхъ, существенныхъ особенностяхъ. Что же касается до высшихъ государственныхъ задачъ, до національной идеи, которую мы призваны привить и воспитать во всѣхъ объединенныхъ подъ русской державой племенахъ, и которая одна должна служить главнымъ и постояннымъ руководящимъ началомъ во всѣхъ принимаемыхъ по отношеніи къ нимъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, то эти задачи, эта идея безусловно тонутъ въ облеченныхъ въ условныя формы и стереотипные обороты рѣчи канцелярскихъ бумагахъ. Разбиваясь на тысячу мелочей руководящая идея тускнѣетъ, исчезаетъ, какъ дымъ, среди узкихъ рамокъ бумажнаго дѣлопроизводства.

Нѣтъ, для того чтобы ознакомиться съ чуждымъ краемъ,

чтобы уразумѣть всѣ его особенности и плодотворно насаждать въ немъ русскую гражданственность, русскій духъ, русскую національно-государственную идею, необходимо войти въ непосредственное соприкосновеніе съ нимъ, близко ознакомиться со всѣмъ его внутреннимъ строемъ, со всѣми классами его населенія, быть въ курсѣ его современной жизни и волнующихъ или просто занимающихъ его въ данную минуту событій и вопросовъ. Разговоры съ эмиссарами края, какъ напримѣръ, съ представителями польской интеллигенціи въ Петербургскихъ пріемныхъ и гостинныхъ, этого знакомства никогда ни дадутъ; наоборотъ, они способны скорѣй дать совершенно превратное понятіе о немъ вслѣдствіе естественнаго стремленія этихъ эммиссаровъ представить все до него касающееся въ перекрашенномъ видѣ, въ желательномъ для своихъ личныхъ цѣлей освѣщеніи.

Въ виду всего этого починъ полезныхъ для края мѣропріятій, вполнѣ соотвѣтствующихъ его современному состоянію, можетъ исходить только отъ мѣстной власти, и притомъ такой, которая имѣла бы возможность обращать все свое вниманіе на существенную цѣль, преслѣдуемую государствомъ въ своихъ окраинахъ, не разбрасываясь на тысячу мелочей обыденной жизни.

Власть губернаторская, помимо того, что она распространяется лишь на малую часть всего края, совершенно не въ состояніи услѣдить за проведеніемъ задачъ государственныхъ. Погруженный въ разсмотрѣніе безчисленнымъ текущихъ дѣлъ, разбивая свое вниманіе между множествомъ требующихъ его немедленнаго разрѣшенія вопросовъ, губернаторъ не въ состояніи обхватить въ своей цѣлости теченіе народной жизни, не въ состояніи обнаружить нарождающіяся въ ней новыя явленія. Онъ, по пословицѣ, изъ за деревьевъ лѣса не видитъ.

Возвращаясь собственно къ Привисляньо, нельзя не усмотрѣть, что доведенная до крайности централизація въ высшей степени стѣсняетъ генералъ-губернаторовъ края въ ихъ стараніяхъ привести всѣ органы мѣстной власти къ однообразному пониманію тѣхъ цѣлей, къ которымъ они обязаны стре-

миться и тѣхъ способовъ дѣйствія, которыхъ они при этомъ должны придерживаться.

Правда, власть генералъ-губернатора за всѣмъ тѣмъ осталась обширной и вліяніе его на весь мѣстный строй несомнѣнно значительное, но однако почти исключительно въ области административной. Область эта разносторонняя, приходящая въ ближайшее соприкосновеніе съ народной жизнью во многихъ ея проявленіяхъ, а въ особенности въ ея уклоненіяхъ отъ нормы, отъ государственнаго и общественнаго порядка, но все же не всеобъемлющая. Посредствомъ администраціи генералъ-губернаторская власть распространяется почти на каждаго изъ обитателей края взятаго въ отдѣльности, но не на всѣхъ, или хотя бы многихъ, взятыхъ вмѣстѣ. Въ этомъ отношеніи власть эта не государственная, а полицейская, карающая, пресѣкающая, но не созидательная и воспитательная.

Все это ставитъ генералъ-губернатора въ положеніе крайне тягостное, обращаетъ его изъ высшаго предстателя интересовъ края и его жителей почти исключительно въ главнаго укротителя волнующихъ ихъ страстей.

Самая существенная сторона дѣятельности русской власти—воспитаніе подростающихъ поколѣній,—совершенно изъята изъ его компетенціи, велась, какъ мы видѣли, отчасти вопреки его указаніямъ и это несмотря на то, что эти указанія въ принципѣ раздѣлялись высшими правительственными сферами. Между тѣмъ законъ прямо указываетъ на то, что генералъ-губернаторъ обязанъ обращать особое вниманіе на воспитаніе юношества. Не менѣе важный вопросъ о подчиненіи римско-католическихъ духовныхъ семинарій надзору правительственному также до сихъ поръ не получилъ надлежащаго разрѣшенія и тормазомъ тутъ является опять-таки Петербургъ съ его канцеляріями. Да и не перечислить всѣхъ тѣхъ мѣропріятій и предположеній, какъ общаго, такъ даже и частнаго характера, которыя, несмотря на всѣ старанія мѣстной власти, безнадежно застряли въ петербургскихъ департаментахъ, не удостоившись даже обсужденія ихъ въ выс-

шихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Такимъ образомъ живая иниціатива во всѣхъ вопросахъ, клонящихся какъ къ процвѣтанію края, такъ и къ тѣснѣйшему его сліянію съ Имперіей, предоставлена генералъ-губернаторамъ лишь de jure, такъ какъ de facto громадное большинство ихъ представленій и предположеній, попадая въ петербургскія канцеляріи, находятъ себѣ тамъ вѣчное успокоеніе и забвеніе, въ лучшемъ же случаѣ выходятъ изъ нихъ по прошествіи столь долгаго срока, а главное до такой степени обезцвѣченными, урѣзанными и исковерканными, что отъ нихъ не остается и тѣни того, что они представляли первоначально. Медленность истекаетъ отъ той массы работы, которой завалены Министерства, стянувшія къ себѣ дѣла всей Имперіи, а урѣзываніе и обезличеніе проектовъ—отъ стремленія все подвести подъ одну мѣрку, подогнать подъ одинъ шаблонъ. Внѣшняя симметричность и наружное однообразіе, какъ извѣстно, представляютъ для многихъ верхъ порядка, идеалъ совершенства. Но живая, бьющая ключомъ жизнь чужда этой прямолинейности; она разбиваетъ тѣ геометрической формы ячейки, въ которыя силятся втѣснить ее, неизмѣнно течетъ изгибами, прихотливо извиваясь сообразно съ тѣми особенностями, которыя присущи каждому племени, каждой мѣстности.

Общественные вопросы, волнующіе Привислянье, причины, тормозящія его окончательное и полнѣйшее сліяніе съ центромъ Имперіи, безконечно разнообразны, сложны и запутаны. Успѣшное насажденіе въ немъ началъ русской государственности мыслимо лишь при всестороннемъ и близкомъ знакомствѣ со всѣмъ его общественно-политическимъ бытомъ, со всѣми его племенными особенностями.

Но этихъ мѣстныхъ особенностей петербургскія канцеляріи не только не знаютъ, но даже подчасъ не признаютъ. Всякій проектъ, основанный на этихъ особенностяхъ, имъ не понятенъ, а потому представляется страннымъ, звучитъ въ ихъ ушахъ рѣзкимъ диссонансомъ среди вырабатываемыхъ ими самими предположеній для центра Имперіи. Для обезпеченія клонящихся къ процвѣтанію края и усиленію въ немъ

русскаго народнаго духа предположеній генералъ-губернаторовъ отъ безконечнаго мытарства по безчисленнымъ петербургскимъ департаментамъ и канцеляріямъ существуетъ лишь одно средство—предоставить имъ право самостоятельно, помимо Министерствъ, вносить свои законопроекты въ подлежащія высшія учрежденія Имперіи—Комитетъ Министровъ и Государственный Совѣтъ. Лишь такимъ путемъ можно разсчитывать на ихъ проведеніе въ законодательномъ порядкѣ, безъ того уродованія, которому они подвергаются со стороны мелкихъ чиновъ министерскихъ управленій, составляющихъ въ своей совокупности силу огромную, хотя и неуловимую.

На долю петербургскихъ центральныхъ управленій останется за всѣмъ тѣмъ не мало дѣла и заботы, по отношенію къ тому же Привисланью, какъ въ области экономической, гдѣ единство съ центромъ крайне желательно, такъ и въ области охраненія его отъ могущественнаго иноземнаго вліянія; Римъ и Вѣна—вотъ тѣ два центра, на которые долженъ воздѣйствовать Петербургъ, для скорѣйшаго разрѣшенія такъ-называемаго польскаго вопроса.

У насъ нерѣдко высказывается мнѣніе, что мы сами искусственно отдѣляемъ наши окраины отъ центра, путемъ выдѣленія ихъ изъ общаго порядка управленія; такимъ же образомъ мы создаемъ между ними и ядромъ страны искусственныя преграды; достаточно же уничтожить эти преграды, чтобы никакой ощутительной разницы между различными частями Имперіи не стало. Мнѣніе это нельзя не признать ребяческимъ, если только оно не подсказано коварствомъ.

Дѣйствительно, что можетъ болѣе содѣйствовать обособленности края, предоставленіе ли его внутреннимъ силамъ широкой возможности развиваться въ своемъ естественномъ духѣ,—къ чему должна стремиться администрація въ центрѣ страны,—или умѣлое направленіе ихъ въ духѣ русской національно-государственной идеи,—что составляетъ задачу власти на окраинахъ? Полагать, что распространяя тѣ же административныя формы, примѣняя однообразныя мѣропріятія къ различнымъ по племенному составу и экономическому быту

ная власть въ краѣ постоянно разъясняла подчиненнымъ ей чинамъ, что администрація ни при какихъ обстоятельствахъ не имѣетъ права помимо законодательной власти придавать законамъ иной смыслъ, иное значеніе чѣмъ какой законы эти имѣютъ по своему разуму. Что же касается того, что каждый генер.-губернаторъ вноситъ въ управленіе нѣчто свое, личное, то это несомнѣнно, да иначе и быть не можетъ: вѣдь законъ бездушенъ, мертвъ, и каждый исполняющій его въ большой или меньшей степени вноситъ что-либо свое, личное; во сто кратъ лучше чтобы это личное исходило отъ лица, облеченнаго довѣріемъ отъ верховной власти и было одно для всего края, распространялось на всѣ отрасли правительственной въ немъ дѣятельности, нежели исходило бы отъ десятковъ, даже сотенъ лицъ, облеченныхъ меньшимъ довѣріемъ, а, слѣдовательно, не постолько посвященныхъ во всѣ сокровенные взгляды и предположенія той власти, которая одна въ Россіи призвана рѣшать вопросы государственные. Наконецъ, если даже предположить, что всѣ эти лица вполнѣ находятся на высотѣ своего призванія, то все же дѣйствуя порознь они не въ состояніи придти къ тому однообразію, которое необходимо при преслѣдованіи культурныхъ задачъ. На это могутъ возразить, что нерѣдко случалось, что главные начальники края и притомъ именно въ Привисляньѣ руководствовались своими личными воззрѣніями и симпатіями и не достаточно подчинялись общей программѣ, принятой правительствомъ во всей его внутренней политикѣ.

Дѣйствительно, послѣ возстанія 63-го года, всѣ главные начальники польской окраины отличались въ большей или меньшей степени недружелюбнымъ отношеніемъ къ правительственной политикѣ, положенной въ основаніе послѣдовавшихъ за возстаніемъ реформъ въ Привисляньѣ, если не во всемъ объемѣ этой политики, то, по крайней мѣрѣ, въ значительной ея части.

Мы уже имѣли случай указать на отношенія графовъ Берга и Коцебу къ крестьянской реформѣ; объ генералѣ Альбединскомъ нечего говорить — его до крайности субъективная

политика давно стала легендарной. Но однако и эти представители высшей власти въ краѣ никогда не дерзали открыто противодѣйствовать правительственной программѣ, произвольно толковать или дополнять законъ. Главнымъ упрекомъ имъ слѣдуетъ поставить то, что они дѣятельно не способствовали къ проведенію этой программы въ жизнь, а плывя постоянно между двумя теченіями, не подвигались никуда, не дѣлали ничего, а это уже само по себѣ тяжкій грѣхъ.

Однако въ свое оправданіе они могли бы не безъ основанія указать на то, что и вся правительственная политика въ ту эпоху, когда они дѣйствовали, отличалась необыкновенной двойственностью, отсутствіемъ ясно начертанной и неуклонно проводимой программы, рѣзкими уклоненіями въ сторону, вслѣдствіе чего самыя рѣшительныя мѣры и реформы почитались одними лишь за временныя, тогда какъ другіе видѣли въ нихъ лишь первые робкіе шаги на пути дальнѣйшихъ преобразованій.

Въ особенности ясно сказывалась эта двойственность въ постоянныхъ и подчасъ рѣзкихъ противорѣчіяхъ между дѣятельностью законодательной и исполнительной. Приведеніе въ дѣйствіе почти всѣхъ великихъ реформъ 60-хъ годовъ поручалось не тѣмъ лицамъ, которыя принимали выдающееся участіе въ ихъ разработкѣ, а, наоборотъ, возлагалося на людей, имъ явно враждебныхъ. Такимъ балансированіемъ между двумя рѣзко различными направленіями, на которыя въ то время раздѣлялись не только общественные круги наши, но и правящія сферы, думали удовлетворить обѣ стороны и на дѣлѣ, разумѣется, не удовлетворяли ни одной, а лишь вносили явный разладъ во всю правительственную дѣятельность.

Наравнѣ съ прочими не избѣгли этой участи и правительственныя мѣропріятія, принимавшіяся по отношенію къ Привислянью. Въ польскомъ вопросѣ указанная двойственность была въ особенности ощутительна во время существованія въ Варшавѣ учредительнаго комитета по дѣламъ царства Польскаго. Въ то время образовались въ Петербургѣ два воюющіе лагеря, изъ коихъ одинъ съ жаромъ поддерживалъ по-

литику Милютина и Черкасскаго, а другой ее всячески дискредитировалъ, доходя даже до обвиненія инициаторовъ въ соціализмѣ и революціонныхъ вожделѣніяхъ. И каждая изъ этихъ партій имѣла сильныхъ представителей въ правительственномъ синклитѣ не разъ одерживая серьезныя побѣды въ желательномъ для себя направленіи.

Вслѣдствіе этого нельзя сказать, чтобы гр. Коцебу, а въ особенности гр. Бергъ вели бы личную политику во ввѣренномъ ихъ управленію краѣ; можно даже полагать, что отношеніе гр. Берга къ крестьянской реформѣ въ Привислиньѣ, этому краеугольному камню Милютинской программы - и являлось причиной столь продолжительнаго сохраненія его на постѣ намѣстника.

Лишь съ воцареніемъ Императора Александра III пріобрѣла правительственная политика цѣлостность и последовательность. Своей непреклонной волей покойный Государь съ корнемъ вырвалъ изъ всѣхъ исполнителей своихъ предначертаній не только попытку, но даже и мысль о возможности какихъ-либо особыхъ между ними стремленій, цѣль коихъ косвенными путями воздѣйствовать на рѣшенія Самодержца.

Партіи, дѣйствительно, исчезли, и произошло это какъ благодаря тому, что царская программа отличалась необыкновенной ясностью, опредѣленностью и законченностью, такъ и, въ особенности, вслѣдствіе безусловной ея гармоніи съ потребностями, сознанными всей землей нашей. Дѣйствительно, [illegible]

Коль скоро правительственная политика утратила свою двойственность, исчезла возможность у отдѣльныхъ представителей власти согласовать свои дѣйствія не съ духомъ закона и повелѣніями царскими, а съ собственными мнѣніями и симпатіями, а это уже само по себѣ обезпечивало правильный ходъ сложнаго государственнаго механизма и вело всю страну, какъ къ процвѣтанію ея отдѣльныхъ частей, такъ и къ объединенію его въ единое крѣпкое цѣлое.

Исторія народовъ въ своемъ роковомъ непреложномъ ходѣ не справляется со взглядами и стремленіями отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлыхъ партій; она неизмѣнно является логическимъ послѣдствіемъ суммы всѣхъ нравственныхъ, умственныхъ и физическихъ свойствъ народа, взятаго какъ цѣлое.

Но народъ, какъ сцѣпленіе и соединеніе множества безконечно разнообразныхъ въ своихъ субъективныхъ подробностяхъ силъ и желаній, не обладаетъ ясно выраженной мыслью и волей. Выразителями его всегда являются отдѣльныя лица. И вотъ чѣмъ большей обладаютъ лица, стоящія у кормила власти, проникновенностью въ народную душу и сознаніе, тѣмъ вѣрнѣе, а слѣдовательно и быстрѣе ведутъ они страну къ ея конечнымъ цѣлямъ, къ исполненію ея культурно-историческихъ задачъ; этой-то проникновенностью въ высшей степени обладалъ покойный Императоръ.

Національная политика минувшаго Царствованія не составляетъ, конечно, въ исторіи Россіи что-либо новое, ей дотолѣ неизвѣстное. Она составляла краеугольный камень всей исторической жизни до Петровской Руси, благодаря ей развернувшейся въ обширнѣйшее государство Европы; ея основными положеніями руководствовался геній Екатерины; она же ясно сказывалась во многихъ дѣйствіяхъ власти при Императорѣ Николаѣ; наконецъ, ею же были вдохновлены великія реформы царствованія Александра Николаевича. Безсмертная заслуга Императора Александра III состоитъ въ томъ, что онъ привелъ въ ясную систему, въ конкретную, осязаемую форму, то, что̀ до него большинствомъ страны сознавалось лишь смутно.

Въ польскомъ вопросѣ можетъ быть въ особенности выпукло выступило это значеніе сознательности и ясности. Дѣйствительно, руководящія начала, положенныя съ 60-хъ годовъ въ основаніе всей правительственной программы въ Привисляньѣ, не подверглись за прошлое царствованіе ни малѣйшему измѣненію, однако сила и вліяніе ихъ возрасли неимовѣрно, и это лишь благодаря тому, что были раскрыты ихъ истинные смыслъ и значеніе. Изъ мѣръ карательныхъ, будто бы вызванныхъ лишь особыми причинами, имъ предшествовавшими, и направленныхъ исключительно противъ неспокойныхъ антигосударственныхъ элементовъ края, каковыми силились представить эти мѣры, какъ поляки, такъ и союзники ихъ въ русской средѣ, они превратились въ организаціонныя, воспитательныя, клонящіяся къ устроенію края на русскихъ началахъ. Это значеніе, какъ по существу своему, такъ и по мысли ихъ вдохновителей, имѣли они съ самаго момента принятія ихъ правительствомъ, но благодаря недостаточно ясному пониманію, самими исполнителями, истиннаго ихъ характера и истекавшей вслѣдствіе этого неустойчивости въ ихъ принѣненіи, смыслъ ихъ былъ затемненъ въ сознаніи какъ жителей края, такъ и русскаго общества. Почитая эти мѣры за кару, вызванную возстаніемъ, поляки придавали имъ характеръ временный, послѣднее же, лишая ихъ незыблемости, естественно поддерживало у польскихъ патріотовъ надежду на скорую ихъ отмѣну, въ высшей степени содѣйствовало ихъ упорному нежеланію имъ подчиниться.

Съ того же момента, когда выяснены были истинные смыслъ и цѣль всей *русской* политики въ Привисляньѣ, измѣненіе или отмѣна ея стала немыслима. Для всѣхъ и каждаго стало яснымъ, что проведеніе ея въ жизнь органами правительственными можетъ прекратиться лишь съ того момента, когда эту задачу возьметъ на себя большинство самой интеллигенціи края — что и будетъ знаменовать разрѣшеніе вѣковой распри двухъ родственныхъ племенъ, велѣніемъ судьбы связанныхъ въ одно неразрывное политическое цѣлое.

Настоящіе очерки, какъ свидѣтельствуетъ и названіе ихъ, не имѣютъ притязанія на нѣчто законченное и всестороннее: многія явленія въ краѣ затронуты въ нихъ лишь вскользь, а нѣкоторыя обойдены полнымъ молчаніемъ. Такъ совершенно не коснулись мы чрезвычайно важнаго наблюдаемаго въ краѣ явленія—быстраго увеличенія числа безземельныхъ крестьянъ; не сказали мы ничего и объ одной изъ существеннѣйшихъ задачъ власти—женскомъ воспитаніи, а отъ его постановки несомнѣнно во многомъ зависитъ поступательный ходъ русскаго дѣла. Тѣмъ не менѣе и по этимъ наброскамъ общественно-политическаго быта польской окраины, мнится намъ, можно судить, сколь многочисленны, сложны и обширны задачи русской власти въ Привисляньѣ, какъ разнообразны и пестры враждебныя намъ силы его.

Упрямо держащаяся своихъ давно отжившихъ идеаловъ, вольнолюбивая и по природѣ своей быстро увлекающаяся шляхта; сильная своими связями и богатствомъ, послушно, изъ-за популярности, слѣдующая за шляхтой магнатерія; стойкое въ преслѣдованіи намѣченныхъ имъ задачъ, обладающее мудростью змія и его же увертливостью, р.-к. духовенство; космополитическое, всемѣрно подтачивающее благосостояніе края, еврейство; сохранившій всѣ свои національные идеалы, густо засѣвшій на порубежной чертѣ и свившій себѣ прочныя гнѣзда во многихъ мѣстностяхъ края нѣмецкій пришелецъ—вотъ тѣ силы, которыя сообразно ихъ внутреннимъ качествамъ, иныя явно, иныя тайно, иныя съ жаромъ и необдуманностью, иныя съ хладнокровіемъ и послѣдовательностью, не всѣ съ одинаковой злобой, не всѣ съ одинаково ясно намѣченной цѣлью, то сообща, то врозь, стремятся къ сверженію и умаленію русской власти въ краѣ. И всѣ эти силы дѣйствуютъ не исключительно собственными средствами, питаются не только своими соками: за каждой изъ нихъ стоитъ какая-либо организованная сила иноземная, являющаяся для нѣкоторыхъ лишь подспорьемъ, для другихъ

же руководителемъ и вожакомъ. Шляхта разжигается родственными ей силами Галиціи, а по временамъ подзадоривается и Вѣной; магнатерія орудуетъ въ высшихъ Петербургскихъ сферахъ и нерѣдко заручается ихъ благосклонностію; р.-к. духовенство представляетъ остріе той шпаги, рукоять которой въ Римѣ, а конецъ—вездѣ; еврейство стойко поддерживается его милліонерами-сородичами, захватившими въ свои загребистыя лапы, какъ богатство, такъ и власть во многихъ государствахъ Европы; нѣмецъ, утративъ германское подданство, не утратилъ связей съ своей родиной и ея правительствомъ, дѣятельно способствующимъ сохраненію въ немъ его тевтонской обособленности.

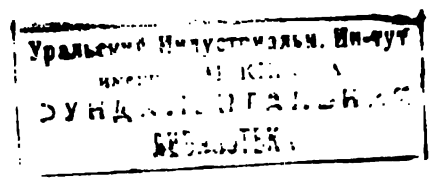
Такимъ образомъ въ Привисляньѣ сосредоточились, а отчасти и сплотились почти всѣ враждебныя намъ силы Европы, получая подчасъ столь же неожиданную, сколь пагубную для русскаго дѣла поддержку изъ Петербурга отъ нашей непростительной легкомысленности.

Одинъ этотъ голый перечень достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о тѣхъ громадныхъ трудностяхъ, съ которыми приходится бороться русскимъ дѣятелямъ въ краѣ. Однако господство наше въ Привисляньѣ не лишено почвы,—зиждется оно на прочномъ основаніи; все сельское населеніе края—вотъ краеугольный камень русскаго тамъ владычества, вѣрнѣйшій залогъ его прочности. И вотъ эту-то почву стремятся вырвать у насъ явныя и тайныя враждебныя намъ силы Привислянья. Съ этой цѣлью, какъ политиканы изъ шляхты, такъ и многіе представители римско-католическаго духовенства поставили себѣ ближайшею задачей возбудить въ народныхъ массахъ спеціально польскія тенденціи; среди этихъ же массъ, хотя и съ иными своекорыстными цѣлями, дѣйствуетъ еврейство, расшатывая ихъ матеріальное благосостояніе, и тѣмъ подготовляя ихъ къ воспріятію ученія еще одной тлетворной силы, орудующей въ краѣ—международнаго соціализма.

Оберегать почву, на коей основано наше господство въ Привисляньѣ, дабы и она въ годину бурь не загорѣлась у

насъ подъ ногами,—вотъ первая и главная обязанность власть имущихъ, а ради этого должны они обратить всѣ свои заботы на воспитаніе народа въ правилахъ нравственности и вѣры, въ духѣ вѣрноподданности престолу и вѣрнопреданности Россіи.

Сельское населеніе—камень прочный, но постояннымъ на него воздѣйствіемъ и его можно превратить въ сыпучій песокъ, представляющій не опору, а предательски разступающійся подъ всякимъ давленіемъ. При недостаточно заботливомъ и бдительномъ надзорѣ за его крѣпостью и цѣльностью мы легко можемъ проглядѣть это превращеніе и лишь въ минуту испытанія съ ужасомъ удостовѣриться, что „не брегоша его зиждущіе“!



Уральский Индустриальн. Ин-тут
имени
Фундаментальная
библиотека

Шкафъ VII
Полка 6
№ 1623.

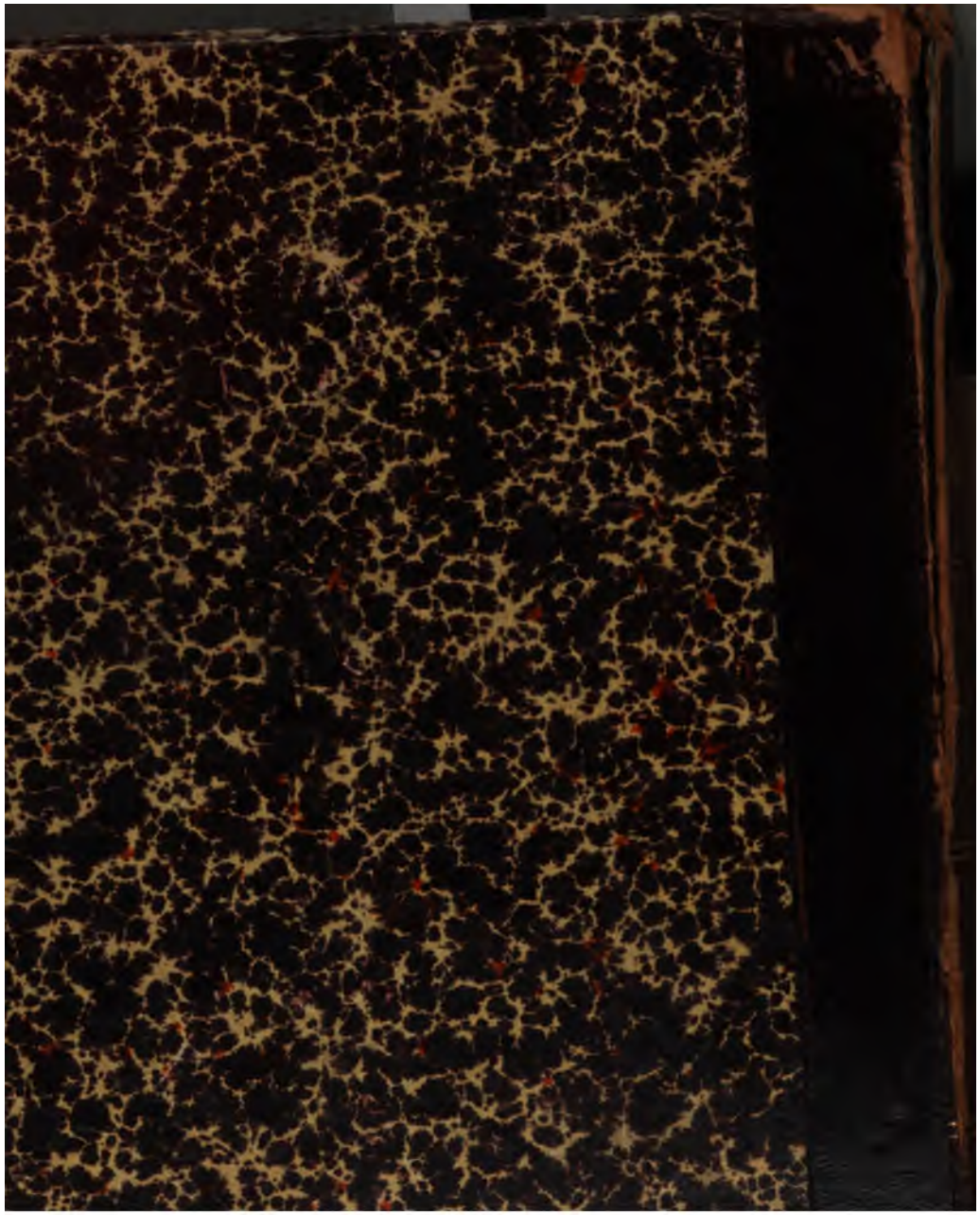
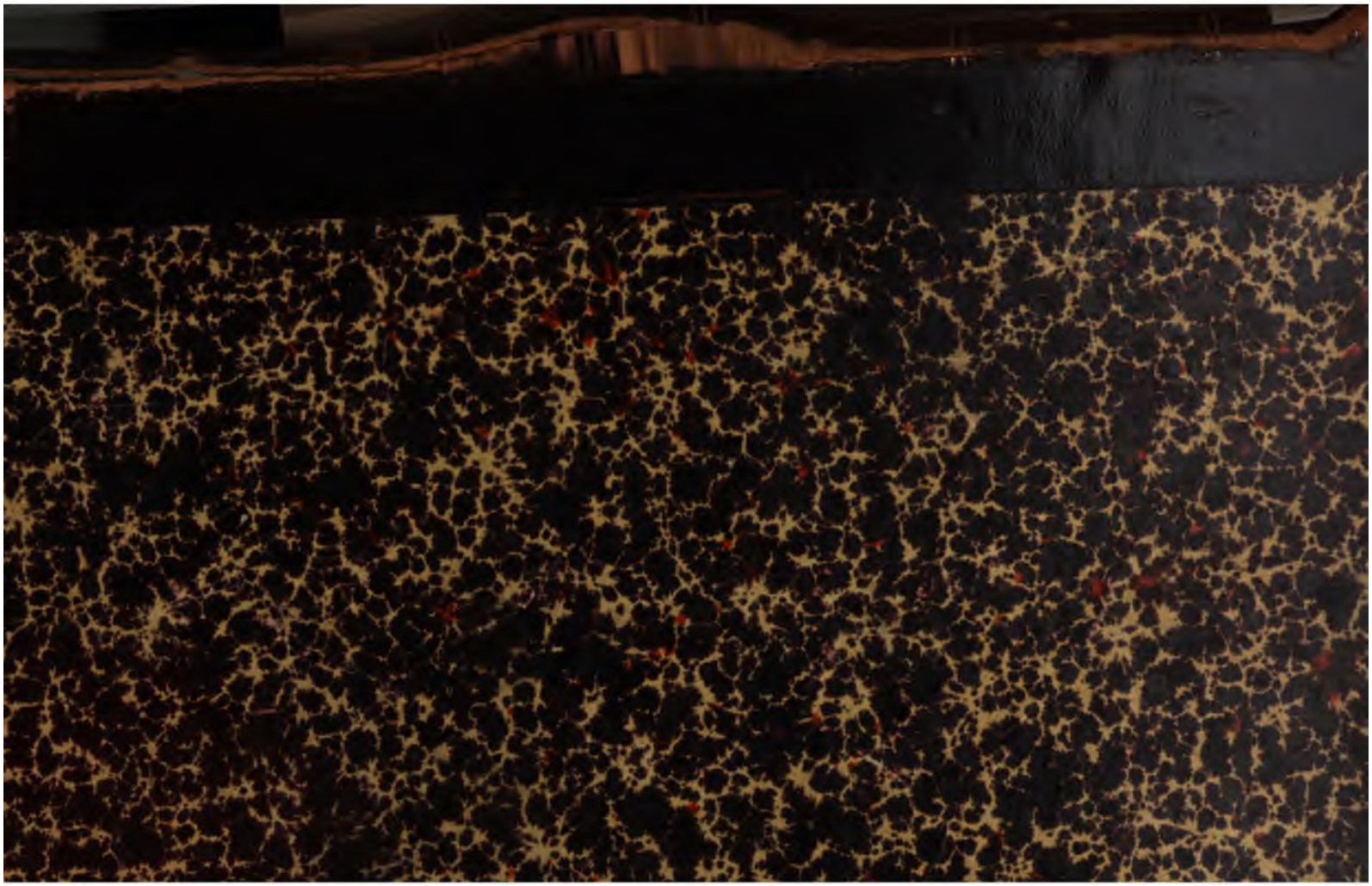
DB 499 .03 C.1
Ocherki Privislian'ia.
Stanford University Libraries
3 6105 036 968 969

DB
499
.03

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

AUG 0 5 1994
AUG 0 8 1994
JUN 0 3 1999
JUN 25 1999

1620